Ю. М. Иванов

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Москва
Издатель Карпов Е.В.
2007

УДК 94(47)"19/20":338.24.021.8
ББК 63.3(2)
И20

Иванов Ю. М.
И20 Социальная история России в свете трансформации экономических отношений в конце XIX века – начале XXI века / Ю. М. Иванов. – М. : Карпов Е.В., 2007. – 465 с.

ISBN 978-5-9598-0087-1

Иванов Юрий Михайлович – выпускник философского факультета МГУ 1952-го года. Кандидат экономических наук, доктор исторических наук. Профессиональная специализация – социальная история в свете трансформации экономических отношений. С 1970 г. работал в Институте международного рабочего движения РАН. В 1994 г. за профнепригодностью был уволен дирекцией на пенсию. Оказавшись на пенсии, продолжаю работать по социально-экономическим проблемам.

УДК 94(47)"19/20":338.24.021.8
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9598-0087-1

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящается памяти отца, Иванова Михаила Николаевича, и матери, Цывкиной Рейзл Давидовны, отдававших все силы, чтобы помочь преодолеть препоны антисемитизма на пути моих занятий наукой.

ОТ АВТОРА

Когда в российской, а порой и в зарубежной, печати пишут о холокосте, отмечая в лучшем случае лишь антисемитизм отдельных наших чиновников, то анализ обычно сводится к обоснованию утверждения о том, что Россия была главным противником Гитлера и потому спасительницей евреев от полного нацистского уничтожения.[1] При этом сознательно либо невольно умалчивается, что в холокосте участвовали не только гитлеровцы, но и партийно-государственный аппарат коммунистической России, где антисемитские гонения порой перерастали в массовые уничтожения евреев в концлагерях и спецпоселениях.

Отвратительные погромы и подлые ограничения на занятия общественной и государственной деятельностью существовали для евреев СССР и ряда коммунистических стран Европы в течение многих лет после поражения гитлеризма. Что же касается нынешних совместных выступлений коммунистов и фашистов, то это лишь современное проявление их старой общности – совместной ненависти к еврейскому народу, обостренной теперь существованием процветающего государства Израиль.[2]

Неискушенному читателю, не познавшему на себе всех «прелестей» коммунистического режима, может показаться странным, что, имея фамилию Иванов, ее носитель мог иметь трудности с устройством на работу вообще и занятиями наукой в частности. Подобные иллюзии могут возникнуть потому, что не учитывается существование как в гитлеровской Германии, так и в сталинском СССР одного и того же анкетного пятого пункта, в котором

---

[1] С этой точки зрения одной из наиболее типичных является книга Константина Симонова "Стихотворения. Размышления". Екатеринбург, 2005, где все сводится к традиционному коммунистическому восхвалению "подвига партии, армии и народа".

[2] Примером такого трогательного содружества может служить книга Ю. Мухина "Как уродуют историю твоей родины?" М., 2005. Подзаголовок ее "вступления" обозначен фразой «Зачем фальсифицируется история России евреями».

требовалось указывать национальность не только отца и матери, но и их ближайших родственников. Я не говорю уже здесь о своих семитских, быть может, некрасивых, но для меня вполне подходящих чертах, которые также при необходимости можно было использовать для доказательства сионистского происхождения моего генеалогического древа.

Чтобы заняться наукой, мне пришлось почти 10 лет выискивать малейшую возможность, сулившую хотя бы отдаленную перспективу стать научным сотрудником. То, что я, в конце концов, стал кандидатом экономических наук и доктором исторических наук, это итог не столько упорной работы, сколько счастливого стечения обстоятельств. Обстоятельств, которых у многих, зачастую более талантливых, чем я евреев, не было, и они у себя на родине, оставались за бортом науки, вынужденные перебиваться бог весть какими заработками.[3]

За многие годы научной работы мне довелось иметь дело со многими выдающимися исследователями, так или иначе разделявшими мои научные убеждения либо оказывавшими помощь в решении возникавших проблем. В их числе замечательный ученый, мой научный руководитель Максимов Михаил Алексеевич, который дал мне путевку в научную жизнь, В. Я. Аболтин, Р. А. Ульяновский, Н. А. Симония, А. А. Поляк и многие другие. Всех их здесь невозможно перечислить. Будучи прекрасными знатоками своих стран, они предлагали нестандартные, расходившиеся с официальными подходы к решению общевостоковедческих проблем.

Талантливые российские ученые, как правило, отвергали антисемитизм. Для них это было своеобразной формой негласного протеста против навязанных им сверху постыдных директив. Гонения евреев были уделом ущербных, тех, кто не умея и не желая заниматься наукой, строил свою карьеру на рьяном выполнении, как правило, конъюнктурных, тупиковых в научном отношении установок, лейтмотивом которых была борьба с злокознями сионизма.

---

[3] О том, как это было, ярко рассказано в известной книге Шноля С. Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997.

Чтобы излагать свои мысли на понятном читателю языке, мне пришлось у многих учиться. Среди них не могу не выделить Панасьянц Мариам Давидовну. В течение многих лет она редактировала мои публикации в издательстве «Восточная литература». У нее я учился азам литературного изложения научного материала. До сих пор, когда я пытаюсь сформулировать свою мысль, я часто спрашиваю себя, что бы сказала по поводу того или иного варианта Мариам Давидовна.

Большую помощь в публикации моих работ оказывают дети и внуки. Когда мне было 75 лет, они буквально заставили меня впервые сесть за компьютер. С их помощью я освоил набор текста и его редактирование. Они же помогают мне макетировать мои издания.

ВВЕДЕНИЕ

С момента своего возникновения российское государство – неотделимая составная часть Европы. В то же время степень его интеграции с ней не была стабильной. Тесные контакты с европейскими странами периодически сменялись искусственной изоляцией от остальной Европы.

Немалую роль в этой искусственной изоляции сыграл тот факт, что наиболее интегрированными были пограничные территории – Финляндия, Прибалтика, Польша, отчасти Украина, отстаивавшие сохранение уже сложившихся европейских связей в противовес ухищрениям российских властей. Возникавшие на этой почве конфликты периодически порождали войны, выливавшиеся во взаимные территориальные претензии воюющих сторон.

Пробитое Петром Первым «окно в Европу» не устранило противоречий между Россией и завоеванными странами. В то время как европейские связи способствовали здесь постепенной ликвидации личной зависимости, в самой России эти же самые связи на базе роста барщины способствовали вторичному закрепощению крестьян.

Указанные противоречия еще больше обострились после отмены крепостничества в 1861 г., проведенного в условиях сохранения самодержавия и права помещиков распоряжаться землей. На западных национальных окраинах ширились отношения наемного труда. На европейской территории России использование наемного труда сплошь да рядом продолжало оставаться невыгодным, порождая и в городе и в деревне обширные слои деклассированного населения, вынужденного периодически существовать за счет отработок за пищу, одежду и прочее. Позднее эти слои стали социальной опорой захвативших власть большевиков.

Аналогичная ситуация сложилась и в большинстве стран Азии и Африки, где на базе рыночных связей метрополий с колониями в невиданных до этого масштабах множились массы деклассированного населения, зачастую определявшие социальный характер антиколониальной борьбы. Ирония истории: Россия, постоянно стремившаяся приобщиться к социальным процессам, протекавшим в

Европе, с приходом к власти большевиков утратила исторически сложившиеся контакты с последней, превратившись в образец для подражания отсталых колониальных стран, где к власти приходили деклассированные слои.

Может ли Западная Европа быть для нас образцом? – риторически ставил вопрос Ленин и отвечал: «может быть mutatis mutandis (с соответственными изменениями), но не иначе как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения мировой истории)».[1] Но то, что казалось и действительно было незначительным с точки зрения мировой истории, на весьма длительном ее отрезке стало несчастьем для населения громадной страны, все более отстававшей по производительности труда, жизненному уровню масс и достижений демократии от развитых стран. Основа их успехов – рыночная экономика. Основа нашей отсталости – тоталитарные преграды на пути ее развития. На всем протяжении истории коммунистического правления делалось все, чтобы ограничивать либо пресекать любые поползновения к возникновению рыночных отношений.

С тех пор прошло немало лет. Рынок уже давно доказал необходимость своего существования. Тем не менее, противостояние его сторонников и противников продолжается. Но теперь оно сместилось в сферу дискуссий об использовании громадных золотовалютных резервов, накопленных Госбанком за годы рыночной перестройки экономики.

Объединенные движением «Единая Россия», рыночники добиваются использования этих резервов, чтобы претворить в жизнь целевые социальные программы, связанные со снижением инфляции. Они исходят из того, что подлинные рыночные отношения без изобилия товаров, предлагаемых потребителю, невозможны.

Иная позиция КПРФ и иже с ними. Они предлагают тратить золотовалютные резервы, не «пугаясь», как они говорят, инфляции. На деле это означает, что, как и в советские времена, возродится изобилие денег при дефиците

---

[1] Ленин В. И. О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова. Т. 45. С. 379.

товаров, подразумевающее административное распределение последних чиновниками. Кроме чудовищного чиновничьего обогащения за счет обнищания народа и разгула коррупции, по сравнению с которой сегодняшняя покажется сущим пустяком, эта мера не может ничего дать.[2]

Тем не менее, именно разбазаривание золотовалютных резервов, не считаясь со взлетом инфляции, служит оселком всех программных установок предлагаемых движением, возглавляемым КПРФ. В связи с этим КПРФ требует деприватизировать «украденную у народа» (читай у коммунистических чиновников) собственность, сделав всеобъемлющим бюджетное финансирование на базе милитаризации страны. С этой же целью вновь предлагается возродить Советский Союз лишенных независимости республик. Иначе говоря, в то время как у «Единой России» идеалы социальной трансформации устремлены в будущее, у движения КПРФ они устремлены в прошлое.

Сегодня призыв к идеалам советской эпохи служит лейтмотивом как явно коммунистических, так и примыкающих к ним изданий, публикуемых, в частности, многими академическими институтами. В связи с этим на щит поднимается покоившаяся на жесточайшем насилии сталинская эпоха и непогрешимость ее вождя. Единственным его недостатком, оказывается, была чрезмерная доверчивость к обманывавшим его людям.

Именно в таком ключе, например, трактуются наши поражения в начале второй мировой войны. По утверждению сталинистов, Советский Союз уже в 1941 г. в основном был готов к войне с Германией, и его армия в целом не уступала немецкой. Лишь внезапное нападение коварного Гитлера, словам которого поверил Сталин, обеспечило превосходство фашистской армии в начальный период войны.

---

[2] Фактически это было бы узаконенным возрождением патриархально-феодального по форме (но не по существу) кормления нечистых на руку чиновников. Как известно, в истории России еще Петр Первый энергично выкорчевывал подобную систему. В резолюции на челобитную воевод о том, что среди них есть честные люди, которых отменой кормления нельзя пускать по миру, он писал: "сия вошь всегда сама себя прокормит".

Все заслуги в разгроме фашизма коммунисты традиционно приписывают Сталину и его клевретам, утверждавшим, что народ безгранично поддерживал проводимую им политику. На деле это была беспардонная выдумка. Народ ненавидел иноземных захватчиков, народ ненавидел уничтожавший его сталинизм.

С именем Сталина связана и жестокая волна преследования евреев в нашей стране.

Не случайно выходцы из России стали ведущими создателями государства Израиль, защитившего евреев от любых форм государственного и бытового антисемитизма.

Известно, что сталинская непогрешимость покоилась на фальсификации фактов. Публиковавшиеся в советской печати и закрытых документах статистические выкладки так или иначе служили обоснованием правдоподобия его утверждений. Об этом следует помнить особенно сегодня, когда Институтом российской истории РАН публикуется множество материалов печальной памяти сталинской эпохи. Их некритические публикации сознательно либо невольно служат пропагандой той самой политики террора, которую, уничтожая народы, проводил Сталин. Ее давно следует законодательно запретить наряду с пропагандой кровавой политики Гитлера.

Человек – существо изначально общественное. Его социальные отношения имеют множество аспектов, например, рождаемость, рост производительности труда, потребление наркотиков, регулирование транспорта, секс и т. п. Практически нет такой деятельности, которую невозможно было бы рассмотреть под социальным углом. Лишь в наше время прикладная социология превратилась в России в самостоятельную науку благодаря научному подвигу покойного Юрия Александровича Левады, теоретически обосновавшего и доказавшего возможность изучения социальных проблем вне рамок исторического материализма.

Наша же задача заключается в другом – в исследовании социальной истории России конца XIX века – начала XXI века в свете исторического материализма. Или, иначе говоря, с точки зрения трансформации экономических отношений, под которыми имеются в виду ее

производственные отношения, обусловленные развитием производительных сил.

Сегодня, когда сплошь да рядом сыплются проклятия в адрес марксизма с обвинениями его во всех смертных бедах, мы гордимся тем, что продолжаем следовать принципам материалистического понимания социальной истории. Нам представляются наивными утверждения многих велеречивых политиков о том, что все наши беды проистекают из-за того, что до них не знали открытых ими истин, обоснование которых они нередко видят в небесных знамениях, указаниях астрологов и т. д.

Растущие на наших глазах, как грибы после дождя, религиозные секты за деньги обещают все, начиная от неслыханного обогащения, обретения неземной любви и кончая воскрешением из мертвых. Коммунисты отвергают секты. Свои земные устремления они увязывают со знамениями русской православной церкви. Посещать православную церковь для членов КПРФ во главе с их вождем Зюгановым стало обязательным партийным долгом, демонстрирующим православные связи компартии с русским народом.

Естественно, что грезы о православном коммунизме подобно небесному раю удалены от марксизма на миллионы световых лет. Не менее удален марксизм и от земных коммунистических деяний. Среди них злобный антисемитизм, доказывающий публике, что евреи со своим государством Израиль являются источником главных бед несчастного русского народа. Как известно, Маркс и Ленин имели прямое отношение к многострадальному еврейскому племени: отец Маркса был еврей, Мать Ленина – еврейкой. И тот и другой внесли весомый вклад в исследование социальной истории, составляя гордость того самого народа, который сегодня так облыжно охаивается на страницах коммунистической печати.

Антисемитизм – компонент социальной истории российского народа. Начало антисемитским гонениям положило самодержавие, его преемниками стали большевики, представлявшие евреев главными виновниками страданий многонациональных россиян.

Чем дальше отделяет нас время от прихода к власти коммунистов, тем больше нарастает их реакционность.

Сегодня в Российской Федерации нет более массовой политической силы, чем движение, возглавляемое КПРФ, добивающееся возврата тоталитаризма вместе с национальной и религиозной ксенофобией.

Утешает одно: как показывают события последних лет, такие рассадники тоталитаризма как Куба, КНДР и т.д. в ближайшие годы сойдут на нет. Рынок все настойчивее стучится им в дверь, которую независимо от того, хотят того или нет стоящие у власти, предстоит широко открыть.

Приступая к исследованию, автор исходил из того, что разработанная марксизмом схема социалистических отношений страдает крайней односторонностью, зато предложенный им метод (порой в зародышевой форме, в виде отрывочных высказываний) позволяет уяснить многое не только о капитализме, но и о социалистической действительности как тоталитарной, так и посттоталитарной.

Указанный метод сводится, прежде всего, к анализу диалектики противоречий труда, создающего потребительную стоимость и стоимость. Его недостатки отнюдь не перечеркивают значимость разработанной Марксом теории прибавочной стоимости, исследование которой он считал лучшим из того, что им было написано в «Капитале». «Самое лучшее в моей книге, – писал Маркс, оценивая свой труд: 1) Подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование прибавочной стоимости *независимо от ее особых форм*: прибыли, процента, земельной ренты и т. д. Исследование этих особых форм в классической политической экономии, которая постоянно смешивает их с общей формой, представляет собой olla Potrida».[3]

Именно противоречия между теми, кто создает прибавочную стоимость и теми, кто ее присваивает, определяют, по нашему мнению, социальную структуру общества и при капитализме, и при социализме, перехода к которому добивались марксисты. Изучая эти вопросы, мы

---

[3] Olla Potrida (лат.) – сумбур. Маркс К. Письмо Энгельсу в Манчестер (Лондон) 24 августа 1967 г. Т. 31. С. 277.

старались следовать марксовому завету: «идти своей дорогой, и пусть люди говорят, что угодно». Насколько это удалось автору, судить читателю.

В ходе исследования мы неоднократно цитировали Маркса не только для того, чтобы выявить историческую значимость выдвинутых им положений, но и чтобы раскрыть ограниченность его анализа, обусловленного как социальными отношениями эпохи, в которой ему пришлось творить, так и общим состоянием науки. Иногда по ходу изложения в разных контекстах нам приходилось повторять одни и те же цитаты. Думается, что этот прием дает читателю большую возможность проследить логику решений рассматриваемых нами задач.

Излагая немарксистские течения, мы отнюдь не собирались давать их развернутую критику. Цель заключалась в другом: проследить тенденции развития основного их спектра, а также выявить особенности решения ими ключевых политэкономических проблем.

Предлагаемая книга посвящена эволюции социальных отношений в свете экономических пертурбаций изучаемой эпохи. Политические проблемы в ней рассматриваются лишь походя, поскольку это было необходимо для раскрытия основного содержания текста.

Глава «На пути свержения царизма» написана совместно с покойным заместителем директора Института сравнительной политологии РАН Сергеем Васильевичем Прониным – талантливым организатором и крупнейшим знатоком потребительской кооперации, сыгравшей немалую роль в ограблении коммунистами советского народа. Его смерть, несомненно, создала дополнительные трудности при дальнейшей разработке темы.

За годы научной работы я имел счастье общаться с неординарными людьми – руководителем Экспортфильма Пеновым Георгием Ивановичем, главным редактором экономической редакции издательства «Мир» Силиным Виктором Михайловичем, заведующим информотделом АПН Шундеевым Владимиром Михайловичем. Их добрые советы сыграли немалую роль в решении не только научных, но и житейских проблем. К сожалению их уже нет. Светлая им память.

В процессе исследования мне пришлось работать в ведущих библиотеках и архивах Москвы и Петербурга. Без высокого профессионализма сотрудников этих учреждений, их умения и желания оказывать помощь читателям предлагаемая книга вряд ли могла появиться на свет. В этой связи мне особенно хочется поблагодарить работников «исторички» и «ленинки», где я провел больше всего времени. Их понимание прошлого и происходящего сплошь да рядом умнее и дальновиднее представлений многих политиков, считающих свои печатные и устные выступления эталоном мудрости на все времена.

Научная значимость книги определяется продолжительностью полемики сторонников и противников ее автора. Если полемики нет, значит, книга ничего нового читателю не дала, и ее не стоило публиковать. Правда, бывает, что вначале книга пылится на полках и лишь потом оказывается в центре дискуссий. Но предвидеть заранее такие случаи невозможно.

Наибольшие возможности исследования имеют авторы, не связанные с какими-либо организациями, ибо организации обычно учитывают конъюнктурные соображения вышестоящих инстанций. Слова гоголевских персонажей до сих пор жизненны: «Не приведи бог служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек».

Социальную историю России я изучаю примерно пятнадцать лет. За это время опубликована уйма статей и монографий, в которых нетрудно обнаружить разночтения, нестыковки, противоречия и т.п. Мое текущее видение возникающих проблем читатель может найти в предлагаемой книге.

НА ПУТИ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА

*Люди, хвалившиеся тем, что **сделали** революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что **сделанная** революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать.*

Ф. Энгельс

В конце XIX в. вопрос свержения самодержавия был ключевым. Ответ на него порождал противоречивые толки, ведущее место в которых занимали прогнозы социального будущего России. Вал изданий, начиная от народнических и кончая марксистскими, заполонял книжный рынок. Среди них по обилию использованного статистического и фактического материала выделялась работа Ленина «Развитие капитализма в России». В ней доказывалось, что в России утвердился капитализм. Большинство населения – наемные рабочие. Позднее его выводы послужили основой для разработки большевистских установок борьбы за социализм.

В своей концепции Ленин шаблонно руководствовался марксовой схемой развития капитализма. Наиболее полно схема была разработана на английском материале. Поэтому многие национальные черты становления капитализма в России оказались им неисследованными. Его развитие здесь по времени началось значительно позже и происходило на качественно иной материальной основе, чем это было в Англии.

Обратимся к фактам. К началу XX в. Россия была отсталой крестьянской страной, где на долю горожан приходилось чуть более 10% ее населения. Причем большинство из них в крупнейших центрах фабрично-заводского производства составляли пришедшие на заработки крестьяне. В частности, доля последних в городском населении Петербурга равнялась 57,6%, в

городском населении Москвы – 75,3%.[1] Основной контингент фабрик и заводов – одинокие выходцы из деревни, получавшие за ручной труд низкую заработную плату. В отличие от них на Западе уже давно сложился городской рабочий класс с достаточно высокой зарплатой, чтобы вытеснять ручной труд.

С точки зрения массового наплыва сельского населения в города, Россия отнюдь не уникальна. Эта стадия развития капитализма в свое время была пройдена ведущими странами Западной Европы, в частности, Англией и Францией. Однако в отличие от России конца XIX в. здесь свободные крестьяне задолго до зарождения фабричного производства с семьями сгонялись с земли, чтобы еще в XVI столетии, на заре зарождения мануфактуры, посредством жесточайших мер приучить их трудиться на владельцев капитала.

Как известно, Ленин выделял три стадии развития промышленного капитализма в России: от независимого ремесленного производства к мануфактуре, а затем к фабрике. Он ошибочно полагал, что Россия повторяла тот путь, по которому развивался капитализм в промышленности Западной Европы.

Его постановка вопроса в ряде моментов существенно отличалась от марксовой, которая нам представляется более верной. По Марксу, независимое ремесленное производство отнюдь не является исторической стадией развития промышленного капитализма. «Исторически капиталистическая форма кооперации, – пишет он, – развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и *независимому ремесленному производству* (курсив наш – Ю И. и С.П.) , все равно имеет ли это последнее цеховую форму или нет».[2] Между тем именно кооперация, или, иначе, говоря по Марксу, «действие большего числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда)

---

[1] Население городов С-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го января 1897 года. Составлено Центральным статистическим комитетом на основании подсчетов местных особых комиссий. С-Петербург, 1898. С. 13, 19.

[2] Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1949. С. 341.

для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства».[3]

Указанная простейшая кооперация под командой капиталиста «на одном и том же поле труда для производства одного и того же сорта товаров» не обязательно происходит под одной крышей. Она может осуществляться не только в мастерской, но и надомниками, и в том и в другом случае еще окончательно не порвавшими с земледелием. Об этом прекрасно писал сам Ленин: «Отрезав мелкого промышленника от рынка готовых изделий, скупщик отрезывает его теперь от рынка сырья и тем самым окончательно подчиняет себе кустаря. От этой формы остается уже только один шаг до той высшей формы торгового капитала, когда скупщик прямо раздает материал «кустарям» на выработку за определенную плату. Кустарь становится de facto наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста; торговый капитал скупщика переходит в промышленный капитал».[4]

Только с этого момента собственно и начиналась эксплуатация ремесленника промышленным капиталом. Его владелец покупал уже не товар, а труд (точнее рабочую силу) производителя, что качественно меняло их прежние отношения. Положение тех, кто «работает у себя на дому, – обосновано подчеркивает Маркс, – но не на себя, а на капиталиста (Fabricant, etablisseur), совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков».[5]

Другое дело, что этого ремесленника с более или менее приемлемыми навыками труда торговый капитал сплошь да рядом находил в готовом виде – в виде крестьянина, удовлетворявшего в прошлом свои собственные нужды домашним изготовлением ремесленных изделий. Но как только рынок пробил брешь в натуральной замкнутости его хозяйства, а вместе с ним стала насущной потребность в

[3] Там же. С. 328.

[4] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Т. III. С. 385.

[5] Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1949. С. 351.

деньгах, на сцене сразу же появлялся превращавшийся в промышленного капиталиста скупщик, который посредством ссуд сырья и денег низводил его de facto до положения наемного рабочего, обрекая его на узкий профессионализм и специализацию. При этом «техника, – как справедливо пишет Ленин, – приковывает рабочего к одной специальности и потому делает его, с одной стороны, негодным для земледелия (слабосильным и пр.), с другой стороны, требует непрерывного и продолжительного занятия мастерством».[6]

По утверждению Ленина, сельское ремесло, начиная с производства на заказ потребителя, спонтанно превращалось в работу по найму. Между тем в действительности такое превращение, как он сам прекрасно показал, совершалось лишь в тех случаях, когда в хозяйство производителя ремесленных изделий вторгался капитал скупщика, превращавшегося в промышленного капиталиста.

Тезис Ленина о спонтанности развития кустарного производства в качестве начальной стадии развития промышленного капитализма, служил ему обоснованием для утверждения о том, что домашние промыслы в российской деревне уже в целом разрушены, что они уже отделились от земледелия, чего в действительности еще не было. «Домашние промыслы, – отмечает он, – составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, *остатки* (курсив наш – Ю.И. и С.П.) которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство... Однако сколько-нибудь широкое распространение домашней промышленности можно констатировать в настоящее время только в редких наиболее захолустных местностях; к числу их принадлежала, например, до последнего времени Сибирь. Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое».[7] В борьбе с народниками Ленин явно преувеличил уровень развития аграрного капитализма, доказывая как уже свершившийся факт отделение ремесла от земледелия.

В действительности домашняя промышленность продолжала повсеместно существовать и в европейской

[6] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Т. III. С. 336.

[7] Там же. С. 254.

России, составляя основу полунатуральной деревенской жизни. Крестьяне повсюду плели лапти, изготовляли для своих нужд изделия изо льна, конопли, дерева и т. д. Сказанное не исключает того, что, как писал Ленин, ремесло, будучи составной частью городского производства и быта, существовало и в деревнях, развиваясь на капиталистических началах. «Известный процент сельского населения, – указывал он, в частности, – представляют из себя специалисты – ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.».[8] Причем сплошь да рядом это был не конечный, а промежуточный продукт, предназначенный для конечной доработки в городе.

Именно это ориентированное на город ремесло становилось в деревне объектом эксплуатации скупщиков. Но оно отнюдь не было, как считал Ленин, придатком капиталистической мануфактуры. Последней в России никогда не было, как, впрочем, ее не было и на всем Востоке. Относительно Востока первым, кто из коммунистов в России отметил этот факт, по-видимому, был Троцкий, утверждавший, что, если в метрополиях капитализм «органически развивался от ремесла через мануфактуру к современной индустрии, то на Востоке он «бросает туда готовые машины, сотрясает там и подрывает старую экономическую базу».[9]

Известно, что та мануфактура, которая существовала у нас с петровских времен, базировалась не на наемном труде, а на труде приписанных, прикрепленных к земле, крестьян, для которых труд на заводах был разновидностью барщины. Связь таких мануфактур с развитием капитализма обнаруживалась лишь тогда, когда их продукция (прежде всего металл) экспортировался в Англию – глобальную мастерскую рождавшегося капиталистического мира.

На это противоречие между докапиталистическими формами производства заморских стран, экспортировавших в

---

[8] Там же. С. 255.

[9] Trotcky I. The Third International after Lenin. N. Y., 1936. P. 208-209.

Англию свою продукцию, и его капиталистической природой указывал еще Маркс, писавший, что «если владельцев плантаций (имеются в виду владельцы рабовладельческих плантаций – Ю. И. и С. П.) в Америке мы теперь не только называем капиталистами, но они и на самом деле являются таковыми, то это происходит потому, что они существуют как аномалии в условиях рынка, покоящегося на свободном труде».[10] Такой же составной частью «мирового рынка, покоящегося на свободном труде» в огромной мере были и российские мануфактуры XVIII в. точно так же, как феодальные хозяйства прусских помещиков, для которых позднее, во второй половине XVIII столетия Англия стала крупнейшим рынком сбыта зерна и шерсти.

Заметим, что, то, что в середине XIX в. представлялось не типичным, представлялось отклонением от нормы, позднее приобрело глобальный характер, став неотъемлемой составной мирового капиталистического хозяйства. Повсюду в Африке, Азии и Латинской Америке хозяйства, производившие для мирового капиталистического рынка, покоились на труде, далеком от отношений свободного найма, хотя их целью было производство капиталистической прибыли.

Пока в России существовало крепостное право для капиталистических фабрик, призванных сменить феодальную мануфактуру, не было места. Единичные попытки их создать без государственных субсидий заканчивались крахом из-за отсутствия дешевых наемных работников. Ими не могли стать оброчные крестьяне, платившие помещикам непомерный денежный оброк.

Россия миновала стадию мануфактурного производства. После падения крепостного права наступила полоса промышленного переворота, который в наибольшей мере затронул текстильную промышленность и металлообработку. Подобно Англии эпохи становления машинного производства текстильная промышленность занимала ведущее место в индустриальном развитии России. Такое же место текстильная промышленность занимала и в ряде ведущих стран Востока, в частности, Индии и Китая,

---

[10] Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 46. Ч. 1. С. 505.

тогда как в Западной Европе машиностроение уже превратилось в ведущую отрасль.

Одно только российское производство хлопчатобумажных тканей по стоимости на 8% превышало продукцию металлургии, машиностроения и металлообработки вместе взятых.[11] Основным центром сосредоточения текстильной промышленности была Москва и примыкавшие к ней губернии. Основным центром металлообработки – Петербург. «Окно в Европу» позволяло с наименьшими затратами ввозить машины и оборудование из европейских стран, а также уголь из Англии и Германии. Столичное положение облегчало получение чрезвычайно выгодных казенных (прежде всего военных) заказов, требовавших использования западноевропейских технологий. Объектами милитаризованного развития были, в первую очередь, железные дороги и обслуживающие ее отрасли тяжелой промышленности (производство рельсов, подвижного состава), а также военные заводы.

Важно и то, что подобно аграрным странам Востока территориальная концентрация фабрично-заводской промышленности России носила очаговый характер. Именно сюда устремлялись на заработки крестьяне разорявшейся деревни. Согласно переписи 1897 г. доля пришлого населения Петербурга составляла 68,7%[12], что вполне сопоставимо с данными 1921 г. ведущего центра хлопчатобумажной промышленности Индии, – Бомбее, где 84% жителей не были уроженцами этого города.[13] В России, помимо Петербургской губернии, фабрично-заводская промышленность концентрировалась в Московской, Владимирской, Костромской и нескольких соседних губерниях Северо-запада. В черноземной зоне ее практически не было:

[11] Гиндин Ф. И. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в.// Вопросы истории. М., 1066. № 3. С. 51.

[12] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. XXXVII. Город С-Петербург. Тетрадь 2 и последняя. СПБ., 1903. С. XXII.

[13] Koh S. I. Stages of Industrial Development in Asia. A Comparative History of the Cotton Industry in Japan? China and Korea. Philadelphia. 1966. P. 114.

текстильные и металлообрабатывающие предприятия здесь в лучшем случае были представлены считанными единицами.

Что же касается промышленности Урала, то она сохраняла прямые пережитки средневековья и была далека от отношений наемного труда. «Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, – писал Ленин, – сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени – такова общая картина Урала».[14]

В условиях, когда полунатуральная деревня сама себя обувала, одевала, изготавливала свой незатейливый рабочий инвентарь (по переписи 1910 г в стране было 7,8 млн. сох и 2,2 млн. деревянных плуга) внутренний рынок для фабрично-заводской промышленности оставался чрезвычайно узким. Как писал В. П. Милютин, «Приблизительно 93,8% всего промышленного оборота и 68,6% общего количества торговых и промышленных предприятий сосредоточено в населенных пунктах, заключающих в себе 24,8% общего населения. Вся же остальная Европейская Россия с ее тремя четвертями представляет огромную массу, совершенно серую в торгово-промышленном отношении».[15]

Конечная продукция фабрично-заводской промышленности потреблялась преимущественно в городах и лишь отчасти зажиточной верхушкой деревни, тогда как основная масса многомиллионного крестьянства оставалась вне сферы ее воздействия. Еще более контрастно эта особенность исторического развития проявилась в то время в ряде ведущих аграрных стран Востока, где уже в конце XIX в. зародилась фабрично- заводская промышленность, в частности, в Индии и Китае. Фабрично-заводская

[14] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Т. III. С.379.

[15] Милютин В. П. Народное хозяйство советской России (Краткий очерк организации управления и положения промышленности Советской России) Иркутск, 1920. С.13.

промышленность здесь концентрировалась лишь в считанных городах – Бомбее, Калькутте, Шанхае и т. д., тогда как огромные пространства, пожалуй, были еще более «серыми в торгово-промышленном отношении», чем в России.

Преимущественный рост текстильной промышленности аграрных стран исторически повторял путь становления фабричного производства, который в свое время проходила Англия. Но из-за более позднего старта он уже не мог зеркально повторить многое из того, что происходило в этой стране. Англии потребовалось почти три четверти века, прежде чем здесь появилось машинное производство машин. В России же, как и в других аграрных странах, текстильному производству сопутствовало не машиностроение, а лишь обслуживающая его и военные нужды металлообработка, позволявшая производить простейшие операции с металлом и ремонтировать выходившие из строя агрегаты.

В отличие от английских, российские фабричные заведения имели значительно большую численность обслуживающего персонала. Так, согласно данным, приводимым Марксом в 1865 г. в 570 крупнейших текстильных заведений фабричных округов Ланкашира, Чешира и Йоркшира было занято 88913 чел. А это означает, что в среднем в одном заведении трудились по найму всего 155 чел.[16]

В России же, крупнейшие текстильные предприятия, как и металлообрабатывающие заводы, с самого начала сосредотачивали тысячи наемных работников. В 1903 г. в цензовой промышленности России, включавшей множество мелких и мельчайших заведений, доля заведений с числом занятых свыше 500 чел. составляла всего 4,1%, но на них приходилось 76,9% всех трудившихся в промышленности работников.[17] В 1914 г., согласно цензовой переписи, доля занятых на фабриках и заводах с числом свыше 1000 чел. в 1914 г. составляла 43,8%. Средняя численность персонала крупнейших российских предприятий равнялась 2490 чел.

[16] См. Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1949. С. 453.

[17] Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПБ, 1906. С. III.

Только в Петербурге было 14 заводов, где работало свыше 5000 чел.[18]

В условиях возраставшего спроса на текстильные изделия было выгодно наращивать их выпуск, используя методы фабричного производства. Однако при вопиющей дешевизне ручного труда использование этих методов неизбежно приобретало уродливый характер. Экономия труда за счет применения машин и механизмов сопровождалась хищническим его расточительством в результате роста ручных операций, связанных с обработкой, хранением, транспортировкой и т. д. гигантски возраставших объемов сырья. А это в свою очередь требовало значительно большего числа рабочих рук по сравнению с теми странами, где рост заработной платы стимулировал внедрение механизмов, замещавших рабочих. Большая численность рабочих в российских фабричных заведениях была важнейшим показателем их технической отсталости.

Российские фабричные заведения отличались от европейских не только численностью рабочих, но и их социальным составом. Российские рабочие, как правило, были одинокими выходцами из деревни, европейские – городскими семейными. В России начала XX в. наплыв из деревни желавших трудиться на фабриках был велик. Власти периодически его сдерживали. В Англии же середины XIX в. проживавшие в городах не желали трудиться в фабричных заведениях. Их ряды пополняли преимущественно семьи разорявшихся надомников и обитатели работных домов.

Роднило российские фабричные заведения начала XX в. с английскими середины XIX в. то, что тут и там еще не было, говоря марксовым языком, «расчлененной системы машин» превращающей предприятия в единую комбинированную машину. Применение машин носило изолированный характер, сохраняя множество ручных операций как при их обслуживании, так и при перемещении произведенного машинами продукта от одной стадии обработки к другой.

[18] Струмилин С. Почему мы первые у врат социализма//Экономическая жизнь. 10 июля 1920.

И на текстильных фабриках дореволюционной России и на английских текстильных предприятиях середины XIX в. производственная организация в целом была схожей. Ее черты с достаточной полнотой описаны Марксом в «Капитале», где он писал: «Существенное различие наблюдается между рабочими, которые заняты действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые заняты наблюдением за машиной двигателем и ее питанием), и между простыми подручными (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К подручным же в большей или меньшей степени относятся и все feeders [питатели] (которые просто подкладывают под машину материал труда). Наряду с этим главными категориями выступает количественно незначительный персонал, который занят наблюдение за всеми машинами и постоянной их починкой, например, инженеры, механики, столяры и т. д. Это – высший, частью научно образованный, частью ремесленный слой рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему. Это разделение труда носит чисто технический характер».[19] Оно порождалось используемыми машинами.

Подобное «чисто техническое» разделение труда существовало и на фабриках дореволюционной России. Различие же состояло лишь в том, что в качестве подручных рабочих здесь трудились не жены и дети «главных рабочих» – мастеровых, (хотя также применялся труд женщин и детей, но они, как правило, не имели с ними родственных связей). Почти все они были одинокими выходцами из деревни и приобретали элементарные навыки ручного труда не в семьях ремесленников-надомников, как это было в ряде стран Западной Европы, а либо в своих крестьянских хозяйствах либо непосредственно в фабричных заведениях.

Ленин же шаблонно калькировал марксову схему развития промышленного капитализма. Он утверждал, что искусные рабочие были подготовлены для фабричных заведений мануфактурой. «Крупная машинная индустрия, – ошибочно полагал он, – не могла бы так быстро развиваться

[19] Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1949. С. 426.

в пореформенный период, если бы позади не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой».[20]

В Англии машинное производство возникло, как подчеркивал Маркс, «на несоответствующем ему материальном базисе, когда изобретенные ремесленниками машины создавались еще не машинами, а искусными работниками ремесленного типа. Часть из них состояла «из самостоятельных ремесленников разных профессий, другая часть объединена в мануфактуры».[21] Как писал С. Поллард о том времени: «У тех, кто делал промышленную революцию, формальное обучение ограничивалось в основном уровнем сельской школы, причем всегда за формальным обучением следовало ученичество у местного ремесленника. Ставшие потом умельцами особенно в строительстве, металлообработке и торговле, они обогащали предпринимательский потенциал, пополняли управленческие кадры, становились движущей силой технического прогресса».[22]

Другое дело Россия, где машины еще в XIX в. в основном импортировались из-за границы либо изготавливались машинами с учетом достижений западноевропейских образцов. Таких машин было чрезвычайно мало – в 1913 г. в громадной стране было изготовлено всего 1754 станка простейших конструкций.[23] Разделение труда на фабриках порождалось импортированными машинами. Оно имело тот самый законченный технический характер, о котором мы говорили выше.

При таком разделении труда не оставалось места не только для домашинных форм разделения труда, но и для вмешательства капиталиста во внутрифабричный производственный процесс, упорядоченный используемыми машинами. Это обстоятельство позднее послужило основанием для утверждений марксистов о том, что

[20] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Т. III. С. 333.

[21] Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1949. С.388.

[22] Pollard S. The Genesis of Modern Management. L., 1965. P. 106.

[23] Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962. С. 166.

«вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке».[24]

В Англии еще на заре фабричного производства четко наметилось чисто фабричное разделение труда между исполнителями и надсмотрщиками за трудом или, говоря словами Маркса, «промышленными рядовыми и промышленными унтер-офицерами». «Унтер-офицеры» вербовались, прежде всего, из числа рабочих, непосредственно обслуживавших машины, поскольку они обладали навыками контроля труда неквалифицированных рабочих. Что же касается, инженеров, механиков, столяров и т. д., «стоящих вне круга фабричных рабочих», то это, конечно, были не рабочие, как полагал Маркс, а рождавшийся административно-технический персонал, который, упорядочивая работу машин, осуществлял контроль за работой «промышленных исполнителей».

Положение административно-технического персонала определяло его идеалы. Сознательно либо невольно его представители рассматривали общественные связи сквозь призму места, которое они занимали в фабричной организации труда. Фабричные порядки становились для них образцом общественного устройства, противостоящего, как они считали, порокам рыночной стихии: ее кризисам, непредвиденным падениям производства, массовым увольнениям, банкротствам фабричных заведений и т. д. На этой почве происходило, говоря Г. Перкина, «отчуждение от предпринимателей специалистов, игравших важную роль в критике свободы торговли и в росте требований перехода к коллективистским отношениям».[25]

Именно такие настроения отражали основоположники марксизма, утверждавшие, что «противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводятся как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе».[26] Естественно,

[24] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 17.

[25] Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1830. L., 1969. P. 429.

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 217.

что подобные требования «перехода к коллективистким отношениям» поддерживали и рабочие, имевшие свои счеты с предпринимателями.

Пока численность персонала фабричных заведений была относительно не велика, роль предпринимателя в повседневных фабричных делах почти целиком сводилась к установлению казарменного режима с целью интенсификации труда. «Он принуждал, – пишет Г. Перкин, – к пунктуальности, регулярному выходу на работу и прилежанию исполнителей – соблюдению ими стандартов качества и установленных норм выработки. Он же не допускал пьянства, ссор, беспорядков, не относящихся к делу разговоров, задержек возобновления работ в связи с приемом пищи и посещением туалетов; хвалил старательных и искусных, (в очень редких случаях награждал), ленивых и нерасторопных наказывал и штрафовал».[27] Фактически предприниматель олицетворял ненавидимого фабричным людом главного надсмотрщика. Его надзор был возможен, пока численность персонала была сравнительно невелика.

Иное дело в России, где ведущие фабрично-заводские предприятия насчитывали тысячи рабочих. Предприниматель здесь физически не мог уследить «за неотносящимися к делу разговорами рабочих», фиксировать время, проведенное ими в уборных и т. д. В связи с этим внутрифабричная служба надзора стихийно перешла к фабрично-заводской администрации, окончательно узурпировавшей эту функцию предпринимателя. Теперь сфера его деятельности ограничивалась манипуляцией финансами и решением вопросов стратегического развития. Само же внутрифабричное производство прибавочной стоимости целиком перешло к административному аппарату, возглавляемому советом директоров. Юридически этот переход был оформлен учреждением акционерных компаний, возникавших на базе государственного и частного капитала.

То, чему на Западе потребовалась почти вековая история фабричного производства текстиля, в России фактически появилось одновременно с зарождением фабрик. В 1861 г. в обработке волокнистых веществ насчитывалось 25 акционерных компаний, в металлургии и машиностроении –

[27] Perkin H. The Origins of Modern English Society... P. 113.

две. В 1900 г. число первых достигло 226, в 1914 . – 315, вторых в 1900 г. – 210, в 1914 г. – 262. [28] Как и на Западе, указанные акционерные компании с точки зрения современных корпоративных отношений еще находились на низшей стадии развития. Они не были подлинно общественными, представленными капиталами множества акционеров. Будучи общественным по форме, акционерный капитал обычно принадлежал крайне считанному числу учредителей (в том числе и иностранных), свидетельствуя тем самым о неразвитости российского фондового рынка.

Очень часто это были семейные и полусемейные организации. «В России, – пишет Шепелев, – акционерные компании были представлены акционерными обществами и равнозначными им в юридическом отношении паевыми обществами. В большинстве случаев паевые товарищества представляли собой семейные и полусемейные предприятия. В целях сохранения решающего влияния семьи в этих предприятиях устанавливались сравнительно крупные размеры наименьшего взноса в основной (паевой) капитал. В большинстве случаев паи были именными, продажа их посторонним лицам запрещалась. Если в акционерных обществах наиболее распространенной купюрой акций (соответствующей взносу акционера в основной капитал) были 100 и 250 – рублевые, то в паевых товариществах номинальная стоимость пая обычно составляла 2500-5000 руб.».[29]

Подобные компании акционерно-семейного типа превалировали тогда и в Западной Европе, в частности, в Англии, где, как пишет Г. Паркер, «возник новый класс крупного бизнеса, не соответствовавшего простой модели предпринимателя. Этот бизнес был логическим следствием роста масштабов производства, породившего нового индустриального собственника. На новом витке развития предприятия стали слишком велики для того, чтобы без выверенной системы поручений индивидуальный предприниматель либо его партнер мог выполнять функции

[28] Шепелев. Акционерное учредительство в России (историко-статистический очерк)//Из истории империализма в России. М.-Л., 1959. С. 152-153.

[29] Там же. С. 135.

собственника и менеджера. Гигантский семейный бизнес выжил. Но его владельцы уже не могли повседневно контролировать свой заведения. У них появились посредники – управляющие. Сами они превратились в отдаленных контролеров, решавших финансовые и общие дела стратегического развития. Их новому положению в набольшей мере соответствовала организация акционерных компаний».[30]

К началу XX в. на долю акционерно-паевых предприятий приходилось две трети промышленных капиталов. К 1914 г. их доля возросла до 86%[31] , что не исключает того, что на задворках крупных заведений существовало множество мелких и мельчайших заведений, базировавшихся на исключительном использовании ручного труда. Такие заведения в большом числе существовали не только в столицах, но и в других городах и местечках, а также в деревнях. Как известно, Ленин относил подобные заведения к мануфактурам, ошибочно называя их владельцев «мануфактуристами». В действительности же эти заведения так или иначе обслуживали акционерные компании. Они были их внешней сетью, посредством которой улавливалась прибавочная стоимость, создававшаяся вне фабрик и заводов.

Исторически предпосылкой появления подобной сети послужило изобретение швейной машины. Машиной, как обосновано указывает Маркс, которая сыграла решающе революционную роль, машиной, которая охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, например, производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпные промыслы и т. д., была швейная машина.[32]

В России громадную роль в ее применении сыграли те, кто в прошлом составлял многочисленную барскую челядь, обшивавшую и обувавшую господ и ее прислугу, следуя в зависимости от господских предпочтений парижской моде или моде a la russ. Будучи в 1861 г. освобождены от

[30] Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1880/ L., 1969. P. 430.

[31] Там же. С. 156.

[32] Маркс К. Капитал.., С.477.

крепостной зависимости без земли (в Англии роспуск феодальной челяди происходил еще на рубеже XV-XVI веков), они хлынули в города, где покупателями их продукции становились состоятельные люди. Высшие же сановники предпочитали одеваться и обуваться в парижских салонах. Этих же выходцы из барской челяди и их потомки пополняли кадры умельцев, трудившиеся в ресторанах, трактирах, кондитерских и других заведениях.

Справедливости ради, следует отметить, что Ленин по-своему отметил эту связь крупного производства с мелким, называя «придатками фабрик», а не акционерных компаний, различные разновидности ручного труда. В сравнении с народническими представлениями такой подход был несомненным прогрессом, ибо народники рассматривали подобные разновидности ручного труда в качестве внедеревенских общинных институтов. Однако роднило его с народническим видением то, что российские марксисты относили акционерные общества к организациям феодального порядка.

«Придатком фабрики, – писал Ленин, – мы называем те формы наемного труда в мелкой промышленности, существование которых непосредственно связано с фабрикой. Сюда относятся, прежде всего, (в известной своей части) лесные и строительные рабочие... Далее, сюда относятся рабочие на торфяных болотах, разрабатываемых иногда самими владельцами фабрик, возчики, грузчики, укладчики товара и вообще так называемые чернорабочие... Затем некоторые вспомогательные для фабрики работы ведутся мелкими «самостоятельными» промышленниками... Когда фабрика ограничивается производством полуфабриката, она вызывает иногда к жизни мелкие промыслы, занятые дальнейшей обработкой его; например, механическое производство пряжи дало толчок кустарному ткачеству, около горных заводов появляются «кустари», производящие металлические изделия и пр.».[33]

Хотя указанные Лениным разнорабочие и обслуживали фабрику, их нельзя причислять к фабрично-заводскому пролетариату. В большинстве случаев они трудились артельно, в том числе и на территории фабрик.

[33] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Т. III. С. 417-418.

Глава артели договаривался с фабричными подрядчиками о расценках, за счет отчислений от которых он сам существовал. Артельщики же находились у него в беспросветной долговой кабале. Еще в деревне до начала сезона работы, он раздавал под будущий заработок денежные ссуды, которые они обязаны были отработать.

Подобные артели существовали и в Западной Европе на стадии становления фабричного производства (в «Капитале» они подробно описаны Марксом). В фабричных центрах Востока в начале XX в. они были повсеместны. В Египте руководителей таких артелей называли «раисами», в Индии – «сардарами», «мистри», в Китае – «старшинками» и т. д. В английской научной литературе их нередко называют джобберами. Все они под разными названиями выступали в роли субподрядчиков рабочей силы и в качестве таковых получали известную долю прибавочной стоимости из зарплаты артельщиков. Джобберы опутывали долгами прежде всего тех, кто проживал в сельских округах, уроженцами которых они были сами. Иначе говоря, с вербованными у них были особо прочные социальные связи, в том числе и по линии родства.

К фабрично-заводским рабочим нельзя причислять и трудившихся по найму в мелких заведениях, где они находились под непосредственным надзором предпринимателей. Основные противоречия здесь концентрировались между наемными работниками и хозяевами, вводившими в своих заведениях казарменный режим с целью максимизации производства прибавочной стоимости.

Трудившиеся по найму представляли весьма пеструю страту, в которой далеко не все были наемными рабочими. В своих подсчетах Ленин огульно завышал их численность. По его утверждению, «к ним относилось около половины взрослого мужского населения страны».[34] Если добавить сюда трудившихся по найму женщин и детей, то окажется, что Россия уже созрела для решающей роли пролетариата в революции, что она может стать детонатором социалистической революции в Европе. Статистические выкладки Ленина социальной структуры населения России

[34] Там же. С. 454.

служили обоснованием будущей тактики большевиков, отвергавших ведущую роль крестьянства в грядущей революции.

В конце XIX в. окончательно рухнул единый фронт против царизма. Он рас кололся на тех, кто видел в общинном крестьянстве главную опору грядущей социалистической революции и теми, кто такой опорой считал пролетариат. Те, кто видел в общинном крестьянстве главную опору грядущих социалистических преобразований, первоначально находили подтверждение своих представлений в высказываниях социалистов-утопистов. Наибольшим влиянием среди них пользовался Фурье. Фурье, по словам Энгельса, «гениально предвосхитил бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно».[35] Он одним из первых обосновал социалистический характер акционерных обществ – прообраз своих фаланг – где он выделил владельцев акционерного капитала, директоров и тех, кто трудился под их началом.

Позднее многие народники находили обоснование своих убеждений в высказываниях Маркс о том, что община при победе революции на Западе позволит избежать стадии капиталистического развития. Народники были первыми переводчиками и пропагандистами идей Маркса в России. И те, кто считал в грядущей социалистической революции ведущей силой крестьянство, и те, кто такой силой считал пролетариат в своих теоретических подходах, были в равной степени тоталитарны. Они исходили из ликвидации рынка с заменой его натуральным распределением потребительных стоимостей.

В своем раскладе Ленин под термином пролетариат объединял всех, продававших рабочую силу. На деле по социальному положению они не были одинаковыми. Среди них наибольшим революционным потенциалом обладали фабрично-заводские рабочие. К ним мы относим лишь тех, кто трудился на крупных предприятиях, где организацией производства прибавочной стоимости непосредственно руководил возглавлявшийся директорами административно-управленческий персонал.

---

[35] Маркс К. Энгельс Ф. Т. 18. С. 499.

С его появлением раскол фабричной армии наемного труда на тех, кто создавал прибавочную стоимость, и тех, кто существовал за ее счет, приобрел завершенный вид. Если рабочие, продавая рабочую силу, воспроизводили ее стоимость посредством необходимого труда и сверх нее создавали прибавочную стоимость, то административно-управленческий персонал во главе с директорами, распоряжаясь в пределах фабрики от имени капитала рабочей силой и средствами производства, существовал за счет доли создаваемой рабочими прибавочной стоимости.

Указанная особенность оплаты труда управленческого персонала, ее политэкономическое содержание, была отмечено еще Марксом. «Часть заработной платы на основе капиталистического способа производства, – указывает он, – выступает как *интегральная составная часть прибыли* (курсив наш – Ю. И. и С. П.). Эта часть, как правильно установил уже Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны, – от той части прибыли, которая остается за вычетом процента, как так называемый предпринимательский доход, выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размер и т. д. которых допускают такое разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего».[36]

Лишь крупные предприятия допускали такое разделение труда, при котором организация внутрифабричного производства прибавочной стоимости целиком становилась делом навязывавшего свою волю административно-управленческого персонала. «Комбинированная деятельность, – подчеркивал Энгельс, – означает организацию», обусловленную «навязыванием чужой воли», «навязыванием подчинения». «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности, – писал он, – значит желать уничтожения самой промышленности».[37]

---

[36] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

[37] Энгельс Ф. Т. 18. С. 302, 303.

В связи с этим на крупных фабриках и заводах России основные противоречия фокусировались не на противоречиях между рабочими и владельцами капитала, а на противоречиях между рабочими и фабрично-заводским управленческим персоналом, непосредственно принуждавшим их к непосильному труду. «Администрация и рабочие, – пишет Н. И. Воробьев в одном из документов того времени, – это два враждующие лагеря; они ведут постоянную войну между собой. Низшая администрация – табельщики, надсмотрщики и мастера, наушничают, оскорбляют женщин, притесняют рабочих, берут взятки. Грубое обращение с рабочими это обязательный «хороший тон» у администрации».[38] Что касается владельцев предприятий, то для рабочих они обычно были представителями внефабричного мира, случаи общения с которыми были чрезвычайно редки.

Сегодня наш книжный рынок как никогда переполнен сентиментальными описаниями того, как члены императорской фамилии и фабриканты трогательно заботились о благополучии и здоровье рабочих. В этой связи обратимся к фактам. «По данным М. Давидовича, – пишет Э. Э. Крузе, – в 1908 г. бюджеты всех опрошенных петербургских семейных текстильщиков (41 чел.) были на 25-30% ниже нормы необходимого жизненного минимума».[39] При этом следует учитывать, что М. Давидович обследовал рабочих, получавших зарплату выше среднего уровня. Согласно бюджетному обследованию того же времени С. Н. Прокоповича «средняя заработная плата петербургских рабочих равнялась 300-350 руб., а при заработке до 400 руб. в год рабочий не мог жениться».[40]

Текстильщики жили впроголодь. «Бесполезный излишек углеводов и белковое голодание, пишет М. Давидович, – вот сжатая характеристика питания нашего

[38] К экономическому положению рабочих в русской промышленности. (по поручению музея Содействия труду составил Н. И. Воробьев). М., 1907. С. 16.

[39] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912-1914 годах. М.-Л., 1961. С. 115.

[40] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900-1914 г.г. Л., 1976. С. 237.

ткача и с ним среднего петербургского рабочего... Теперь понятно, почему ткачи изредка по праздникам поджаривают печенку: потому, как гласит один отзыв, что «печенка помогает от куриной слепоты» – болезни, как известно, являющейся результатом крайнего физического истощения»[41]

Еще в середине XIX Энгельс справедливо отмечал, «то, как удовлетворяется потребность в жилье, – может служить мерилом того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих».[42] С точки зрения этого мерила не трудно оценить, как отвратительно удовлетворялись все их потребности. Петербургские текстильщики проживали в сколоченных на скорую руку продуваемых деревянных домах. «Можно сказать, – пишет М. Давидович, что какое бы помещение не занимал наш рабочий, размер его жилища всегда одинаков и очень не велик. Так по площади его жилище будет занимать всего 6 кв. аршин (3,03 кв. м. – прим. Ю. И. и С. П.), так что, если бы он занимал отдельную комнату, эта комната имела бы 3 аршина в длину и 2 аршина в ширину, что очень напоминает знаменитые темные карцеры в каторжных тюрьмах».[43]

Даже у тех, кто обзавелся семьей, набор вещей был чрезвычайно скудным. Без швейной машины, – пишет М. Давидович, – весь расход на собственно обстановку (исключая посуду) часто сводится к 20 к. на зеркальце, которое притом куплено по такому исключительно случаю, как мальчишка начал в школу ходить».[44] Спят либо на самодельных топчанах, либо на полу. «Рабочий часто обходится без простынь. Он нередко обходится и без кальсон: спит в штанах. То же, что мы особенно хотели бы указать, это постоянное отсутствие кальсон у женщин. Только у молодого поколения начинает входить в обиход эта часть белья. У матерей семьи нам ни разу не пришлось ее записать – когда нужно за дровами ехать на санках, надевает старые штаны мужа».[45]

[41] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий. М., б/г. С. 68.

[42] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Т. 2. С. 302.

[43] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий... С. 31.

[44] Там же. С. 36.

[45] Там же. С. 42.

Как мы уже писали, семейные рабочие были исключением из правила. «Жизнь текстильщика, – отмечают наблюдатели того времени, делается неприглядной из-за отсутствия семьи в городе; такой рабочий тратит на спиртные напитки 15,3% бюджета... Много тратит на алкоголь семья с матерью, работающей на фабрике: «Сухомятка, – отмечает М. Давидович, – требует перед собой «сотки» или «жулика», что и конкретно зарегистрировано в отдельных семьях без горячей пищи. Пьянство является наиболее распространенным явлением среди рабочих, ютящимся по угловым квартирам, снимающим койки».[46] И это не удивительно. Ютясь по угловым квартирам, снимая койки, проживая в беспросветной нищете и грязи, они были лишены всех наслаждений, кроме полового и пьянства.

С целью снижения издержек на рабочую силу управленческий аппарат текстильных фабрик не гнушался по мере возможности использовать труд малолетних. По данным переписи 1897 г. в городах дети начинали трудиться с 10 лет. Их отправляли сюда «в большом числе и более равномерно как мальчиков, так и девочек и в учение и главным образом на заработки».[47]

Проживая в чудовищной нищете, изматываясь на непосильной работе, трудовой век текстильщика был коротким. «Почти три четверти, указывалось в итогах переписи 1897 г., – (73,5%), находящихся в Петербурге крестьян и две трети крестьянок принадлежат к возрасту от 10 до 39 лет, т. е. самому лучшему возрасту для обучения и работы. После 40 лет остается крестьян только 15,5%, крестьянок больше 21,3%... Пришлого населения в СПБ 68,7% и только 31,3% – уроженцы столицы».[48] За исключением погибавших от травм, утратившие здоровье возвращались в деревни. Те, кто после 40 лет оставался в городе, как правило, относились к страте, имевшей в городе другие источники дохода.

[46] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России ... С. 69.

[47] Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Город С-Петербург. Тетрадь 2 и последняя... С. XI.

[48] Там же. С.XXII.

В Петербурге уровень заработной платы был самый высокий в стране. В связи с этим несомненный интерес представляют показатели жизненного уровня текстильщиков в таких центрах текстильной промышленности, как, например, Иваново-Вознесенск. Как пишет Н. И. Воробьев, рабочие Иваново-Вознесенска проживали в слободках, главная из которых называется Ямами. Они застроены небольшими, крестьянского типа, избами без всяких надворных построек, за исключением небольшой будочки вместо клозета. Нередко, впрочем, и будочка отсутствует».[49]

Очень немногие квартиры заняты одной семьей. «Размеры квартир по абсолютному объему разнятся между собой мало, каждая квартира представляет одну комнату, которая служит и кухней, и спальней, и столовой для всех жильцов». Общей постелью служит пол.[50]

В отличие от изб слободок, в рабочих казармах (спальнях) проживали исключительно одинокие мужчины, семейные были исключением. Женских «спален» не было. Их не обнаружили ни на одной фабрике. В старых казармах все спали на нарах вповалку. В новых – нары заменены койками. «В видах экономии места, койки устроены весьма своеобразно. Четыре спальных места соединены вместе. Одна общая койка низенькими перегородками, образующими крест по средине койки, разделена на 4 места, и каждое место занято одним жильцом».[51] Один стол со стулом приходился на 10-12 чел.

«В казармах живут, – пишет Н. И. Воробьев, – главным образом одиночки, пришлые из отдаленных мест менее требовательные рабочие ситцепечатных отделений. Устройство общих спален казарменного типа – это пережиток старых порядков (статья опубликована в 1907 г.), когда рабочие на ивановских фабриках и мануфактурах жили в фабричных помещениях, в самих мастерских. Теперь эти помещения обособлены от мастерских, но характер временных ночлежных приютов с казарменным режимом

[49] К экономическому положению рабочих в русской промышленности... С. 3.

[50] Там же. С. 4, 5.

[51] Там же. С. 5.

уцелел. Обосноваться в этих казармах на постоянное житье семейному рабочему невозможно; это значило бы добровольно обрекать себя на каторжное жилье. И вольная квартира, как бы она не была плоха, все-таки лучше казармы».[52]

Крестьяне составляли боле 90% фабричного населения. Текучесть рабочей силы была чрезвычайно велика. 55% мужчин и женщин проживали в Ямах менее 5 лет. 44,8% дольше 5 лет. Около трети проживало здесь лишь первый год. На отдельных фабриках их было значительно больше, порой они составляли свыше половины рабочих.[53] Такая же высокая текучесть рабочей силы была и на фабриках Москвы. Так на Трехгорке в 1900 г. лишь 9,5% рабочих имели стаж свыше 10 лет.[54]

Большая текучесть рабочей силы было прямым следствием непосильного труда как взрослых, так и малолетних. В 1894-1895 гг. в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, малолетние и подростки составляли 10,4% рабочих.[55] Согласно сведениям по Московской губернии за 1910 г., приводимым в «Архиве истории труда в России», инспекторы объясняли рост использования их труда «конкуренцией фабрик, прибегающих к труду малолетних как к более дешевому труду. Труд малолетних, – заявляли они, применяется главным образом на больших бумагокрутильных, на шелкокрутильных и стеклянных фабриках».[56]

В свою очередь, дешевизна ручного труда препятствовала механизации производства за пределами непосредственного прядения, шелкокручения и т. д. В частности, «в докладной записке директора департамента полиции ротмистр Сазонов указывал, что, начиная со второй половины 1902 г. рабочие Невской бумагопрядильной

[52] Там же. С. 7.

[53] См. там же. С. 7. 8. 11.

[54] Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966. С. 80.

[55] Там же. С. 99.

[56] Архив истории труда в России. Книга третья. Петроград. 1922. С. 32.

мануфактуры стали замечать постепенное ухудшение достоинства употребляемого для выделки пряжи хлопка, загрязненного и с «орешками». Такой хлопок в мюль-машинах не дает ровной пряжи и требует особого внимания мюльщика и его подручного, заставляя их очищать эти «орешки» и другие очесы руками. Между тем как при правильном ходе дела предварительная очистка хлопка должна производиться пропуском его через очистные машины; но такой технический прием совершенно невыгоден для фабриканта, так как при подобной тщательной очистке хлопка, часть его уничтожается в машинах и не поступает в дальнейшее производство».[57] Используя дешевый загрязненный хлопок, фабричная администрация принуждала рабочих больше затрачивать труда при его обработке, сохраняя при этом расценки прядения качественного хлопка. В результате, уменьшалась зарплата, и возрастали штрафы. На этой почве возникла не одна забастовка.

Как постоянное явление были задержки и невыдачи заработной платы. «Невыдачи и задержание заработной платы, – указывали инспекторы, – объясняются, кроме недостатка у заводоуправлений наличных денег, иногда также и стремлением заведующих промышленными заведениями, преимущественно мелкими, удержать таким путем рабочих от ухода с работы, а в случае ухода с работы (без выплаты зарплаты, – прим. Ю. И. и С. П.) возместить убытки».[58]

На фабриках господствовала потогонная система эксплуатации труда, рассчитанная на изматывание в короткий срок организма рабочего. Так, «переборщики, получающие жалованье по 11 руб. в месяц, – пишет Н. И. Воробьев, – должны перебрать в обыкновенный, т. е. 11 часовой рабочий день, по 222 62-аршинного миткаля и тканей. Работа переборщика заключается в том, что каждый кусок миткаля он осматривает, перетягивая его руками через стол, и отмечает недостатки ткани. Для того чтобы перебрать 222 по 62 аршина, если одним взмахом руки рабочий перетягивает только один аршин ткани, необходимо сделать 13764 взмаха

[57] См. Труд в России. Исторический журнал. Л. 1925. С. 125.

[58] Министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год. СПБ., 1911. С. XLVII.

в день или 21 взмах в минуту, работая все 11 часов без остановки».[59] Подобные систематические упражнения не мог выдержать в течение длительного времени изнуренный рабочий.

Истязания рабочих усугублялись еще и тем, что им приходилось трудиться в чрезвычайно вредной для здоровья обстановке. Тот же цитированный нами Н. И. Воробьев, так описывает ее: «Мастерские особенно в старых корпусах темны, тесны, плохо вентилируются, грязны. На фабрике Куваевской М-ры в граверном отделении помещается и травилка, в которой медные валы обрабатывают азотной кислотой, и при том нет надлежащей вентиляции... У Никона Гаремина С-вей механическое отделение помещается в подвале, кирпичный пол всегда сырой, в мастерской темно и тесно и целый день приходится работать при газовом освещении. У всех рабочих хронический насморк; при выходе на волю из мастерской ощущается режущая боль в глазах и ломота в голове. В конце мастерской устроена кузница; вытяжная вентиляция в трепальных и чесальных отделениях выбрасывает массу пыли, которая проникает в мастерскую».[60]

В таком же бедственном положении находились и рабочие металлообрабатывающей промышленности. В этой связи рассмотрим положение петербургских рабочих, занятых на металлообрабатывающих заводах, где зарплата была самой высокой в стране. Как и в текстильной промышленности, большинство из них были отходниками из деревни. Типичным примером в этом отношении может служить Балтийский судостроительный завод. Согласно переписи, проведенной начальником завода в декабре 1901 г., из 3359 трудившихся на заводе по найму свыше 80% были пришедшими на заработки крестьянами, из которых 46,1% имели надел в деревне.[61] Большинство же остальных сохраняли право на получение земли в общине и платили общинные подати.

---

[59] К экономическому положению рабочих в русской промышленности... С. 13.

[60] Там же. С. 20.

[61] См. Архив истории труда в России. Книга третья. Петроград. 1922. С. 79.

Вот как описывает в 1905 г. жизненный уровень рабочих этого завода член его правления статский советник Чекалев. «Заработную плату большинства рабочих надо признать, безусловно, недостаточной для «человеческого» как определяют сами рабочие существования. И действительно, по произведенному мною опросу и собранным через депутатов сведениям, рабочие холостые, получающие в месяц от 17 до 18 руб., нанимая угол с одной кроватью, на которой помещаются двое, платят в месяц 3 руб. На пищу, состоящую утром из чая с черным хлебом, плохого обеда и на ужин куска дешевой колбасы с хлебом, расходуют 10 руб., на одежду требуется – 4 руб... Всего 17 руб. в месяц. На подати, табак и какие либо из ничтожных прихотей не остается ничего. Холостой, получающий от 20 до 25 руб., уже в состоянии нанимать угол один. Женатый, вдвоем, в крайнем случае с одним ребенком, получающий от 30 до 35 руб. в месяц нанимает полкомнаты и платит обыкновенно 10 руб.».[62]

По сведениям фабричного врача Н. Струкова, их жильем обычно были подвалы, мансарды, задворки. На дальних окраинах и в пригородах им приходилось жить в «неблагоустроенных домах, сколоченных из барочного леса и совершенно неприспособленных для зимнего жилья».[63]

В подобных невыносимых условиях проживали и рабочие Франко-русского завода. Сведения, собранные через контроль в больничной кассе Франко-Русских заводов показали, что около половины участников кассы, обращавшихся за медицинской помощью, живут в углах. Более (43%) снимают одну комнату. Квартиры снимают 25%, но с тем, чтобы сдать жильцам по комнатам, а сами помещаются где-нибудь на кухне, или в темном коридоре. По данным больничной кассы «Проводник», в одной комнате с больным в среднем живет 4-5 человек, а в некоторых комнатах число жильцов доходит до 10 и более».[64]

Ютясь в скученных помещениях, хронически недоедая, рабочие систематически пьянствовали, требуя, как

---

[62] Там же.

[63] См. Краузе Э. Э. Петербургские рабочие... С. 134.

[64] Труд в России. Исторический журнал. 1925. № 1.Ленинград, 1925. С. 30.

делали путиловцы, чтобы за опоздания и прогульные дни с них не взимали штрафов.[65] Так же обстояло дело и на заводах других российских городов, в частности, на Сормовских заводах, где рабочие, будучи не в состоянии выжить до очередной получки, получали по «книжкам в счет зарплаты из заводской винной лавки спиртные напитки».[66] При этом заводоуправление пыталось их штрафовать за опоздания и прогулы. Рабочие же, бастуя, требовали их отмены. В результате в ходе одной из них в 1905 г. было достигнуто соглашение «штрафы за прогулы не более трех дней не накладывать, прочие же штрафы накладывать по таксе, утвержденной окружным фабричным инспектором».[67]

Проживая впроголодь, сознательно спаиваемые рабочие трудились в условиях, форсировавших потерю ими трудоспособности». Почти все отчеты больничных касс отмечают *антигигиеническое состояние* мастерских и заводских зданий вследствие недостатка в них воздуха. Вентиляция стоит ниже всякой критики. Кроме того, при интенсивной и поспешной работе в больших количествах употреблялись разнообразные масла, керосин и пр. Все эти продукты давали вредные для здоровья рабочих испарения. С другой стороны, выделялось много металлической пыли, которая, даже несмотря на смягчающие действия масла, пластом ложилась на легкие рабочих».[68]

Травматизм на заводах был повседневным явлением. «На Франко-Русском заводе увечность в 1914 г. составляла 21,7 на 100 занятых рабочих. Причем в некоторых цехах она была значительно выше (установочном – 32 на 100, литейном – 28,4). Средняя продолжительность потери трудоспособности вследствие несчастных случаев составляла 12,2 дней. Главную массу пострадавших дали неквалифицированные рабочие».[69] Указанное количество

[65] Архив истории труда в России. Книга третья... С. 82.

[66] Белозеров А. Записки по рабочему движению нижегородского края. Н. Новгород, 1926. С. 39.

[67] Стачечное движение. Составила А. Панкратова. М.-Л., MCMXXV. С. 166

[68] Труд в России. Исторический сборник. Ленинград. 1925. № 2-3. С. 155.

[69] Там же. С. 156.

дней временной нетрудоспособности объяснялось тем, что недолечившиеся стремились поскорее выйти на работу, так как по закону заводоуправления имели право их увольнять, если заболевание продолжалось свыше двух недель подряд.

Приходившие в город на заработки деревенские мужики быстро утрачивали здоровье, а вместе с ним и трудоспособность. В частности, «из статьи в профессиональном журнале рабочих металлистов «Металлист», в котором давался обзор санитарных условий труда металлистов, мы узнаем, что, например, на Балтийском судостроительном заводе через 5 лет работы оставались здоровыми 53% рабочих, через 10 лет – 26%, а через 15 лет – всего 4%».[70] При этом рабочих, утративших более 15% трудоспособности, которую определял врач того же заводоуправления, увольняли. Предельный возраст для принимаемых на фабрику составлял 40 лет.[71] Участью тех, кто терял трудоспособность, было возвращение в деревню, либо жизнь подаяниями.

Бедствия из-за чрезвычайно низкой зарплаты, помноженные на изнурительный труд, ускоряли потерю трудоспособности, тормозили процессы формирования кадрового фабрично-заводского пролетариата. В то же время эти бедствия служили предпосылкой, обеспечивавшей ускоренный рост ее промышленности.

В первое десятилетие XX в. годовая средняя зарплата рабочего на фабриках и заводах европейской России равнялась 204 руб. 71 коп. Если включить в нее расходы предприятий на жилье в размере 4 руб. 21 коп., то все расходы на содержание фабрично-заводского рабочего составляли круглым счетом 209 руб.[72] Между тем, как пишет С. Н. Прокопович, «при заработке менее 400 руб. число женатых рабочих ничтожно; при заработке рабочего в 400-600

[70] См. Крузе Э. Э. Петербургские рабочие... С. 83.

[71] Министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г., Петербург, 1910. С XXI.

[72] См. Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих... С. 5.

руб. большинство рабочих женаты; при заработке выше 600 руб. рабочие получают возможность воспитывать детей».[73]

Но при зарплате свыше 600 руб. российская промышленность вообще не могла бы существовать. Согласно массовым статистическим данным, собранным накануне первой мировой войны, чистая продукция среднего рабочего в промышленности и транспорте, по сведениям, приводимым С. Г. Струмилиным, составляла 635 руб. в год.[74] Такую же приблизительно оценку мы находим и в работе, опубликованной под редакцией С. Н. Прокоповича, где ее величина определяется в 584,2 рублей.[75] Таким образом, при зарплате свыше 600 руб. российская промышленность вообще не могла создавать прибавочную стоимость, за счет которой существовали не только владельцы акционерного капитала, но и управленческий персонал. Зато при зарплате 209 руб. ее норма составляла свыше 300%, обеспечивая громадные прибыли не только для промышленного роста, но и счастливой жизни тем, кому она доставалась.

Позднее, придя к власти, большевики, следовали этим же принципам форсированного развития промышленности, увеличивая нормы прибавочной стоимости и уменьшая издержки оплаты труда. Приведенные нами показатели были превзойдены ими в таких немыслимых размерах, о которых нельзя было и мечтать в эпоху существования самодержавия. В своих теоретических разработках большевики были мечтателями, упоенными грезами о коммунизме, в своих практических решениях – реалистами, жестоко отстаивавшими собственные интересы.

Чрезвычайно низкая оплата труда фабрично-заводских рабочих была возможна лишь потому, что деревня, в которой оставалась семья рабочего, субсидировала воспроизводство рабочей силы в городской промышленности. Ему не нужно было платить пособий по безработице, тратить средства в случае утраты работоспособности и увечий. Все эти расходы ложились на деревню, откуда на заработки

[73] Там же. С. 6.

[74] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 38.

[75] Опыт исчисления народного дохода 50 губ. европейской России в 1900-1913 гг. под редакцией С. Н. Прокоповича. М., 1918. С. 53.

уходили разорявшиеся крестьяне, оплачивавшие из своего скудного заработка «свою долю» общинных расходов.

Основной контингент уходивших на заработки составляли крестьяне Нечерноземья, где выкупные платежи за землю, при рыночной цене в 179,9 млн. руб., равнялись 342 млн. руб.[76] Пока крестьянин не выкупил земли, он оставался членом общины, обязанными выплачивать ей подати. Его отлучка из деревни могла быть лишь временной.

Разорявшиеся крестьяне стремились уходить на заработки в города либо трудиться в качестве кустарей на скупщика в деревне. Оплата их наемного труда была выше, чем на сельских работах, где им приходилось отрабатывать в хозяйствах общинной верхушки. «Молодежь в количестве от двух третей до три четвертых, – пишет М. Балабанов, – уходит на фабрики, где живется сноснее, и в деревне остаются одни старики».[77] Помимо стариков, здесь оставались семьи ушедших, которые из-за недостатка лошадей и инвентаря вынуждены были отрабатывать в хозяйствах общинной верхушки. Кроме того, в деревне доживали остатки жизни и те, кто, успев повариться в «фабричном котле», утратили там здоровье.

Разрешения временно покидать общину служили немаловажным источником обогащения общинной верхушки. «Сельские общества, – пишет М. Балобанов, – в особенности в районах фабричного отхода, требовали от фабричных уплаты ежегодно 7-10 рублей за снятую у них землю, так что фабричный, отдавая свой надел, вносил еще вдобавок обществу определенную сумму».[78] У московских текстильщиков переводы денег в деревню составляли 18,1% расходной части бюджета, у петербургских 10,9%.[79]

Помещики здесь, как правило, не имели своих хозяйств. Их главным источником доходов были взимавшиеся с общин выкупные платежи. Общинники выращивали лен, коноплю, овес, картофель, разводили скот, пользовались

[76] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 7.

[77] Балобанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. III. М., 1926. С. 37.

[78] Там же. С. 39.

[79] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России... С. 236.

лесом. Рожь производилась для собственного потребления. Крестьянские хозяйства были полунатуральными. Из льна и конопли ткали одежду, плели лапти, изготавливали изделия из дерева. Деньги поступали от заработков временно покидавших деревню и трудившихся на скупщиков. Львиную долю этих поступлений присваивала общинная верхушка, продававшая в город часть продукции своих хозяйств.

Иначе складывались отношения крестьян с помещиками в районах Черноземья. Основные доходы помещикам здесь давала барщина. Сюда издавна селили крестьян, выкупленных без земли по указу 1804 г. В годы ликвидации крепостного права помещики стремились оставить за собой максимум земли. В итоге крестьянские наделы сократились на 40%. Разрыв между выкупными платежами и рыночной ценой земли здесь был меньше, чем в Нечерноземье (341,5 млн. руб. против 283,9 млн. руб.).[80]

Расчет строился на том, что крестьяне добровольно будут покидать деревню без земли, становясь наемными рабочими либо переселяясь в Сибирь. Именно эти процессы были гиперболизированы Лениным, когда он анализировал социальные процессы российской деревни. Справедливости ради, следует сказать, что, начиная с 60-х гг. вся демократическая литература по аграрному вопросу концентрировала внимание на процессах черноземной деревни, оставляя в тени остальные деревенские углы необъятной России.

Массовый уход на заработки без семьи был одной из ведущих (а порой и единственной) форм колониальной эксплуатации населения стран Востока. Однако, если в России уход на заработки происходил в условиях сохранения помещичьего землевладения, то на колониальном Востоке помещичьего землевладения, как правило, не было. Уходить на заработки здесь вынуждали подушные налоги, аналогичные российским выкупным платежам.

Россия опережала колониальный Восток, но отставала от Западной Европы, где в последние десятилетия XIX в. росла численность кадрового рабочего класса вообще и фабрично-заводского в особенности. Основой этого

---

[80] Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 7.

процесса был рост заработной платы как в городе, так и в деревне.

Россия была одной из тех европейских стран, где заработная плата была наиболее низкой. Так, в 1905 г. среднемесячный заработок слесаря в Англии составлял 64-78 руб., в Германии – 56-64 руб., в Петербурге – 46 руб. 80 коп.; токаря в Англии – 64-78 руб., в Германии – 58-66 руб., в Петербурге – 48 руб. 60 коп.; чернорабочего в Англии – 39-47 руб., Германии – 39-47 руб., в Петербурге – 21 руб. 60 коп. Комментируя эти цифры, авторы «Материалов об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу» пишут: «Чернорабочие за границей зарабатывают вдвое больше, чем у нас! Заметьте, что приведенные цифры Англии и Германии относятся к 1905 г. 1906-1907 гг. дали значительный рост зарплаты в обоих государствах».[81]

Российское фабричное законодательство было одним из самых отсталых в Европе. Пропитанное духом полицейского произвола, олицетворявшегося императором, оно неукоснительно стояло на страже интересов владельцев фабрик и заводов. В то время как фабриканты при нарушении законодательства могли отделываться штрафами, рабочие считались уголовными преступниками. Между тем в передовых странах Западной Европы подобные способы решения производственных конфликтов уже стали атрибутом прошлого.

«Наказание предпринимателям за нарушение фабричного законодательства, – пишет Ю. Филонов, – закон 1886 г. устанавливал в виде штрафа не свыше 300 руб. Одновременно им были введены наказания для рабочего за стачки. Для подстрекателей стачки закон предусматривал тюремное заключение от 4 до 8, для рядовых забастовщиков – от 2 до 4 месяцев. За насилие и угрозы штрейкбрехерам руководители стачки карались арестом от 8 месяцев до года 4 месяцев, рядовые стачечники от 4 до 8 месяцев».[82] Вплоть до

---

[81] Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПБ., 1909. С. 110-111.

[82] Милонов Ю. Как возникали профсоюзы в России. М., 1929. С. 336-37.

1905 г. рабочие не могли объединяться в профсоюзы – попытки их создавать считались уголовным преступлением.

Преступлением считался и самовольный отказ от работы до истечения срока найма или при найме на неопределенный срок без предупреждения за две недели. «По свидетельству большинства инспекторов такое нарушение рабочими закона для них положительно вынуждено. Заявив отказ от работы с предупреждением даже за две недели, рабочий берет работу при первом же удобном случае на другой фабрике, где, конечно, не желают дожидаться, когда он отработает срок на прежнем месте, и рабочий вынужден уйти до установленного срока».[83] Тем не менее, за вторую половину 1900 г. фабричные инспекторы привлекли к судебной ответственности 842 рабочих – 32,2% рассмотренных случаев самовольного отказа от работы по найму.[84]

В целом фабричное законодательство носило широковещательный «лоскутный» характер и в большинстве случаев не охватывало всех фабрично-заводских рабочих. В интересах работодателей, в него постоянно вносились масса дополнений. Так, временным законом 3 июня 1885 г. была воспрещена ночная работа подростков (15-17 лет) и женщин в хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном производствах. Затем закон был распространен на некоторые работы в фарфоровом и спичечном производствах, а в 1897 г. под его действие попали все предприятия по обработке волокнистых веществ. Однако ещё до этого, 24 апреля 1890 г., был издан закон, «который давал право фабричным инспекторам разрешать воскресную и праздничную работу малолетних. По этому же закону фабричные присутствия, а там, где их не было, губернаторы получали право допускать ночную работу женщин и подростков от 15 до 17 лет. А министерство финансов по соглашению с министерством

[83] Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. СПБ., 1906. С. VI.

[84] Министерство финансов. Отдел промышленности. Свод фабричных отчетов за вторую половину 1900 года. СПБ., 1902. С. III.

внутренних дел разрешало на известный срок работу детей 10-12 лет».[85]

То же самое происходило с ограничением рабочего дня. «В июне 1897 г. он был ограничен 11,5% часами. Однако 20 сентября 1897 г. министерство финансов по соглашению с министерством внутренних дел издало правила, позволявшие по «техническим причинам» в некоторых случаях увеличивать рабочий день до 16 и даже 18 часов в сутки и допускать повышение средней продолжительности рабочего времени с 11,5 до 12 часов. Ограничив необязательные сверхурочные работы 120 часами в году, они предусматривали еще обязательные сверхурочные по техническим причинам без всяких ограничений».[86]

Следует учитывать, что арбитром в трудовых конфликтах был император. Непорочный образ царя в ореоле защитника «слабого» от «сильного» широко пропагандировался не только в казенной печати, но и на проводимых администрацией фабричных собраниях во время праздников царствующего дома, а также с амвонов многочисленных церквей. Крестьянская вера рабочих в доброго царя вплоть до расстрела 9 января 1905 г. воспитывалась с детства в церковно-приходских школах – единственных школах, доступных большинству крестьян. Лишенные возможности улучшить свою жизнь рабочие апеллировали к царским сановникам – губернаторам, не гнушавшимся проводить массовые расстрелы, порки и аресты в ходе подавления стихийных рабочих бунтов.

Эти бунты были непосредственно направлены против заводоуправлений, возглавлявшихся директорами. Таким, например, был бунт в Сормово в 1899 г., вызванный задержкой заработной платы. «Рабочие собрались в количестве более 1000 чел. и, по словам жандарм-доклада, разгромили контору, квартиру директора Фосса и некоторые цеха. По жандармским сведениям, в квартире директора были выбиты все стекла (24 рамы), причем сам он был встречен шумными, негодующими возгласами рабочих, бросавших в него камни. Вслед за директорской была разгромлена

[85] Милонов Ю. Как возникали профсоюзы... С. 37.

[86] Там же. С. 38.

квартира инж. Лемана. Затем возмущенная масса двинулась на электростанцию, у которой взломала двери, одну из машин засыпала песком, попортила указатели на распределительной доске, сожгла брезент с электрического элеватора и выбила все стекла в здании станции. Станция работать не могла. -Дальше были выбиты окна в железопрокатном и ново-механических цехах; в главной конторе выбито 96 окон и порвана часть деловых бумаг; в канцелярии пристава, кроме стекол, выломана часть оконных рам, уничтожены частью полицейские бумаги и разбит ящик с вещественными доказательствами».[87]

Подобный бунт в том же году произошел и на Никольско-Ореховских фабриках, где трудились 30000 рабочих. Как указывается в документе того времени, в нем участвовало 7000 рабочих. «Сожжено 4 дома, разграблено помещение директора фабрики, расхищено имущество тысяч на 60 и товара тысяч 50; в помещении фабрик выбито 12000 оконных стекол. Причина беспорядков была пустая: 350 прядильщиков остались чем-то недовольны, к ним примкнуло до 7000 других рабочих, и совместно произвели беспорядки».[88]

В Твери в октябре 1898 г. во время стачки рабочие морозовской фабрики побили стекла. В следующем году разгромили контору, резали и рвали основы, били станки и чуть не убили директора.[89]

Во время таких бунтов и стачек требования выдвигались лишь после того, как рабочие, возмущенные действиями администрации, стихийно прекращали работать. «По большей части, – пишет В. Гриневич, – требования рабочих вырабатывались и предъявлялись уже тогда, когда рабочие бросали работу, когда стачка фактически была объявлена. Руководство организации заменялось руководством одного или нескольких главарей рабочих, выдвинувшихся в ходе стачки своею сознательностью и энергией». Другой особенностью прекращения работы возмущенных рабочих была скоротечность стачек. Внезапно

[87] Белозеров А. Записки по рабочему движению... С. 42.

[88] Цит. по: там же. С. 39.

[89] Общественное движение в России... С. 196.

начинаясь, забастовки обычно прекращались через несколько дней. По данным, опубликованным В. Гриневичем, в Англии средняя продолжительность стачки составляла 34,2 дня, во Франции – 14,3 дня, в Австрии – 12,1 дня, в Италии – 10,3 дня, в России в 1895 – 1904 гг. всего 4,8 дня.[90]

В то время как в передовых странах Европы трудовые конфликты решались в ходе переговоров профсоюзов с администрацией, у российских фабричных рабочих таких возможностей не было. Согласно российскому законодательству, « виновные в принадлежности сообществу, имеющему целью возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбуждение к устройству стачек подлежат наказанию от заключения в крепость на 8 месяцев до лишения всех основных прав и преимуществ и ссылки на житье в Сибирь».[91]

При отсутствии таких «сообществ» общезаводские противостояния нередко заканчивались скоротечными стихийными бунтами, открытой гражданской войной между фабричными рабочими и возглавляемым директорами управленческим персоналом; войной, в которой каждая из сторон пыталась силой навязать свое решение конфликта. Ее исход был предопределен, поскольку одни имели на вооружении только камни и палки, тогда как другие – вооруженную огнестрельным оружием заводскую охрану, получавшую неограниченную поддержку подразделений солдат и казаков.

Парадокс истории: с точки зрения глубины противостояния, перераставшего в гражданскую войну между фабричными рабочими и заводоуправлениями, Россия в силу своей отсталости опережала передовые страны Западной Европы, где социальные конфликты мирно решались в рамках гражданских кодексов, подкрепленных требованиями бастовавших к руководству акционерных компаний. В России отсталость сказывалась еще и в том, что инициаторами кратких вспышек гражданской войны были не работники организовано бастовавших заводов, а работники отдельных

[90] См. Гринревич В. Профессиональное движение рабочих в России. Выпуск первый. М., 1923. С. 113.

[91] Там же. С. 7.

цехов, к которым стихийно присоединялись работники других заводских подразделений.

В отличие от Западной Европы, где на заводах существовала «расчлененная система машин», в России применялись лишь «частичные машины». Каждый фабричный цех имел свою группу одинаковых частичных машин. Их заводское единство достигалось посредством цехового и межцехового ручного труда. Каждый цех имел свои условия труда и его оплаты независимые от условий труда и оплаты остальных заводских подразделений. Возникавшие при этом проблемы решались на цеховом уровне. Сначала прекращал работу цех, затем к нему стихийно подключались остальные подразделения. В связи с этим, в забастовках, как правило, участвовали далеко не все рабочие многотысячных коллективов фабрик и заводов.

Об этом свидетельствует, например, отчет фабричных инспекторов за 1903 г. Так, в Петербургском округе было 30 забастовок, в том числе не более суток 7 (1006 рабочих), в среднем в одной забастовке участвовали 143 рабочих; до 2-х суток 12 забастовок (4565 рабочих), в среднем – 380 рабочих; до 3-х суток одна – 65 рабочих; до 4-х суток 5 – (3536 рабочих), в среднем 770 рабочих; до 5-ти суток 4 забастовки(4088 рабочих), в среднем 1022 рабочих; до 7-ми суток 5 (3262 рабочих), в среднем – 652 рабочих; до 14-ти суток 7 (6820 рабочих), в среднем – 974 рабочих.[92]

Рассматриваемая закономерность еще более четко прослеживается по данным Московского округа, где в том же году было зафиксировано 87 стачек, в том числе не более суток было 3 забастовки (63 рабочих), в среднем в одной забастовке участвовали 21 рабочих; до 2-х суток 24 забастовки (3814 рабочих), в среднем – 159 рабочих; до 3-х суток 34 забастовки (8540 рабочих), в среднем – 263 рабочих; до 4-х суток 16 забастовок (5030 рабочих), в среднем – 316 рабочих; до 5-ти суток 3 забастовки (531 рабочих), в среднем – 174 рабочих; до 6-ти суток 3 забастовки (850 рабочих), в среднем – 263 рабочих; до 7-ми суток 2 забастовки (555 рабочих) в среднем – 277 рабочих; до 14-ти суток 3

[92] Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли и промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 год. СПБ., 1906. С. 47.

забастовки (1077 рабочих), в среднем – 359 рабочих; более 3-х недель одна забастовка (243 рабочих).[93]

Несмотря на ограниченность таких стачек, перераставших порой в скоротечные стихийные бунты, города на рубеже XIX-XX веков становились основой массового движения против самодержавия. В обстановке сосредоточения жителей на небольших площадях любые формы протеста рабочих находили живой отклик во всех классах городского населения, приучая к мысли о надвигающейся революции. Во время стихийных бунтов рабочие были единственной силой, способной оказывать массовый отпор верным царю войскам и казакам.

Политические демонстрации других классов, демократические настроения которых выражало преимущественно студенчество, были слишком малочисленны и не способны оказывать действенное сопротивление войскам и полиции. Примером может служить казанская демонстрация 1876 г. Несколько сот ее участников требовали демократические свободы, ограничивавшие самодержавие. Полиция, избивая, разогнала демонстрантов. Арестовано было 31 чел. Из них 5 чел были присуждены на 10-15 лет каторжных работ, 10 чел. – к ссылке в Сибирь, 3 чел. к заточению в монастырь на 5 лет.

Иное дело выступления фабрично-заводских рабочих. «В 1901 г., – пишет Д. Кольцов, – на Выборгской стороне 4 мая забастовали ткачи нескольких фабрик; против них были двинуты солдаты и полиция, рабочие забаррикадировались в двух переулках и, выбитые оттуда продолжали оказывать сопротивление в своих квартирах. На Шлиссельбургском тракте 3 тыс. рабочих Обуховского завода построили баррикады и встретили солдат градом каменьев. Солдаты открыли огонь. 6 человек было убито, 8 тяжело ранено. 37 человек были преданы суду: двое приговорены к каторжным работам, 20 человек – к арестантским ротам, семеро к тюремному заключению и 8 оправдано».[94]

Царское правительство не могло не учитывать громадный общественный резонанс подобных выступлений.

[93] Там же.

[94] Общественное движение в России... Т. 1. С. 207.

Поэтому оно стремилось на корню их пресекать посредством собственного упорядочивания конфликтов и создания организаций рабочих в защиту царя. «Полицейский социализм» Зубатова не был случайностью. Целью создававшихся им организаций было удовлетворение духовных и умственных интересов рабочих и отвлечение их от преступной пропаганды против царя.

Особенно большой размах зубатовщина приняла в Петербурге, где в 1903 г. было создано «Общество русских фабрично-заводских рабочих» во главе с Гапоном. В 1904 г. по его инициативе во всех районах города были созданы отделы, которые посещали почти 8 тыс. рабочих, обсуждавших в рамках преданности царю свои нужды. Однако вскоре эти обсуждения вышли из-под полицейского контроля. В конце декабря 1904 г. администрация Путиловского завода уволила за принадлежность к гапоновскому обществу 4-х рабочих. 3-го января на заводе началась забастовка. Через 3 дня к ней присоединись 140 тыс. рабочих Петербурга, а к 7 января бастовал уже весь город. Потребовался расстрел 9 января, чтобы у фабрично-заводских рабочих исчезла вера в благодетеля- царя.

Тем не менее в борьбе с революцией царизм не оставлял попыток привлечь на свою сторону городское население, в том числе и рабочих. С этой целью в октябре 1905 г. под покровительством императора был создан «Союз русского народа», положивший в основу угла защиту самодержавия и пропаганду антисемитизма. В городах, поселках и селах в 1905 – 1907 гг. по примеру зубатовцев было создано до 900 отделов, организовывавших еврейские погромы.

Во время погромов сотни евреев были убиты, жены и дети изнасилованы. Тысячи евреев лишились крова. У еще большого числа заведения оказались разграбленными. В то время как Ленин наивно полагал, что ассимиляция обрекает на исчезновение нерусские национальности, начался массовый отъезд евреев в Палестину. По сравнению с европейскими странами антисемитизм в России принял наибольший размах.

Начало переселения в Палестину положил выходец из России, герой Порт-Артура, полный георгиевский кавалер Иосиф Трумпельдор, основавший в безводной палестинской

пустыне первый киббуц Тель Хая. В киббуце все принадлежало ее жителям. Они вместе работали, получали равную плату, которой распоряжались по своему усмотрению. Для защиты киббуцы от арабских набегов все проживавшие в ней независимо от возраста и пола учились ее защищать. Подобно массового ополчения (хагана) ни Европа, ни Ближний Восток не знали. За короткий срок Тель-Хая стал процветающей высокодоходной организацией, продолжавшей существовать и после гибели ее основателя, Иосифа Трумельдора, погибшего вместе с семью соратниками, защищая киббуц.

По примеру Тель-Хая киббуцы становились местом жительства селившихся на пустынных безводных землях евреев, отстаивавших силами ополченцев свое право на существование. Большинство из них были выходцами из России. В 1918 г. в Палестине проживало всего 65 тыс. евреев, к 1936 г. их стало 400 тыс., составив 28,5% палестинского населения.[95]

Современный Израиль – детище выходцев из России. Такие яркие фигуры, как премьер-министры Давид Бен-Гурион – сын судейского чиновника русской Польши, Голда Меир (Мейерсон) – дочь плотника и др., сыграли выдающуюся роль в признании международным сообществом государства Израиль, навсегда избавившего евреев от бытового и государственного антисемитизма. Выходцам из России (Моше Даяну, Ицхаку Рабину, Ариэль Шарону и др.) принадлежит также выдающаяся роль в руководстве вооруженной борьбой еврейского народа против поползновений арабских националистов уничтожить государство Израиль. Эти поползновения начались с первых дней признания государства Израиль международным сообществом, когда «Лига арабских государств приняла решение... воспрепятствовать созданию еврейского государства и защитить целостность Палестины в качестве арабского государства, единого и независимого».[96]

На рубеже XIX – XX веков не было сомнений в том, что критическая масса революционного взрыва,

[95] Прохоров Д. П. Спецслужбы Израиля. М., 2002. С. 4.

[96] Цит. по: Смирнов А. Арабо-Израильские войны. М., 2003. С. 30.

направленного против самодержавия, неуклонно нарастает. Поисками опоры в массах занимался не только император, патронировавший «Союз русского народа», но и партии, и движения, добивавшиеся избавления от гнета самодержавия. Для партии, претендовавшей на роль выразителя интересов пролетариата, самоопределение сводилось, прежде всего, к выработке ясности в отношениях с рабочими вообще и фабрично-заводским рабочим в особенности.

В этой связи в феврале 1902 г. Ленин публикует брошюру «Что делать?», в которой доказывал, что рабочий класс не способен самостоятельно бороться за социализм. В условиях рынка, – писал он, – «стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает только тред-юнионизм), а тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе, – писал он, – и даже в политической революции нисколько еще не делает его политики социал-демократической».[97] Для Ленина подлинная социал-демократическая политика отождествлялась с уничтожением рынка.

Поскольку рабочие продавали рабочую силу, они, по его мнению, не могли сами выработать социалистического сознания. Социалистическое сознание могло быть привнесено им только извне. Задачу должна была решать организация профессиональных революционеров, занимавшаяся «работой, *сближающей и сливающей воедино* стихийно-разрушительную силу толпы (под которой подразумевались бунты) и сознательно-разрушительную силу организации революционеров».[98]

Ограниченность дилеммы буржуазной и социалистической идеологии давала Ленину возможность доказывать необходимость тоталитарной власти директората. Проектируемая им организация профессиональных революционеров фактически представляла будущий остов управленческого аппарата грядущей всероссийской фабрики – обстоятельство, на которое одним из первых обратил внимание меньшевик М. С. Макадзюб, писавший, что Ленину

[97] Ленин В. И. Что делать? Т. 6. С. 96.

[98] Что делать? С. 175.

партия представляется огромной фабрикой с директором в виде ЦК во главе ее.[99] На такой фабрике рабочим отводилась роль толпы, выполнявшей не подлежавшие критике директивы ЦК. Реализация на практике такого видения действительно произошла после победы Октября.

В этой связи весьма примечательно заявление Ленина о том, что «люди действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми».[100] Обычно именно так решаются вопросы на совещаниях директората, отвергающего право на существование «научных воззрений», непригодных для реализации их утилитарных задач. По Ленину, директорат должен был быть поставлен вне критики снизу. Не случайно позднее, на третьем съезде партии в 1905 г., была утверждена резолюция, согласно которой периферийные организации обладали только «совещательным голосом» при обсуждении партийных дел,[101] и, следовательно, не могли оспаривать директивы ЦК. В основу партийного строительства закладывались принципы деспотизма верхов.

Недопущение критики снизу было новой тенденцией в развитии социалистического движения не только в России, но и в Западной Европе. Вспомним в этой связи известное замечание Энгельса. «Рабочее движение, – писал он, – основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в наших рядах?»[102] Как раз этого и добивались большевики.

Ленин полагал, что противостояние рабочих и управленческого персонала может быть преодолено, если рабочая сила перестанет быть товаром. «Профессиональным

[99] Практик К вопросу о наших партийных задачах. Об организации.// Искра 1904. № 57. Приложение.

[100] Ленин В. И. Что делать?.. С. 9.

[101] См. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. М., 1936. С. 50.

[102] Энгельс Ф. Письмо Герсону Триру в Копенганен 18 декабря 1889 г. Т. 37. С. 277.

(цеховым) союзам рабочих и стачкам, – писал В. И. Ленин, – удается в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар...».[103]

В идеале страна должна была превратиться во враждебную рабочим «единую всероссийскую фабрику». Об этом писал Ленин накануне Октября. Социализм для него означал совокупность «работников и служащих *одного* крупного «синдиката» при полном подчинении «всей работы этого синдиката государству». Все общество, – предсказывал далее он, – будет одной конторой и одной фабрикой» с «фабричной дисциплиной», которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество».[104] Под пролетариатом здесь на деле подразумевался директорат, подчиняющий общество своей деспотической дисциплине.

Как известно, в Европе многопартийность начиналась с периода длительного существования буржуазных партий, завершавшаяся позднее появлением организаций добивавшегося власти директората. В России в условиях самодержавия многопартийность зарождалась наоборот: с пробуждения к политической жизни директората, добивавшегося подчинения общественной жизни страны.

Социал-демократическая партия вопреки бесконечным заверениям ее вождей с самого начала не была рабочей. Из 55 делегатов с решающим и совещательным голосами на ее II съезде лишь четверо были рабочими.[105] Рабочие действительно не только не могли выработать идеологию, тождественную идеологии директората. Они противостояли ему как классу, имевшему противоположные интересы.

Наметившийся на съезде раскол форсировала надвигавшаяся революция. Камнем преткновения был вопрос об исторических судьбах рынка. В отличие от большевиков

[103] Ленин В. И. Новое побоище. Т. 5. С. 16.
[104] Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33. С. 97, 101.
[105] Общественное движение в России... С. 408.

меньшевики исходили из неизбежности его существования. Фактически, все споры, начиная с устава и кончая программными установками, в конечном счете, сводились к одному: какой быть постреволюционной России – тоталитарной или рыночной.

Согласно установкам меньшевиков, в России после свержения царизма сохранится частная собственность. Рынок даст возможность избавиться от пережитков средневековья и позволит улучшить положение рабочих. «Поднять рабочий класс, – писал Ю. О. Мартов, – и повести на организованную классовую борьбу с политическими задачами социал-демократия сможет только, взяв на себя роль организатора его первых, стихийно возникающих, чисто экономических движений, и роль руководительницы рабочих в их повседневных конфликтах с предпринимателями на почве вопросов оплаты, помещения, условий труда и т. п. Воздерживаясь, до поры до времени, от выставления перед массами более широких задач, социал-демократия должна предоставить опыту самой борьбы столкнуть рабочих уже не с отдельным предпринимателем, а с целым классом буржуазии и стоящей за ней государственной властью и на почве этого опыта расширять и углублять свою агитацию».[106] Мартов предлагал руководить рабочими массами, помогая им добиваться своих целей на почве рынка. Ленин – руководить ими, подчиняя их достижению тоталитарных целей.

Следуя принципу «организации процесса» меньшевики полагали, что они смогут в будущем демократическим путем прийти к власти, установив «диктатуру пролетариата». На такую возможность прихода к власти в странах с рыночной экономикой указывал, между прочим, еще Энгельс. «Можно себе представить, – писал он, – что старое общество могло бы мирно врастать в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь с собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в

[106] Мартов Ю. О. История российской социал-демократии//Избранное. М., 2000. С. 24.

таких монархиях как Англия...».[107] Однако и при «мирном врастании» к власти пришел бы не пролетариат, а управленческий персонал. Что касается фабрично-заводских рабочих, то их борьба за улучшение условий жизни регулировалась бы по-европейски рыночными методами, находившимися у власти социалистами.

Рабочий вопрос был в эпицентре программ всех боровшихся с самодержавием партий, в то числе и крестьянских. И дело здесь заключалось не столько в бедственном положении рабочих, сколько в их революционных бунтах, получавших резонанс на всей территории России. В частности, в манифесте 1900 г. – первом программном документе объединенных организаций эсеров, куда входили воронежская и петербургская организации, указывалось: «Из всех классов трудящегося населения промышленный пролетариат у нас, точно так же как и в Западной Европе является наиболее культурным и, следовательно, наиболее восприимчивым к революционно-социалистическому воздействию. Объединенный процессом капиталистического производства он может быть организован для революционной борьбы легче и скорее, чем всякий другой из числа рабочих классов, чем пролетариат сельскохозяйственный или близкое к нему мелкое крестьянство. Поэтому на первое место в нашей программе мы выдвигаем революционную деятельность в фабрично-заводской среде».[108] Фабрично-заводская среда представлялась им общиной в городских условиях.

На документе, несомненно, сказались представления сельской бедноты, покидавшей деревню, чтобы заработать на жизнь. Одной ногой они становились фабричными рабочими, другой – оставались жителями деревни. Подобные представления прослеживаются и позднее в документах Аграрно-социалистической лиги, заключившей в июле 1902 г. федеративный договор с партией социалистов-революционеров. Лига заявляла, что она следует основным принципам международного социализма, добиваясь

---

[107] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 236-237.

[108] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 27.

«уничтожения частной собственности на землю и прочие средства производства, как необходимого условия устранения эксплуатации труда капиталом во всех ее формах». Она «не исключала из своих планов возможности захвата власти и диктатуры революционной интеллигенции и пролетариата в центрах с целью дать толчок оппозиционному движению во всей стране».[109]

Сказанное не исключало того, что в Лиге широкое хождение имели идеи «прорастания» социализма в деревне раньше, чем в городе, идеи наибольшей подготовленности крестьян к социализму. Община считалась ячейкой будущего социалистического общества, которое должно было возникнуть на развалинах самодержавия. Как известно такого рода идеи о социалистической природе общины позднее получили широкое хождение на аграрном Востоке.

Объективно Лига выражала чаяния бедняцкой массы деревни. Беднота отстаивала общественную собственность на землю и уничтожение рыночных отношений. Ее тоталитарные устремления были использованы большевиками, заключившими соглашение с левыми эсерами накануне Октября.

Противоположные позиции занимали правые эсеры. Они выражали настроения имущей части деревни, заинтересованной в сохранении рынка. В хозяйствах имущих крестьян, широко использовались методы неразвитой капиталистической эксплуатации бедноты в виде отработок за долги, аренды пахоты, покосов, скота и т. д. В условиях низкой производительности труда использование найма в крестьянских хозяйствах было невыгодным.

Урожайность зерновых в России была самой низкой в Европе. В частности, в течение 1901-1906 гг. сбор пшеницы с десятины посева составлял всего 42,6 пудов.[110] Согласно данным Соковнина, валовой доход с десятины крестьянского посева в черноземной полосе за вычетом семян составлял 20 руб. 76 коп. минус арендная плата 9 руб. 20 коп. Итого крестьянину оставалось 11 руб. 56 коп. Однако если бы он

---

[109] Там же. С. 48, 57.

[110] Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М, 1912. С. 16.

использовал труд наемного рабочего, то при зарплате 15 руб. 10 коп. убыток арендатора составил бы 3 руб. 54 коп.[111]

Еще большая невыгодность использования наемного труда в деревне была в странах Востока,[112] где отработки, возникавшие на почве торгово-ростовщического капитала, камуфлировали традиционные аграрные отношения, свойственные сплошь да рядом натуральному хозяйству. В советской научной литературе их долгое время трактовали как первобытно коммунистические в качестве обоснования перехода к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

В начале XX века все зарождавшиеся революционные партии России испытали на себе могучее влияние марксизма. Все они считали себя частью европейского рабочего движения и полагали, что свержение самодержавия приведет к торжеству социализма. Их способы ведения борьбы, несмотря на неодинаковую социальную базу и обусловленные ею идеологические и политические разногласия, во многом были схожими: в той или иной степени все признавали необходимость агитации и пропаганды, необходимость террора, в том числе в зависимости от обстоятельств и индивидуального, проведения экспроприаций и использования методов вооруженной борьбы. Лишь позднее, в ходе развития революции сказывались на практике несоответствие конечных целей и тактических методов ведения борьбы. Вместе с несоответствием нарастало в печати их политическое противостояние, что не исключало совместных выступлений против общего врага.

Важно и то, что зарождавшиеся революционные партии рассматривали борьбу с царизмом прежде всего с точки зрения ликвидации средневековых пережитков в деревне и ее предстоящих преобразований на социалистических началах. В этой связи, Ленин, например, полагал, что основным вопросом русской революции является вопрос о судьбах помещичьего землевладения. «И

[111] См. Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах... С. 42.

[112] См. Иванов Ю.М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. М. 1970. С. 93-94; Иванов Ю. Старые решения вечно "новых" проблем //Проблемы дальнего Востока. 1993 № 6.

конец XIX века, – писал он, – застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни».[113] Эти рассуждения послужили отправной точкой его утверждений о возможности прусского (превращение латифундий в капиталистические хозяйства) и американского (рост крестьянских хозяйств на государственных землях) пути развития капитализма в сельском хозяйстве России. Но ни тот, ни другой путь был невозможен.

С точки зрения привычного марксистского анализа причин, порождавших буржуазно-демократические революции, ленинский подход был верен. Но он был шаблоном, не учитывающим того, что истина конца XVIII в., в начале XX в. превратилась в ложное суждение. В конце XVIII в. деревня занимала ведущее место в экономике европейских стран. В России начала XX в., как и в Европе, ее место занял город, где господствующее положение занимал акционерный капитал, тысячами нитей связанный с самодержавием.

С учетом интересов этого капитала строилась внутренняя и внешняя политика царизма. Именно ее кризис, поражение в русско-японской войне, пошатнул самодержавие, породив первую русскую революцию. Последовавший аналогичный кризис, вызванный поражением в войне с Германией, довершил падение царизма.

Вряд ли стоит задерживать внимание читателя на подробно описанных в научной и популярной литературе мифах и легендах о деятельности большевиков в годы первой русской революции. Гораздо меньше у нас писалось об участии в ней фабрично-заводских рабочих, сыгравших решающую роль в развитии революционного процесса в России.

После 9-го января тяга рабочих к созданию собственных организаций стала ведущей. В обстановке

[113] Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Т. 17. С. 80.

нараставшего революционного кризиса первые профсоюзы явочным порядком возникли в заведениях, находившихся под крылом капиталов скупщиков. Так возникли, в частности, профсоюзы портных, приказчиков, булочников, садовников, официантов, извозчиков и т. д., проводившие экономические стачки.

По иному протекал процесс создания организаций фабрично-заводских рабочих. Они трудились на крупных предприятиях, представлявших совокупность разных производств, каждое со своими «частичными машинами», со своими условиями труда. Поэтому здесь не могли возникнуть общие для всех рабочих профсоюзы.

Профсоюзы здесь строились по цеховому принципу. «Но что такое Союз? – указывалось в листовке псковской группы социал-демократов. Это иначе сказать, условие между рабочими одного цеха. А так как союзы состоят из рабочих одного цеха (ведь рабочим одного цеха легче договориться), то и называют их профессиональными. Возьмем, к примеру, портняжный цех: собрались рабочие портные и решили устроить союз. Они подыскивают квартиру (у знакомых, в мастерской или нанимают, как удобнее), собираются и вместе обсуждают и решают свои дела, т. е. все, что касается рабочих этого цеха г. Пскова. Например, в какой-нибудь мастерской темно, грязно, заработная плата мала, одним словом, условия работы скверные. Вот рабочие этой мастерской заявляют об этом союзу, союз вырабатывает требования, которые предъявляют хозяину этой мастерской».[114]

По этой причине созданные по инициативе социал-демократов в Петербурге и Москве Центральные бюро профессиональных союзов, отстаивавшие производственные начала профсоюзов фабрик и заводов успеха не имели. Общезаводские организации формировались здесь не производственными союзами, а делегатами от цеховых рабочих.

Под названием старост такие делегаты существовали еще до революции 1905 г. Инициатором их создания было

[114] Профсоюзы СССР. Документы и материалы в четырех томах. Т. I. Профсоюзы в борьбе за свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата (1905-1917). М., 1963. С. 45.

царское правительство, стремившееся устранить забастовки и предотвратить возникавшие на их почве бунты. По закону 1903 г. рабочие получили право с согласия хозяина выбирать фабричных старост. Из их числа администрация отбирала пригодных на эту должность. Будучи ставленниками администрации, оказать существенное влияние на настроения рабочих фабричные старосты не могли. Подлинное значение закона заключалось в другом – впервые на фабриках и заводах с благословения правительства появились организации, позволявшие каждому цеху высказывать свое мнение при обсуждении общефабричных дел.

С точки зрения предотвращения забастовок и стихийных бунтов, институт фабричных старост оказался беспомощным. Однако во время революционного подъема советы старост превратились в свою противоположность. Они подсказали рабочим, как строить организации на фабричном уровне, избирая в них своих подлинных представителей.

Рабочие самочинно, путем прямого и равного голосования, не считаясь с мнением администрации, выбирали цеховых представителей в фабрично-заводские комитеты предприятий – прообразы будущих фабзавкомов 1917 г., пытавшихся под свою диктовку наладить производство, дезорганизованное войной. Дальнейшим шагом на пути повышения организованности было выдвижение представителей фабрик и заводов в советы рабочих депутатов для организации совместных стачек и выдвижения общих политических требований. Будучи территориальными организациями, советы становились зародышами революционной власти.

О том, какую качественно новую ступень приобретало рабочее движение под руководством советов рабочих депутатов можно, судить, например, по деятельности совета Кинешмских мануфактур. «В средних числах августа (1905 г. – Ю. И. и С. П.), – пишет Д. Кольцов, – в Кинешме забастовали 2 тыс. рабочих фабрики братьев Разореновых, предъявив экономические требования. Фабрика перешла во власть рабочих, так как администрация скрылась. Рабочие захватили ключи от помещений и никого посторонних не пускали. Всем ведал совет рабочих депутатов. На фабрике царил

образцовый порядок. Пьянство было запрещено под страхом штрафов и удаления с фабрики. Потребительская лавка (созданная на средства фабрики и рабочих) дала возможность держаться долгое время, так как провизии было запасено много. Ежедневно происходили сходки, на которые все рабочие обязаны были явиться, и за неявку налагался штраф».[115]

В ходе проведения стачек под руководством советов уже нет и намека на разрушение фабричного оборудования, расхищение фабричного имущества, битья стекол и т. п., что не исключало в случае наступления голода погрома городских лавок, поджогов дач фабрикантов и т. д., как это было, например, во время описанной Фурмановым известной 72-ух дневной стачки иваново-вознесенских рабочих, выставивших не только экономические, но и политические требования.[116]

Важно и то, что профсоюзы всемерно поддерживали деятельность советов. В частности, в уставе возникшего в ноябре 1905 г. профсоюза текстильщиков было записано «требование признания избранных рабочими депутатов, без согласия которых предприниматели не имели бы права нанимать и увольнять рабочих, устанавливать расценки и правила внутреннего распорядка на фабриках. Устав требовал также свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища».[117] Представители администрации в профсоюзы рабочих и советы не допускались.[118]

Особенно многогранной была деятельность петербургского совета рабочих депутатов, приобретавшего черты всероссийского центра. К нему присылали представителей советов других городов: Сормово, Саратова, Твери, Воткинского завода Перми и др.

---

[115] Общественное движение в России в начале XX века. Т. II. С. 294.

[116] См. там же. С. 70.

[117] Профсоюз текстильщиков. Краткий исторический очерк. М., 1963. С. 10.

[118] См. Розенталь И. С. Профессиональные союзы рабочих России: численность, состав. политическая ориентация (1905- февраль 1917). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1987. С. 250.

Петербургский совет рабочих депутатов, называвший себя Советом депутатов петербургских фабрик и заводов, возник 13 октября 1905 г. в ходе всеобщей октябрьской стачки. В его состав вошли представители 40 предприятий. Председателем Совета вначале был меньшевик С. Зборовский, затем его сменил Хрусталев (Георгий Носарь). После ареста Хрусталева 26 ноября 1905 г. председателем Совета был избран Троцкий. 17 октября вышел первый номер «Известий» – газеты Совета. В середине ноября 1905 г. Петербургский совет насчитывал 562 депутата, представлявших 147 заводов и фабрик, 34 мастерских и 16 профсоюзов.

Одним из первых его решений 13 октября были требования создания народной милиции, удаления из города полиции, амнистии всем осужденным за политические и религиозные убеждения, отмены военного положения и созыв учредительного собрания. Народная милиция формировалась из отрядов рабочих и дружин, организованных социалистическими партиями.

«14 октября советом было решено предъявить гор. управлению требования о мерах для регулирования продовольствия рабочей массы, об отводе помещений для митингов, о прекращении выдачи продовольствия на полицию и жандармерию, об удалении войск с городского водопровода и т. д. А главное – о выдаче из городских средств денег совету рабочих депутатов для вооружения пролетариата».[119] 19 октября совет декретировал свободу печати.

Вспомним в этой связи высказывание Ленина 1902 г. о том, что «классовое *политическое* (курсив мой – Ю. М.) сознание может быть принесено рабочему *только извне,* т. е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих с хозяевами».[120] Создав советы, фабрично-заводские рабочие по сути дела доказали, что они сами в состоянии вести решительную политическую борьбу против царизма. Вопреки утверждениям Ленина они были « впереди всех в обстановке, обострения и разрешения всякого

---

[119] Общественное движение в России... Т. II. С. 89.

[120] Ленин В. И. Что делать? .... С. 79.

демократического вопроса», не замыкаясь исключительно сферой отношений предприятий, где они трудились.

Сами способы, методы борьбы фабрично-заводских рабочих определялись их местом в системе производства прибавочной стоимости, порожденной акционерным капиталом. «Главным средством борьбы в руках Совета, – как обосновано указывал Троцкий, – была политическая забастовка – метод, свойственный исключительно пролетариату как классу наемного труда».[121]

На ее почве рождалась его сплоченность, а, следовательно, и организованность в достижении собственных целей. Продавая рабочую силу, рабочие были кровно заинтересованы в существовании свойственных рынку демократических свобод, что предопределило их авангардную роль в борьбе против самодержавия. Им было чуждо требование тоталитарного социализма, который им навязывали большевики, заявлявшие, что «вражда к социал-демократии среди пролетариата есть остаток буржуазных воззрений среди пролетариата».[122]

В революционной обстановке российские рабочие стремительно усваивали те самые приемы и методы классовой борьбы, которые широко практиковались в Западной Европе. «После октябрьской победы, – отмечается в сборнике «Общественное движение в России», – каждая профессия стремилась воспользоваться «свободами» и вырвать у хозяина максимум уступок. Но октябрьско-ноябрьские забастовки были уже не февральскими, в большинстве случаев еще стихийными забастовками. Почти всякой забастовке теперь предшествовал ряд предварительных собраний; образовывались временные стачечные комитеты или кассы, а в Петербурге, где уже имелся рабочий совет (и там, где впоследствии образовались такие советы) стачкой руководила через депутатов той или иной забастовавшей фабрики, эта общая организация».[123]

---

[121] Троцкий Н. Совет и революция (пятьдесят дней)// История Совета рабочих депутатов С-Петербурга. СПБ, [1918] С. 19.

[122] Ленин В. И. Учитесь у врагов. Т. 12. С. 118.

[123] Общественное движение в России... Т. II. С. 113.

Пользуясь революционной обстановкой, породившей бессилие администрации, советы по своей инициативе сокращали рабочий день и снижали нормы выработки. В частности, как пишет В. Гриневич, – «В 1905 г. в первую половину года из 180 тыс. текстильщиков в Московской губернии большинство еще работало по 11,5 часов (около трех пятых) и тысяч 40 работали односменный 10-часовой и двухсменный 9-часовой. Через год в 1906 г. всего одна восьмая рабочих трудилась по 11,5 часов. Главная масса распределялась на односменной 10-ти часовой и 2-х сменной 9-ти часовой... Ночные работы сохранились всего на 20-ти фабриках с 5-тью тыс. рабочих».[124]

Но революционный подъем – условие самодеятельности фабрично-заводских комитетов и советов был короток – всего два месяца. Способности отстаивать собственные интересы у широких масс рабочих и крестьян по времени вызревали по-разному. Когда фабрично-заводские рабочие боролись с самодержавием, крестьянство еще не доросло до понимания необходимости борьбы с царизмом. Эпицентром революционного движения оставался город. Зарождавшееся брожение в войсках еще не сопровождалось повсеместными выступлениями на стороне готовившихся к восстанию городских рабочих. Этим воспользовался царизм, заручившийся поддержкой кадетов и октябристов – партий акционерного капитала и помещиков, для которых революция была закончена.

Кадеты первыми перешли в наступление против революции. Воспользовавшись острейшим экономическим кризисом, директорат с благословения владельцев акционерного капитала организовал массовый локаут, уволив 100 тыс. петербургских рабочих. Расчет строился не только на том, чтобы задушить революцию голодом, но и выгнать в деревню оказавшихся на улице революционно настроенных рабочих. Локаут послужил сигналом для царского правительства громить ненавистные Советы. Правительство Витте издало распоряжение об аресте председателя Петербургского совета Троцкого. Последнему удалось скрыться. 3 декабря 1905 г. был арестован весь состав

---

[124] Гриневич В. Профессиональное движение рабочих России.. С. 118.

Петербургского совета и его исполнительного комитета. Позднее, в 1906 г., когда реакция окончательно восторжествовала, 15 из них были отправлены в ссылку на поселение, двое заточены в крепость.

Разгром революции довершило подавление декабрьского вооруженного восстания в Москве, начатое под руководством эсеров рабочими трехгорной мануфактуры, а также восстаний в других городах. Эти поражения породили немало споров между большевиками и меньшевиками. «Снять с очереди вопрос о восстании, – заявлял Ленин, – значит, в сущности, признать законченным революционный и начавшимся «конституционный» период демократического переворота», из чего неизбежно вытекало «участие в Думе и усиленная работа в легальном профессиональном движении».[125]

В известном споре Ленина с Плехановым, заявлявшим, что не нужно было браться за оружие, последний был прав. «Эра баррикад и уличных боев прошла навсегда», на что указывал, между прочим, еще Энгельс, «предлагая выработать новую революционную тактику». По его словам, *«если войска сражаются*, сопротивление становится безумием».[126] Фабрично-заводские рабочие стихийно усваивали эти уроки. После 1905 г., по крайней мере в Петербурге, эра баррикад и уличных боев против войск практически сошла на нет. В европейской России революционный подъем действительно оказался законченным.

Иное решение проблемы предлагал Ленин. Считая, что на повестке дня стоит вопрос о вооруженном восстании, он исходил из того, что «проповедуя отобрание земли, мы (имеются в виду социал-демократы – Ю. И. и С. П.) зовем крестьян на восстание. А разве мы вправе были бы, не впадая в революционную фразу, делать это, если бы не рассчитывали на восстание рабочих в городах, на поддержку

[125] Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии. Т.12. С. 178.

[126] Энгельс Ф. Письмо Полю Лафаргу в Ле-Перре 3 ноября 1892 г. Т. 38. С.432.

рабочими крестьян?»[127] По Ленину, не крестьяне должны были поддерживать рабочих, а рабочие крестьян. При такой постановке вопроса гегемония пролетариата в революции становилась призрачной. Намного ближе к истине был Троцкий, ставивший задачу прихода к власти не буржуазии, а рабочих (точнее было бы сказать директората) в результате победы буржуазно- демократической революции.

Как мы уже отмечали, Ленин полагал, что аграрный вопрос – главный в революции против царизма. Между тем переход помещичьей земли крестьянам была лишь сопутствующей мерой борьбы с самодержавием. Те формы борьбы против помещиков, которые развертывались в российской деревне, были далеки от восстаний против самодержавного режима, как, впрочем, и американского решения аграрного вопроса.

Подобно тому, как у фабрично-заводских рабочих на ранних этапах их движения конфликты сводились к попыткам силового решения локальных экономических проблем, так и крестьянские выступления против помещиков сводились к таким же решениям, от которых в выигрыше оказывались прежде всего имущие крестьяне, широко практиковавшие различные формы кредитования бедноты. Эта черта крестьянского движения особенно четко проступает в черноземных губерниях.

Зажиточные крестьяне не свергали на местах царскую власть. Организуя погромы помещичьих имений, они вынуждали бежавших в город помещиков снижать арендную плату за землю, переходившую в «уравнительное» пользование общин. «Крестьяне толпами подступали к помещичьим экономиям, разбирали хлеб и прочее, а постройки нередко сжигали. Вреда личностям почти никогда не наносили, ибо не столько питали вражду к отдельным лицам, сколько стремились во что бы то ни стало выжить помещиков... За короткое время было сожжено и «разобрано» и вообще уничтожено свыше 2000 усадеб».[128]

[127] Ленин В. И. Современное положение России и тактика рабочей партии. С. 179.

[128] Общественное движение в России... Т. II. С. 118.

«Главные моменты действий крестьян, – пишет П. Маслов, – следующие: 1) удаление помещика с семьей из усадьбы; 2)разбор и дележ хлеба и продуктов, а иногда и домашней движимости; 3) выведение скота; 4) расчет батраков и домашней прислуги и 5) часто поджог экономических построек. Помещики выезжают по предупреждению крестьян, и насилий над ними никаких не допускается... Урядники, стражники скрываются, а местами и арестованы крестьянами. Во главе крестьян, нападающих на помещичьи усадьбы, стоит обыкновенно вооруженная дружина, дележом хлеба и продуктов и деньгами заведуют комитеты и братства из местных крестьян. Захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках или у сборщиков питейных доходов суммы обращаются в общественную собственность. Поджог владельческих построек мотивируется крестьянами двумя соображениями: а) если постройки будут сожжены, то помещики не будут в состоянии вернуться в деревню», а вместе с ними и казаки.[129]

То, к чему лидеры правых эсеров, в частности, Чернов, приходили теоретически, призывая «добиваться, чтобы крестьянство в своих делах управлялось само собой, без чужой указки; чтобы сельские власти были верными и честными слугами миру, а не прислужниками земских начальников, исправников, становых», общинная верхушка осуществляла на практике во имя собственных корыстных интересов.[130]

Политическое влияние правых эсеров особенно было велико в черноземных губерниях, где разгромы помещичьих имений охватили 63% уездов. Вместе с тем уже в первые постреволюционные годы здесь все четче вырисовываются противоречия между зажиточными и деревенской беднотой, нарастание которых форсировала аграрная реформа Столыпина. В частности, как пишет П. Маслов, в ряде уездов Саратовской губернии, «наряду с поджогами помещичьих усадеб, обостряется взаимное озлобление богатых и бедных

[129] Маслов П. Крестьянские движения в России в эпоху первой революции. М., 1924. С. 91.

[130] См. Устав крестьянского союза "Братство для защиты народных прав"// Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996. С. 46.

слоев крестьянства, сопровождающееся также взаимными поджогами и убийствами. Это взаимное озлобление явилось результатом того, что понижением арендной платы, вызванным предыдущим аграрным движением, воспользовались зажиточные слои населения, которые теперь, при упадке настроения, стремились упрочить свое хозяйство на почве *существующих* аграрных отношений».[131] Взаимное озлобление крестьян подготавливало почву для оформления левого крыла эсеровской партии.

По иному развивалось крестьянское движение в промышленных губерниях, где главным занятием населения были отхожие и кустарные промыслы. Разнообразные государственные и общинные поборы, натуральные повинности в пользу земства (дорожная, квартирная, подводная и др.), громадные косвенные налоги на товары повсеместного спроса (керосин, соль, спички и т. д.), а также поборы винной монополии были подлинным бедствием для широких крестьянских масс. Главным здесь были отказы платить подати и бойкот сельской администрации, к чему призывал Л. Н. Толстой в своем известном «Письме к Индусу», послужившему для Ганди теоретическим обоснованием для создававшегося под его руководством движения сатьяграха.

Потравы и порубки здесь были повсеместны, поджоги помещичьих усадеб редки. На основании общественных приговоров население смещало волостные и сельские власти. «Почти повсеместно в губернии, жаловался новгородский губернатор, оклады содержания волостных старшин, судей, писарей были до таких ничтожных размеров уменьшены, что те из должностных лиц, которые сколько-нибудь удовлетворяли своему назначению, должны покинуть свои места».[132] Но и здесь выступления крестьян не приводили к свержению государственной власти, ограничиваясь лишь парализацией ее возможностей воздействовать на общину.

В связи с поражением революции вслед за разгромом советов наступила череда профсоюзов, существование

[131] Общественное движение в России ... Т. II. С. 252.

[132] Цит. по: Крестьянское движение в России. (Июнь 1907 -июль 1914). Сборник документов. М.-Л., 1966. С. 22.

которых в первый и последний раз было узаконено 4 марта 1906 г. «Временными правилами о профессиональных обществах». Согласно этим правилам « профессиональные общества могли создаваться с целью выяснения и согласования экономических интересов рабочих и предпринимателей. В уставах союзов, которые подлежали обязательной регистрации у губернатора или градоначальника запрещались даже упоминания о стачках... Собрания рабочих должны были проводиться только с разрешения соответствующих властей и с обязательным присутствием полицейского чиновника».[133]

Основной целью «временных правил» было уничтожение рожденных революцией профсоюзов, способных проводить стачки, добиваясь улучшения условий и оплаты труда. Такие профсоюзы не регистрировались, и, следовательно, подлежали роспуску. После разгона 1-ой государственной думы в июле 1906 г. в один день в Петербурге были закрыты почти все профсоюзы, а их руководители подверглись арестам. С 1906 г. по 1910 г. было запрещено свыше 500 профсоюзных организаций.[134]

В обстановке острейшего послевоенного экономического кризиса, сопровождавшегося глубоким спадом промышленного производства директорат фабрик и заводов создавал свои картели. В Петербурге картель назывался «Санкт-Петербургское общество содействия и улучшению фабрично-заводской промышленности». В 10 промышленных губерниях московского района – «Союз фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района».

Участники союзов, избавляясь от лишних рук, обязаны были проводить совместные локауты, составлять общие для всех черные списки, не подлежащих приему на работу революционно настроенных рабочих, а также не идти на уступки, связанные с улучшением условий труда и его оплаты. В случае локаутов участники союзов не несли убытков, так как получали от них пособия.

---

[133] Профсоюз текстильщиков... С. 13.

[134] См. Балабанов М. Рабочее движение в России в годы подъема. 1912-1914. Л., 1927. С. 4.

В годы кризиса фабрично-заводские рабочие оказались в наиболее бедственном положении: цены на продовольствие чудовищно росли, реальная зарплата падала. Основные каналы отпора рабочих снижению уровня жизни оказались перекрытыми. Возникавшие после 4 марта профсоюзы в присутствии представителей полиции не могли даже заикнуться о стачках.

Численность членов профсоюзов в 1906-1909 гг. неуклонно уменьшалась. Например, в Петербурге насчитывалось 70 тыс. металлистов, из которых в 1909 г., по данным периодического издания «Промышленность и торговля СПб», только 3925 были членами профсоюза, из 30 тыс. текстильщиков за этот же год членами профсоюза были всего 785 чел.[135] Еще хуже обстояло дело в Москве. «В Московском союзе металлистов, – пишет И. С. Розенталь, – закрытом в июле 1907 г. в сентябре насчитывалось 200 действительных членов; до 1913 г. он не подавал признаков жизни. Не превышала этой цифры численность союза текстильщиков, хотя он считался легальным».[136] Уцелевшие фабрично-заводские комитеты под названием «беспартийных комитетов» в условиях массовых увольнений бездействовали.

Все это привело к тому, что коллективные выступления сменились индивидуальными попытками фабрично-заводских рабочих во что бы то ни стало удержаться на работе, заискивая для этого перед администрацией. Найм на неопределенный срок сменился двухнедельным, позволявшим увольнять рабочего без предупреждения и не менять расценки.[137]

«В корреспонденциях заводов и мастерских, – пишет Ф. А. Булкин (Семенов), – заполняющих страницы союзного органа (имеется в виду профсоюзная печать – прим. Ю. И. и С. П.), все время читаем сообщения о подношениях «любимому начальнику», о том, что рабочие сохраняют за

---

[135] Профсоюзы СССР. Документы и материалы в четырех томах. Т.I. М., 1963. С. 277.

[136] Розенталь И. С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 100.

[137] Динеева О. В. Индустриальная безработица в Москве и Московской губернии (1900-1909 гг.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2004. С. 20.

собой места при помощи взяток, подхалимства, наушничества; как люди работающие бок о бок в одной мастерской, вырывают друг у друга заказы, в погоне за работой сбивают расценки».[138] Стоит ли этому удивляться, если, например, в Московском промышленном районе в 1907 г. каждый четвертый рабочий металлообрабатывающей промышленности оказался без работы.[139]

В более благоприятном положении были рабочие средних и мелких заведений. Их владельцы – скупщики не входили в союзы, устраивавшие локауты. Некоторыми из возникавших здесь профсоюзов руководили большевики. Согласно сведениям, приводимым И. С. Розенталем, «партийные группы большевиков имелись в союзах торговых служащих, портных, печатников, кожевников, деревообделочников».[140]

Особенность этих профсоюзов заключалась в том, что они далеко не всегда объединяли подлинных рабочих (например, профсоюз торговых служащих). Некоторые из них принимали квартирников, эксплуатировавших учеников и подмастерьев. Так в профсоюз портных принимались штучники, имевшие не более двух подмастерьев, у которых высчитывалось не более 60% заработка.[141] В профсоюзе деревообделочников были главы артелей. Наконец, последнее по месту, но не по важности, эти профсоюзы, как правило, объединяли работников там, где не было системы управления наемного персонала, характерной для фабрик и заводов. Управление здесь сосредотачивалось в руках собственников заведений.

На фабриках и заводах противостояние рабочих наемному управленческому персоналу уже давно имело четкие черты, вызывая неверие Ленина в их способности отстаивать тоталитарные идеалы. Иное дело рабочие мелких и средних заведений, где противостояние фокусировалось

[138] Булкин А.Ф. (Семенов) На заре профдвижения. История петербургского союза металлистов. 1906-1914. Л-М., 1924. С. 210.

[139] Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. М., 1981. С. 5.

[140] Розенталь И. С. Профессиональные союзы рабочих России. Диссертация... С. 288.

[141] См. там же. С. 239.

между ними и предпринимателями. Здесь оставалось вакантным место для управления заведения служащими, незапятнанными враждебным отношением к рабочим.

Весьма показательно, что на V-ом («лондонском») съезде РСДРП была принята резолюция о том, что «идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии».[142] Большевики считали демократию, которую последовательно отстаивали фабрично-заводские рабочие, феноменом исключительно буржуазного общества. Она была несовместимым с тоталитарным строем, к установлению которого были устремлены ленинские помыслы.

В 1910 году казалось, что революция в России окончательно добита: исчезли массовые политические забастовки, антипомещичье движение в деревне переживало глубокий спад. Но дни самодержавия уже были сочтены. То, что делал царизм, рассчитывая предотвратить революцию, лишь способствовало пробуждению к политической жизни тех самых классов, которые были призваны смести его с политической сцены.

Их пробуждение было вызвано отнюдь не борьбой за прусский или американский путь развития, как полагал Ленин, а инициированной самодержавием гонкой вооружений, рассчитанной на новые территориальные притязания. Гонка вооружений, обогащая акционеров, породила конкуренцию между ними за выгодные военные заказы. Союзы предпринимателей, рассчитанные на увольнения рабочих и локауты, распались. На заводах широко открылись двери для приема новых рабочих. Тем самым возникли благоприятные условия для стачечной борьбы за повышение расценок. Петербург был ведущим центром военной промышленности. На его долю приходилось 70% военной продукции, что предопределило его ведущую роль в движении фабрично-заводских рабочих России.

[142] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов... Часть I. С. 103.

Ленский расстрел 1912 г., наглое выступление министра внутренних дел Макарова, заявившего в этой связи, что «так было и так будет», пробудили питерских рабочих к активной политической борьбе. В Петербурге не было завода, – пишет М. Балабанов, – который в той или иной форме не выразил бы своего протеста. 17 апреля здесь бастовали 134 предприятия с 31726 раб. 18 апреля – 85 предприятий с 53534 раб. В Москве бастовали крупные заводы: Гужона, Бромлей, Листа, Мытищинский, в Нижегородской губ. Сормовский и Кулебанский заводы».[143]

Это было только начало. В связи с празднованием первого мая прошли стачки на многочисленных предприятиях Петербурга. В октябре в знак протеста против смертного приговора севастопольским рабочим здесь бастовали 120 тыс., в Москве – 40 тыс. рабочих. Наряду с политическими росло число экономических стачек, отличавшихся от прошлого невиданной до этого продолжительностью и действенной денежной поддержкой рабочих небастующих фабрик и заводов.

Особенно упорными и дружными были стачки в Петербурге. «Наиболее значительна, – пишет М. Балабанов, – забастовка на заводах Сименс и Гальске, где 1000 рабочих бастовали 14 недель. Рабочие требовали отмены наложенного на них штрафа за забастовку в день 1 мая, включения этого дня в табель праздников, признания выборных старост и т. д. Заводоуправление пошло на уступки, отменило штраф, признало 1 мая праздником, признало старост, а также согласилось ходатайствовать об освобождении 120 рабочих, арестованных во время забастовки. Продолжительную стачку эту поддерживали рабочие других заводов сбором денег. Свыше 3-х месяцев продолжалась стачка на одной из багетных фабрик; когда владелец фабрики попытался передать заказы другой фабрике, забастовали и рабочие последней».[144]

Из экономических стачек северо-западного промышленного района М. Балабанов выделяет длившуюся 5 недель забастовку на фабриках бр. Зотовых и Ново-

[143] Балабанов М. Рабочее движение в России... С. 29.

[144] Там же. С. 33.

Костромской мануфактуре, в которой участвовало 11 тыс. рабочих, требуя повышения заработной платы и уплаты квартирных, а также длившуюся свыше месяца забастовку на Романовской льнопрядильной мануфактуре, Нарвской мануфактуре в Ярославской губернии, фабрики Грибанова в Вологодской губ. и т. д. Во время этих забастовок рабочие требовали увольнения ряда служащих и признания избранных рабочими старост.[145]

В Петербурге 1913 г. ознаменовался невиданной чередой политических стачек. 9 января бастовало до 60 тыс. рабочих, 4 апреля столько же. 1 мая, по подсчетам «Правды», в стачке принимали участие до 250 тыс. человек. С 1 по 4 июля в знак протеста против преследований рабочей печати бастовали свыше 25 тыс. рабочих, 17-19 июля в знак протеста против суда над матросами бастовали 30 тыс. рабочих. В сентябре, протестуя против ареста руководителей стачки московских трамвайщиков, в забастовке участвовали свыше 50 тыс. рабочих. В октябре прошли стачки протеста по поводу суда над Бейлисом. 6-8 ноября в Петербурге по официальным данным бастовали свыше 80 тыс. рабочих 182-х предприятий в знак протеста против привлечения к суду 6-ти рабочих Обуховского завода, отказавшихся приступить к работе во время стачки.

1914 г. в Петербурге характеризуется еще большим нарастанием стачечной волны. 9 января здесь бастовало 140 тыс. рабочих, 1 мая свыше 250 тыс. Из-за стачек многие предприятия больше простаивали, чем работали. На Обуховском заводе забастовка продолжалась более 2-х месяцев, на заводе Лесснера – около 3-х месяцев. Массовые отравления работниц на ряде предприятий Петербурга вызвали забастовку солидарности 115 тыс. рабочих и вслед за ней демонстрации. 3 июля на Путиловском заводе полиция стреляла в рабочих, проводивших митинг по поводу Бакинской стачки. 4 июля в знак протеста забастовало 90 тыс. рабочих, 7 июля их стало 130 тыс., 8 июля – 200 тыс. На всех заводах проходили митинги и демонстрации. По утверждению большевистских историков, в знак протеста против вступления России в мировую войну кое- где на окраинах столицы появились баррикады. Были ли в действительности

[145] См. там же.

баррикады или нет, мы об этом не знаем. Кроме дежурных упоминаний о них ничего не известно.

Петербургские политические стачки и демонстрации использовали малейший повод, чтобы выразить протест против самодержавия. Основное ядро участвовавших в них были фабрично-заводские рабочие. Их участие подтверждало известное положение Маркса о том, что идеи, в данном случае идеи свержения самодержавия, становятся материальной силой, когда ими овладевают массы. Фабрично-заводские рабочие на деле доказали, что в борьбе против царизма они являются авангардом всех революционных сил, чего не признавал за ними Ленин. Но их авангардная роль накануне войны ограничивалась преимущественно Петербургом. Вне Петербурга политические стачки и демонстрации фабрично-заводских рабочих были редкостью.

К этому времени крестьянское движение утратило антипомещичий характер. Площадь помещичьего землевладения стихийно сократилась. После крестьянских погромов помещики активно распродавали свои земли банку и зажиточным крестьянам. В Симбирской губернии доля таких земель составила 33,2%, в Саратовской – 32,6%, Пензенской – 28,8%, Самарской – 26,5% и т. д.[146]

Разрушавшая общину столыпинская реформа, сместила акцент противоречий из антипомещичьей плоскости в плоскость борьбы бедных крестьян с земельными собственниками. Другим ее следствием была продажа беднотой своих общинных наделов. С 1907 г. по 1915 г. (в 1915 г. в связи с массовыми протестами семей мобилизованных в армию, проводившийся по мужским душам передел общинных земель был приостановлен) 1,2 млн. крестьянских дворов продали 3 млн. десятин[147], т. е. в среднем всего 2,6 десятины на двор. По сравнению с концом XIX в. изменился облик российской деревни. В городах ускорился рост числа рабочих, утративших с ней экономические связи.

---

[146] Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 140.

[147] Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. М.-Л., 1965. С. 7.

Вступление России в войну, затормозив вначале нарастание революции, ускорило ее победу, завершившуюся свержением самодержавия. Война выявила глубокое «несоответствие между состоянием производительных сил России и теми требованиями, которые предъявляет империалистская война».[148] Последовательный курс большевиков на поражение царизма в войне, на превращение войны империалистической в войну гражданскую, был абсолютно верным в качестве политической предпосылки их прихода к власти. Но это не означает, что поражение царизма в войне было предопределено большевиками. Оно было неизбежным, не зависящим от субъективных пожеланий процессом, обусловленным отсталостью страны. Большевики лишь использовали его для того, чтобы, придя к власти установить тоталитарный режим, принесший гибель и страдания миллионам населения страны.

Начало войны не предвещало революционной бури. По сравнению с июлем 1914 г. число забастовок в августе сократилось почти в 40 раз. Профсоюзы были распущены. Уцелел лишь один профсоюз – профессиональное общество служащих-фармацевтов.[149] Небольшие антивоенные манифестации первых дней объявления войны буквально потонули в обстановке шовинистического угара. Под прикрытием вездесущего ока полиции поднаторевший в еврейских погромах «Союз русского народа» громил принадлежавшие немцам административные здания, дома и магазины. Но так не могло долго продолжаться. Эйфория безнаказанных погромов и ура-патриотических лозунгов сменились тяготами войны, усугубленными известиями о поражениях на фронте.

В обстановке хвастливых заявлений о росте прибылей реальная заработная плата непрерывно падала, цены на продовольствие стремительно росли. Уже осенью 1915 г. города сидели на голодном пайке. Армия получала только половину продовольственной нормы. Рост цен был неудержим. К осени 1916 г. предметы первой необходимости

---

[148] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I... С. 262.

[149] Флеер М. Г. Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 149.

вздорожали по сравнению с началом войны в среднем втрое, дрова и яйца – вчетверо, масло и мыло – впятеро.[150]

Военные мобилизации породили острейший дефицит товарного продовольствия. Численность мобилизованных для военных нужд выросла с 1,37 млн. в 1913 г. до 15 млн. чел., что превысило численность всего городского населения территории современной Российской федерации. Бедственное положение усугублялось тем, что громадные запасы пшеницы Сибири оказались отрезанными от европейской России отчасти из-за высоких железнодорожных тарифов, отчасти из-за перегруженности дорог военными перевозками. При протяженности железнодорожной сети в 43 тыс. верст имелось всего 11 тыс. паровозов, т. е. 1 паровоз приходился на 4 тыс. верст железнодорожного пути. Что касается причерноморских хлебных районов, то они были охвачены борьбой украинцев за независимость.

Таким образом, основным источником снабжения хлебом армии и городов становились районы Черноземья, где скудный обмен между городом и деревней был подорван войной. Мобилизация промышленности для военных нужд породила, острейший дефицит таких товаров как ситец, нитки, керосин, спички, сахар и т. д. Цены на эти товары настолько непомерно выросли, что продавать хлеб стало невыгодно. Жены мобилизованных все чаще громили лавки, силой забирая товары и избивая их владельцев.

В условиях нарушенного войной товарообмена у царского правительства оставался лишь один способ приобретать продовольствие. По инициативе министра земледелия Риттиха, осенью 1916 г. была введена продразверстка с посылкой отрядов стражников в деревню для изъятия «излишков» продовольствия и фуража по ценам значительно ниже рыночных. Продразверстка – синоним военного коммунизма – отнюдь не была изобретением большевиков. Ее изобрело царское правительство, которое так и не смогло провести ее в жизнь. На местах власти опасались возникновения стихийных бунтов, так как имевшие «излишки» крестьяне в своем неприятии продразверстки имели поддержку всего населения деревни. Та система продразверсток, которую позднее под флагом перехода к

[150] Хроника России. XX век. М., 2002. С. 206.

коммунизму практиковали большевики, была, в сущности, более жестоким продолжением той самой аграрной политики, которую в условиях проигранной войны пыталось проводить царское правительство.

С весны 1915 г. начался неуклонный рост забастовок и числа бастовавших. В августе 1915 г. они приобрели политический характер: появились забастовки протеста против войны. Примечательно, что в Петербурге антивоенные митинги и демонстрации обычно проходили без столкновений с полицией. При ее приближении рабочие расходились, чтобы с той же целью тут же собраться вновь в другом месте. В провинции расстрелы забастовщиков были рядовым явлением. Так, «в июне 1915 г. бастовало 6500 рабочих Большой льняной мануфактуры в Костроме. Полиция расстреляла демонстрацию стачечников. То же в Иваново-Вонесенске, где бастовало 25 тыс. рабочих с 32 предприятий. Демонстрация была расстреляна полицией. Убито 30 и тяжело ранено 53 рабочих».[151] В связи с этим в августе и сентябре 1915 г. по всем промышленным центрам странам прокатилась волна забастовок в знак протеста против этих расстрелов. Число забастовщиков превысило 130 тыс. чел.[152]

В 1916 г. число забастовок сравнительно с декабрем 1915 г. возросло более чем в 3,5 раза. Причем к бастующим рабочим все чаще присоединялись измученные проигранной войной, полуголодные солдаты. В Петербурге в 1916 г. «во время многочисленных демонстраций в день 9 января были случаи встреч демонстрантов с солдатами. Так, по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали: «Ура», «Долой войну» и т. д.10 января вечером по Большому Сампсониевскому проспекту шествовала громадная колонна работниц, рабочих и солдат... Полиция все время держалась в стороне... Присутствие в более чем тысячной толпе 300-400 солдат действовало на

[151] Профсоюз текстильщиков... С. 34.

[152] Флеер М. Г. Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 12.

полицию «успокоительно». Демонстрация длилась более часу».[153]

В течение всего 1916 г. разуверившаяся в военной победе, полуголодная армия все больше и больше стихийно вовлекалась в водоворот антивоенного движения. Так, «17 октября забастовал завод «Рено» на Выборгской стороне. Рабочие двинулись к другим предприятиям. Скоро толпа демонстрантов залила Сампсониевский проспект. У казарм 181-го полка полиция хотела арестовать агитатора, но толпа его отстояла. Солдаты выбежали из казарм и стали забрасывать городовых камнями. Вызвали командира полка. Возбужденные рабочие и солдаты разбили автомобиль и ранили полковника. Поздно вечером офицеры вызвали учебную команду полка. Она отгородила казармы от демонстрантов, однако стрелять в толпу, несмотря на троекратный приказ, не стала. Прискакали казаки, но, видимо, побоялись вооруженных солдат».[154]

Именно стихийное нарастание этого процесса, процесса вовлечения солдатских масс в движение фабрично-заводских рабочих, привело, в конце концов, к тому, что в феврале 1917 г. подавляющее большинство армии окончательно повернуло оружие против тех, кто защищал самодержавие. Лишившись основы своего аппарата насилия, Николай II был вынужден отречься от престола.

---

[153] История гражданской войны в СССР. Том первый. М., 1935. С. 35.

[154] Там же. С. 52.

ОТ ПОПЫТОК ШТУРМОВАТЬ НЕБО К ЗЕМНЫМ ОБЕСКУРАЖИВАЮЩИМ ЗАБОТАМ

Простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» – на привилегию управления.

Маркс о Парижской коммуне

Величие Февральской революции заключается не в том, что она стала прологом прихода к власти большевиков, пытавшихся уничтожить рынок, а в том, что, опираясь на поддержку крестьян в солдатских шинелях, ее совершили фабрично-заводские рабочие, стремившиеся сами управлять производством.

Фабрично-заводские рабочие составляли основной костяк стихийно развивавшегося революционного движения, сметавшего прогнивший самодержавный режим. По мере его нарастания возрождались фабрично-заводские комитеты, создавшие после победы революции советы рабочих и солдатских депутатов, которые сразу же становились материальной опорой революционной власти, опиравшейся на вооруженные силы рабочих дружин и примкнувших к ним крестьян в солдатских шинелях.

Эти советы отличались от тех, которые возникли в 1905 году, не только тем, что их поддержала армия. В советах 1905 года подавляющее большинство принадлежало представителям фабрично-заводских комитетов, согласовывавших свои совместные действия в борьбе против общего врага – самодержавия и поддерживавших его заводоуправлений. Возглавляли их представители рабочих, примыкавшие к партиям, боровшимся против царизма.

Иное дело советы 1917 г., где представители фабрично-заводских рабочих сразу же оказались в меньшинстве, поскольку руководство советами узурпировали руководители партий меньшевиков и эсеров. «Днем 27 февраля сотни вооруженных солдат и рабочих заполнили

здание Таврического дворца, – пишут И. П. Лейберов и С. Д. Рудаченко. В 2-3 часа дня члены думских фракций меньшевиков и трудовиков, рабочей группы ЦВПК (Центрального военно-промышленного комитета) и т. д. образовали в Таврическом дворце Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов... Председателем исполкома был избран Н. С. Чхеидзе (меньшевик), товарищами председателя – А. Ф. Керенский (трудовик) и М. И. Скобелев (меньшевик). Временный исполком спешно выпустил воззвание к рабочим и солдатам о проведении выборов в Совет рабочих депутатов».[1] Заметим, что до Октябрьской революции всеобщие выборы в советы так и не проводились.

На его первом заседании, прошедшем в этот же день в 9 часов вечера, оказалось менее 40-50 представителей фабрик и заводов. Общее же количество объявивших себя депутатами не превышало 125-150 чел.[2] В дальнейшем доля представителей фабрично-заводских комитетов постоянно сокращалась в связи с увеличением числа депутатов за счет представителей партий, а также армии и Всероссийского совета крестьянских депутатов, созданного по инициативе Московского кооперативного съезда, выражавшего настроения заинтересованной в торговле с заграницей имущей части деревни.[3]

Порожденная фабрично-заводскими рабочими советская форма власти стала примером для подражания широких крестьянских масс, объединявшихся в советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Там же, где фабрично-заводских рабочих и их советов не было, в армейских подразделениях и аграрных районах возникали избираемые снизу доверху комитеты, с которыми все были вынуждены считаться.

Требования всесильных тогда фабрично-заводских рабочих и примкнувших к ним солдат был вынужден учесть в тексте обращения «К гражданам» Временный комитет

---

[1] Лейберов И. П.,Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 94.

[2] Там же.

[3] См. Ленин В. И. Съезд крестьянских депутатов. Т. 31. С.272..; Кооперация. Страницы истории. Т. 1. Книга первая. М., 1999.

Государственной Думы. В обращении излагалась ближайшая программа временного правительства. В нем указывалось: «1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д. 2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих, допускаемых военно-техническими условиями. 3) Отмена всех сословных и национальных ограничений. 4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. 5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. 7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам». В результате из всех воюющих стран Россия стала самой свободной. Не располагая вооруженной силой, временное правительство не могло совершать насилие в отношении масс.

Законом от 23 апреля 1917 г. оно вынуждено было легализовать существование фабрично-заводских комитетов без проведения в них перевыборов. Эпицентром их формирования, как и в прошлом, был Петроград, превращавшийся во всероссийский центр фабзавкомовского движения.

Создававшиеся фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) причудливо сочетали функции профсоюзов, решая вопросы увольнения и найма, расценок и т. д. с функциями хозяев предприятий, навязывавших свою волю управленческому персоналу. «Первой проблемой, которую разрешали заводские комитеты, было удаление представителей старой администрации, которые вызывали особое недовольство со стороны рабочих. Это относилось к начальникам цехов, мастерам и инструкторам («указателям»

как называли их на петроградских судостроительных заводах). На общецеховых собраниях выдвигались требования о смещении со своих должностей мастеров и «указателей», а заводской комитет утверждал эти решения. Практиковался перевод на должность мастерового, перевод на другие работы, увольнение вовсе с завода.

Администрация пыталась, как это видно из протоколов, в ряде случаев противодействовать решениям заводских комитетов, посылая скомпрометированных лиц в длительные командировки за счет завода и выплачивая им содержание по прежней должности. Поэтому процесс смены нежелательных представителей низшей администрации растянулся до конца апреля-начала мая».[4] В условиях революционного подъема возглавляемые директорами заводоуправления были бессильны сопротивляться проведению в жизнь решений фабрично-заводских комитетов.

Вместе с тем на разных предприятиях отношения фабзавкомов с заводоуправлениями складывались по-разному, начиная от сохранения части административного персонала и кончая его полным изгнанием. Так, на заседании представителей артиллерийских заводов отмечалось, что «положение на разных заводах неопределенное. На некоторых администрация смещена и заменена выборной, на других заводах заводоуправление смешенное, и представители администрации входят в состав правления вместе с представителями рабочих, есть и такие заводы, где удалена только часть администрации, почему-либо не пользующаяся доверием рабочих. Как желательная форма заводоуправления признано заводоуправление смешанное, когда рабочие могут контролировать деятельность правления (Трубочный завод)».[5] Конечно, были случаи анархизма, когда старый управленческий персонал полностью изгонялся. Однако в целом ведущей тенденцией было все же использование его под действенным контролем рабочих.

В той мере, в какой фабзавкомы управляли предприятиями, их организационная структура в отличие от

[4] Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979. С. 25.

[5] Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г. Протоколы. М. 1982.С. 33.

фабзавкомов 1905 года претерпевала изменения. Так фабзавком Арсенала Петра Великого с 1-го мая поделился « на 3 секции по 4-5 чел. в каждой: административную, техническую и хозяйственную... Расценки, прием, увольнение рабочих и мастеровых, установление рабочих и праздничных дней – все это принадлежало ведению административной секции, выяснение запасов топлива и материала – хозяйственной, а отношения с административно-технической частью – технической».[6]

Что же касается заводских цехов, то здесь административная власть была сосредоточена в руках внутризаводских комитетов, представлявших собой подразделения заводского комитета. Они контролировали деятельность мастеров и техников. Таким образом, фабрично-заводские комитеты имели стройную организацию, приспособленную к управлению производством в условиях революции и развала экономики, вызванного войной.

Решая вопросы управления, фабрично-заводские комитеты занимались прежде всего улучшением положения рабочих. Вот что, например, писал в 1922 г. пробольшевистски настроенный тогда С. Г. Струмилин: «В первые дни после революции, когда рабочие почувствовали себя, наконец, господами положения, они немедленно же захотели реализовать свою победу облегчением условий своего каторжного труда. Одним из первых требований было требование уменьшения скорости движения некоторых исполнительных механизмов на 10-20%. Далее в той же пропорции был сокращен рабочий день, уничтожены сдельные расценки, повышающие интенсивность повременного труда раза в два или около того. Авторитет хозяев и их ближайших приспешников из числа администрации пал до минимума. Инженеров и мастеров то и дело выкатывали из заводов и сопровождали в мусорные ямы».[7]

С такой же «симпатией» к управленческой деятельности фабзавкомов, «почувствовавших себя господами положения», относился и стоявший на

[6] Там же. С. 15.

[7] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 67.

противоположном политическом фланге С. Н. Прокопович, который в июне 1917 г. писал, что «заработная плата была повышена в большинстве отраслей промышленности на 100 и более процентов (однако из-за инфляции она оставалась ниже довоенной – Ю. И.). Но рост заработной платы на этом не остановился; она продолжала расти бешеным темпом и в следующие месяцы без всякой связи с производительностью труда и валовой выручкой промышленных предприятий».[8]

Самое замечательное, что, несмотря на подобные причитания по поводу деятельности фабзавкомов, объем производства в действительности возрастал. В обстановке анархии, порожденной головокружительной погоней акционерного капитала за прибылью, при наличии пережившей царизм продажной бюрократии, повязанной этим же капиталом, фабзавкомы были единственными организациями, способными хоть как-то удерживать производство на плаву.

Об этом хорошо позднее сказал Максимов, когда большевики, захватив власть, обвиняли фабзавкомы во всех смертных грехах. Фабрично-заводские комитеты, – говорил он, – «спасли революцию благодаря их энергичной работе, благодаря проявлению ими инициативы, заставили фабрикантов вести производство, заставили, чтобы рабочие не могли быть выброшены за борт фабрик и заводов, заставили их налаживать производство, а в тех случаях, где фабриканты и заводчики отказывались вести производство, комитеты сами налаживали производство».[9]

То, что сосредоточенное в Петрограде военное производство не останавливалось из-за неуемных попыток заводоуправлений, а позднее и большевиков, закрывать заводы с целью избавления от неуправляемых рабочих, что оно сохранилось к началу интервенции и гражданской войны, – историческая заслуга фабрично-заводских рабочих. В критические моменты истории ход событий определяется степенью участия в них масс.

---

[8] Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 259.

[9] Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV. Шестая конференция ФЗК Петрограда 22-27. I. 1918. Протоколы и материалы. Составил проф. Е. Цудзи. Спб., 2002. С. 110.

Чтобы не быть голословными, достаточно привести доклад о конференции казенных заводов, записанный в протоколе заседания фабзавкома Арсенала Петра Великого. «Доклады с мест выясняют, что производительность заводов, на которых не чувствуется недостатка в материалах и топливе, начинает повышаться. На Орудийном заводе на 28% (захватным путем проведено увеличение заработной платы, за время болезни до двух третьих заработка), в Оптическом на 11%; Сестрорецкий оружейный завод вместо 4500 взрывателей дает 600 винтовок и 6000 взрывателей, захватным путем рабочие доставали некоторые материалы и топливо, в которых чувствовался недостаток; Охтинский пороховой завод вместо прежних 800 пудов в сутки при 35% брака, теперь дает 900 пудов при 15%; Трубочный завод работает нормально, был недостаток нефти, но заводским рабочим комитетом были приняты меры, и в результате нашли на Петровском острове зарытую в землю цистерну в 15 тыс. пудов; удален был прежний браковщик и начальник говорил рабочим, что без него будет задержка в работе, оказалось, что без него нет браку, все дистанционные трубки выдержали испытания. На многих из учреждений ГАУ (Главного артиллерийского управления) масса разнородных металлов валяются без употребления в то время, когда на других недостаток в них (в артиллерийском складе, в складе огнеупорных припасов, на Главном артиллерийском полигоне залежи металла достигают сотен тысяч пудов и ГАУ не принимает никаких мер)».10

Фабрично-заводские рабочие были непосредственно заинтересованы в работе своих предприятий – единственном источнике средств их жизни в городах. Это требовало использования в той или иной форме работников управленческого персонала. Рабочие делали все от них зависящее, чтобы заводы продолжали работать в обстановке разрухи, порожденной войной. Когда же раздавались сетования на то, что заработная плата растет «без всякой связи с валовой выручкой», что уменьшилась вдвое «интенсивность ручного труда» и т. д., то в действительности здесь речь шла не просто о падении производительности труда вообще, а о падении нормы прибавочной стоимости. Именно последняя составляла подоплеку партийных столкновений, порожденных управленческой деятельностью

фабзавкомов. В спорах о роли и месте фабзавкомов принимали участие и большевики.

В этой связи особый интерес представляют взгляды Ленина – ведущего идеолога коммунистического директората, стремившегося уничтожить порождавшее рынок частное производство. Добиваясь посредством его огосударствления ликвидации рынка, Ленин исходил из того, что «чистый капитализм есть товарное производство»[10], что его «исходный пункт: частная собственность на средства производства и бесхозяйственность пролетариев».[11] Выражая интересы управленческого класса – класса, существовавшего за счет прибавочной стоимости, он оправданно полагал, что рабочие неспособны управлять производством с целью максимизации прибавочной стоимости.

Поэтому он предлагал в процессе огосударствления передать учет и контроль не «бесхозяйственным пролетариям», создавшим фабзавкомы, а другим организациям, подразумевая, что, в конечном счете, ими будут руководить большевики. «Советам совершенно достаточно будет, – писал он, – наказывать уклоняющихся от подробнейшего учета или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путем всякое сопротивление буржуазии. Ибо через банки, раз они национализированы, через союзы служащих, через почту, через потребительские общества, контроль и учет станут универсальны, всесильны, вездесущи, непреоборимы».[12]

Важно и то, что когда Ленин говорил о рабочем контроле, о контроле пролетариата, то термин пролетариат толковался преднамеренно расширительно, ибо как он утверждал, большинство служащих находится в пролетарском или полупролетарском положении. В частности, в этой связи он писал: «Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при

[10] Ленин В. И. Введение социализма или раскрытие казнокрадства? Т. 32. С.318-319.

[11] Ленин В. И. К пересмотру партийной программы. Т. 34. С. 357. XXI.

[12] Ленин В. И. Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной. Т. 34. С. 224.

капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие*, большинство которых сами находятся в пролетарском и полупролетарском положении».[13]

Идея разрушения старой государственной машины, о которой до революции так много говорили большевики, оказалась несостоятельной. В борьбе с «бесхозяйственными пролетариями» Ленин призывал использовать служащих «государственного аппарата» или, иначе говоря, старую бюрократию. В связи с этим он утверждал, что в своем большинстве они находятся «в пролетарском и полупролетарском положении».

Говоря о выгодах, которые получат трудящиеся низы от намечаемых большевиками преобразований, Ленин в брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы» (речь идет о пересмотре программы-минимум) не скупился на обещания им молочных рек и кисельных берегов. Эти обещания оказались невыполненными ни при его жизни, ни после его смерти. Подобные никогда невыполненные обещания вообще характерны для приходивших к власти коммунистических партий как на Западе, так и на Востоке. И здесь и там коммунисты с завидным упорством утверждали, что постоянные трудности временны, что, несмотря на бедность низов коммунистический строй наиболее идеален. Достаточно вспомнить в этой связи знаменитый лозунг «банды четырех» в КНР – «лучше бедный социализм и коммунизм, чем богатый капитализм»,[14] лозунг до сих пор созвучный настроениям коммунистов всего мира. Под этим же углом зрения строилась коммунистическая пропаганда и в Западной Европе, в частности, в ГДР, население которой с завистью взирало на экономические достижения «капиталистической» ФРГ.

Среди предлагавшихся Лениным мер были, например, такие: «все должностные лица становятся

[13] Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Т. 34. С.307-308.

[14] Цит. по: Сяопин Дэн Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1980. С. 219.

выборными, не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства избирателей»; «замена полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа»; «неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов»; «ограничение рабочего дня для всех наемных рабочих – восемью часами в сутки»; «полное запрещение сверхурочных работ»; «воспрещение предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет), ограничение рабочего времени молодых людей (16-20 лет) четырьмя часами и воспрещение им работы по ночам в опасных для здоровья производствах и рудниках»; «Воспрещение женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; воспрещение женского ночного труда»; « полное социальное страхование рабочих... для всех видов потерь трудоспособности»; «учреждение выборной от рабочих организаций инспекции труда и распространение ее на все виды предприятий, употребляющих наемный труд, не исключая и домашней прислуги» и т. д.[15]

Среди этих предложений мы видим никогда не выполненные не только экономические, но и политические требования, предусматривавшие демократические свободы, включая «неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и союзов», о которых говорил Ленин. И это не случайно. Пока коммунистические партии борются за утверждение своей собственной безраздельной власти, они постоянно ратуют за запредельную демократизацию общества с тем, чтобы расчистить путь для собственного овладения государственной машиной.

Так было при Ленине, так было и в последующие десятилетия, в частности, когда Сталин после окончания второй мировой войны призывал коммунистов Западной Европы быть в авангарде борьбы за мир и демократию. «Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт, – говорил он, характеризуя «антинародную деятельность буржуазии». Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий и понести его вперед, если хотите

[15] См. Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы. Т. 32.

собрать вокруг себя большинство народа... если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации».[16] Сегодня мы знаем, что происходило с так называемыми «буржуазно-демократическими свободами», когда в Восточной Европе коммунисты становились «руководящей силой нации».

К моменту разгрома фашизма стремление к демократии переполняло настроение населения Европы. Это хорошо передал великий Ремарк. Герой его романа – заключенный гитлеровского концлагеря, участвовавший в антифашистском подполье социал-демократ, для которого неприемлемы ни коммунисты, ни нацисты из-за того, «что звучит, как он говорил, ужасно напыщенно и смешно», хочется «человечности, терпимости и права каждого на собственное мнение».[17] Сталин учитывал эти настроения, чтобы, придя к власти, коммунисты могли топтать «человечность, терпимость и право каждого на собственное мнение».

Среди демократических прав, ликвидации которых еще до Октябрьского переворота добивались большевики, было право рабочих на забастовки. Об этом, в частности, свидетельствует выступление 15 октября 1917 г. М. Томского на делегатском собрании союза металлистов. «Вопрос о признании прав заводских комитетов, – указывал он, – вследствие известного циркуляра министра Скобелева вызвал целый ряд конфликтов на фабриках и заводах, угрожавших принять нежелательный характер... Рабочий класс как наиболее страдающий от разрухи и голодовки особенно заинтересован в сохранении производства и поднятии производительности... Обычные формы борьбы за улучшение экономического положения рабочих и за осуществление принципиальных требований правового характера, вроде общих и частичных забастовок в отдельных отраслях промышленности, явились явно несоответствующими моменту, ибо грозили окончательно дезорганизовать и без того расстроенное хозяйство».[18]

[16] Правда 15 октября 1952.

[17] Ремарк Эрих Мария. "Искра жизни". М., 2003. С. 333.

[18] Томский М. Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 6-7.

По М. Томскому, получалось, что не рабочие были заинтересованы проводить забастовки, а коварные меньшевики вроде Скобелева, которые стремились «окончательно дезорганизовать и без того расстроенное производство». Кичившийся защитой интересов пролетариата М. Томский еще до Октябрьского переворота принадлежал к числу тех, кто утверждал, что забастовки рабочих контрреволюционны.

Большевики принимали самые энергичные меры, чтобы лишить рабочих их неотъемлемого права бастовать. По их настоянию 2 ноября Центральный Совет ФЗК (фабрично-заводских комитетов) подписал общее с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским советом профсоюзов воззвание ко всем рабочим Петрограда: «Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем встать на работу и производить в полном порядке».[19]

Показательно и то, что после Октябрьского переворота публикация декрета о фабзавкомах затянулась на неделю из-за того, что их представители не соглашались с требованиями большевиков. Они полагали, что фабзавкомы должны превратиться в *единственные организации, управляющие экономической жизнью страны*. По их мнению, «рабочий контроль должен был осуществляться, с одной стороны, внутри отдельного предприятия через фабрично-заводской комитет, а с другой – во всероссийском масштабе через Всероссийский совет рабочего контроля, в который вошли бы представители региональных советов рабочего контроля. В советы должны были входить делегаты от фабрично-заводских комитетов».[20]

В свою очередь большевистское руководство стремилось лишить фабзавкомы всех прав, завоеванных в ходе революции, что, в конце концов, и было зафиксировано декретом совнаркома от 14 ноября 1917 г., подписанным

[19] Октябрьская революция и фабзавкомы. материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. Октябрь. М., 1929. 2-е издание. Токио, 2001. С. 17.

[20] См: Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть IV... С. V.

Лениным и А. Шляпниковым. Согласно декрету, фабрично-заводские комитеты не могли самостоятельно осуществлять контроль над производством и распределением продукции, не могли смещать администрацию и отказываться выполнять ее текущие распоряжения.

Хотя в декрете указывалось, что «рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, как то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п.», однако при этом оговаривалось, что для каждого крупного города, губернии или промышленного района создается местный Совет рабочего контроля. Будучи органом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Совет рабочего контроля помимо представителей фабрично-заводских комитетов включал представителей профессиональных Союзов, заводских, фабричных и иных рабочих комитетов и рабочих кооперативов.[21] Естественно, что «заводские, фабричные комитеты, советы старост и пр.» обязаны были подчиняться решениям местных советов рабочего контроля.

Еще меньшая роль фабрично-заводских комитетов была уготована положением этого же декрета о создании Всероссийского совета рабочего контроля. В декрете говорилось: «Впредь до съезда Советов Рабочего контроля учреждается в Петрограде Всероссийский Совет Рабочего контроля, в состав которого входят представители от следующих организаций: Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов – 5; Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов – 5; Всероссийского Совета профессиональных союзов – 5; Всероссийского центра Рабочей кооперации – 2; Всероссийского Бюро фабрично-заводских комитетов – 5; Всероссийского Союза инженеров и техников – 5; Всероссийского Союза агрономов – 2».[22] В результате, фабзавкомы лишились своих прав. Все вопросы организации производства и распределения продукции за них решали

[21] Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Часть III. Октябрь. М., 1929. С. 87.

[22] Там же.

множество организаций, входивших в состав Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

Стремясь еще больше ограничить функции фабзавкомов, большевики добивались их превращения в подразделения огосударственных профсоюзов. В частности, в резолюции, принятой первым Всероссийским съездом профсоюзов по докладу А. Лозовского, подчеркивалось, что «профессиональные союзы, организованные по производствам, должны войти в создаваемые на местах и в центре органы рабочего контроля, беря на себя задачи его *идейного и организационного руководства* (курсив мой – Ю. И.). Профессиональные союзы должны рассматривать каждое постановление фабрично-заводских комитетов в области контроля, разъяснять своим делегатам на заводах и фабриках, что контроль над производством не означает перехода предприятия в руки рабочих данного предприятия, что рабочий контроль не равносилен социализации производства и обмена, а является подготовительным шагом к ней».[23]

На этом же съезде профсоюзов массовое участие фабрично-заводских рабочих в осуществлении контроля над администрацией было ограничено постановлением о том, что «рабочие и служащие, не входящие в состав контрольной комиссии, могут входить в сношения с администрацией по поводу контроля только по прямому поручению и с предварительного разрешения контрольной комиссии».[24]

О том, что подразумевалось под «идейным и организационным руководством профсоюзов», красноречиво сказал выступавший на съезде М. Томский. «Вопрос о роли фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов и их взаимоотношениях, – сказал он, – может и должен быть разрешен лишь в одном направлении: фабрично-заводские комитеты должны стать ячейками профессионального союза на местах... Члены заводских комитетов должны в то же время быть и делегатами союза в данной отрасли производства или, наоборот, делегаты союза должны входить в заводской комитет. Лишь в общерайонных контрольно-

[23] Цит. по: Октябрьская революция и фабзавкомы... С. 140.

[24] Профсоюзы СССР. Т.II. М., 1963. С. 92.

регулирующих центрах руководство от профессиональных союзов переходит к смешанной организации, состоящей из представителей *государства* (курсив мой – Ю. И.), в лице советской власти».[25]

Указанные решения имели дальний прицел – избавиться от фабзавкомов. Позднее, в марте 1919 г., ведущая роль огосударственных профсоюзов была зафиксирована в программе РКП(б). В программе, в частности, говорилось: «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым... Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».[26] Здесь впервые указывалось на опасность «бюрократизации экономического аппарата, с которой обязаны были бороться профессиональные союзы, «сосредоточившие в своих руках все управление народным хозяйством».

«Бюрократизация экономической жизни» действительно нарастала. Не прошло и пары лет, как начался массовый выход рабочих из РКП(б), протестовавших против проводимой огосударствленными профсоюзами политики военного коммунизма. К этому времени РКП(б) лишалась 10 тыс. рабочих. В связи с этим Троцкий предложил разбюрократизировать профсоюзы и осуществить «производственную демократию» в соответствие с требованиями рабочих. Его предложения поддержала рабочая оппозиция, предлагавшая демократизировать управление народным хозяйством и передать его съезду производителей, объединенных в профессиональные и производственные профсоюзы. Фактически рабочая оппозиция ставила вопрос о реальной передаче управления народным хозяйством в руки самих рабочих.

[25] Томский М. Избранные статьи и речи... С. 16.

[26] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I 1898-1925. М., 1936. С. 299.

Против этих предложений категорически выступил Ленин, подчеркивавший, что «государство у нас рабочее с бюрократическим извращением». Учитывая массовое недовольство рабочих, он доказывал, что рабочие *не умеют* (курсив мой – Ю. И.) управлять производством, что «рабочие и крестьяне понимают, что им самим еще надо научиться управлять»,[27] что профсоюзы не могут быть органами управления производством, что они лишь «*суть школа* объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления».[28]

По Ленину, отстаивавшему принципы единоначалия директората, «хозяйничанье» профсоюзов должно было ограничиваться решением таких смехотворно «важных» задач как распределение натурпремий и организация дисциплинарных судов. «Натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды, – говорил он, – во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о «производственной демократии», о «сращивании» и т. п.».[29] В свете подобных заявлений становится понятно, что большевистские декларации о передаче профсоюзам управления экономикой были лишь переходной мерой, позволявшей избавиться от притязаний фабзавкомов.

Решающее участие фабрично-заводских рабочих в управлении производством противоречило основным большевистским принципам. Поэтому самостоятельные фабзавкомы после прихода к власти большевиков сразу же превратились во враждебные этим принципам организации. Но немедленно распустить фабзавкомы было невозможно. Они располагали отрядами красной гвардии, которых поддерживали участвовавшие в революции подразделения армии и флота.

После принятия в ноябре 1918 г. декрета о фабзавкомах они еще по инерции какое-то время продолжали

[27] Ленин В. И. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов 25 января. Т. 42. С. 246.

[28] Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. Т. 42. С. 292.

[29] Там же. С. 280.

активно вмешиваться в экономическую жизнь. «Рабочие брали фабрики и заводы в свои руки, чтобы сохранить рабочие места, и фактически объявили войну владельцам, стремившимся закрывать убыточные в мирное время предприятия. Эта стихийная национализация, проведенная по инициативе низов (т. е. без ведома партии, Советов, Совнархоза или профсоюзов), была мероприятием, направленным против советской политики сокращения военной промышленности».[30] Причем ЦС ФЗК оказывал им поддержку в поисках заказов, финансов, сырья и топлива.

Однако, не прошло и полгода, как превращавшиеся в ячейки профсоюзов фабзавкомы растеряли свои связи с рабочими. Благодаря хитроумной политике большевиков предприятия под предлогом перехода на мирную продукцию в массовом порядке объявлялись закрытыми, рабочие уволенными. Единственно за кем сохранялась зарплата, были члены опрофсоюзившихся фабзавкомов. Большевики стремились как можно скорее избавиться от неуправляемых, отстаивавших собственные интересы питерских рабочих. Чтобы рабочие сами поскорее покидали город, в марте 1918 г. «Совет коммуны Петрограда постановил выдавать 36-недельное содержание только тем рабочим, которые вынуждены оставить производство по семейным или по личным обстоятельствам. Всем остальным выдается содержание по последний день работы из требуемого 6-недельного пособия».[31]

В результате увольнений «от занятых на 1 января 1917 г. к концу года осталось 80%. К 1 апреля 1918 г. – едва 40%, к 1 июля – 30%. Таким образом, за полтора года в Петроградской губернии было выброшено на улицу круглым счетом не менее 300 тыс. фабрично-заводских рабочих».[32] Такого массового увольнения дореволюционная Россия не знала.

Еще быстрее были перерезаны связи фабзавкомов с красногвардейцами, которые первоначально сочетали свои

[30] См: Октябрьская революция и фабзавкомы... часть IV. С. VIII.

[31] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 183.

[32] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 11.

военные обязанности с работой на фабриках и заводах, где они получали зарплату. В конце ноября в столицах и других промышленных городах были созданы центральные штабы Красной Гвардии, а в Петрограде – Главный штаб. Теперь уже не фабзавкомы и их организации, а центральные штабы осуществляли непосредственное руководство боевой деятельностью переведенных на казарменное положение красногвардейцев, ведали организацией караульной и гарнизонной службы, снабжением оружием, средствами передвижения и различными видами довольствия. Они же формировали летучие и экспедиционные отряды, решавшие в городах и за их пределами задачи, поставленные большевиками.

С появлением центральных штабов изменился и социальный состав красногвардейских отрядов. Основной их контингент составляла оседавшая в городе сельская молодежь до 22-х лет (в Москве на ее долю приходилось 30% состава, в Петрограде – 40%), еще не успевшая толком поработать на фабриках и заводах. Остальные были, главным образом, добровольцы из утерявших связи с деревней солдат, унтер-офицеров и офицеров, выдвигавшихся большевиками на командные должности.[33]

В итоге красногвардейские отряды перестали быть пролетарскими. После декрета 28(15) января о создании Красной Армии в марте-апреле 1918 г. они были распущены. Красногвардейцам было предложено подавать индивидуальные заявления о добровольном зачислении в Красную Армию. По данным Троцкого, в 1918 г. 76% всего командного и административного аппарата Красной Армии были бывшими офицерами царской армии и лишь 12,9% – командирами распущенных красногвардейских отрядов. К концу гражданской войны лишенные военного образования командиры – выдвиженцы из крестьян составляли 43%., 13% приходилось на бывших унтер-офицеров, 34% – бывших офицеров царской армии и лишь 10% – обучавшихся в советских военных заведениях.[34]

[33] См: Конев А. М. Красная Гвардия на защите Октября. М., 1989. С. 40, 81-82.

[34] Троцкий Л. Сталин. Т. 1. М., 1985. С. 82.

Без связей с рабочими массами и красногвардейцами, трудившимися на заводах, фабзавкомы были бессильны. К концу 1918 г. они окончательно превратились в низовые ячейки огосударствленных профсоюзов. Но это не смогло снять классовых противоречий. Большевики полагали, что рабочие обязаны больше трудиться на государственных фабриках и заводах в условиях снижения затрат на их содержание. В связи с этим всякая остановка работы, всякая забастовка клеймилась большевиками как предательство делу пролетарской революции. «Правда» «объявляла всех рабочих, останавливающих работу предприятий при настоящих условиях, отщепенцами рабочего движения».[35]

Не прекращавшиеся забастовки вынудили Ленина уже в сентябре 1918 г. гневно заявить, что горстки, группы, слои рабочих «упорно держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже – содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, сормовских и путиловских рабочих и т. д.?».[36]

А ведь как раз эти «мерзавцы» – «наборщики советских типографий, сормовские, путиловские и т. д. рабочие» явились той материальной силой, которая привела к власти большевиков в условиях разрухи, порожденной проигранной войной. В качестве награды за это их призывали «не думать об улучшении» своего положения, крепить трудовую дисциплину и проявлять «рвение в труде».[37]

Как утверждали в это время приверженцы идеалов военного коммунизма, в частности, Н. И. Бухарин, «*заработная плата* становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания. Поскольку рабочий класс является господствующим классом, постольку исчезает *наемный труд* ... От заработной платы сохраняется лишь внешняя шелуха – денежная форма, которая тоже идет к

[35] Правда. 2 июля 1918 г.

[36] Ленин В. И. О характере наших газет Т. 37. С. 90-91.

[37] Ленин В. И. Т. Две речи, записанные на граммофонных пластинках. 2. О трудовой дисциплине. Т. 40. С. 90-91.

самоуничтожению вместе с денежной системой. При системе пролетарской диктатуры, заявлял он, «рабочий» получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату. Равным образом исчезает и категория прибыли, равно как и категория прибавочной ценности».[38]

Но с появлением «общественно-трудового пайка вместо превращавшейся во внешнюю шелуху» зарплаты, характер производственных отношений коренным образом изменялся – вместо свободного найма возникали отработки, которые до этого были наиболее характерной чертой феодализма. Ленин был прав, когда до революции писал: «Отработки – хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил у помещика».[39]

Ленин и Троцкий был одними из немногих большевиков, понимавших различие между отработками и наемным трудом. Но они их увязывали только с существованием досоциалистического строя. Труд на предприятиях «единой фабрики» они не считали отработками. Между тем, труд за общественно-трудовой паек по своему содержанию был типичной отработкой с присущими ей внеэкономическим принуждением в виде государственной трудовой повинности и прикреплением рабочих к фабричным заведениям.

Необходимость использования внеэкономического принуждения большевистские теоретики военного коммунизма объясняли тем, что «сравнительно широкие круги рабочего класса носят на себе печать товарно-капиталистического мира. Отсюда совершенно неизбежна *принудительная дисциплина*... Отсюда следовало и то, что «одной из главных принудительных форм нового типа, действующих в сфере самого рабочего класса, является уничтожение «свободы труда»... Ибо последняя не мирится с

---

[38] Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть I. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 135.

[39] Ленин В. И. Т. Перлы народнического прожектерства. Т. 2. С. 495.

правильно организованным «плановым» хозяйством и таким же распределением рабочих сил».[40]

Действительно, «широкие круги рабочего класса были заинтересованы» в «свободе труда», большевики – в его уничтожении. Первые отстаивали социальные отношения, свойственные рынку, вторые – их тоталитарный антипод. Эти противоречия сказались сразу же после Октябрьского переворота. Они послужили экономической подоплекой политической борьбы из-за «однородного социалистического правительства».

Стремясь ликвидировать многоголосие рынка с его свободной продажей рабочей силы и сопутствующим ему многоголосием предложений и спроса, руководители большевиков сразу же взяли курс на ликвидацию инакомыслия во властных структурах, призванных возглавить «единую фабрику» с ее диктатом единых условий труда, что привело к временному расколу в их собственных рядах.

Многие члены партии на всех уровнях, включая членов ЦК (Ю. Каменев, Г. Зиновьев) и Совнаркома (В. Ногин, А. Рыков, В. Милютин., Т. Теодорович) верно указывали, что без социалистического правительства, сформированного из всех советских партий, остается «только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора». Террор был спутником наращивавшего мускулы тоталитаризма, уничтожавшего демократические свободы. В 1917 г. Троцкий вместе с Лениным воздвигал здание тоталитарного социализма, но уже в 1920 г., поняв, что тоталитаризм ведет страну к гибели, он отстаивал необходимость свободы советских партий и призывал к расширению демократических начал управления государственным хозяйством. К этому времени демократические начала были окончательно попраны серией декретов.

В июне 1918 г. известный принцип большевиков о единстве в советах законодательной, исполнительной и распорядительной власти в условиях местного и областного управления без каких бы то сверху назначаемых властей был подкорректирован никогда не публиковавшимся декретом, в

---

[40] Бухарин Н. Экономика переходного периода... С. 144-145.

котором говорилось, что «согласно установившемуся порядку утверждается как общее правило, что при назначении ответственных лиц на советские посты соответствующие комиссариаты обязаны представлять списки этих лиц на утверждение Совета народных комиссаров».[41] В итоге совмин с его председателем приобрел неограниченную власть. Возник режим «самодержавия», который позднее с успехом использовал Сталин для достижения собственных тоталитарных целей. Единство законодательной и исполнительной власти, о котором с восторгом так много писал Ленин, на деле свелось к примату исполнительной власти над законодательной, призванной оформлять законами ее решения.

Там, где существует «единая фабрика», ее глава обладает неограниченной властью. Так было в прошлом, так происходит и сегодня в отсталых странах, где в условиях низкой товарности сельского хозяйства либо ее отсутствия доминирует государственный сектор. Все совершенствуется! Для королевских семей выбор наследника престола издавна был проблемой, для главы тоталитарного государства выбор преемника из числа своих родственников не представляет труда.

В отличие от приверженцев тоталитаризма фабрично-заводские рабочие были заинтересованы в разделении властей. Только в условиях демократических свобод они могли выдвигать и отстаивать свои собственные интересы, не соглашаясь с тем, что им навязывал, по точному определению Троцкого, «военной силой»[42] работодатель – государство.

Рабочие дружно поддерживали меньшевиков и эсеров не потому, что первые выражали интересы управленческого персонала, вторые – интересы крестьян. Главное то, что и те, и другие исходили из неизбежности существования рынка и демократических институтов. Защита рабочими многопартийности отнюдь не была следствием

---

[41] РГАСПИ Фонд 158. Опись 1. Дело 12. Лист 35.

[42] См. Тезисы ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. 1960. С. 556.

провокаций меньшевиков и эсеров. В таких случаях они защищали собственные коренные интересы, находившие полную поддержку со стороны этих партий.

«Идея коалиции социалистов, – пишет Д. Чураков, – была поддержана не только профсоюзами, но и самыми массовыми на тот момент органами рабочего самоуправления и контроля – фабзавкомами. Телеграмма с поддержкой в адрес Викжеля (Викжель настаивал на создании коалиционного правительства – Ю. И.) поступила от Обуховского завкома. «Меньшевиствующую резолюцию» 9-го ноября приняло собрание на заводе Бромлей. Первоначально оно было собрано для «обсуждения вопроса о затруднительном положении в связи с задержкой уплаты жалования рабочим». Но накал событий был таков, что рабочие переключились на вопрос о политической ситуации... В начале ноября потребовал «немедленно организовать единую демократическую власть», поскольку в противном случае межпартийные распри могли привести ни к чему иному, как к гражданской войне московский совет фабзавкомов». Свое несогласие с линией ЦК РСДРП(б) по вопросу о союзе с другими социалистическими партиями выразил Центральный Совет фабрично-заводских комитетов (ЦС ФЗК), в том числе – его председатель, видный деятель фабзавкомовского движения Н. И. Дербышев. В обнародованной 31 октября 1917 г. специальной резолюции об организации власти ЦС ФЗК прямым текстом указывал на «необходимость создания однородной социалистической власти на основе советской программы».

Идею блока всех левых партий поддержал и Петроградский совет профессиональных союзов, включая наиболее большевизированный профсоюз Петроградских металлистов. В принятой последним резолюции указывалось: «Единственным способом закрепления пролетарско-крестьянской революции является создание правительства из представителей всех социалистических партий».[43]

Чем дольше большевики оставались у власти, тем больше рабочий вопрос становился оселком проверки

---

[43] Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 г. М., 2004. С. 81-82.

способностей коммунистов проводить тоталитарную политику. Положение рабочих ухудшалось с каждым днем: их заработная плата опускалась все ниже по сравнению с довоенным уровнем, обеспечение продовольствием все более становилось катастрофичным, зато возрастало число рабочих дней, сверхурочных и т. д. Конфликты с властями зачастую принимали характер открытого враждебного противостояния. Единственно, что удерживало рабочих от решительных массовых попыток свергнуть власть большевиков, была нависавшая угроза реставрации самодержавия. Обладая противопоставленными народу вооруженными подразделениями, только большевики обладали силой, способной оказывать решительный отпор белогвардейцам и интервентам.

По данным С. Г. Струмилина, которого нельзя обвинить в симпатиях к рабочим, месячная денежная оплата фабрично-заводских рабочих во вторых полугодиях в товарных рублях в 1916 г. равнялась 18,7, в 1917 г. – 13,8 , в 1918 г. – 4,4 , в 1919 г. – 0, 99, в 1920 – 0. 51.[44] Из-за несметного количества бумажных денег, выпущенных большевиками, денежная оплата труда рабочих практически исчезла. Заметим, что в 1913 по данным ЦСУ, среднемесячный реальный заработок текстильщика, равнялся 17,9 руб., металлиста – 35,9 руб.[45] Вспомним, что писал, и ведь верно писал, Ленин накануне Октябрьской революции. «Все признают, – подчеркивал он, – что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение всего сильнее именно рабочих, беднейшей части населения, что является главным злом финансовой неурядицы». [46] Большевики фактически продолжали политику дореволюционного режима «ухудшавшую всего сильнее положение рабочих, беднейшей части населения» до такой степени, которую не могло себе позволить временное правительство.

---

[44] Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913 – 1922 . М., 1923. С. 18.

[45] Там же. С. 9.

[46] Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Т. 34. С. 187.

Когда реальная денежная зарплата в довоенном исчислении докатилась до 51 копейки в месяц, ее бессмысленность стала очевидной – она превратилась в ничто. В связи с этим к вящей радости коммунистов, стремившихся создать безденежное хозяйство, совнарком в 1920 г. отменил всякую плату за все без исключения продукты и промышленные изделия, выдаваемые государством работающим по найму и их семьям, а также отменил плату за квартиру, топливо, газ, телефон, электричество, проезд по железным дорогам и т. д. Свойственная найму денежная зарплата исчезла. Вместо нее рабочий стал получать только натуральный трудовой паек. Теперь директора сами устанавливали нормы потребления рабочего, по сравнению с которыми дореволюционные казались верхом «изобилия».

Одним из факторов, облегчавших большевикам снижение издержек содержания пролетариата, были уравнительные настроения рабочих масс. Они ратовали за равенство заработков, чем пользовались большевики, добивавшиеся снижения затрат на оплату труда. «Исходя из идеи равенства и социальной справедливости, – пишет С. Г. Струмилин, – рабочие союзы стали проводить резко уравнительную тенденцию в своих тарифах. Так, в первом тарифе металлистов соотношение между высшей и низшей ставкой для взрослых рабочих было низведено до 2,5 : 1, вместо дореволюционного 20 : 1. Во втором тарифе (январь 1918 г.) это отношение еще более понижено – до 1,7 : 1, в третьем (июнь 1918 г.) оно составляло 1,4 : 1. Недостаток квалифицированного труда в предложении вынудил и регулирующее государство считаться с условиями рынка и вновь повысить в сентябрьском тарифе 1918 г. отношение максимума к минимальной ставке до 1,7 : 1».[47]

В большевистской историографии тенденция уравнительности оплаты труда трактуется как «мелкобуржуазная», но она к «мелкобуржуазности» не имеет никакого отношения. Еще до революции Ленин писал: «Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на

---

[47] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 86.

меньшинство предпринимателей и массу пролетариата...».[48] Но из этого следует, что само существование мелкой буржуазии предполагает существование неравенства, поскольку она «раскалывается на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата». В действительности идеи всеобщего равенства оплаты труда как в городе, так и в деревне – это идеи полудеклассированной сельской бедноты, которая, выполняя неквалифицированные работы, требовала абсолютно равной оплаты за одинаковой труд, включая абсолютно равные поощрения всем, в том числе и различного рода награды. Отказ от орденов на фронтах гражданской войны в те годы был массовым. Его подоплекой, как документально писал Д. Фурманов, были рассуждения: «Зачем я буду первым? Пусть буду равным. Чем сосед мой хуже, чем он лучше меня?».[49]

Как известно, на российских фабриках и заводах слой квалифицированных рабочих был чрезвычайно тонок. Подавляющее большинство составляли полудеклассированные, так или иначе сохраняющие связи с деревней слои, в связи с чем здесь стихийно преобладали требования всеобщего равенства в качестве идеала социальной справедливости. Эти требования всячески поощряло, включая Ленина, руководство РКП(б). Как пишет, Л. Крицман, к первому сентября 1920 г. реальное отношение высшей ставки квалифицированного рабочего к ставке чернорабочего составляло всего 1,04, т. е. практически было равным.[50]

В условиях принудительного труда промышленное производство резко сократилось. Зато благодаря экономии на содержании рабочих возрастала прибавочная стоимость. За ее счет кормилась, говоря языком петроградских рабочих, возросшая орава «указателей». За годы революции доля служащих к общему числу занятых только в промышленности

---

[48] Ленин В. И. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами. Т. 7. С. 47.

[49] Фурманов Дм. Рассказы. Повести. Заметки о литературе. М. 1984. С. 284.

[50] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. "военного коммунизма) М., 1924. С. 215.

выросла с 6% в 1913 г. до13,5% в 1920 г.[51] И это было неизбежно, ибо при отсутствии рынка единственным регулятором отношений людей, занятых в производстве, становится управленческий персонал.

К чему это приводило, можно обнаружить в документах наркомпрода, с 21 ноября 1918 г. ставшего Всероссийским центром распределения потребительных стоимостей. Среди них кроме прочих пестрят, в частности, заявки нижестоящих организаций на канцелярские принадлежности. Такие заявки обстоятельно обсуждались на совещаниях, по ним принимались решения, которые под расписку ставились в известность заявителям. В случае удачного решения заявитель направлялся на склад, где вместе с канцпринадлежностями получал новую расписку в их получении. Затем эти канцпринадлежности оприходывались и опять под расписку выдавались сотрудникам. Но могло быть и так: по инициативе наркомпрода создавалась специальная комиссия, которая в поисках приписок проверяла количество действующих пишущих машинок. В условиях же рынка вся процедура ограничилась бы покупкой в ближайшем магазине и оприходованием чека в бухгалтерии.

С натурального распределения и политики уравнительного равенства начинали свои преобразования и коммунисты стран Востока, где относительная масса полудеклассированных бедняцких слоев была неизмеримо большей, чем в России. В частности, как подчеркивает А. В. Холодковская, в КНР «развернувшееся в годы «большого скачка» широкое наступление на принцип оплаты по труду, насаждение уравниловки в целом привело к снижению средней заработной платы, к падению заработков многих рабочих».[52] В качестве оправдания такой политики квалифицированных рабочих объявляли «рабочей аристократией», проводниками «буржуазной линии», а их требования «контрреволюционным экономизмом».[53] Причем здесь подобные процессы продолжались десятилетиями.

---

[51] Там же. С. 193.

[52] Холодковская А. В. Рабочий класс Китая в период "урегулирования" 1961-1965. М., 1975. С. 20.

[53] Китай. Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае. Часть 1. М., 1972. С. 73.

Иначе обстояло дело в странах Западной Европы, где в годы войны также сокращался разрыв в реальной оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих, чему способствовала карточная система и возрастание денежных расходов на продовольствие, которые обесценивала инфляция. Например, в Австрии и Германии после окончания войны, в разгар инфляции 1921-1922 г., оплата труда квалифицированного и неквалифицированного рабочего практически уравнялась. Однако, здесь не было попыток декретировать всеобщую уравнительность, ликвидируя рынок и свободный наем, тогда как доля рабочих без специальной подготовки была относительно мала. Поэтому по мере преодоления инфляции здесь все возвращалось на круги своя.

Примечательно, что в то время как денежная оплата труда в промышленности становилась все более скудной, в РКП(б) во имя «социальной справедливости» нарастали требования ее увеличения для руководящих партийных работников, означавшие отказ от принципа оплаты труда на уровне зарплаты квалифицированных рабочих, принципа, который до Октябрьской революции провозглашался Лениным в качестве альфы и омеги победившего социализма. Апрельским декретом 1919 г. ежемесячное жалование ответственных сотрудников наркоматов, членов ВСНХ и работников некоторых других учреждений устанавливалось в размере 2000 рублей.[54]

Важно и то, что понижение оплаты труда рабочих фабрик и заводов сопровождалось увеличением числа рабочих дней и ростом сверхурочных, которые до революции Ленин обещал полностью отменить. Вот что, в частности, пишет о рабочих днях все тот же С. Г. Струмилин. В 1916 г. в среднем было 272 рабочих дня, стало быть, на праздники (имеются в виду и выходные – Ю. И.) в эти годы падает на круг около 90 дней. После Октябрьской революции по нормам советского законодательства рабочий год был увеличен до 300 дней. Число легальных праздников составляет около 65 в год (при этом число государственных праздников было сокращено до 9 против отмененных многочисленных

[54] Bettelheim Ch. Class Struggles in the USSR. First period 1917-1923. Paris, 1976. C. 165.

праздников царствовавшего дома – Ю. И.). Фактически же празднуют у нас за последнее время еще меньше, так как и часть праздничного времени используется – с оплатой в полуторном размере – для сверхурочной работы. По данным ЦСУ, число фактически использованных праздников за сентябрь-декабрь 1919 г. по шести губерниям составляло 4,2 дня в месяц, что дает всего 50 дней на 1 рабочего в год».[55] Правда, рабочие еще имели право на легальный 12-тидневный отпуск, но даже в конце 1919 г. его использовали лишь 0,3% работников в месяц. А это означает, что на деле почти все рабочие были лишены возможности пользоваться отпуском. Если же учесть, что в 1920 г. число праздничных и выходных, занятых сверхурочными работами, как пишет Ю. Ларин, на 11 дней превышало число установленных для рабочих дней отпуска,[56] то это означает, что рабочие имели в год всего 33 дня отдыха.

К этому времени дореволюционное требование о 8-ми часовом рабочем дне было напрочь забыто. Рабочий день сплошь да рядом превышал рабочий день ставшего вожделенным дореволюционного прошлого. Так, например, Петроградской коммуной было отдано распоряжение с октября 1919 г. выдавать полный паек только при условии труда в течение 12-ти часов.[57] Однако и этот «ударный» паек сплошь да рядом числился лишь на бумаге. Петроградская коммуна в данном случае неукоснительно следовала ленинской установке, утверждавшей, что распределение продовольствия «есть метод, орудие, средство для повышения производства».[58]

После Октябрьской революции городской рабочий питался хуже, чем при временном правительстве. Большевики обрекли его на грань голодной смерти при практически оставшихся неизменными довоенных посевных площадях (по данным 45 губерний и областей европейской

[55] Струмилин С. Г. Избранные произведения в пяти томах. Т1. Статистика и экономика. М., 1964. С. 19.

[56] Ларин Ю. Производственная пропаганда и сельское хозяйство на рубеже 4-го года. М., 1920. . С. 7.

[57] Пестржецкий Д. И. Около земли. Берлин, 1922. С. 103.

[58] Ленин В. И. Речь на III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня 1921 г. Т. 43. С. 359.

России посевные площади зерна и картофеля в 1917 г. составляли 93,2% от уровня 1913 г.[59]) и фактически прекратившемся экспорте зерна за границу.

И временное, и советское правительства в 1917-1918 гг. осуществляли продразверстку примерно с одинаковых посевных площадей. Западные районы страны, включая Украину, находились под немецкой оккупацией. На Дону и Кубани не позволяло проводить продразверстку вооруженное до зубов казачество. Сибирь из-за ограниченности железнодорожных перевозок еще в годы первой мировой войны оказалась отрезанной от промышленных центров страны. Гражданская война лишь усугубила действие этих факторов противостоянием красных и белых.

В качестве сравнения питания городских рабочих до Октябрьского переворота и после него приведем следующие факты. В июле-августе 1917 г. «особая» комиссия при министерстве внутренних дел при деятельном участии делегатов от советов солдатских и рабочих депутатов, фронтовых организаций и делегатов от солдаток выработала новый состав пайков к прежнему (1 пуд 20 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 2 фунта соли и 1,5 фунта постного масла) еще масла коровьего 1,5 фунта, мяса 15 фунтов, картофеля 1,5 пуда, сахара 2 фунта и чая 1/8 фунта».[60] После Октябрьского переворота о таком пайке приходилось только мечтать. В 1918 г. тот же паек сплошь да рядом составлял менее одного фунта хлеба в день или, иначе говоря, менее 12 кг. в месяц.

Война всегда вносит свои коррективы в механизм распределения товаров, сокращая их изобилие, свойственное рыночному хозяйству. Возник хронический дефицит самого насущного, как это случилось в воевавших государствах в годы первой мировой войны. Платежеспособный спрос перестал быть регулятором производства. Товарный голод породил гипертрофированный рост стоимости, делая недоступными товары личного и производственного потребления. Условием существования общества стало обеспечение потребителей товарами по ценам ниже рыночных. В отношении продовольствия это достигалось

[59] Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918 г. С. 48.

[60] Там же. С. 260.

карточным распределением, которое сохраняло следы товарного происхождения в виде принудительно пониженной денежной платы.

Чтобы иметь возможность распределять продовольствие по карточкам, в деревне вводилась продразверстка. Основное отличие продразверстки временного правительства от продразверстки большевиков заключалось в том, что первое оставляло имущей части деревни известную долю продукции для продажи на рынке, тогда как вторые стремились полностью ликвидировать рынок, забирая подчистую все так называемые «излишки». Политика первого неизбежно порождала спекуляцию, о которой так много с негодованием писал Ленин, политика вторых – колоссальную бесхозяйственность и массовые хищения.

Крестьяне, не заинтересованные производить сверх собственного потребления, сознательно сокращали свои посевы. «Не веря в будущие блага, – писал Троцкий, – крестьянин отвечал на хлебные экспедиции города «посевной забастовкой». Но и слишком малые изъятия грозили застоем: не получая промышленных продуктов, крестьянство возвращалось к хозяйству для собственных потребностей и возобновляло старые кустарные промыслы».[61] В 1920 г. урожай зерновых составил лишь немногим более половины довоенного (считай уровня 1917 г.) уровня. В этих условиях достаточно было засухи 1921 г. чтобы в стране наступил катастрофический голод, унесший несчетное число жизней.

Бедняки же, на которых опирались большевики, были в состоянии только сами потреблять из того, что оказывалось в их распоряжении. «Бедняцкая часть деревни, – писал об этом времени Ю. Ларин, – освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть при недостатке лошадей и орудий бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян (чем разрешался вопрос о «производственном кредите»). Бедняцкая часть деревенских хозяйств, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков – на то она и бедняцкая), все же в порядке снабжения, хотя и немного получала от наркомпрода: мануфактуру, соль и еще кое-

[61] Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 24.

что».[62] Как правильно, отмечает Л. Крицман, «государственный продуктообмен был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов зажиточных слоев деревни».[63]

Беднота присваивала не только промышленную продукцию, предназначенную для села, но и часть «излишков», изымавшихся у имущих крестьян. Такое присвоение было узаконено декретом ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 г., в котором указывалось: « повсеместно учреждаются волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, организуемые местными продовольственными органами при содействии Совдепов. Членами волостных и сельских комитетов бедноты могут быть малоземельные и лица, не пользующиеся наемным трудом. В круг деятельности волостных и сельских комитетов бедноты входит следующее: распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий между деревенской беднотой, а также оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев»[64]

Чего не могли добиться большевики, так это заставить бедноту трудиться в общественных хозяйствах типа производственных артелей и коммун, на организацию которых только в 1919 г. был выделен миллиард рублей. Будучи в значительной мере деклассированными, то есть уже переставшими быть старательными крестьянами и лишенными возможности постоянно трудиться, члены артелей и коммун не имели навыков к систематическому труду вообще и труду вне своих домашних хозяйств в особенности. Они привыкли время от времени что-то делать, руководствуясь лишь текущими нуждами. Заботиться о завтрашнем дне у ни не было ни возможности, ни желания. Поэтому все, что поступало в их распоряжение, либо немедленно потреблялось, либо бесхозяйственно расходовалось.

---

[62] Ларин Ю. Вопросы крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 13.

[63] Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. М.- Л., 1929. С. 104.

[64] Декреты Советской власти. М, 1951. С.416-417.

Вот, что писал, например, по этому поводу видный деятель прокрестьянской партии революционных коммунистов А. М. Устинов: «В комбеды входит голытьба, деклассированные элементы деревни, всякие «перекати поле» ... Эта теплая компания ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся трудовые хозяйства: расхищаются скот, мертвый инвентарь всех видов, самые ничтожные запасы продуктов; растаскивается и проматывается все и вся, идет не на создание ценностей, а их уничтожение». [65] В глазах старательного крестьянина, хозяйствующего на своем участке, коммунары и члены артелей не без основания считались нахлебниками, существующими за их счет.

Конфискация «излишков» пшеницы и ржи проводилась на всей территории европейской части России. Однако, если в районах черноземья, пшеница и рожь традиционно производились для продажи, то в промышленных районах Северо-Запада хлеб выращивали лишь для собственного потребления в крестьянских хозяйствах. Для рынка здесь растили коноплю, рожь, овес, скот и т. п., тогда как городские рабочие, издавна покупали хлеб, ввозившийся из черноземной полосы. Поэтому, когда сюда устремились продотряды, подчистую выметая всю рожь и пшеницу, здесь раньше чем, в остальных районах, прокатилась вереница восстаний, в которых участвовали фабричные рабочие, сохранявшие устойчивые связи с деревней. Позднее здесь перешли к изъятию овса, из которого изготавливался пайковый хлеб для рабочих промышленных городов.

Забирая все без остатка, большевики имели в своем распоряжении значительно меньше продовольственного зерна, чем Временное правительство, заготовившее в 1917 г. 517 млн. пудов. [66]. «Через продовольственный аппарат с октября 1917 г. по август 1918 г., – пишет Г. Г. Швиттау, –

---

[65] Цит. по: Павленков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 72..

[66] См: Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России по офиц. данным. Ревель. 1921. С. 35.

прошло только 30 млн. пудов хлеба, т. е. менее десятой доли наличной потребности населения... В следующую компанию 1918-1919 г. было заготовлено 110 млн. пудов хлеба (хотя разнарядка была определена в 260 млн. пудов). В третью кампанию 1919-1920 г. было собрано 265 млн. пудов вместо ожидавшихся от разверстки 411 млн. пудов».[67] Увеличение хлебозаготовок в 1919-1920 г. происходило прежде всего за счет сибирских крестьян, до этого практически не знавших, что такое продразверстка.

И это несмотря на буквально драконовские меры, применявшиеся по отношению к имущему крестьянству. 31 января 1918 г. совнарком назначил Троцкого председателем Чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту, отдавшему приказ, согласно которому в случае сопротивления «мешочники», везшие в город хлеб, расстреливались на месте.

Позднее его сменил А. Д. Цюрупа. В конце февраля 1918 г. к нему «поступил проект декрета, написанный Лениным, в котором крестьянам предписывалось сдавать хлеб под расписку, и имелся параграф, где было сказано, что тот крестьянин, который не выполнит положенный наряд в срок, будет расстрелян». По словам А. Д. Цюрупы декрет не был принят.[68] Однако в июне этого же года он получил от Ленина новый проект декрета, в котором указывалось иметь «в каждой хлебной волости 25-30 *заложников* из богачей, отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку всех излишков».[69] Как и ряд других декретов, этот декрет не был опубликован.

Чтобы увеличить заготовки Ленин предлагал также широко привлекать к ним городских рабочих. Однако, как дипломатично писал ему В. И. Невский «у рабочих особого желания не замечается».[70] И это не случайно. Будучи так или иначе связаными с деревней, широкие рабочие массы

[67] Революция и народное хозяйство России (1917-1921). Лейпциг, 1922. С. 124.

[68] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 58.

[69] Ленин В. И. Письмо А. Д. Цюрупе. Т. 50. С. 144.

[70] См. Ленин В. И. Н. П. Брюханову и другим членам коллегии комиссариата продовольствия. Т. 50. С. 140.

враждебно относились к политике изъятия у крестьян «излишков».

При том продовольственном пайке, который они получали, им постоянно приходилось балансировать на грани между жизнью и голодной смертью. По оценке врачей того времени труд ткача, прядильщика, токаря и т. д. требовал 3400-3800 калорий в день, труд землекопа, кузнеца и т. п. еще больше.[71] Калорийность же получаемого ими продовольственного пайка равнялась всего 1170 калорий, а для членов семьи на половину меньше. Лишь в одном Петрограде за 1919 г. «только от голода умерли не менее 7385 чел. В это число не вошли умершие от желудочных и прочих заболеваний, вызванных голодом. Скончалось почти половина детей в возрасте до года». [72] Сколько же всего умерло от голода без установления причины смерти установить сегодня, по-видимому, уже невозможно. «Из секретной сводки ВЧК, – пишет С. А. Павлюченков, – за апрель 1920 г. по Владимирской губернии узнаем, что здесь зарегистрированы случаи, когда рабочие падают у станков в бессознательном состоянии».[73]

Ниже мы приводим данные из отчета Центральной комиссии по снабжению рабочих и ее местных органов, в котором отмечалось следующее: «Мы остановились на минимальной цифре рабочих, кои подлежат твердому бронированию (бронировались ударные предприятия, на которых выдавался повышенный паек – Ю. И.). На декабрь 1919 г. норма – 1 фунт хлеба на рабочего с некоторым увеличением для отдельных отраслей промышленности, а иногда для отдельного особо важного предприятия. Членам семей ничего. Декабрь прошел. Исполнение неполное. Некоторые группы получали 40%, некоторые 60%, некоторые 80%, кое-где и ничего, так как продовольствие не поспело. В январе список изменяется, и увеличение и исполнение дает в среднем 60%. Позднее идем вперед. 600 тыс. рабочих на броньпайке в 1 фунт хлеба в день. 800 тыс. рабочих на 1 фунте, 1,25 и 1,5 фунта в день. Один миллион рабочих по той

[71] С. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 215.

[72] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 14.

[73] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 154.

же норме. 1,2 миллиона с увеличенной нормой».[74] Следует учитывать, что согласно традициям дореволюционной статистики, под термином «рабочие» комиссия подразумевала всех наемных работников, включая управленческий персонал и научных специалистов, а также их семьи. Поэтому число рабочих так непомерно разрослось. По данным Троцкого на территории всей России насчитывалось 850 тыс. рабочих против 1,5 миллиона в довоенный период.[75]

Чем длительнее война и связанные с ней лишения, тем обычно резче проступают социальные контрасты жизни населения. В то время как рабочие существовали на грани между жизнью и голодной смертью, правящая верхушка советского государства жила припеваючи. Продразверсткой были охвачены не только «излишки» пшеницы и ржи, из которых лишь толика доставалась фабрично-заводским рабочим. В 1918/19 хозяйственном году разверстка была установлена на хлеб и мясо, в заготовительную кампанию 1919/ 20 г. уже и на картофель, масло, яйца, скот и домашнюю птицу. На стол рабочих масло, яйца, домашняя птица и т. п., естественно, не попадали. Зато они входили в регулярный рацион высших слоев управленческого аппарата.

Высшие слои и получали реквизированные у буржуазии квартиры и дачи. Их снабжали персональным транспортом, которым они бесконтрольно распоряжались. Троцкий был прав, когда позднее писал: «автомобиль не меньше дифференцирует общество, чем лошадь под седлом».[76] Не меньше дифференцировало общество и то, что их обеспечивали лучшей одеждой и обувью, продовольственными пайками, в том числе совнаркомовскими (их получали 10 тыс. ответственных работников). Они пользовались закрытыми столовыми, буфетами и т. д.

Большевистскими историками было создано немало легенд по поводу переселения рабочих в особняки буржуазии. В действительности же особняки использовались в основном

[74] Два года деятельности Центральной комиссии по снабжению рабочих и ее местных органов. 15/XI 19-15/ 21 г. М., 1921. С. 9.

[75] См. Троцкий Доклад о хозяйственном строительстве //Девятый съезд РКП(б) С. 93; Милютин В. Основные задачи восстановления народного хозяйства (к 8-му съезду советов) 1920. С. 12.

[76] Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С.52.

для учреждений большевистской власти и местожительства ее командных верхов, которых охраняли чекисты. Рабочие же продолжали ютиться в фабричных казармах и развалюхах на окраинах городов. Дореволюционное обещание Ленина о «распределении жилых помещений в интересах бедноты» так и осталось невыполненным. Уплотнения дореволюционных жильцов доходных домов действительно были, но они затронули, прежде всего, служащих и интеллигенцию, в квартиры которых подселяли служивых нового государственного аппарата. Единственно, что из ленинских обещаний было выполнено, так появление в уплотненных квартирах ответственных, следивших за поведением жильцов. Вот какой представлял их роль еще до Октябрьской революции Ленин, описывая подселение к «богатому» «бедноты». «Ваш телефон (имеется в виду телефон «богатого» – Ю. И.) будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы беготни по лавочкам т. п. Затем в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в вашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его».[77] Подобные наблюдающие, обязанные доносить в ЧК, действительно существовали во всех коммунальных квартирах на всем протяжении советской власти.

Естественно, что труд хронически голодающего рабочего в условиях чрезмерного рабочего дня сопровождался паданием производительности. К 1920 г. она составляла примерно треть довоенной. [78] Но каким же нужно было обладать цинизмом, чтобы в связи с этим обвинять фабрично-заводских рабочих в том, что они, как пенсионеры, якобы живут за чужой счет, как это делал, например, М.

[77] Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть. Т. 34. С. 314.

[78] Dobb M. Soviet Economic Development since 1917. L., 1966. С. 110.

Томский, который еще в мае 1918 г. писал: «Падение производительности в настоящее время дошло до той роковой черты, за которой (вернее на которой) производству грозит полное разложение и крах. Это положение характеризуется тем, что работник создает меньшие ценности, чем получает; менее того, что ему необходимо для самого скудного существования. При таком положении работник-производитель превращается в пенсионера государства, живущего за чужой счет».[79]

В том же духе сетовал и А. Гастев. «По существу, – утверждал он, – мы имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский. Мы встречаем громадное противодействие со стороны рабочей массы, когда приступаем к нормированию».[80] В качестве мер против такого «саботажа большевики видели удлинение рабочего дня, переход к сдельщине, ударничество и т. п.

В этой связи представляет интерес рассуждение С. Г. Струмилина, который писал: «Продолжительный труд даже при весьма низкой степени его продуктивности утомляет больше, чем менее продолжительный, хотя и более напряженный. И это потому, что усталость является результатом отравления организма продуктами его распада в процессе труда. Вот почему, чем дольше мы задерживаем эти ядовитые продукты распада в своем организме, тем отравление полнее, хотя новые наши усилия были уже столь ничтожны, что вовсе не прибавляли бы новых доз этой отравы. А отсюда ясно, что отравляемый таким образом организм уже не может удовлетвориться нормальным отдыхом и требует его увеличения или теряет сопротивляемость внешним и внутренним болезнетворным началам и заболевает. Конкретно это сводится к тому, что менее добросовестные работники сами увеличивают свой отдых прогулами, а более добросовестные заболевают».[81] В

[79] Цит. по: Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 331.

[80] Там же. С. 332.

[81] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 75.

результате невыходы на работу и прогулы в среднем достигали 30-40% рабочего времени.[82]

Чтобы заставить голодных рабочих трудиться в течение непомерно удлиненного рабочего дня, большевики разработали такое жестокое трудовое законодательство, которого человечество до них не знало. Согласно законодательству, малейшие его нарушения сопровождались жесточайшими наказаниями.

О его подлинном характере можно судить по материалам сборника под любопытным названием «Документы трудового энтузиазма». Так в декабре 1918 г. был введен в действие «Кодекс законов о труде» установивший в стране трудовую повинность и ликвидировавший свободу предложения труда. Согласно положению СНК о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 г. «в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине «виновные» подвергаются как нетрудовой элемент увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь».[83] Дела о лицах, нарушавших трудовую дисциплину или «саботировавших» хозяйственную жизнь республики, передавались в ЧК. Таких лиц заключали в концентрационные лагеря на срок до 5 лет.[84]

В резолюции IX съезда РКП(б) 1920 г. указывалось «Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции самовольно покидает предприятия, переезжает с места на место, чем наносит удары по производству», Съезд видит одну из насущных задач «в планомерной систематической, настойчивой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь».[85]

[82] Милютин В. Основные задачи восстановления народного хозяйства (к 8-му съезду советов). М., 1920. С. 12.

[83] Документы трудового энтузиазма. М., 1960. С. 11, 112.

[84] Голинков Д. Л. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 215.

[85] ВКП(б) в резолюциях.... Часть I. С. 344.

Штрафные рабочие команды, концентрационные лагеря и другие тоталитарные меры большевики считали непременным условием построения коммунизма. Не случайно Ленин полностью солидаризировался с Бухариным, утверждавшим, что «пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как не парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».[86]

По Ленину, господство рабочего класса состояло не в управлении предприятиями, требовавшем особой сноровки и умения, а в «конституции собственности и в том, что именно мы (имеется в виду компартия – Ю. И.) двигаем дело».[87] Тот факт, что «конституция собственности» определялась государством, отнюдь не означает, что ею распоряжались рабочие. Более того, именно благодаря этой «конституции» большевики имели возможность распоряжаться средствами производства и рабочей силой, проводя раскрученную на полную мощь тоталитарную политику.

Известно, что в большевистской литературе в качестве одного из доказательств пролетарского происхождения большевистской власти нередко использовались данные о якобы массовом выдвижении рабочих на руководящие должности. Но при этом умалчивалось о том, что, во-первых, заняв руководящую должность, рабочий становился функционером управленческого аппарата, обязанным проводить его политику, и, во-вторых число таких рабочих было очень невелико в общей массе управленческого персонала, созданного большевиками.

Можно только удивляться заявлению Ленина, что в начале 1921 г. рабочие – выдвиженцы составляли почти 62% всего состава руководящих органов промышленности – ВСНХ, главков, губернских совнархозов и предприятий.[88] Эти данные были получены на основании опросов. Но

---

[86] Бухарин Н. Экономика переходного периода... С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.

[87] Ленин В. И. Т. Речь на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г. 40. С. 222.

[88] См. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте... Т. 42. С. 284.

занимавшие в то время руководящие должности всякими правдами и неправдами старались приписать себе пролетарское происхождение, гарантировавшее служебное благополучие вместе с обильным достатком, соответствовавшим месту в партийно-государственной иерархии. В исследуемый период подобные подтасовки были духом неповторимой эпохи, провозгласившей изменение мира в интересах рабочих.

К сожалению исследований о подлинном происхождении руководящих работников промышленности чрезвычайно мало. Одна из немногих – работа Э. Г. Савцова, изучившего анкетные данные руководящих кадров уральской промышленности.[89] По официальным данным в составе центрального аппарата Уралпромбюро рабочие выдвиженцы в 1917-1923 гг. составляли 32,4%, в аппарате трестов и губсавнархозов – 39,9%, в руководстве предприятий – 52,1%. Однако на вопрос, чем занимались до 1917 г., лишь 7,2% сотрудников в аппарате Уралпромбюро заявили, что они были рабочими. В аппарате трестов и губсовнархозов такой ответ дали всего 12,3% сотрудников, а в руководстве предприятиями – 23,6%. Что касается остальных, то их стаж на рабочих должностях мог составить в лучшем случае от нескольких месяцев до пары лет. Относить их к рабочим вряд ли было бы корректно. Приведенные сведения о доли рабочих с дореволюционным стажем в целом коррелируются с данными об образовании обследуемых. Так, 1917-1918 гг. 26,7% сотрудников, пришедших на руководящую работу, имели начальное образование, в 1919-1920 гг. этот показатель составил 17,9%. Остальные же закончили гимназию либо реальное училище или имели высшее образование. В условиях царской России они не могли быть выходцами из рабочей среды. Эти результаты близки и к итогам опроса, проведенного в начале 20-х годов Сорокиным в Центральном промышленном районе. Из опрошенных им 888 директоров лишь 13% в прошлом были рабочими.[90] Но и

---

[89] Савцов Э. Г. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917-1923 гг. // Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Свердловский филиал. Сборник научных трудов. Вып. 2. Свердловск, 1967.

[90] См: Ларин Ю. Итоги, пути и выводы новой экономической политики М., 1923. С. 75.

эти рабочие переставали быть рабочими. Их главной функцией становилось принуждение своих бывших товарищей трудиться больше, «больше отдавать сил работе», о чем неоднократно любил повторять Ленин.

Важно и то, что наибольшая доля управленческого персонала приходилась на тех, кто получил образование в гимназиях, реальных училищах и высших учебных заведениях. Многие из них лишились частных источников доходов, оказавшись, по выражению Ленина, на правах «пролетариев и полупролетариев». Чтобы прокормиться, они вынуждены были поступать на госслужбу, открывавшую неплохие перспективы продвижения по служебной лестнице. Об этом свидетельствует не только исследование Э. Г. Савцова, но и сводки общего отдела ЦК РКП(б).[91] Работа в управленческом аппарате засчитывалась в качестве трудовой повинности и обеспечивала существование на заметно более высоком уровне по сравнению с уровнем жизни рабочих.

Основу благополучия управленческого персонала составляла прибавочная стоимость, создававшаяся непосильным трудом рабочих. Чтобы облегчить свою участь, многие рабочие переселялись в деревню, с которой сохраняли многообразные социальные связи. «К 1919 г., – пишет Л. Крицман, – численность промышленных рабочих сократилась на миллион человек, а города потребляющей полосы (имеется в виду полоса нечерноземного земледелия – Ю. И.) опустели наполовину, столицы еще больше. Этот отлив из города выявился в деревне в виде возвращения «отсутствующих» в хозяйства, в которые между 1917 и 1919 гг. вернулось по разным губерниям от 60% всего их числа до 80% и выше».[92] Например, к августу 1920 г численность

[91] См., например, РГАСПИ. Фонд 17. Опись 66. Дело 68. Сводки штаба войск ВЧК и секретного отдела ВЧК и доклады сотрудников отдельной роты ВЧК в ЦК РКП(б) о политико-моральном состоянии воинских частей, о восстании военного гарнизона в Брянске, ликвидации повстанческих, антисоветских выступлений в Казанской губернии и Сызрань-Обнорском районе. 12/III-3/X 1919 г.; РГАСПИ.Фонд 17. Опись 66. Дело 84. ЦК РКП(б) Общий отдел. Сводки о политической работе в армии. Роста, ВЧК, МЧК, вохр и др. 1918 30/XII-1919 11/XII.

[92] Крицман Л. Героический период великой русской революции...С. 183.

населения Петрограда сократилась до уровня 60-х годов XIX века.[93]

В Московском районе и на северо-западе, где были сосредоточены текстильные предприятия, в городах оставались преимущественно квалифицированные рабочие, сохранявшие связи с деревней, и те, кто уже по тем или иным причинам утратил с ней связи. Кроме бесплатного жилья они получали лишь скудный хлебный паек и прозодежду. Основным дополнительным источником их дохода были нитки и ткани, которые они всякими правдами и неправдами приобретали на своих предприятиях с тем, чтобы обменять на хлеб. Если деревенских участников такого обмена называли «мешочниками», то городских «лоскутниками».

Там же, где были сконцентрированы металлообрабатывающие заводы, как, например, в Петрограде, основными предметами обмена городских рабочих становились зажигалки, ложки, изделия из металла, поношенная одежда и т. п. Часть умельцев переселялись в деревни, где они изготавливали лемехи для плугов, ведра, немудреный крестьянский инвентарь и т. д.

Несмотря на то, что постоянно принимались меры с целью ликвидации рыночных связей между городом и деревней и замены их всеобъемлющим государственно-административным распределением потребительных стоимостей, добиться этого большевики так и не смогли. Скудный рынок в виде базаров продолжал существовать, хотя закрывались лавки, запрещался свободный ввоз горожанами 1,5 пудов хлеба и т. д. На базарах рабочие приобретали примерно половину потребляемого ими продовольствия. Если бы этого не было, они неизбежно бы вымерли.

В августе 1920 г. Петроградский совет запретил всю частную торговлю в лавках и на базарах. Примеру Петрограда последовали другие города.[94] Продажа разрешалась лишь самим производителям, что в условиях чудовищной инфляции способствовало расширению прямого обмена.

[93] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата... С. 15.

[94] Дмитриенко В. М. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: Проблема регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 175.

Строго говоря, такой обмен был разновидностью дорыночных отношений, возникших в эпоху, когда обмен носил еще случайный характер, а его участники одновременно выступали в роли и покупателей и продавцов. Таким образом, политика военного коммунизма способствовала расцвету допотопных форм обмена. Однако тот факт, что несмотря ни на что такой обмен продолжался, объясняется отнюдь не уступками большевиков крестьянству, которое в конце концов и так без него могло обойтись, а уступками рабочим, для которых вопрос о существовании рынка был вопросом жизни и смерти.

Большевики изображали дело таким образом, что, если еще сохранялся скудный товарообмен, то он происходил из-за неразумных крестьян, не понимавших выгод, которые может предоставить им советское государство. «Деньги останутся пока в России, – заявлял Ю. Ларин, – только для закупок на «вольном рынке, естественно сокращающемся по мере роста фактического сосредоточения продуктов в руках государства и крестьянском быту, пока и здесь с увеличением количества фабрикатов государству не удастся полностью перейти к натуральным взаимоотношениям при расчетах с крестьянством за сдаваемые им продукты сельского хозяйства и выполняемые гужевые, дроворубные и т. п. работы (первые шаги к чему делаются)».[95]

Но сама деревня не была однородной. Громадное большинство в ней составляла проедающая все беднота. Ее численность в связи с переселением из городов рабочих резко возросла. Переселявшиеся были выходцами из тех деревенских семей, у которых наделы были слишком малы либо не хватало рабочего инвентаря.

Город в прошлом обеспечивал им более высокий уровень жизни по сравнению с деревней, где им приходилось время от времени батрачить либо трудиться по найму на стороне. Теперь же спасаясь от голода в городах, они устремились обратно в деревню, пополняя ряды бедноты, которой большевики дали возможность существовать за счет имущих крестьян, сокращавших свои посевы.

[95] Ларин Ю. Производственная пропаганда... С. 26.

Основным ее занятием стали совместные пьянки и бесхозяйственное потребление всего, что им доставалось от заготовок большевиками хлеба. Как правило, они были неграмотны и не интересовались ничем, кроме сообщений поступавших от властей деревни и волости. Из них они узнавали о разрешениях на получение продовольствия и промышленных изделий, приобретаемых ими за услуги по сбору продразверстки.

Устраиваемые властями пропагандистские мероприятия обычно по жребию посещали несколько человек. Слушать докладчика им было неинтересно. Полусонные, они в знак согласия с ним лишь кивали головой, ожидая что он скажет относительно причитающихся им льгот. К идеологическим установкам большевиков они были равнодушны. «Азбука коммунизма»[96] из-за безграмотности оставалась книгой за семью печатями. Заучивать же наизусть ее содержание, как это делали, например, в КНР или КНДР, мешал полупьяный российский менталитет, проблемы на сборищах решались криком. Сельская беднота так и не стала прочной социальной опорой советской власти.

Чтобы подчинить ее, большевики широко использовали насилие. Его ведущей формой была мобилизация в армию, откуда они постоянно дезертировали. «По данным высшей военной инспекции, – пишет С. А. Павлюченков, – летом 1919 г. насчитывалось около одного миллиона дезертиров и уклонившихся от военного призыва».[97] Проев и пропив все, что им доставалось после сбора урожая, зимой они грабили ссыпные пункты и уходили, скрываясь, в леса. Грабеж был привычной формой аграрного бандитизма с раздачей изъятых «излишков» нуждающимся. Весной они возвращались в деревню, чтобы хоть что-то вырастить на своих жалких наделах. Отсюда их вновь призывали в армию.

В течение зимы за ними в лесах шла настоящая охота. Отряды чекистов пулеметами расстреливали сотни дезертиров, у которых обычно было лишь несколько берданок и гранат, остальных принуждали сдаваться. Сдавшихся

[96] Бухарин Н. Ярославский Е. Азбука коммунизма М., 1919.

[97] Павлюченков С. А. Власть и массы. М., 1997. С. 81.

направляли в запасные полки, где их почти не кормили, спать оставляли в продуваемых помещениях на холодном полу, а в качестве обуви нередко выдавали лапти. В казармах их приучали к военной дисциплине, вооружая считанными винтовками при почти полном отсутствии патронов. Если же такие полки направлялись на фронт, то там многие из дезертиров, экипировавшись и вооружившись в боях за счет противника, оставались преданно служить советской власти.

Крестьянская беднота составляла основной контингент действующей Красной Армии. По сравнению с нищетой и голодом в деревне здесь были комфортные условия существования без забот об одежде и пище. Армия открывала возможность усваивать зачатки грамоты, исполнять и отдавать приказы, усваивать революционные лозунги с тем, чтобы потом вступать в компартию, получая доступ к командным должностям. Вначале их зачисляли в разряд сочувствующих РКП(б), затем в ходе периодически проводившихся партийных недель их принимали в большевистские ряды. В 1920 г. в Красной армии было 300 тыс. коммунистов, из которых не менее 75-80% были крестьяне.[98]

Красная армия таким образом положила начало расколу рядов полудеклассированной деревенской бедноты. Многие служившие в ней становились активными поборниками политики коммунистической партии, тогда как оставшиеся в деревнях бедняки не менее активно участвовала в антибольшевистском разграблении продуктов, собранных по продразверстке.

Такие разграбления не прекращались все годы гражданской войны, охватывая как производившее хлеб черноземье, так и его потребляющие промышленные районы. В черноземье зачинателями разграблений, в которых участвовали все сельские слои, обычно были кулаки, искавшие поддержку у белогвардейцев и казаков. С их появлением имущая часть деревни, включая середняков, начинала сводить счеты с беднотой, отбирая за долги остатки нажитого, унижая и подвергая массовым поркам. Поэтому здесь деревенская беднота все устойчивее поддерживала отряды чекистов и красноармейцев, подавлявших кулацкие

[98] РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

восстания. Хотя в марте-мае 1918 г. советы таких губерний как Самарская, Саратовская, Симбирская возглавляли правые эсеры (идеологи свободной торговли), судьба продразверстки решалась в деревне. Ее определяла беднота, для которой старые порядки были неприемлемы.

Иное дело промышленные районы, где в отличие от полунатурального черноземья еще до революции на базе фабричного населения сложился относительно развитый рынок продовольствия. Здесь деревенская беднота, идя за рабочими фабрик и заводов, наиболее активно участвовала в движениях против большевиков. Именно фабричные районы, а отнюдь не деревня, как старалась доказать большевистская историография, были основными очагами борьбы против тоталитарной системы натурального распределения.

Зачинателями этой борьбы, естественно, были рабочие фабрик и заводов Петрограда. Ее характер определяли металлисты, наименее связанные с деревней. Антибольшевистские выступлении здесь начались еще в 1917 г., когда по инициативе питерских рабочих состоялось Заседание рабочей конференции Союза защиты Учредительного собрания, на которой 20 декабря 1917 г. присутствовали представители 115 заводов и фабрик.[99] Они потребовали передачи всей власти в стране Учредительному собранию. В ответ большевики 23 декабря 1917 г. ввели военное положение, передав власть Чрезвычайному штабу Красной Гвардии. Но это не остановило рабочих. 5 января 1918 г. в знак протеста против разгона Учредительного собрания состоялась многотысячная демонстрация. По манифестантам открыли огонь красногвардейцы. Из 12 погибших 8 были рабочими Обуховского завода.

В знак протеста на Обуховском заводе состоялся митинг. В принятой резолюции, – пишет Д. Чураков, – говорилось : «отозвать рабочих-обуховцев из Петросовета как органа, санкционировавшего, расстрелы и избрать «других товарищей». В резолюции прозвучало требование всех красногвардейцев-обуховцев «возвратить на завод к мирным занятиям». Наконец, было решено принять участие в похоронах жертв расстрела, символически назначенных на 9

[99] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 9.

января».[100] Из примерно 8 тыс. участников митинга лишь 100 человек проголосовали против принятой резолюции.

Такие же многотысячные митинги проходили и на других заводах города. На них принимались резолюции, осуждавшие политику совнаркома. Рабочие требовали проведения перевыборов депутатов Петросовета и роспуска красной гвардии. На митингах большевикам не давали выступать: их стаскивали с трибуны. Весной 1918 г. они уже не смели показать носа ни на одном крупном предприятии. В эпицентре поднимавшейся волны антибольшевистского движения были рабочие той самой Петроградской стороны, которые в Феврале свергали самодержавие, а в дни Октябрьского переворота обеспечили приход к власти большевиков.

Но теперь у них не было собственных организаций – фабзавкомов и профсоюзов. В результате манипуляций большевиков рабочее движение лишилось привычных форм организованности. Но революционные годы не пропали даром. Рабочие немедленно приступили к созданию новых организаций, чтобы отстаивать свои интересы в борьбе с захватившими власть большевиками.

18 января 1918 г. вновь состоялось Заседание уполномоченных фабрик и заводов. Заседание провозгласило восстановление Союза защиты Учредительного собрания. Его ближайшей задачей ставилось создание «такой межпартийной организации, которая объединяла бы как партии, так и разные демократические организации, и ту огромную массу беспартийного элемента, который стоит на платформе защиты Учредительного собрания».[101]

20 января открылась Рабочая конференция и по продовольственному вопросу. «Докладчик от Продовольственного совета В. Г. Громан, – пишет Д. Чураков, – в своем выступлении сосредоточился на голоде, грозившем промышленным центрам страны. «В Москве паек 1/8 фунта в день. Во Владимирской губернии – до 2 фунтов в месяц. Рабочие падают у станков. В Петрограде 1/4 фунта в день», – отмечал он. Конференция обвинила большевиков в развале

[100] Чураков Д. Революция, государство, рабочий протест ... С.

[101] Цит. по: там же С. 120.

продовольственного дела и призвала рабочих находить выход из положения самостоятельно».[102]

Отмеченные конференции послужили прологом рождения Чрезвычайных собраний уполномоченных от фабрик и заводов (ЧСУФЗ), возрождавшие советы фабрично-заводских комитетов, не признанные большевиками. В отличие от прошлого, когда фабрично-заводские комитеты возникали снизу, и на их основе формировались территориальные советы фабзавкомов, теперь организация новых фабзавкомов начиналась сверху, с организации советов уполномоченных фабрик и заводов.

На первом заседании уполномоченных 13 марта 1918 г. присутствовали представители Путиловского завода, Семянниковского, Обуховского, Трубочного, Балтийского, Александровского механического заводов, Пороховых, Сименс и Гальске, Вестингауз, Паровозных мастерских Николаевской железной дороги, Вагонных мастерских (за Московской заставой), Вагонно-строительных мастерских Николаевской железной дороги, Паровозных мастерских (за Нарвской заставой), Вагонных мастерских Северо-Западной железной дороги, фабрик Паля, Максвела, Пылинина, Бликгена и Робинсона, Электрической станции, типографий: Голике, «Копейка», «Слово», Первой Государственной, Шестой Государственной. Из участников первого заседания 35 были меньшевиками, 33 эсерами, 1 – народным социалистом и 45 беспартийными. Основными требованиями резолюции Собрания были отказ от Брестского мира, отставка Совета народных комиссаров, немедленный созыв Учредительного собрания с передачей ему всей полноты власти.[103]

Весной 1918 г. рабочий Петроград вышел из-под контроля большевиков. В то время когда враг стоял у ворот, большевики, чтобы избавиться от враждебно настроенных рабочих, объявили о демобилизации промышленности и эвакуации предприятий, где было сосредоточено 70% военного промышленного потенциала страны. Их волнения послужили главной причиной бегства правительства в Москву.

[102] Там же. С. 121.

[103] См. там же. С. 128, 132.

Паниковавший Ленин предлагал сдать Петроград немцам. Троцкий был против, и ему удалось отстоять свою точку зрения.[104]

Между тем большевики наращивали меры по усмирению рабочих. 16 марта 1918 г. силой были разоружены участвовавшие в революции полки: лейб-гвардии Преображенский, Московский и Измайловский. В городе непрерывно проводились превентивные аресты руководителей рабочих. В мае начались аресты среди матросов флотилии минных заградителей, создавшей угрозу захвата рабочими Смольного. Наконец 27 июня 1918 г. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда было объявлено властями контрреволюционной организацией и распущено. Согласно оценке А. П. Ненарокова и Д. Б. Павлова, собрание представляло две трети рабочих Петрограда, не говоря уже о сочувствующих им широких слоев населения, включая не представленных на Чрезвычайном собрании рабочих.[105]

Некоторые исследователи наивно полагают, что раз в Петрограде не было восстания, то это является показателем недостаточной остроты противоречий между рабочими и большевиками. Но при этом забывают, что у рабочих не было своих вооруженных отрядов. Опираясь на красную гвардию и отряды ЧК, большевики безнаказанно арестовывали их руководителей, а там, где встречали сопротивление, применяли оружие, включая пулеметы. Время, когда рабочие имели в своем распоряжении красную гвардию и поддерживавших их солдат, уже весной 1918 г. стало достоянием прошлого.

Петроград был не просто сколком рабочего движения России. По его примеру движение уполномоченных возникло в Нижнем Новгороде, Москве и других промышленных городах России. Здесь апробировались пролетарские методы борьбы против большевизма. Их перенимали рабочие других городов, стремившиеся объединиться в масштабе всей России. Достаточно вспомнить в этой связи инициативу питерских рабочих провести Всероссийский рабочий съезд.

[104] См.Троцкий Л. Сталин. Т. 1. М., 1985. С. 103.

[105] Ненароков А. П., Павлов Д. Б. движение рабочих уполномоченных 1918-1921 гг. С. 295.

Как и в годы трех революций они оставались лидерами рабочего движения, выступавшего теперь против тоталитарной политики военного коммунизма.

Неслучайно и то, что в Петрограде впервые апробировались и методы подавления их протестных выступлений. Они включали не только расстрелы и аресты, но и подтасовки выборов, роспуск рабочих организаций, облыжно обвиненных в контрреволюционных намерениях и т. д. Когда весной 1918 г. проводились выборы в советы рабочих депутатов, то во многих промышленных городах Туле, Сормове, Ярославле и других большевики утратили над ними контроль. Тогда по инициативе Петрограда их стали объединять с советами, назначавшимися политотделами Красной Армии, что, естественно, обеспечивало перевес большевикам. Там же где этого оказывалось недостаточно, власть переходила к ревкомам.

Особое место в движении фабрично-заводских рабочих занимает северо-западный промышленный регион («бабья сторона»), где рабочие фабрик и заводов, как правило, имели наделы в деревне, за счет которых кормились их семьи. Направлявшиеся сюда весной 1918 г. продотряды так называемых летучих подразделений красногвардейцев подчистую выметали хлеб, занимались арестами, поборами и грабежами, не считаясь с местными советами, вынужденными так или иначе учитывать настроение масс. Именно эти районы становились ареной антибольшевистских восстаний 1918, инициаторами которых были фабрично-заводские рабочие и деревенская беднота.

Эти же районы превращались в эпицентры притяжения всех антибольшевистских сил. Неслучайно, именно здесь готовила восстания группа Савинкова. Сюда же устремлялись и белогвардейцы, втайне рассчитывавшие с помощью Антанты (в марте 1918 г. английские, американские и французские войска захватили Мурманск, в августе 1918 г. английские войска – Архангельск) восстановить дореволюционные порядки.

Восстания здесь проходили под лозунгами «власть советам без партии», т. е. без большевиков, созыв Учредительного собрания, проведение всеобщих, равных, и тайных выборов, введение свободы торговли т. д. Восставшие стихийно, как это делала до них неведомая

Парижская коммуна, пытались управлять производством. Они сокращали рабочий день, вводили одинаковую плату для рабочих и служащих и т. д. Но в одну и ту же реку нельзя вступить дважды. Во времена Парижской коммуны противоречия между рабочими и наемным управленческим персоналом еще были неразвитыми. Теперь же они имели характер открытого противостояния.

Его исход решался силой. В век скорострельного оружия – винтовок, пулеметов, артиллерии – для руководства созданными рабочими и крестьянами добровольческими отрядами требовались профессиональные военные. А таковыми могли быть только белогвардейцы, втайне мечтавшие отомстить «неразумным хазарам» и восстановить монархию.

Руководя подразделениями восставших, они обретали власть, которую использовали для проведения террора. Они расстреливали рабочих и крестьян, без суда их арестовывали, реквизировали ценности, продовольствие и одежду. Единственной защитой от их бесчинств была Красная Армия, которой те же рабочие и крестьяне в итоге оказывали всемерную поддержку.

Политические выступления и вооруженные восстания фабричных рабочих против большевиков не прекращались на всем протяжении гражданской войны. И опять-таки примером для подражания был Петроград, на долю которого, по данным Истпрофа (Комиссии по изучению профессионального рабочего движения при ВЦСПС) в 1919 г. приходилось 63% зарегистрированных в РСФСР забастовщиков. [106] Как говорил Калинин, выступая на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г., «самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода». [107]

Так, 10 марта 1919 г. путиловцы единогласно приняли резолюцию, в которой резко осуждалась диктатура ЦК РКП(б) и «выдвигались требования передачи всей власти свободно избранным советам, уничтожения чрезвычаек, отмены казней и пыток, свободы слова, печати, собраний, всеобщего

[106] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"... С. 14.

[107] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 147.

вооружения народа и т. п.». [108] Путиловцев поддержали рабочие других предприятий города. Чтобы их усмирить, на заводские территории вводились подразделения чекистов и курсантов, сформированные из латышей и китайцев, которые производили расстрелы и массовые аресты. Счет арестованных шел на сотни. Подавляя выступления рабочих масс, большевики использовали аппарат насилия, лишенный связей с местным населением. Ряды чекистов продумано пополнялись за счет тех, кто был родом из мест, удаленных от места службы, и лиц нерусской национальности.

Но расстрелы и аресты были не в состоянии погасить накал политических страстей питерских рабочих. «Только в протоколе совещания представителей районных троек от 14 июля 1919 г. описываются забастовки на 35 предприятиях города, происходившие с 10 по 14 июля, в том числе на Путиловском, Балтийском, Трубочном, Обуховском заводах. Рабочие требовали хлеба, свободы торговли, прекращения гражданской войны». [109]

Не прекращались антибольшевистские протесты рабочих и в фабричных районах северо-запада. Зачастую они носили стихийный характер. Подоплека протеста оставалось неизменной – отсутствие рынка и демократических свобод. В этом отношении весьма типичны события в поселке Богородское Павловского уезда Нижегородской губернии, где весной 1919 г. большинство в местном совете получили меньшевики. «Игнорируя результаты выборов, – пишет Д. Б. Павлов, – совдеп старого, большевистского состава продолжал функционировать и вскоре рядом административных мер одержал полную победу над местным базаром, лишив рабочих прав покупать продукты. 24 мая в поселке произошел голодный бунт, несколько коммунистов были растерзаны толпой... Чтобы прекратить кровопролитие, власть взял новый меньшевистский Совет, которому удалось успокоить рабочих и таким образом спасти от гибели остальных коммунистов. Несмотря на это, присланным в поселок карательным отрядом все они были арестованы с тем, чтобы в декабре 1919 г. предстать перед судом

[108] Там же. С. 148.

[109] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 87.

ревтрибунала по обвинению в «контрреволюционном выступлении».[110]

Большой общественный резонанс получила всеобщая политическая стачка рабочих Твери в середине июня 1919 г. В ней участвовало около 10 тыс. рабочих, из которых свыше половины были женщины. Поводом для нее послужило уменьшение продовольственного пайка и десятипроцентная мобилизация в Красную Армию. Под предлогом мобилизации большевики избавлялись от враждебно настроенных к ним рабочих.

Среди требований избранного рабочими делегатского собрания были: «разрешение провоза 1,5 пуда хлеба на человека организованным путем по примеру петроградских и московских рабочих. Этим провозом могут пользоваться и члены семьи, находящиеся в ближайших деревнях»; «Диктатуры партии быть не должно именно потому, что многие нежелательные для рабочих лица занимают должностные места, чем и искажают мнение рабочих, требуем переизбирать советы при всеобщем голосовании»; «10% мобилизацию, объявленную профессиональными союзами, отменить». Примечательно и то, что «когда поступило внеочередное заявление допустить на делегатское собрание делегатов от петроградских солдат (эвакуированных из Петрограда за их неблагонадежность), оно было принято единогласно».[111] Естественно, и здесь не обошлось без отряда ЧК из Москвы, производившего массовые аресты.

Антибольшевистские настроения рабочих в фабричных поселках северо-запада были настолько опасны для большевиков, что постановлением ВЦИК и Совета труда и обороны (СТО) от 12 мая 1920 г. под предлогом войны с далекой Польшей и еще более далеким Врангелем в ряде губерний Иваново-Вознесенской, Тульской, Саратовской и т. д. было введено военное положение. Постановление предусматривало также проведение 10% мобилизации членов профсоюзов с тем, чтобы избавиться от смутьянов на

[110] Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 29-30.

[111] См. Трудовые конфликты в советской России... С. 270-271.

фабриках и заводах. Однако протесты рабочих были настолько велики, что мобилизация оказалась сорванной.

Об обстановке сложившейся в 1920 г. свидетельствует, в частности, Циркуляр ВЧК № 5 от 1 июля 1920 г. «О борьбе с антисоветскими партиями». В циркуляре подчеркивалось, что «Изнуренный и малосознательный рабочий и крестьянин, не дождавшись скорого улучшения своего материального положения, начинает выказывать свое недовольство, выражая его в забастовках и восстаниях».[112] Разумеется, забастовки и восстания рабочих начались не в 1920 г. Циркуляр, по-видимому, фиксировал лишь факт их территориального расширения. Только по официальным данным за этот год в Петроградской, Московской и 16 других губерниях было 146 забастовок.

Статистические ряды, которыми мы располагаем, до сих пор не фиксируют антибольшевистские выступления рабочих: их забастовки и восстания. Они ограничиваются регистрацией лишь пресловутых коллективных конфликтов, под которыми понимаются *незабастовочные* столкновения рабочих с администрацией из-за тарифов, задержек и неуплаты заработков, увольнений и т. д. Их утряска была призвана ослабить накал антибольшевистских страстей на фабриках и заводах.[113]

Хотя профсоюзы строились по производственному принципу, они не были в состоянии преодолеть цеховую разобщенность рабочих, определявшую сложную структуру производственных профсоюзов, существовавшую на фабриках и заводах. Вот как, в частности, описывает ее С. Г. Струмилин, в работе 1921 года. «Все профессиональные группировки согласованы, поскольку это оказалось возможным с рамками производственных союзов. Но так, что каждая профессия, фактически встречающаяся во многих союзах, в классификации встречается только один раз в той группе профессий, с которой она связана наиболее близким родством происхождения, наиболее тесными производственными узами. Поэтому, если мы встречаемся здесь с такими рубриками, как «прочие металлисты», «прочие

[112] Цит. по: там же. С. 151.

[113] См. Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 274-279.

деревообделочники» и т. п., то не надо забывать, что в «прочие металлисты» ни в коем случае не подлежат включению занятые в обработке металла деревообделочники, и, наоборот, «прочие деревообделочники» не включают в себя ни одного механика, слесаря или иного металлиста».[114]

Единственно объединяющим началом рабочих фабрик и заводов по-прежнему оставались фабкомы, превращенные теперь в низовые органы огосударствленных профсоюзов. Поэтому, как только начинались антибольшевистские выступления рабочих нескольких промышленных предприятий, как феникс из пепла, возрождались советы уполномоченных фабзавкомов, предъявлявшие требования властям. Так было на протяжении всех лет гражданской войны.

Стоило ей окончиться, как страна буквально взорвалась политическими выступлениями и восстаниями против тоталитарного режима военного коммунизма. Их застрельщиками были рабочие фабрик и заводов. В феврале 1921 г. забастовки прошли в Москве, Харькове и других городах. Забастовщики требовали свободы торговли, изгнания из советов коммунистов, ликвидации заградотрядов, отмены привилегированных пайков партхозактива и т. д. По сути первые после окончания гражданской войны массовые выступления рабочих напугали больше, чем выступления белогвардейцев, ибо они исходили не со стороны тех, кто скомпрометировал себя, а тех, от кого нельзя было избавиться, так как они создавали прибавочную стоимость.

Требования фабрично-заводских рабочих совпадали с требованиями измученных продразверсткой крестьян, свидетельствуя об общенациональном характере их выступлений. Крестьянские восстания охватили Тамбовскую, Саратовскую, Самарскую и другие губернии европейской России, в ходе которых с крестьянской жестокостью уничтожались большевики и их приспешники. Хотя восстания были разрознены, а их участники тяготели к своим деревням и волостям, они отвлекали на себя большие силы Красной Армии и ЧК.

114 Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда... С. 30.

Наиболее опасная для большевиков обстановка сложилась в Петрограде, где бастовавших рабочих поддержали кронштадские матросы, имевшие в Питере жен среди фабричных работниц. В их лице петроградские рабочие получили вооруженную силу, угрожавшую смести опостылевшую тоталитарную власть. В распоряжении кронштадцев было 18 тыс. матросов и солдат, свыше 100 пулеметов и 135 орудий на фортах и кораблях. 2 марта 1921 г. они создали «Временный революционный комитет» из эсеров, меньшевиков и анархистов во главе с эсером Петреченко и арестовали не поддержавших восстание коммунистов. Вместе с тем немалое число коммунистов перешло на сторону восставших.[115] В ночь на 8 марта на подавление мятежа были брошены 3 полка и отдельные отряды. Но среди них многие отказывались идти в наступление.

Из большевиков Ленин был одним из самых упертых в отстаивании тоталитарных принципов управления народным хозяйством. Его не смущали ни стачки рабочих, ни выступления крестьян против политики военного коммунизма. Но как только появились признаки брожения во флоте и армии, эпицентром которых был Петроград, он понял, что, упорствуя, большевики потеряют власть. 8 марта 1921 г. был срочно созван X съезд РКП(б), где было объявлено о замене продразверстки продналогом. По воспоминаниям Е. Преображенского, Ленин, собрав на X съезде старых большевиков, сказал: «Мое мнение, что у нас только один шанс спасти Советскую власть из ста, и это возможно только тогда, когда мы будем абсолютно едины во взглядах»[116]. На подавление восстания были брошены участники съезда и курсанты. Они были единственной силой в распоряжении большевиков, способной решительно подавлять восстание. Как известно, 18 марта оно было подавлено. «Когда мятеж был подавлен, матросов-мятежников выстроили на молу в Кронштадте. Была команда рассчитаться на первый-второй. Нечетные сделали шаг вперед и были расстреляны тут же на молу, а четные получили по десять лет»[117].

115 См. Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 83.

116 Цит. по: Цакунов С.В. В лабиринте доктрины М., 1994. С. 38

117 ШаламовВ. Вишера. Антироман. М., 1989. С. 18

До подавления восстания власти постоянно твердили питерским рабочим, что у них нет никакого продовольствия. После его подавления им «срочно выдали по 4 фунта мяса и предметы первой необходимости, ассигновали приблизительно по 50 рублей золотом на рабочего (что составляло стоимость более пуда муки) для закупки товаров за границей, сняли заградительные отряды, созвали совещание представителей заводов и фабрик и фактически предоставили свободу слова на собраниях».[118] То, что население России наконец-то добилось права продавать и покупать на рынке, то, что оно могло публично высказывать свое мнение, стало возможным благодаря не прекращавшимся выступлениям фабричных рабочих вообще и петроградских рабочих в особенности.

С заменой продразверстки продналогом приоткрылись возможности торга между рабочими, продававшими рабочую силу, и ее покупателями – руководством фабрик и заводов. Эти возможности были подтверждены решениями X съезда РКП(б), указавшего, что огосударствление профсоюзов, их «сращивание» с государственным аппаратом было «крупной политической ошибкой». В его резолюциях отмечалось, что при сохранении за большевиками политического руководства профсоюзы должны стать организациями, «в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, партийные и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т. п». Одновременно указывалось, что «методы рабочей демократии, сильно урезанные в течение трех лет жесточайшей гражданской войны, должны быть в первую очередь и шире всего восстановлены в профессиональном движении».[119]

Впервые в партии эти вопросы были публично поставлены Троцким, утверждавшим, что тоталитарная политика военного коммунизма ведет страну к гибели. Правота его настойчивых заявлений о том, что «сращивание» профсоюзов с госаппаратом вредно, что необходимо расширять демократию, заменять продразверстку налогом и т. д., была подтверждена возглавляемым Лениным съездом.

[118] Павлюченков С. А. Военный коммунизм... С. 157.

[119] ВКП(б) в резолюциях и решениях... С. 381.

За годы их совместного пребывания у власти это была единственная публичная полемика между ними.

Следствием торгов по вопросам оплаты и условий труда стала легализация права рабочих на забастовки, в ходе которых они могли отстаивать свои требования, противопоставляя их притязаниям руководителей предприятий. С множеством оговорок и осуждений в адрес «отсталых рабочих» это право было записано в решениях XI съезда РКП(б), в которых указывалось: «ни компартия, ни совласть, ни профсоюзы никоим образом не могут забывать и не должны скрывать от рабочих и трудящихся масс того, что применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс – с другой». И далее: Единственно правильным, здоровым и целесообразным методом улаживания конфликтов и трений между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства является посредническое участие профсоюзов, которые в лице своих соответственных органов либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами на основе точно сформулированных требований и предложений обеих сторон, либо апеллируют к высшим государственным инстанциям».[120]

Примечательно, что Ленин намного точнее формулировал противоположность интересов рабочих и руководителей предприятий. «В связи с настоятельнейшей необходимостью, – писал он, – повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного «усердия» неминуемо возникает «известная противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятиями или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому и по отношению к госпредприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защиты

[120] Там же. С. 428.

классовых интересов пролетариата и трудящихся масс против их нанимателей».[121] Ленин отмечает здесь противоположность классовых интересов рабочих и руководителей предприятий. Его оппоненты свели ее к «бюрократическим извращениям», отклонениям от столбовой дороги совпадения интересов и тех и других.

Начавшийся переход к рынку был естественной закономерностью развития русской революции. И крестьянская Россия с еще не сложившейся рыночной экономикой и страны развитого рынка были беременны социализмом. Их плоды не могли быть одинаковыми. России приходилось догонять ушедший далеко вперед развитый рыночный мир. Ее продразверстка была лишь промежуточным этапом на этом пути.

Через подобные этапы прошла не одна крестьянская страна Востока. В этом отношении типично, например, становление рыночной экономики Тайваня, где в 50-х – 60-х гг. государство сосредотачивало в своих руках 62% риса и продавало его в городах по карточкам по ценам ниже рыночных. Наша продразверстка тоже была формой сосредоточения в руках государства подавляющей массы товарного хлеба и продажи его в городах по ценам ниже рыночных. Различие заключалось в том, что в советской России рыночные отношения были поставлены вне закона, тогда как на Тайване крестьяне после уплаты налога могли торговать.

В качестве начального этапа решения проблемы мог стать нэп с его ножницами цен (подобные ножницы были и на Тайване). Однако в России нэповский рынок был намного уже, влияние деклассированных крестьянских масс намного большим. Их настроения пронизывали партийно-государственный аппарат, что привело к новому возрождению тоталитаризма, перехлестнувшего тоталитаризм эпохи военного коммунизма.

---

[121] Ленин В. И. Проект тезисов о роли задачах профсоюзов Т. 44. С. 343.

В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ТУПИКАХ НЭПА

Коммунисты обманули рабочий класс. Рабочие отвоевали фабрики и заводы для коммунистов, они теперь являются господствующим классом над беспартийными рабочими и крестьянами.

Из заявления рабочих завода «Баррикады» по сводкам ГПУ

«Советская власть – ярмо на шее крестьянина»;
«Советская власть грабит и угнетает крестьянина».

Из заявлений крестьян по сводкам ГПУ

При натуральном обмене эпохи военного коммунизма запредельно раздутая большевиками государственная промышленность уподоблялась проколотому шару – ее производство стремительно сокращалось. В 1920 г. выплавка чугуна составила всего 1,5% мирного времени, соответственно выпуск продукции текстильной промышленности не превышал 4%, металлической – 2,5%.[1] Последовавший затем ограниченный переход к рынку сохранял печать прежних методов управления фабрично-заводским комплексом, сужая и без того его скудные возможности товарно-денежного обмена с деревней.

И дело здесь не только в упадке фабрично-заводского производства, но и в том, что его рыночные связи с деревней еще в царской России были крайне ограниченными. Производившийся в великорусских областях

---

[1] Чижиков О. Л. Пути развития социалистической революции//Пути революции (статьи материалы, воспоминания) Берлин 1923. С. 128.

хлеб предназначался преимущественно для экспорта за границу. В этих условиях рыночные связи деревни с промышленностью опосредовались не столько великорусским, сколько международным разделением труда, включавшим инонациональные регионы самой Российской империи.

До войны Россия импортировала примерно две трети машин и орудий труда, в том числе предназначенных и для сельского хозяйства (даже косы были иностранного происхождения). Видное место в изготовлении крестьянского инвентаря занимали домашние промыслы и местные кустари. Что же касается рынка потребительских товаров – швейных, вязаных изделий, бумаги и т. д., то они производились главным образом на территории Польши, Прибалтики, Финляндии, где непосредственные рыночные связи промышленности с сельским хозяйством были несоизмеримо более развиты, чем в великорусской России.

Согласно данным профессора В. Гриновецкого, до войны «русская Польша, Прибалтийский край и Финляндия производили бумаги 70% всего производства России, галантерейных товаров – 74%, вязаных изделий – 71%, шерстяных изделий – 33%, готового платья – 53%, грубых суровых тканей – 60-68%, мешков – 38%, металлических изделий -20%, металла для строительных целей и крестьянского обихода – 45%. Часть этих изделий, разумеется, потреблялась в пределах современных Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, но значительная часть поступала и на рынок остальной России».[2]

Таким образом, с точки зрения международного разделения труда, экономика остальной России в значительной мере носила аграрно-сырьевой характер, ведущее место в ней занимал хлеб. Вызванный войной и революцией разрыв межгосударственных связей усугубил изолированность русской деревни от специализировавшейся здесь на выполнении военных заказов фабрично-заводской промышленности. Этой же изолированности в немалой степени способствовало провозглашение независимости

[2] Югов А. Из книги "Народное хозяйство Советской России и его проблемы"(Берлин, 1929)//Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 225.

Финляндии, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, население которых отвергло голодное вымирание, уготованное большевиками.

Поскольку доведенная до немыслимого упадка фабрично-заводская промышленность РСФСР была не в состоянии обеспечить товарами крестьянский рынок, по инициативе Троцкого и Ленина в деревне был введен натуральный налог. При «полной невозможности удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами» натуральный налог представлял, по словам Ленина, «понижение разверстки до последних пределов», при одновременном получении дополнительных продуктов путем скупки продукции крестьян, получивших возможность приобретать «предметы местной кустарной промышленности».[3] Таким образом, переход от продразверстки к продналогу в сущности замысливался не как прекращение военно-коммунистического ограбления деревни, а как его модификация, сопровождавшаяся уменьшением прежних размеров продразверстки.

Снабжение крестьян промышленными товарами за счет продукции кустарей также не было нововведением. «Разрешение кустарям, в отступление от всех правил, декретом ВЦИК еще в 1919 г. продавать свои изделия на базарах мотивировалось тем, что кустари осуществляют положительную функцию по снабжению деревни самым необходимым, вообще многим таким, что город ей дать не в состоянии».[4] Большевики исходили из очевидного факта возросшей роли кустарной промышленности и домашнего производства.

Военно-коммунистическим модификациям в годы нэпа подверглась не только деревня. В промышленности оплата труда в денежном измерении теперь включала выдачу ее деньгами и натурой в виде пайки хлеба. Формально она была зарплатой, свойственной оплате наемного труда, по существу таковой – лишь отчасти, поскольку труд

[3] Ленин В. И. Речь о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. Т. 43. С. 153, 156.

[4] Кактынь А. Новая экономическая политика и ножницы (очередные задачи экономической политики). М., 1924. С. 22.

оплачивался деньгами, тогда как выдачи натурой были отработкой. На всем лежала печать не отказа от принципов военного коммунизма, а лишь частичного отступления от них, вызванного ограниченным переходом к рынку.

Фабрично-заводская промышленность и в годы нэпа продолжала оставаться собственностью государства. Условием и предпосылкой ее сохранения в прежнем виде была властная монополия большевиков. Весной 1922 г. XI съезд РКП(б) объявил, что коммунистическая партия является единственной легальной политической партией в стране.[5] В связи с этим по инициативе Ленина репрессировались не мирившиеся с насилием большевиков представители духовенства, по фальсифицированным обвинениям (политбюро 6 мая 1920 г. узаконило инсценированные суды[6]), производились массовые аресты ни в чем не повинных членов партии эсеров и меньшевиков. Принудительной высылке из страны подвергались видные представители интеллигенции, а также студенты, добивавшиеся элементарных демократических свобод.[7] Все эти ужесточения большевистского режима были лишь выражением потребностей экономики «единой фабрики», существовавшей в условиях санкционированного законом ограниченного рынка. Иерархия ее исполнительных органов в лице парткомов и исполкомов осталась неприкосновенной.

Продналог легализовал рынок военного коммунизма, не ставя его в зависимость от производства фабрично-заводской промышленности. Под этим углом зрения рассматривал, в частности, нэповские нововведения Л. Крицман, отмечавший от имени Совета труда и обороны «однородность экономической структуры периодов «военного коммунизма» и новой экономической политики». «Рынок, – говорил он, – важнейшая категория – был как тут, так и там, с той только разницей, что государственная промышленность при «военном коммунизме» легально на нем не выступала».[8]

---

[5] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1936. С. 438.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 62. Л. 2.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 290. Л. 30.

[8] См. Крумин Г. К вопросу о стабилизации рубля// Экономическая жизнь. М., 1923. № 9.

С его точки зрения, с переходом к нэпу ничего качественно нового не случилось.

Оценки были различные, но всеми признавалось одно – смена продразверстки продналогом не была отказом от военно-коммунистических основ большевистского режима. Большевики считали нэп лишь временным отступлением, обусловленным массовым протестом «деревенской буржуазии», захлестнувшим широкие слои рабочих. Рынок в их глазах оставался рассадником буржуазии и капитализма, который они были призваны поскорее уничтожить.

В своей оценке капиталистической природы рынка они не были одиноки. Достаточно бегло просмотреть публиковавшиеся в то время работы не только большевиков, но и меньшевиков, а также ряда социал-демократов (например, Каутского), чтобы убедиться в том, что, несмотря на непримиримость убеждений, все они мыслили одинаково: рынок способен генерировать только капитализм.

Но рынок генерировал не только капитализм, на что одними из первых указали Маркс и Энгельс, утверждавшие, что «вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке».[9]

Эту мысль наиболее четко высказал Энгельс, критикуя в конце XIX века привычные представления о частном предпринимательстве. «Что же представляет собой *частное* капиталистическое производство? – риторически спрашивал он, – Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами – это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут

---

[9] Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. Т. 19. С. 298-299.

прекращается не только *частное производство*, но и отсутствие планомерности».[10]

В начале XX века многие сторонники социализма, в том числе и большевики, не замечали, что на их глазах складываются отличные от капитализма социальные отношения. Иными словами, предсказанное марксистами рождение социалистической формации протекало далеко не так, как они вначале предполагали, в виде творения бедняцких масс.

Для инициаторов перехода к нэпу – Троцкого и Ленина – становление социализма также протекало иначе, чем они вначале предполагали, идеализируя мотивы деклассированной сельской бедноты. Опыт военного коммунизма четко показал им совместимость социалистических социальных связей с существованием ограниченных рыночных отношений.

События в большевистской России отражали потребности деклассированных низов изменить по-своему жизнь отсталой крестьянской страны. Еще большая потребность в таких изменениях была на Востоке, где деклассирование населения имело значительно большие масштабы. Здесь также первоначально пытались разрешать противоречия между деревней и городом посредством государственного изъятия всех «излишков», а порой полным уничтожением городов, как это делал, например, Пол Пот в Камбоджи.

В условиях хозяйственной замкнутости деревни отправной точкой немедленного вовлечения ее в производство национального прибавочного продукта, по-видимому, неизбежно становятся тоталитарные методы изъятия продовольственных «излишков». Но эти методы выполняют историческое предначертание только тогда, когда в сельской местности, возникает предвестник рынка – мелкое промышленное производство, как это было задумано Троцким и Лениным в России или в континентальном Китае в годы большого скачка.

---

[10] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т.22. С. 234.

По поводу большого китайского скачка написано немало глупостей. Советские исследователи либо по недомыслию, либо сознательно не замечали, что в течение 20 лет (с 1949 по 1969 гг.) национальный доход Китая вырос в 4 раза, а его среднедушевая норма – в 2,7 раза.[11] Не замечали и того, что уже в 1959 г. мелкие предприятия давали половину всего чугуна, половину добываемой в стране руды, 40% всего добытого угля.[12]

Поднятая в нашей печати политическая трескотня подгоняла все под ранжир советской гигантомании, доказывая преимущества крупного производства над мелким, тогда как их китайские оппоненты продолжали с успехом гнуть свою линию, содействуя развитию мелких хозяйственных форм. Подобные споры вообще бессмысленны. Они уподобляются пререканиям лошади и верблюда, пересказанным Маяковским. «Лошадь сказала, взглянув на верблюда: «Какая гигантская лошадь-ублюдок». Верблюд же вскричал: «Да лошадь разве ты?! Ты просто-напросто – верблюд недоразвитый». И знал лишь бог седобородый, что это – животные разной породы». И в том и в другом случае мы имеем дело лишь с разными формами тоталитарного социализма.

Благодаря дешевизне рабочей силы мелкие предприятия Китая успешно конкурировали с фабрично-заводскими гигантами. Но это еще не самое главное. Созданная из-под палки силами коммун и производственных бригад мелкая промышленность в итоге обеспечила интеграцию деревни с современным промышленным производством, породив высокие темпы индустриализации страны. Формы этой интеграции многообразны: от промышленных предприятий, непосредственно связанных с городским крупным производством, до предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, выпускающих средства производства для крестьянских хозяйств и т. п. Еще до китайских коммунистов то же предлагали Троцкий и Ленин, призывая развивать кустарные

---

[11] Сладковский М. И. Характеристика социально-экономического строя КНР. М., 1970. С. 71.

[12] Еременко Ю. Я. "Большой скачок" и народные коммуны в Китае. М., 1966. С. 64.

сельские промыслы. Однако, большинство российских большевиков в борьбе с рынком так, и не вняли этому призыву.

В обстановке роста денежных отношений сельские кустарные промыслы способствуют зарождению у населения качественно новых потребностей. Их удовлетворение оказывается в непримиримом противоречии с внеэкономическими поставками натурой, тормозящими рост государственного производства прибавочной стоимости. На этой почве сфера рыночных отношений может до известных пределов расширяться при сохранении тоталитарных основ, как это можно наблюдать и сегодня, например, на Кубе. Именно этим обстоятельством объясняются нередкие призывы теперешних коммунистов повернуть колесо истории вспять. Они предлагают сузить сферу рыночных отношений, чтобы возродить тоталитарные основы управления страной.

Переход к нэпу вызывал у одних опасения, у других надежды, что Россия вновь вернется к дореволюционным экономическим порядкам. Инициировавшие переход Троцкий и Ленин полагали, что переход к товарно-денежным отношениям, содействуя развитию капитализма, обусловлен исключительно российской отсталостью. По мере ее преодоления, – полагали они, – обмен между городом и деревней очистится от грязных пятен рынка, став наконец-то полностью натуральным.

«Если крупная промышленность, – говорил Ленин, – находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить мелких крестьян достаточным количеством продуктов, чем прежде, и установить таким образом правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями, то крестьянство будет вполне удовлетворено... Если же этого нет, – продолжал он, – то не может быть другой экономической связи... между земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля».[13] Таким образом, важнейший показатель отсталости – натуральный продуктообмен в глазах большевиков был признаком прогресса, тогда как его

[13] Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК Т. 44. С. 306, 308.

рыночные формы – вынужденным регрессом, уводившим их от главной магистрали грядущего социализма.

Рынок с его товарно-денежными отношениями, с их точки зрения, был лишь пережитком капиталистической эпохи. Не случайно, например, Ленин отождествлял перевод промышленности на рыночные основы с переходом «по сути в значительной степени на коммерческие и капиталистические основания»,[14] полагая их отступлением, возвратом государственной промышленности «к приемам, способам, к методам деятельности государственного капитализма».[15]

Такое видение рынка исключительно сквозь призму капитализма во многом предопределяло чрезвычайно осторожный характер начинаний большевиков в деле рыночного реформирования экономики. Еще в марте 1920 г. Троцкий, отмечая, что продразверстка подрывает не только сельское хозяйство, но и угрожает разрушить всю хозяйственную жизнь страны, предложил ввести процентный натуральный налог, снабжая крестьян промышленной продукцией, исходя не из обслуживания в первую очередь нужд бедноты, а в соответствии со сданным количеством зерна. Тогда это предложение не прошло: Троцкого поддержали 4 члена ЦК, против проголосовали 11, включая Ленина.

Однако не прошло и года, как тот же Ленин, убедившись в бессилии остановить протесты населения, сам предложил вернуться к идее Троцкого заменить продразверстку натуральным продналогом. Согласно декрету ВЦИК, опубликованному 21 марта 1921 г., торговля за деньги разрешалась только в пределах местного хозяйственного оборота, тогда как циркуляция основной массы продуктов между городом и деревней должна была осуществляться под государственным началом в порядке натурального обмена. «Сама техника товарообмена, – пишут В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов, – представлялась так: машины, инвентарь, удобрения, промышленные товары государство будет

[14] Ленин В. И. Проект тезисов о роли задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики Т. 44. С. 343.

[15] Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике. Т . 44. С. 206-207.

передавать кооперации, а та – распределять их в обмен на излишки продуктов и фуража. Эти товары и продукты должны были принадлежать государству. Товары самой кооперации могли обмениваться между кооперативами и частными лицами».[16]

Однако, потребность в рынке была настолько велика, что уже через несколько месяцев, к лету 1921 сельские базары стали частью стихийно возрождавшегося всероссийского рынка, за рамками которого, по словам Рыкова, оставалось приблизительно две трети территории России, где никакой торговли не было. Единственными торговцами городскими товарами здесь были заезжие цыгане.[17]

Попытки сохранить государственный обмен натуральными продуктами закончились крахом. Потребность в рынке была настолько велика, что она смела большевистские ограничения. Частная торговля, – пишет Л. Н. Суворова, – к лету вышла за пределы рынков и базаров, началось ее расширение в виде разносной (розничной в городах и на железнодорожных станциях появилась мелкая лавочная торговля). С осени 1921г. возрождаются местечковые и сельские ярмарки, где торговля шла или в розницу или в основном в обмен».[18]

В городах участниками базарной и уличной торговли становились не только профессиональные в прошлом торговцы, но и те, кто по каким-то причинам были лишены натурального пайка: домохозяйки, инвалиды, снятые с госснабжения рабочие и служащие. В частности, как пишут В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов, «социальный состав торгующих на рынках Петрограда весной 1922 г. – домашних хозяек 28,4%, рабочих 15,3%, ремесленников 13,4%, служащих 5,7%,

---

[16] Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. М., 1978. 24.

[17]. Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросу об экономической политике государства 5 января 1924 г. Доклад Рыкова. РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.42.. Л.21-22.

[18] Суворова Л. Н. Политическая власть, государство и рынок в 1920-1923 годах//Нэп в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 61.

бывших торговцев 26,2%, других или не выясненных 11%. Таким образом, для многих торговля с рук была временным побочным занятием (связанным с приобретением продовольствия, на долю которого приходилось свыше 63% расходов рабочей семьи – Ю. И.). Соответственно с этим частная торговля приобретала стационарный характер».[19] Но и эти щели, сквозь которые прорывались рыночные связи, считались большевиками показателями их отступления от принципов социализма.

Сам переход к продналогу осуществлялся с большой постепенностью. «Продразверстка первоначально была отменена только в 40 губерниях и нескольких автономных образованиях. На остальные районы это решение распространялось по мере выполнения заданий по продразверстке».[20] В Сибири еще в конце 1921 г. продолжали оставаться закрытыми для всех форм обмена и торговли основные районы производства хлеба – Славгородский, Каменский и Калачинский уезды, вся Акмолинская область и часть Енисейской губернии.

Но кризис военного коммунизма был слишком глубок, чтобы можно было выйти из него, ограничиваясь косметическими мерами. Уже летом 1921 г. стало ясно, что крестьяне отказываются от участия в прямом продуктообмене, что они предпочитают за деньги продавать свою продукцию и за деньги же покупать изделия промышленности. Отказ крестьян от натурального продуктообмена объяснялся просто. При натуральном обмене сельской продукции на промышленную установленный государством эквивалент в довоенных ценах составлял один к трем, тогда как на вольном рынке в условиях неурожая соотношение было в пользу имевшего зерно крестьянина.

Ценовые ножницы не срабатывали. В связи с этим совнарком в наказе «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» (9 августа 1921 г.) рекомендовал расширять сферу денежных отношений, выводить их за рамки местного хозяйственного оборота и активно переходить к

---

[19] Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов... С. 39.

[20] Нэп. Приобретения и потери. М. 1994. С. 166.

торговым формам обмена после выплаты деревней натурального налога.

На всем протяжении нэпа на нем довлела печать незавершенного военного коммунизма, порождая в деревне возмущение всех: деревенская беднота – отказом от последовательного проведения в жизнь его принципов, имущие крестьяне, выплачивавшие налог – сохранением его начал.

В этих условиях, лишь внеэкономическое принуждение вынуждало крестьян подчиняться предписаниям властей. Для его претворения большевики использовали вчерашних деклассированных крестьян – демобилизованных командиров Красной Армии. В Красной Армии они усваивали начала элементарной грамоты, в ходе партийных недель их принимали в партию. Как командиры, они были приучены без раздумий выполнять распоряжения начальства. Для осуществления тоталитарного руководства они были незаменимы.

Их выдвижению на руководящие должности всемерно содействовал секретариат ЦК. Как говорил Каганович, «надо продвинуть партийца, который прошел огонь и воду гражданской войны... вот основная задача».[21] Таких партийцев, «прошедших огонь и воду гражданской войны», сплошь да рядом ставили руководителями властных подразделений.

О том, как они исполняли властные функции, дают представление факты, почерпнутые Л. Н. Суворовой из партийных архивов. «Как отмечалось, – пишет она, – в отчете Новгородского губкома за 1925 г., «особенно тяжело отзывается на крестьянстве метод работы советских и других работников. А метод этот – почти сплошное командование, окрик власть имущих, метод отъявленного бюрократизма, волокиты, взяточничества, вымогательства. «Некоторые сельсоветы, сообщалось из Брянской губернии, так командуют, что доходят до кулачной расправы»; многократно отмечались случаи хищений, пьянства, дебоширства работников советов, их грубости (мат «топором» висит в

[21] Цит. по: Соколов А. К. Лекции по советской истории. 1917-1940. М., 1995. С. 135.

воздухе»), запугивания по отношению к крестьянам (Брянская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Курская и ряд других губерний)».[22] Как сказал бы Чехов, мужики, дорвавшиеся до власти, «третировали мужиков как низших животных».

Пройдя огонь и воду гражданской войны, выдвиженцы уподоблялись, по выражению В. Ф. Тендрякова, двуликому Янусу, – деспота и раба одновременно. «Безжалостного деспота по отношению к нижестоящему и униженно преданного раба по отношению к вышестоящему».[23] Их произвол мог оставаться безнаказанным лишь потому, что за ними стояла всемогущая карательная машина, отлаженная еще в годы военного коммунизма.

У крестьян не было легальных средств остановить произвол властей. Так, в Воронежской губернии «председатель сельсовета села Копанная Острожского уезда насиловал женщин и брал взятки. Крестьяне подали жалобу в волостной исполнительный комитет. В результате подавших жалобу «за неподчинение власти» осудили на 3 месяца принудительных работ. Жалобы крестьян ни к чему не привели».[24] В Орловской губернии «начальник Богородицкой волостной милиции избил одного крестьянина до полусмерти. Тот обратился за освидетельствованием к фельдшеру, который, боясь мести начальника, от освидетельствования отказался».[25]

Такие случаи в сводках ГПУ фигурировали постоянно. Они были неотъемлемой чертой большевистского госаппарата. Об этом красноречиво свидетельствует, в частности, ремарка составителей одной из дежурных сводок ГПУ: «Подобные лица (речь идет о руководителях властных структур в деревне – Ю. И.), имея неограниченные возможности и в отношении личного обогащения, и в смысле полнейшего произвола, превращаются в настоящих

[22] Суворова Л. Н. Политическая власть, государство и рынок... //Нэп в контексте исторического развития России... С. 95.

[23] Тендряков В. М. Охота. 1991. С. 434.

[24] "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 2. Часть 2. 1924 г. М., 2001. С. 356.

[25] Там же .

диктаторов на местах, при этом ими недовольны все без исключения слои крестьянства. Если к этому добавить пьянство, имеющее размер большой социальной болезни, то налицо основные черты, характеризующие аппарат».[26]

Указанный госаппарат отличался от госаппарата эпохи военного коммунизма, когда комбеды не только помогали взимать «излишки», но и нередко присваивали их себе, скрываясь от преследований центральной власти. В отличие от представителей комбедов выдвигавшиеся после гражданской войны руководители стремились неукоснительно выполнять все предписания начальства, ибо рвение целиком определяло их собственное благополучие. Будучи ветвями аппарата центральной власти, новые структуры уподоблялись щупальцам гигантского спрута, перекачивавшего продовольствие из деревни в город.

От перекачивания продовольствия в город в наибольшей мере страдала деревенская беднота. «Создавшиеся в связи с новой экономической политикой экономические, правовые и гражданские отношения, – писал видный партийный руководитель Я. Яковлев, – установив сочувственное отношение к советской власти средних слоев крестьянства, в то же время отняли у маломощных возможность подъема хозяйства за счет зажиточных элементов, которая толкала их к поддержке советской власти в минувший период».[27]

В условиях рынка бедняки уже не могли существовать за счет старательных, по выражению Ленина, крестьян. Продналог, взимавшийся с земли и скота, их разорял. Имущество неплательщиков вплоть до одежды, топоров, чугунов конфисковывалось, а их дома разбирались на дрова, использовавшихся властями.

Коллективные хозяйства стали убыточными. В 1921 г. было 3120 коммун, в 1923 г. их осталось 1672. Соответствующие показатели для производственных артелей составили 10185 и 8130, для товариществ по совместной

[26] Там же. С. 427.

[27] Яковлев Я. К вопросу о работе РКП в деревне (материалы к съезду партии// Правда 5 апреля 1923.

обработке земли 2514 и 1605.[28] Не подлежит сомнению, что если бы не меры большевиков, завершавших создание тоталитарного аппарата, эти формы сельскохозяйственного производства в недалеком будущем сошли бы на нет.

В неспособности артелей и коммун перестраивать сельское хозяйство на социалистических началах убедились и инициаторы их создания Троцкий и Ленин. Выступая в конце 1920 г. на VIII Всероссийском съезде советов Ленин заявил: «Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится».[29] Эту же мысль Ленин продолжал развивать и на X съезде партии, где он говорил, что опыт коллективных хозяйств «только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров».[30]

С целью увеличения производства продовольствия, комбеды были распущены, земельные переделы приостановлены, началась ликвидация общинного землевладения. «Возвращавшиеся из Красной Армии после окончания гражданской войны солдаты, – пишет А. Югов, – часто вновь требовали переделов. В ряде районов переделы производились каждые 2-3 года, и у крестьян отнимались всякие стимулы не только к переходу к многопольной системе земледелия, но даже и к удобрению или мелиорации своего надела. Необходимость развить экспорт хлеба заставила советскую власть ликвидировать комитеты бедноты и в 1923 г. издать декрет, ограничивающий периодические переделы земли одним разом в 9-12 лет (трехкратный севооборот)».[31]

[28] Айхенвальд А. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. М.-Л., 1928. С. 164.

[29] Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК "О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства" на фракции РКП(б) VIII съезда советов 24 декабря. Т. 42. С. 180-181.

[30] Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Т. 43. С. 60.

[31] Югов А. Из книги "Народное хозяйство советской России и его проблемы". (Белин, 1929)// Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 206.

Важно и то, что еще до перехода к продналогу, декретом от 30 апреля 1920 г., запрещалось «производство полных переделов», а «частные допускались только с разрешения местных земельных органов». В декрете также указывалось, что «при полных переделах и разверстании земель в обществе, любое число хозяйств, а также отдельные дворы, имеют право выходить из общества без его на то согласия и требовать отвода им земли к одним местам».[32] Идея столыпинского разрушения общины с выселением на отруба и хутора здесь, несомненно, присутствует. Иного пути разрушения общины с ее средневековыми устоями попросту не бывает. Ее ликвидация претворялась в жизнь с благословения Троцкого и Ленина.

Сегодня мы многое подзабыли. Члены КПРФ, заверяющие нас в своей приверженности ленинскому наследию, ныне провозглашают общину неотъемлемым компонентом российской жизни, свидетельствующим об исконной приверженности русского народа к социализму. Позвольте, – скажет читатель, – так это же утверждали народники, с которыми Ленин вел непримиримую борьбу. И будет, несомненно, прав. Кроме эклектического сумбура, прикрывающего тоталитарные интересы диктовать крестьянам все и вся, за душой коммунистов КПРФ явно ничего не осталось.

Если в годы военного коммунизма беднота занимала командные позиции в деревне, то в годы нэпа ей пришлось испытать участь отверженных, что предопределило ее нараставшую готовность «вместе с частью партийных работников начать вновь процесс раскулачивания».[33] Для бедняка возможности выживания за счет собственного труда были крайне ограничены. С точки зрения стороннего заработка наилучшим вариантом для него был уход из деревни в переполненный безработными город, где, ютясь, где придется, без семьи, он либо сам нанимался трудиться по найму, либо, что бывало чаще, работал в артели, находясь у артельщика в долгах.

---

[32] См. Майоров И. "Земельная политика большевиков"//Пути революции (статьи, материалы, воспоминания). Берлин, 1923. С. 169.

[33] Циркунов С. В. В лабиринте доктрины. М, 1974. С. 127.

Естественно, что наиболее привлекательными для него были такие центры как Москва и Ленинград с их самыми высокими в СССР заработками.[34] В Москве, например, минимальная ставка неквалифицированного рабочего в июле 1925 г. составляла 12 руб.[35] Сюда устремлялось сельская беднота Рязанской, Тульской, Смоленской и других губерний вплоть до Азербайджана. Лишь малая толика из них (160 тыс. в конце 1925 г.) регистрировалась в городах на биржах труда, что служит показателем только видимой безработицы, который был многократно меньше ее подлинной величины. По словам предсовнаркома А. И. Рыкова, она составляла порядка миллиона человек.

Оставаясь деревне, не имея коней и соответствующего инвентаря, бедняк попадал в кабалу к зажиточному крестьянину, сдавая ему в аренду свой надел либо батрача на него за содержание. По сравнению с отходом единственным преимуществом жизни в деревне была постоянная возможность общаться с семьей, а то и проживать вместе с ней, что скрашивало его чрезвычайно убогое полуголодное существование. Зато затраты на его содержание при крайне ограниченной занятости здесь были наиболее низкими: вместе с харчами они составляли порядка 40 копеек за рабочий день.[36]

Подлинные его мучения начинались тогда, когда ему приходилось трудиться вне городов вдали от дома. Зимой это обычно была работа порубщика у крестьянина, подрядившегося на своих лошадях артельно вывозить из леса спиленные и обрубленные стволы деревьев. Еще до начала работ порубщики были в долгах. На делянках помещений для них не строили. Им приходилось самим на скорую руку сооружать шалаши, спать на снегу, готовить пищу на кострах. С усилением морозов они переселялись в тесные землянки. Постановления по охране труда на них не распространялись.[37]

---

[34] См. Стенограммы, резолюции V Всесоюзного профсоюза Всеработземлеса и материалы к тарифно-экономическому совещанию январь 1926 – январь 1927. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 91. Л. 42.

[35] См. там же. Л. 132..

[36] См. там же. Л. 93.

[37] См.там же. Л. 14-15.

Летом прототипом подобного труда вне деревень становились пресловутые общественные работы (сооружение дорог, осуществление мелиорации и т. д.), организуемые властями за счет местных бюджетов. Так, «из ассигнованных на эти работы 14 миллиардов, по правилам комиссии Рыкова, должно было быть израсходовано на рабочую силу 80%, на материал 15% и на организацию 5% (Эк. Ж. 2/VII 24). По правилам, установленным той же комиссией 5 августа, работы должны вестись в порядке *сдельных* работ в размере 75% *обычной* заработной *платы* для данных работ в данном районе; к работам привлекается только местное население, но квалифицированный персонал может быть взят из других мест».[38]

Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о том, что основу таких работ составлял труд с примитивным инвентарем либо без него, одними руками. Вознаграждением было скудное продовольствие. Используя разнообразные способы принуждения, местные власти произвольно устанавливали размеры содержания ниже практиковавшегося в данной местности уровня. Подобный труд был предвестником трудовых отношений будущих лагерей и спецпоселений. Впоследствии он стал узаконенной нормой деревни многих стран Востока. Наблюдательный Троцкий был прав, когда в работах 1924 г. указывал на факты «восточного преобладания марксизма», исповедывавшегося правящим крылом большевистской партии.

Каким бы несчастным не был исполнявший принудительные работы замордованный сельский бедняк, для него это был не самый худший вариант. В еще более тяжелых условиях оказывались те, кому приходилось трудиться в совхозах, где полевые рабочие в 1925 г. получали аж 18 руб. 84 коп., а скотницы 17 руб. 49 коп., или, говоря иначе, примерно 63 коп. и 58 коп. в день. Хотя они непрерывно трудились, их числили поденными рабочими, на которых не распространялись законы о социальном страховании и охране труда.

Мужчины и женщины проживали совместно в переполненных казармах с протекающими крышами. До

[38] Русский экономический сборник. Прага, под редакцией Н. П. Прокоповича. 1. февраль 1925. Прага. С. 84.

революции подобных скверных условий проживания пришлых в барских имениях не было. По заявлению Колуновой – работницы совхоза Московской губернии, – в казарме нет форточек, «а мы знаем, что наши дети с осени закубариваются до весны в квартирах, потому что их не в чем выпустить на улицу, и они воздуха не видят. Они выходят весной такие испитые, что на них невозможно глядеть».[39]

Хуже всего приходилось женщинам. При одинаковой работе с мужчинами их труд оплачивался дешевле. Хотя во время болезни ни тем, не другим ничего не платили, на женщинах эти порядки сказывались более пагубно. Многие подрывали свое здоровье, прерывая доморощенными методами беременность, либо скрывая ее до самых родов.[40]

Таких невыносимых условий сельского труда дореволюционная Россия не знала. Большевистских властей заботило не здоровье работавших, а перспектива содержания за собственный счет растущей армии безработных. С их точки зрения, форсированная снашиваемость рабочей силы считалась благом, позволявшим сдерживать рост числа тех, кто был лишен средств существования.

Предотвращение роста безработицы в деревне было поставлено во главу угла. С этой целью, например, Президиум ВЦСПС просил СНК СССР обсудить вопрос о более энергичном переселении избыточного крестьянского населения, имея в виду, что это явится главнейшим мероприятием борьбы с безработицей, которая без этой меры грозит стать хронической и прогрессирующей».[41] Уже в годы нэпа настойчиво поднимался вопрос об индустриальном освоении Сибири, где из 8 млн. населения рабочих насчитывалось всего 80 тыс. чел. – в основном железнодорожников и работников мелких заведений. «Налицо имеются, – говорил Лашевич, – все предпосылки, чтобы современную Сибирь, эту «страну великого будущего»

[39] См. Стенограммы, резолюции V Всесоюзного профсоюза Всеработземлеса... Ф. 17. Оп. 85. Д. 91. Л. 40.

[40] См. там же.

[41] Протоколы заседаний бюро фракции и президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, присланные для сведения в ЦК ВКП(б) 27 января 1926 г.- 22 декабря 1927 г. Протокол № 85 от 29 сентября 1926 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 82. Л. 225.

превратить в «советскую Америку»... Пока Сибирь не будет хоть немножко индустриализирована, до тех пор все ее богатства будут лежать втуне».[42]

О том, как предполагалось осваивать Сибирь, свидетельствует письмо Дзержинского 1924 г., в котором указывалось, что преступниками «должны заселяться пустынные, бездорожные местности – на Печоре, в Обдорске и проч».[43] Сибирь должна была стать местом отбывания наказания преступников. Идеи тоталитарного освоения пустынных пространств СССР вызревали еще в годы расцвета нэпа.

Действительно только преступниками можно было осваивать «пустынные, бездорожные местности». Свободные люди избегали трудиться на тех каторжных условиях, которые предлагали большевики. Как указывалось в одном из документов: «Несмотря на наличие значительного количества безработных неквалифицированного труда, ряд отраслей хозяйства, нуждающихся в массовой рабочей силе, испытывает серьезное затруднение в удовлетворении своих потребностей в последней (лесозаготовки, торфоразработки, хлопковые плантации, прииски и пр.) Ввиду того, что затруднения эти вызваны неурегулированностью условий оплаты труда, жилищных условий, охраны труда на этих работах и неналаженностью вербовочных работ, это приводит к стремлению хозорганов привозить рабочую силу извне...».[44]

В разгар нэпа сельская беднота рассматривалась большевиками как слой, способный лишь поглощать прибавочную стоимость. Перспективы сокращения прибавочной стоимости пугали их больше, чем любые катаклизмы. В то же время из-за конкуренции безработных трудоустройство преступников было пока проблемой. Чтобы их содержать, необходимы были дотации из центрального и

[42] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Октябрь 1925 г. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 322, 324.

[43] История сталинского гулага. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 23.

[44] Материалы ВЦСПС декабрь 1925 г. – сентябрь 1927 г. РГАСПИ. Ф. 17.Оп. 85. Д. 84. Л. 79.

местных бюджетов. В 1928 г., по свидетельству бывшего сотрудника ГПУ Киселева-Громова, в концентрационных лагерях содержалось всего около 30 тыс. чел. [45] Чтобы осваивать пустынные местности, требовалось применение ужесточенных методов принуждения, к использованию которых, не вдаваясь в подробности, призывал Дзержинский.

Пока же на отношениях к преступникам довлела печать дореволюционных демократических традиций. Законодательство запрещало надевать на заключенных цепи и кандалы, применять строгое одиночное заключение, лишать находившихся в изоляции пищи и посещений. Юристами широко пропагандировались идеи о том, что принудительный труд заключенных по сути рабский, несовместимый с ценностями гуманизма. Но пройдет каких-нибудь несколько лет, как по обе стороны границы России с Германией начнется прославление такого труда, а ворота концлагерей украсятся лозунгом «труд делает свободными».

В то время как власти еще только выискивали пути избавления от лишнего населения, способные платить натурой налог крестьяне оставались для них той курицей, которая несла золотые яйца прибавочной стоимости. По оценке С. Прокоповича, поставщиками сельскохозяйственных продуктов на рынок могли быть «только хозяйства, имеющие не менее 4 десятин посева. Главными же продавцами хлеба были хозяйства, засеявшие более 8 десятин».[46] Владельцы этих хозяйств были собственниками мельниц, крупорушек, маслобоек и т. п. До революции и те и другие вместе составляли 29,5% крестьянских хозяйств. За годы военного коммунизма их доля уменьшилась вдвое. Они сознательно сокращали посевы, не желая задаром производить «излишки». Торговля вновь пробудила их интерес к расширению посевов. Их доля опять стала расти, составив в 1924 г. 25,8%.[47]

Но это не было возвратом к дореволюционным порядкам. При царизме крестьяне, продавая хлеб,

[45] Иванов Ю. М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997. С. 101.

[46] Прокопович С. Что дал России нэп.// Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 28.

[4747]Там же.

практически не платили прямых налогов. Те налоги, которые они уплачивали – земские и мирской – были ничтожны. Таким же ничтожным был поземельный налог, взимавшийся с крестьян и помещиков. После революции прямой налог достиг немыслимых размеров. У крестьян изымалась вся продукция, которая могла быть продана. В годы нэпа его размеры заметно уменьшились, будучи, говоря словами Ленина, «понижением разверстки до последних пределов». Тем не менее, эти «пределы» были достаточны для обеспечения хлебом городских потребителей. «Наличие натурального продналога, – пишет А. Л. Вайнштейн, – уплачиваемого главным образом хлебными продуктами, привело к тому, что подавляющая часть городских и других потребителей внутреннего рынка была обеспечена хлебом в порядке снабжения народным комиссариатом продовольствия».[48] В частности, Москва за счет этого снабжения удовлетворяла 70% своего спроса.

Указанный налог не был единственным. В начальный период нэпа местные власти без разрешения совнаркома взимали с торговцев свои налоги, которые присваивали себе. Так было, например, в Саратове, Коломне, Нижнем Новгороде. Но это не все. Под предлогом борьбы с «негодяями – нэпманами» крестьяне облагались данью. Их принуждали продавать продовольствие по заниженным ценам.[49] Разницу властные структуры присваивали себе. Как указывалось в информсводках ГПУ, «во многих заготконторах крестьян систематически обвешивали и обмеривали... В самих заготконторах благодаря обвешиванию крестьян скопились огромные излишки хлеба. Излишки эти никем не учитываемые, беспощадно расхищаются ГПУ».[50]

По сравнению с довоенным временем резко выросли не только прямые налоги, но и косвенные – акцизы на соль, сахар и другие предметы деревенского обихода. Стоимостные пропорции устанавливались большевиками в

[48] Вайнштейн Альб. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928. М., 1932. С. 68.

[49] См. Ball A. M. Russi's Last Capitalists: The Nepmen, 1921-1929. Berkeley, 1987. С. 34-35.

[50] "Совершенно секретно". Лубянка – Сталину... Т.1. Часть 2. С. 624.

ущерб деревне, продававшей по предельно низким оптовым ценам и покупавшей в розницу чрезвычайно дорогие промышленные товары.

В этом не было ничего принципиально нового. И до революции соотношение цен было явно в пользу промышленности, обеспечивая ей ускоренное развитие. Среди причин, способствовавших этому, отмечает И. Смилга, – были дороговизна капитала в России, протекционистская политика и наличие значительных хлебных излишков внутри страны».[51] «Новизна» большевиков заключалась лишь в том, что, стремясь максимально изымать у деревни прибавочную стоимость, они дореволюционный разрыв цен доводили до немыслимых размеров, при которых рыночные связи между городом и деревней становились невозможны.

«При наибольшем растворе «ножниц» (речь идет о 1923 годе) хлебные цены были около половины довоенных, – говорил предсовнаркома Рыков, – а средние общие цены на промышленность приблизительно процентов на 70-80 выше довоенных, причем по некоторым отдельным товарам это превышение достигало 200%».[52] В это время «по подсчетам Госплана из всей потребности деревни в промышленных изделиях (в предметах массового потребления) исчисленной в 1922-23 хозяйственных годах в размере 700 мил. товарных рублей (или примерно 7 руб. на человека в год), 400 мил. тов. рублей или 57% получено ею от мелкой промышленности и лишь 300 мил. или 43% от крупной и средней (городской) промышленности. Тут, между прочим, – комментирует А. Кактынь, – не учтена роль (она вообще не поддается учету) домашнего производства».[53]

В глазах большевиков кустарная промышленность и домашнее производство препятствовали их неуемным стремлениям присваивать прибавочную стоимость, создававшуюся в деревне. Об этом хорошо сказал председатель ВСНХ Дзержинский: «Сейчас, при высоких

[51] Смилга И. Осенний кризис. Статьи и речи. М., 1924. С. 19.

[52] Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС, центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросу об экономической политике государства 5 января 1924 г. Доклад Рыкова. РГАСПИ. Ф. 95. Оп 1. Д. 42. Л. 16.

[53] Кактынь А. Новая экономическая политика... С. 23.

розничных ценах отношение крупной промышленности и вообще государства и мелкой частной промышленности становится совершенно другим. Оно становится враждебным в силу того, что эти отрасли не дополняют нас, а противопоставляют себя нам, потому что у них с нами идет борьба за крестьянское сырье. При высоких розничных ценах частная промышленность может платить дороже, чем мы за сырье, и, несмотря на это, может даже при примитивных ручных методах работы достаточно много нажить».[54]

Как справедливо указывали наши исследователи 20-х годов, отношения между городом и деревней в советской России строились на тех же основах, что и между метрополиями и колониями (например, Англии и Франции). И те, и другие имели свои «ножницы цен». Различие заключалось лишь в том, что в отличие от метрополий колонии были инонациональными территориями, тогда как в Советском Союзе эти отношения были в рамках одной страны.

При растворе «ножниц» в 300%, как это было в 1923 году, деревня, продавая хлеб, была не в состоянии покупать на вырученные деньги промышленные товары города. Если до войны крестьяне за пуд хлеба могли купить 6,5 аршин ситца, то теперь – 1,3 аршина, соли соответственно 2 пуда и 0,3 пуда, сапог 0,15 пар и 0,005 пары, гвоздей 5 фунтов и 2,5 фунта, сахара 5,5 фунта и 1,5.[55] В итоге большевики были вынуждены уменьшить раствор «ножниц», углубив дефицит городских товаров и его неизбежный спутник – инфляцию, которые могли быть преодолены только за счет роста кустарного производства и домашней промышленности.

Но предлагавший развивать кустарное и домашнее производство Ленин был не у дел. Добивавшийся этого же Троцкий не имел влияния в политбюро, где решающее слово принадлежало созданной Сталиным в борьбе с ним «семерке». Стремясь вновь расширить раствор «ножниц», «семерка» в 1924 г. заменила натуральный налог денежным, провозгласив в качестве главной задачи борьбу против «мелкой буржуазии», в которой мелкой промышленности не

[54] Дзержинский Ф. Э. Борьба за снижение розничных цен. М., 1926. С. 17.

[55] Кактынь А. Новая экономическая политика... С. 61.

оставалось места. Ее пока лишь временно терпели в ожидании предстоящего уничтожения на корню, означавшего окончательное торжество тоталитарного ограбления деревни.

По словам возглавлявшего совнарком Рыкова, «больше всего мелкая кустарная промышленность развивается в производстве одежды, она по отношению к крупной занимает 127%. Следующее место занимает деревообрабатывающая промышленность – колеса, оглобли и пр. Затем продукция животноводства... сюда входит отчасти и консервная промышленность... В остальных отраслях она занимает ничтожное место».[56]

Большевистские «ножницы» цен повсюду порождали хронический дефицит промышленных товаров, а вместе с ним и неизбежную инфляцию, получавшую выражение в разных деньгах, как это было сплошь да рядом в отношениях колоний с метрополиями. Деревенскими деньгами были терявшие покупательную способность дензнаки, городскими – фиксировавшими падение этой способности обесценивавшиеся червонцы. Одновременное существование и тех и других воплощало глубокий разрыв рыночных связей города с деревней.

В связи с не прекращавшимся падением в денежном выражении стоимости продовольствия крестьяне старались побыстрее его продать. Большевики же стремились оттянуть срок выплаты денег, обеспечивая себе дополнительное изъятие прибавочной стоимости в виде эмиссионного дохода или, как принято теперь говорить, сеньораж.

Переход на золотой червонец сам по себе не мог остановить инфляцию. «Как известно, – пишет С. Кон, – «твердая валюта» в первый период после стабилизации может быть источником значительного дохода для государства, поскольку уменьшение скорости обращения денег позволяет вдвигать в обращение безнаказанно для твердой валюты значительные суммы. Так, до настоящего времени было выпущено в обращение червонцев (банкнот и казначейских билетов) на сумму около 1300 млн. руб. при затрате на их обеспечение металла и иностранной валюты не

[56] Доклад Рыкова 5 января 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

более 270 млн. руб.; чистый доход от эмиссии составил около миллиарда рублей. Этот фокус, который не менее удачно, чем большевики, проделало и столь презренное буржуазное государство, как германское, конечно, никакого чуда из себя не представляет».[57] Подобные фокусы в условиях дефицита промышленных товаров были постоянным компонентом большевистского ограбления деревни.

Уже к 1924 г. страна не имела золотых запасов. Тем не менее, червонное исчисление сохранялось. «Золотой фонд у нас израсходован весь, – говорил Рыков. Мы в революцию вступили с золотым фондом все-таки, если и меньше миллиарда, то чуть меньше, а дожили мы к новой экономической политике при нескольких сотнях миллионов... Так что золотой свой фонд прожили, его у нас нет. До сих пор мы его прожили на закупках за границей всякого сырья, отчасти топлива и полуфабрикатов, а также во время борьбы с голодом за счет золотого фонда мы покупали хлеб для голодающих крестьян. Теперь у нас такого источника для того, чтобы покупать хлопок, каучук, тяжелую кожу, а также, если повторится голод, то и хлеб, – у нас такого источника нет».[58]

В связи с этим он предлагал заменить золой рубль серебряным. Выступая на XIII партконференции, Рыков говорил: «В настоящее время червонное обращение занимает приблизительно четыре пятых всего денежного обращения в республике. Одна пятая занята советскими знаками. Советский знак в первую очередь идет в заработную плату и в деревню, так как этот знак мелкий. Эту самую одну пятую денежного обращения в настоящий момент уже можно попытаться заменить твердым разменным знаком, использовать тот запас серебра, который имеется в

[57] Кон С. Опыт советской национализации//Нэп. Взгляд со стороны... С. 68-69.

[58] Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС, центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросам об экономической политике государства 5 января 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 25.

распоряжении правительства. Здесь речь идет о десятках миллионов золотых рублей».[59]

Как известно, серебряная монета действительно обращалась в годы нэпа. В связи с этим наметилась вялая тенденция появления и в городе и в деревне единого совзнака. Чтобы избежать дополнительного налогообложения крестьяне скрывали подлинные размеры своих сбережений. Поэтому они всячески избегали официальных каналов обмена совзнаков на червонцы. Основным источником обмена становились частные скупщики, взимавшие при сделках высокий процент.

Между тем раствор «ножниц» неуклонно рос. По оценкам Ю. П. Бокарева, в 1924/25 г. отклонение розничных цен от равновесного уровня составляло 11%, в 1925/26 г. – 71%, в 1926/27 г. – 87%.[60] Ответом деревни на возраставший дефицит промышленных товаров было сокращение продажи самого дешевого товара – зерна, определявшего уровень городской зарплаты. Вместо производства зерна крестьяне расширяли производство относительно дорогих технических культур и продукции животноводства. Если до войны стоимость реализованного на рынке хлеба на 69% превышала стоимость проданных технических культур, то в 1925 г. эти величины были почти равны. Доля зерновых в денежных поступлениях деревни составляла всего 23%, технических культур – 20%, продуктов животноводства – 21%, прочих сельхозпродуктов – 0,8% и доходов от промыслов – 28%.[61] Эту же тенденцию вытеснения продовольственного зерна подтверждает и динамика посевов.

В 1926 г. наркомторг попытался выяснить, каковы потери крестьян от нэповского рынка. Для этого по каждой группе хозяйств – бедняков, середняков, зажиточных была подсчитана вся крестьянская выручка от продажи продукции, заработков, промыслов и т. д. Эту выручку сравнили с той, какую они могли иметь, если бы цены были довоенными. Одновременно по каждой группе хозяйств подсчитывались

[59] Тринадцатая конференция российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. 16 января 1924 г. С. 16.

[60] Нэп. Приобретения и потери ... С. 116.

[61] РСФСР. Съезд 13. Стенографический отчет. М., 1927. С. 43, 215.

денежные расходы, произведенные на покупку недостающего хлеба, предметов ширпотреба т. д. Полученные результаты сравнивали с довоенными затратами на такие же товары и услуги. Итог: все группы крестьян несли убытки. Убытки были тем больше, чем больше крестьяне были втянуты в рыночные отношения с городом.* Так, на Кубани потери бедняков составили 20%, середняков – 30%, зажиточных – 40%. В Тверской губернии соответственно 13, 23 и 30%.

Указанное обстоятельство вынуждало крестьян по мере возможности избегать продаж своей продукции городским и кооперативным организациям. Они все больше замыкались в скорлупе своих натурализовавшихся хозяйств. «До тех пор, пока деревня не будет материально обеспечена, – утверждал на XI Всероссийском съезде советов Сизов, – ждать товарного развития со стороны крестьянского населения не приходится, потому что, то сырье, которое производит крестьянское население, оно же само и переделывает. Лен производится местным населением для своих потребностей. Кожу, которая гниет в кадках у крестьян, при всех затратах они все-таки перерабатывают потому, что за целое рогатое животное они получают на рынке две пары подошв. Такие цены бьют местный рынок, и несоответствие рынка не дает возможности широко развить товарное производство в области сельского хозяйства».[62]

Этому вряд ли стоит удивляться – продав свою продукцию, крестьянин, даже имея деньги, мало чего на них мог купить. Об этом свидетельствует, например, выступление представителя Курской губернии на сессии ВЦИК. «В сентябре 1925 г., – говорил он, – у нас было такое удовлетворение потребностей: по ситцу и хлопчатобумажным товарам всего на 3%, по ходовым суконным товарам – на 10%, по железо-скобяным – на 20%, по стеклу – на 10% и т. д. При таком снабжении промтоварами о серьезности заготовки говорить не приходится, ибо ждать предложения на рынке хлеба без товаров невозможно».[63]

Натурализация крестьянских хозяйств свидетельствовала о крахе попыток большевиков в условиях нэповского рынка субсидировать город за счет прибавочной стоимости, созданной в деревне. Альтернативой было: либо расширение рыночного обмена с деревней; либо отказ от него и окончательный переход к ее тоталитарному ограблению.

Не только деревня, но и город сохранял черты эпохи военного коммунизма с его по-прежнему сохранявшейся «единой фабрикой». Ее размеры практически остались неизменными. Декретом ВЦИК от 27 октября 1921 г. подтверждалось, что все предприятия, поступившие до 17 мая 1921 г. во владение государственных органов, являются предприятиями национализированными.

Правда, через полтора месяца, 10 декабря 1921 г. был опубликован другой декрет, который возвращал бывшим собственникам мелкие предприятия с двигателем с числом рабочих до 5 и до 10 – без двигателя. Однако реализация декрета существенных изменений в контуры «единой фабрики» не внесла. По свидетельству Н. А. Святицкого, число денационализированных предприятий было столь ничтожно, «что какой-либо значительной роли в деле развития частнокапиталистической промышленности денационализация сыграть не могла».[64]

Будучи придатком, дополнением «единой фабрики» частный сектор в промышленности развивался прежде всего за счет вновь открывавшихся предприятий. Как правило, это были мелкие заведения с числом рабочих не свыше 10-20 человек. Для открытия частного заведения в цензовой промышленности требовалось специальное разрешение. В конце 1922 г. их насчитывалось 442, с удельным весом в основном капитале всей крупной промышленности всего 1,5%.

Что касается тех государственных предприятий, которые сдавались в аренду, то они продолжали оставаться, говоря словами Ленина, советскими, хотя многие из них управлялись частными лицами, присваивавшими определенную долю прибыли. Так, в 1922 г. из менее 6,5 тыс. (в основном мелких) предприятий, сданных государством в

[62] РСФСР. Съезд 11-й. Стенографический отчет. М., 1924. С. 71.

[63] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 466.

[64] Святицкий Н. В. Организация российской государственной промышленности. М., 1924. С. 48.

аренду, две трети управлялись частными лицами. Аренда, как правило, была краткосрочной от 1 до 3-х лет. При таких сроках аренды ни о каких новых инвестициях в производство, естественно, не могло быть и речи.

Первоначально переход к продналогу задумывался таким образом, что «единая фабрика» сохранит свою девственность не запятнатой рынком. Ее продукция, как и прежде, целиком должна была оставаться в распоряжении государства – часть, в административном порядке обслуживать ее нужды, другая поступать в фонд наркомпрода для натурального обмена с деревней.

Такой же порядок существовал и в годы военного коммунизма. Но сохранить его в неприкосновенности оказалось невозможно, в связи с чем, скрепя сердце, началось вовлечение государственной промышленности в рыночные отношения. 9 августа 1921 г. совнарком разрешил государственным промышленным предприятиям реализовать на рынке (в строго установленных размерах) часть своей продукции в случаях, когда возмещение оборотных фондов за счет государственного снабжения оказывалось недостаточным. Однако кризис безденежных экономических связей продолжал углубляться, поэтому декретом СНК от 27 октября 1921 г. большинство государственных промышленных предприятий было полностью снято с государственного снабжения и освобождено от прямого административного контроля ВСНХ.

Таким образом, старая система главкизма с ее натуральным распределением ушла в небытие (в годы военного коммунизма предприятия бесплатно сдавали продукцию главкам, бесплатно снабжавших их сырьем, топливом, орудиями производства).

. Отныне рабочую силу, сырье, полуфабрикаты и т. д. предприятия должны были приобретать на свободном рынке и там же сбывать свою продукцию. Формально их хозяйственная деятельность зависела только от них самих, поскольку теперь они должны были получать кредиты не из бюджета, а в Госбанке, исходившем из их рентабельности. На деле же они, как правило, не были рентабельными. Хронический дефицит оборотных средств компенсировался

за счет бюджета. Поэтому рассматриваемые предприятия фактически представляли своеобразный гибрид, сочетавший административное распределение с ограниченным рыночным обменом.

Дефицит товаров, порождавший взлет цен, сопровождался у госпредприятий всеобщим недостатком денежных средств для приобретения сырья, выплаты зарплаты и, главное, для присвоения денег управленческим персоналом, ибо рынок открывал неограниченные возможности для потребления товаров и услуг. Чтобы набить карманы, директора сплошь да рядом продавали по заниженным ценам все, что только было возможно: полуфабрикаты, готовую продукцию и т. п. Порой в силу вступал бартер. Рабочие нередко получали зарплату в виде полуфабрикатов либо готовой продукции предприятий, на которых они работали.

Сосуществование всемогущего административного распределения с урезанным рынком было благодатной почвой, на которой произрастал подкуп чиновников. Взяточничество подобно метастазам поразило весь советский организм в масштабах, которых Россия никогда до этого не знала. Никакие кампании по борьбе с взяточничеством, проводившиеся на всех уровнях с подключением чекистов, были не в состоянии с ним покончить. В большинстве случаев дело заканчивалось показухой.

Так, в октябре 1922 г. «Известия» в качестве положительного факта опубликовали следующее сообщение: «В целях борьбы со взяточничеством в Петроградском округе путей сообщения последовал приказ о том, чтобы служащие под угрозой наказания не менее трех суток ареста не разговаривали в коридорах учреждений».[65] Это был один из очередных месячников по борьбе с взяточничеством, сопровождавшимся очередными воплями о недостатке денег.

Уже через месяц после того, как большинство предприятий было снято с государственного снабжения, Ленин писал Троцкому: «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Лопнуть можем. Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу все возможное и

---

[65] "Известия" 28 октября 1922.

невозможное. Вопят все и отовсюду. Как и что еще делать, не знаю».[66] Выход, конечно, был. Следовало, разрушая «единую фабрику», провести массовую приватизацию государственных предприятий. Но большевики не осмеливались пойти на такой шаг. Им казалось, что поступая так, они откроют путь к возрождению капитализма. А без этого овладеть рынком при всем желании было невозможно.

Директора многих предприятий требовали в обход рынка полного перевода на бюджетное финансирование. В этой связи представляет интерес реакция Ленина на подобные требования. «Вы мне сказали, – писал он Г. Я. Сокольникову, – что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно, чтобы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и при том всецело за безубыточность своих предприятий... Если, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками».[67]

Однако, «обеспечить полностью свои интересы деловым купцовским способом» в тех квазирыночных условиях, которые создали большевики, было невозможно. И дело здесь не в том, что этому препятствовали нерадивость, неумение торговать, отсутствие культуры, о которых так много говорил и писал Ленин. Перечисленные им причины – субъективны, вторичны. Объективная же заключалась в другом: убыточные предприятия нельзя было банкротить по законам рынка, ибо они являлись подразделением «единой фабрики», которую большевики хотели во что бы то ни стало сохранить.

Оказавшись полностью снятыми с государственного снабжения и освободившись от былого административного контроля ВСНХ, госпредприятия стихийно объединялись в тресты. Единая организация производства, финансирования, закупки сырья, полуфабрикатов, рабочей силы и реализации продукции давала возможность привычно монополизировать

---

[66] Ленин В. И. Письмо Л. Д. Троцкому. Т. 53. С. 234.

[67] Ленин В. И. Письмо Г. Я. Сокольникову Т. 54. С. 150-151.

рынок. Уже в 1922 г. по сообщению председателя ВСНХ П. А. Богданова, было «трестировано» около 90% крупной промышленности,[68] на условиях, исключавших ее банкротство. Только оборотный капитал можно было продавать, закладывать, проводить с ним операции по долговым обязательствам. Возникавший при этом дефицит так или иначе восполнялся за счет бюджетных субсидий. В отличие от оборотного капитала с основным капиталом нельзя было производить никаких рыночных операций. Он должен был оставаться в собственности государственных подразделений, стоявших над трестами.

В апреле 1923 г. был опубликован закон о трестах, конституировавший их статус и укрепивший административный контроль над ними. В соответствии с законом, тресты создавались для получения прибыли. При этом основные фонды трестов переходили в распоряжение ВСНХ и наркоматов. Большая часть прибыли изымалась в общественные фонды (по данным Э. Карра тресты отдавали государству 75% своей прибыли).[69] Трестам разрешалось оставлять у себя не более 20% прибыли в качестве резервного капитала, фонда улучшения быта и премирования работников. Хозяйствовать самостоятельно они не могли: как правило, примерно треть оборотных средств поступала к ним в виде кредитов ВСНХ, которые утверждал руководящий состав, также как и производственные задания и сметы. А. Айхенвальд был прав, когда писал: «Наши тресты только по внешней форме являются самостоятельными предприятиями, связанными исключительно через рынок. На самом деле принадлежность всех трестов к единому социалистическому хозяйству создает рядом с рыночной связью второй вид связи, объединяющий всю крупную промышленность в одно организованное целое».[70] Этим вторым доминировавшим видом связи, в отличие от рыночного, был административно-распределительный.

---

[68] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 231.

[69] Карр Э. История советской России. Кн. 2. М., 1989. С. 243.

[70] Айхенвальд А. Советская экономика и экономическая политика СССР. М., 1928. С. 64.

Административно-распределительные связи вырастали отнюдь не из-за манипуляций совнаркома и его подразделений, действия которых «сводились по большей части к формальному утверждению status-quo».[71] Они были прямым следствием нерушимости «единой фабрики», ее основными скрепами, связывавшими тресты в единый государственный механизм. Именно на этот механизм возлагалась Лениным задача перевода промышленности «по сути, в значительной степени на коммерческие и капиталистические начала».

Наиболее вовлеченными в рыночные отношения оказались тресты легкой промышленности – текстильные, спичечные, соляные, кожевенные, табачные и т. п. Эти тресты были двоякими: одни из них представляли заводы и мастерские, принадлежавшие к одной отрасли, но производившие разные изделия, другие были территориальными объединениями совнархозных предприятий, в составе которых, например, наряду с лесопильным заводом могли быть кондитерская фабрика, слесарная мастерская, кожевенный либо маслобойный завод и т. п.

И те, и другие тресты, взвинчивая цены, добивались установления на рынке монополии, способствовавшей появлению синдикатов. «Государственная политика благоприятствовала синдикатам отчасти предоставлением им централизованных банковских кредитов, отчасти облегчением их роли сырьевых заготовителей (предоставлением соответствующих прав на внутреннем или внешнем рынке), наконец, в отдельных случаях прямыми административными мерами стимулировала синдицирование легкой индустрии».[72] В частности, в декабре 1922 г. малый СНК запретил сделки между госпредприятими через частных лиц. В результате к концу 1924 г. доля госорганов и кооперации в получении товаров от синдикатов возросла до 84,6%.[73] Синдикаты

[71] Пумянский Л. Организация и работа советских трестов.//Нэп. Взгляд со стороны... С. 112.

[72] См. Синдикаты СССР. М-Л., 1927. С. 28.

[73] Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле... С. 65.

устанавливали свои монопольные оптовые цены, строя свои отношения с трестами на комиссионных началах.

Поскольку центром «единой фабрики» была Москва, где распределялись бюджетные субсидии и находились правления банков, здесь были сосредоточены крупнейшие тресты и синдикаты. «Наш оптовый рынок имеет уродливую структуру, – писал А. Кактынь, – товарооборот больше, чем на половину концентрирован благодаря концентрации кредита и товара в одном центре, Москве».[74] Как отмечают исследователи, «Москва была центром движения ценовых волн, расходившихся отсюда концентрическими кругами; движение провинциальных цен являлось как бы запоздалым отражением движения московских... Исключение представляли хлебные цены, уровень которых определялся чаще периферией, а затем повышение и понижение передавалось в крупные потребительские центры, в том числе и Москву».[75]

О том, насколько эти явления были далеки от понимания многими современниками, свидетельствует, в частности, замечание Л. Пумянского. «Наши тресты, – писал он, – являются не переходной ступенью от более простых к более сложным отношениям капиталистической организации народного хозяйства, а переходом от феодально-бюрократической к примитивно-капиталистической системе».[76] Л. Пумянский здесь не критически повторял замечание Ленина в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», сделанное задолго до возникновения «единой фабрики».

В действительности эти тресты не имели никакого отношения ни к феодально-бюрократической системе, ни к примитивному капитализму. Они были сегментами социалистической «единой фабрики», сооруженной большевиками еще в годы военного коммунизма. Ю. Ларин был прав, когда в этой связи писал: «Современная группировка предприятий в тресты (сотни преимущественно

[74] Кактынь А. Новая экономическая политика... С. 37.

[75] См. напр. Вайнштейн Альб. Л. Цены и ценообразование в СССР... С. 47.

[76] Пумянский Л. Организация и работа советских трестов...//Нэп. Взгляд со стороны... С. 113.

мелких трестов, обычно из однородных предприятий, охватывающих при том лишь часть производственного процесса какого-либо продукта) совершенно не приспособлена к условиям рыночного существования и является пережитком прежнего административного аппарата эпохи военного коммунизма. Нынешние тресты – лишь осколки прежних главков».[77]

В отличие от легкой промышленности, связывавшей ее тресты с потреблением населения, тяжелая промышленность сосредоточивала прежде всего те сегменты «единой фабрики», которые совершенно не вписывались в рыночные отношения. Их подключение к рынку означало бы конец существования «единой фабрики». «Если бы у нас в России власть принадлежала буржуазии, – говорил Сокольников, – то она с этими же ресурсами, налогами, доходами и т. д., которые мы имеем сейчас, за счет отказа от национализации промышленности и сокращения государственного хозяйства на транспорте могла бы располагать гораздо большими ресурсами для удовлетворения потребностей культурных, административных, для лучшей постановке дела в армии или для уменьшения налогового бремени».[78]

Но приватизация, разрушавшая «единую фабрику» отождествлялась большевиками с буржуазным разгулом рыночной стихии. Содержание же «единой фабрики обходилось в немалую копеечку. Чтобы ее сохранить, страна ежегодно тратила из бюджета сотни миллионов золотых рублей. «Полмиллиарда золотых рублей за 22/23 г., – говорил Сокольников, – при бюджете максимум 1400 миллиарда вот цена, так сказать, социализма у нас, покрытие дефицита нашей государственной промышленности и транспорта, плата, которую мы советское государство уплачиваем за удержание в наших руках основных командных отраслей в области промышленности и торговли».[79]

[77] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 236.

[78] Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС и резолюция фракции по докладу наркомфина 27-28 сентября 1923 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 38 Л. 38.

[79] Там же. Л. 37.

Как известно, основной источник бюджетных поступлений – налоги. До революции значительную их часть составляли поступления от цензовой промышленности и торговли. Теперь же эти поступления стали ничтожны. В 1921 г. помимо лицензионных сборов, разрешавших хозяйственную деятельность, ежемесячно взымался уравнительный налог в размере всего 3% стоимости произведенной продукции и продаж.[80] Такой налог не мог покрыть громадный дефицит бюджета, возникавший из-за постоянных бюджетных вливаний в госпромышленность. Основным источником покрытия были немыслимые поборы с деревни.

Существовавший на предприятиях «единой фабрики» хозрасчет устанавливал лишь директивные нормы распределения факторов производства, характерного для тоталитарного управления социалистической промышленностью. «Хозрасчет, – пишет Л. Н. Суворова, – распространялся на основные отрасли тяжелой промышленности (электроэнергетику, угольную, нефтяную, металлургию и др.), транспорт, связь. Его признаки: бюджетное финансирование, фондированное снабжение важнейшими ресурсами, плановое распределение подавляющей части продукции по твердым ценам. Эти цены находились на уровне себестоимости, не включали прибыль, амортизация учитывалась в заниженном размере. Предприятиям разрешалось реализовать по договорным ценам часть продукции, не полученной вовремя по нарядам, произведенной за счет экономии средств и т. п. Они обязывались выполнять задания по снижению себестоимости. К вышеуказанным отраслям примыкала военная промышленность».[81]

Хотя оптовые цены устанавливались на уровне себестоимости, они были выше себестоимости аналогичных товаров, продававшихся на рынке, так как включали бюджетные дотации. Создававшаяся здесь прибыль целиком потреблялась государством, обеспечивая посредством директивного планирования сохранение экономического единства всех звеньев «единой фабрики». Отстаивая систему

[80] Bull A. M. Russia's Last Capitalist... P. 29.

[81] Суворова Л. Н. Политическая власть, государство и рынок...//Нэп в контексте исторического развития России... С. 123-124.

директивного планирования, Троцкий был прав, перечисляя его основные устои. «Во-первых, это армия, – говорил он; она никогда не живет на основах рынка. Армия есть плановое хозяйство. Во-вторых, транспорт. Транспорт у нас (железнодорожный) весь государственный. В-третьих, тяжелая промышленность, которая работает либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности».[82]

Пережившая эпоху военного коммунизма «единая фабрика» была не совместима с рыночными отношениями. Лишь ликвидируя рынок, она могла стать доминантой, всецело определявшей экономику страны. Рынок всегда предполагает равный, в конечном счете, по стоимости обмен, который для «единой фабрики» был невозможен. Беззастенчиво обирая деревню, она взамен ей практически ничего не давала.

Себестоимость ее продукции была чрезвычайно высока. По данным С. Молчанова, в 1924/25 году для 11 отраслей промышленности себестоимость составляла от 151 до 247 процентов довоенной. Средний же показатель был равен 197%.[83] Основная продукция предназначалась для собственного потребления «единой фабрики». Выпуск предметов личного потребления, в которых нуждались и город, и деревня был очень ограничен. В середине 20-х годов удовлетворение ими потребности населения составило немногим более половины существовавшего 1913 г.[84] В условиях громадного дефицита и заоблачных цен предметы потребления были недоступны для населения и города, и деревни. Единственным выходом из создавшегося положения была их продажа по ценам ниже рыночных, предполагавшая тоталитарные методы их распределения.

Естественно, что при этом наиболее обделенной оказалась деревня. «Товарный голод на изделия промышленности, – говорил А. И. Рыков, – наблюдается по всей территории Союза (и в городе и в деревне) представляет

[82] Доклад о промышленности Троцкого. Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 336.

[83] Нэп. Взгляд со стороны... С. 76.

[84] Нэп – приобретения и потери. М., 1994. С. 72.

важнейшее явление современной хозяйственной обстановки. Значительная часть вырабатываемых промышленностью товаров раскупалась в городах и не доходила до деревни. Нажим города на товарный рынок очень силен: можно оставить без ситца уезд, губернию или даже две губернии в Сибири, но оставить без ситца Ленинград, как каждому известно, невозможно».[85]

Рыночные отношения были неприемлемы для «единой фабрики» не только из-за нараставших противоречий, порожденных низкой покупательной способностью населения, но и более высоким уровнем зарплаты частного сектора. Так, в конце 1925 г. в Москве рабочий первого разряда на госпредприятии получал 1 рубль в день и имел 2-х недельный отпуск, а в частном секторе 1 руб. 34 коп. и, как правило, 4-х недельный отпуск. Предприниматель делал и большие, чем госпредприятия, отчисления от заработной платы в фонд социального страхования, на культурную работу и т. д.[86]

Насчитывая 40-50 тыс. рабочих, частный сектор цензовой промышленности не мог, разумеется, быть серьезным конкурентом госпредприятий в найме рабочей силы. Однако относительно высокая зарплата на частных предприятиях и сданных в аренду имела для «единой фабрики» свой негатив, поскольку порождала притязания на более высокую оценку труда занятых на госпредприятиях. Не случайно Ленин, предлагая сдавать иностранным концессионерам районы дальнего Севера, помимо прочих выгод, отмечал удобство в том, что «льготные условия для рабочих – до 50 коп. золотом! – меньше вызовут зависти и столкновений у других рабочих».[87] Рост заработной платы мог уменьшить прибавочную стоимость, с чем Ленин не хотел мириться.

[85] Рыков А. И. Хозяйственное положение СССР [доклад 3 марта 1926 г.]// Вопросы хозяйственной политики (диспропорции в народном хозяйстве СССР, товарный голод, проблема цен и товарооборота). Курск, 1926. С. 10, 16-17.

[86] Копалкин В. М. Частная промышленность СССР. М-Л, 1927. С. 34.

[87] Ленин В. И. Письмо В. А. Смольянинову и членам СТО. Т. 53. С. 100.

В отличие от «единой фабрики» частный сектор был непосредственным порождением рынка с его изобилием товаров и услуг. Маркс был прав, когда писал: «Хотя всякий капиталист и требует, чтобы его рабочие делали сбережения (имеется в виду экономия на потреблении – Ю. И.), но он требует, чтобы это делали только его рабочие, ибо они противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому вопреки всем «благочестивым» фразам капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д.».[88] «Навязывание новых потребностей» – органическая черта всякого подлинного рынка, способствующая росту жизненного уровня рабочих.

При рыночном обмене продавец и покупатель постоянно выступают в разных ролях: один из них производитель, другой потребитель. Причем в процессе рыночных метаморфоз роль каждого меняется на противоположную: производитель становится потребителем, потребитель производителем. В рассматриваемом Марксом случае рабочий – производитель прибавочной стоимости выступает в роли продавца рабочей силы с тем, чтобы иметь возможность быть потребителем.

Иная основа «единой фабрики». Она внерыночна. Ее работники одновременно производители и потребители одного и того же хозяйства. Их отношения строятся не на обмене, в котором продавцы и покупатели равны, а на командно-административных распоряжениях, или, иначе говоря, на тоталитарной основе. Поэтому рост производства прибавочной стоимости здесь сопровождался не увеличением потребления рабочего, а его урезывания. В данном случае рабочие – такая же принадлежность фабрики, как и ее средства производства. Они – илоты, обязанные создавать максимум прибавочной стоимости. Для большевиков их потребление считалось вынужденными издержками, которые нужно «максимально ужимать».[89]

[88] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46. Ч. I. С. 240-241.

[89] ВКП(б) в резолюциях... Ч. I. С. 643.

О том разгуле цинизма, который царил в то время в среде большевиков, свидетельствуют многочисленные публичные заявления видных большевистских руководителей, в том числе и Е. Преображенского, объявлявшего благом снижение после революции привычных потребностей рабочих. «Страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса, – говорил он, – служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу после недавнего прошлого легче удается провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане».[90] Заметим, что сам Е. Преображенский своих привычных потребностей отнюдь не ущемлял.

Как и во всяком классовом обществе, главной движущей силой большевистского производства было производство прибавочной стоимости. «Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости, – находим мы в решениях XII съезда РКП(б), – есть вопрос о судьбах советской власти... тресты как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной стоимости в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства».[91]

Решению этой задачи «извлечения и реализации прибавочной стоимости» была подчинена провозглашенная индустриализация страны. «Центр индустриализации, – указывал Сталин, – основа ее состоит в развитии тяжелой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения». И далее «для того, чтобы индустриализацию двинуть вперед, необходимо обновить старое оборудование и построить новые заводы».[92]

[90] Цит. по: Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 8.

[91] ВКП(б) в резолюциях... Ч. I. С. 487.

[92] Сталин И. В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Т. 8. С. 120, 122.

Как известно, нэп еще с советских времен традиционно считался восстановительным периодом. Если рассматривать его с точки зрения производительных сил, разрушенных гражданской войной, то окажется, что их разрушение даже не останавливалось. Моральный и физический износ оборудования по сравнению с довоенным в целом вырос, а выпуск продукции не достиг довоенных объемов, в то время как в Западной Европе в условиях рынка рост производства составлял 6-7% в год. Возможности подъема производства тоталитарными методами уступали рыночным способам стимулирования труда. Единственно, что действительно было «восстановлено» за годы нэпа, так это способность «единой фабрики» как при военном коммунизме обходиться без рыночных связей.

В условиях падения производства прибавочная стоимость почти целиком поглощалась управленческим аппаратом. Согласно данным, приводимым Ю. Лариным, «общее количество служащих на предприятиях фабрично-заводской промышленности по отношению к числу рабочих было в два раза выше, чем до войны (17% вместо 9%) и изначально выше того процента, который установлен для них ВЦИКом (10%)». [93] А это означает, что за годы нэпа указанная доля превысила ее показатель периода военного коммунизма. По данным Л. Крицмана в 1920 г. она составляла 13,5%.[94]

Но управленческий аппарат не ограничивался одними промышленными предприятиями. «Только по линии ВСНХ, – пишет Я. Андреев, – мы имеем на 100 рабочих 15 чел. служащих и управителей. Но ведь, не один ВСНХ управляет промышленностью. Наберется еще 3-4 ведомства, которые тоже близко касаются промышленности и тем или иным путем ложатся накладными расходами. В общем, наберется до 20 служащих на одного рабочего, а возможно и более. Если принять во внимание, что в среднем один служащий в 3 раза больше получает, чем рабочий, то при таком положении на 2-

[93] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы ... С. 82.

[94] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н."военного коммунизма"). М., 1924. С. 193.

х рабочих, фактически участвующих в производстве падает по меньшей мере один оклад».[95]

Весьма интересные данные о заработках управленческого персонала в промышленности в годы нэпа приводит А. Рашин. «Средний заработок директоров, – пишет он, – 310 руб. за март 1926 г. В среднем по крупной промышленности заработок директора превышал заработок среднего служащего в 3,1 раза, рабочего в 5,6 раза, а чернорабочего – в 7 раз».[96] Внешне кажется, что разрыв в оплате директора и рабочего не велик. Но помимо зарплаты директор получал тантьему – вознаграждение из чистой прибыли предприятия. Причем в условиях хронического дефицита товаров покупательная способность рубля руководящих работников была значительно выше покупательной способности рубля рабочего. Наконец, далеко не последнее, директора, помимо скупки дефицитных товаров, пользовались бесплатными или символически оплачиваемыми роскошными квартирами, дачами, мебелью, транспортом и другими услугами, предоставляемыми предприятиями.

Все эти доходы были вполне легальны. Однако, за исключением зарплаты негласны, что создавало видимость отсутствия в обществе глубокого социального неравенства на фоне возраставшей нищеты рабочих масс. Между тем, разрыв в доходах непрерывно возрастал. Как пишет А. Рашин, «при общем росте заработной платы в промышленности происходил более интенсивный рост заработков для основных и наиболее ответственных должностей фабрично-заводских служащих».[97]

Численность управленческого персонала непрерывно увеличивалась, хотя его представители относились весьма ревниво к росту числа претендентов на присвоение прибавочной стоимости. Как заявлял, например, М. П. Томский, нужно, «чтобы школы второй ступени не были поставщиками интеллигенции, чтобы они не давали таких

[95] Андреев Я. Движущие и тормозящие силы нашей промышленности.// Вопросы труда № 4. М., 1923. С. 33.

[96] Рашин А. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР. М., 1928. С. 126.

[97] Там же. С. 129.

людей, которые бы пожирали прибавочную стоимость, вырабатываемую рабочим классом».[98]

Претендентов действительно было множество. За счет прибавочной стоимости содержался могущественный репрессивный аппарат, существовали многочисленные государственные служащие, освобожденные работники парткомов, месткомов и т. д. «Рабочие создают прибавочную стоимость, – утверждал нарком труда В. В. Шмидт, – а служащие живут за счет налогов»,[99] и был абсолютно прав.

Насколько были глубоки эти противоречия, можно судить, например, по опасениям предсовнаркома А. И. Рыкова, что «рабочий класс может запротестовать против чрезмерной прибавочной стоимости, которую госпромышленность у него берет». В связи с этим он указывал, что «та прибавочная стоимость, которую берет государство, она не по плечу рабочему классу», и в качестве выхода предлагал, «известную часть в долю рабочего класса отнять у нэпманов и кое-чем поступиться от основного накопления госпромышленности».[100]

Целеустремленно сокращая потребление рабочих, управленческий персонал «единой фабрики» с не меньшей целеустремленностью расширял собственное потребление за счет прибавочной стоимости, создаваемой этими же рабочими. Это, в частности, ярко видно из протоколов коммунистической фракции ВЦСПС, официально призванной, как и другие институты того времени, защищать интересы рабочих масс.

Председатель ВЦСПС М. П. Томский постоянно требовал, чтобы заработная плата фабрично-заводских рабочих ни в коем случае не повышалась. Вместе с наркомом

[98] Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС и резолюция фракции по докладу наркомпроса 27-28 сентября 1923 г. Ф. 95. Оп. 1. Д.38. Л. 3-4.

[99] Стенограмма заседания фракции РКП(б) пленума ВЦСПС: о кооперации, медицинском обслуживании, социальном страховании, тарифах. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

[100] Протокол и стенограмма объединенного собрания фракции РКП(б) при ВЦСПС и центральных комитетов профессиональных союзов и МГСПС по вопросу об экономической политике государства 5 января 1924 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 33.

труда В. В. Шмидтом он разрабатывал меры по сокращению затрат на их содержание. В частности, в марте 1922 г. секретариат фракции ВЦСПС в присутствии М. П. Томского, А. А. Андреева и В. В. Шмидта указал политбюро «на недопустимость выделения отдельных городов (Москва, Петроград) в привилегированное положение в смысле оплаты труда в ущерб рабочим остальной России». «Привилегированное положение» заключалось всего лишь в том, что реальная заработная плата 250 тыс. рабочих этих городов в отличие от остальной России, по указанию Молотова, не должна быть понижена по сравнению с январем.[101]

Основной задачей наркомата труда было изыскание совместно с ВЦСПС новых мер сокращения заработной платы рабочих. «По всей линии, – говорил В. В. Шмидт мы вынуждены сжимать сейчас заработную плату с 10 до 4-х руб. 50 коп., и то не знаю, удержим ли мы ее».[102] Ему вторил ВЦСПС, утверждавший: «Оценка фактического состояния зарплаты показывает, что директива ВЦСПС по приостановке роста зарплаты в легкой индустрии и подтягивании вперед отраслей крупной промышленности была реальной и правильной... Не идя на дальнейшее повышение зарплаты на ближайший период, как в промышленности, так и в советских, хозяйственных и кооперативных учреждениях и организациях, при перезаключении колдоговоров исчисление зарплаты сохранить в бюджетном индексе»,[103] что на деле предусматривало ее понижение.

Не менее показательно и то, что, когда в марте 1922 г. профсоюз связи потребовал оплаты своих работников всего лишь на уровне промышленных рабочих, М. П. Томский категорически против этого возражал. Между тем, ЦК союза связистов мотивировал свою просьбу тем, что телеграфисты

[101] Протокол № 24 заседания секретариата фракции ВЦСПС от 2 марта 1922 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.

[102] Докладная записка бюро фракции РКП(б) Центрального комитета профсоюза работников просвещения в ЦК РКП(б) и бюро фракции ВЦСПС с предложениями по улучшению работ народного комиссариата просвещения 22 июня 1922 г. Ф. 95. Оп. 1. Д. 36. Л. 79.

[103] Протоколы заседаний бюро фракции РКП(б) при ВЦСПС с материалами. 2 января 1923 г. – 15 декабря 1923 г. Ф. 95. Оп. 1. Д. 37. Л. 77-78.

месяцами не получают зарплаты, на почве голода происходят самоубийства, и «даже в Москве был случай падения с телеграфного столба монтера, который, оказалось, два дня ничего не ел и упал от истощения».[104]

Разумеется, нельзя отрицать, что порой возникают ситуации, требующие понижения заработной платы. Поражает другое. В то время, как рабочим предлагалось туже затянуть пояса, М. П. Томский, будучи членом политбюро, имевшим в своем распоряжении все, что мог пожелать, не постеснялся публично заявить, что «если вы будете меня, как председателя содержать хуже, то я через два месяца задеру ноги. И тариф ответственных работников предусматривает разряды, и от системы уравнительности пора отказаться».[105]

Но это далеко не все. По его инициативе развернулась кампания за ограничение всех отчислений от заработка ответственных работников шестью процентами и приравнивание их в отношении налогов к высококвалифицированным рабочим. С этой целью на заседании бюро фракции ВЦСПС в ноябре 1923 г. было принято решение «Поручить ОТЭ ВЦСПС совместно с представителями МГСПС от имени бюро фракции войти в ЦК РКП(б) и ВЦИК с предложением о необходимости обследования реальной заработной платы ответственных работников и принятия мер к ее освобождению от чрезмерно высокого обложения».[106]

Когда из жалкой заработной платы рабочих взимались такие отчисления, как профсоюзные взносы, взносы в кассу взаимопомощи, на клубную работу и т. д., а также выплаты по облигациям займов, то это считалось благом. Когда же эти поборы шли из громадных заработков ответственных сотрудников, то их рассматривали как вопиющую несправедливость.

[104] См. Протокол заседания фракции РКП(б) расширенного пленума ЦК союза связи 11 марта 1922 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 32.

[105] Протокол заседания фракции РКП(б) расширенного пленума союза связи 11 марта 1922 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 32. Л. 33.

[106] Протокол № 42 Заседания бюро фракции ВЦСПС 16 ноября 1923 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 37. Л. 94.

Отчисления из заработка ответственных работников, – отмечается в протоколах бюро фракции РКП(б) при ВЦСПС, – в партию, профсоюз, кассу взаимопомощи, клуб, подоходный налог и на всякие другие цели в среднем достигают 20-25%. Если к этому прибавить еще потерю по облигациям займов, то фактически средний заработок ответственного работника всех отраслей не превышает 60%». В связи с этим было решено: «возбудить перед ЦК РКП(б) вопрос об уничтожении взимания парткомитетами на различные нужды отчислений из заработка ответственных работников, установив лишь твердый процент в партию и профсоюз... Заработок литературных работников не ограничивать».[107] Заметим, почти все ответственные сотрудники регулярно печатались в самых престижных изданиях. Публикации обычно готовились подчиненными. Плату же за «литературный труд» получали руководители. Гонорары в те годы были самыми большими за все годы существования советской власти.

Интересы ответственных работников, разумеется, удалось отстоять. В протоколе № 63 бюро фракции ВЦСПС мы находим следующую запись: «Считать необходимым ограничить все отчисления от заработка ответственных работников шестью процентами и приравнять их в отношении налогов к высококвалифицированным рабочим».[108]

В то время как фабрично-заводские рабочие жили на жалкие гроши, руководящий персонал фабрик и заводов процветал, получая высокую заработную плату, тантьемы и т. д. Особенно высокие ставки зарплаты и тантьемы присваивались управленческими аппаратами трестов. В частности, только на зарплату правления электромашиностроительного треста приходилось 27% фонда заработной платы всех находившихся в его подчинении заводов, или, иначе говоря, почти треть всех

[107] Протоколы заседаний бюро фракции РКП(б) при ВЦСПС с материалами январь 1924 г. декабрь 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 2-3.

[108] Протокол № 63 заседания бюро фракции ВЦСПС от 8 апреля 1924 г. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 86.

расходов треста по этой статье.[109] Но это еще все. В их распоряжении находились также амортизационные отчисления, фонды улучшения быта рабочих и т. д., которые они тратили на свои собственные нужды.

Оказать действенное сопротивление неуемной жажде наживы управленческого персонала фабрично-заводские рабочие не могли. При малейшем проявлении протеста они оказывались в лучшем случае на улице, в худшем – благодаря стараниям ГПУ в местах более отдаленных. К тому же в условиях безработицы им было чрезвычайно трудно найти работу вновь, поскольку их фамилии зачисляли в черные списки, составляемые тем же ГПУ.

Сейчас много пишут о том, что в годы нэпа фабрично-заводские рабочие имели право проводить забастовки. Но, как правило, это право оставалось формальным. Проводить массовые стачки они фактически не могли. Об этом, например, свидетельствуют «Таблицы движения стачек и забастовок за 1926 г»., составленные ВЦСПС по материалам ГПУ.[110] Из таблиц видно, что число трудовых конфликтов, в которых участвовали фабрично-заводские рабочие (металлисты и текстильщики) составляли меньшинство 284 из 841. Чаще всех конфликтовали те, кто трудился артельно (сезонники, в том числе строители, грузчики и т. д.).

Причиной конфликтов фабрично-заводских рабочих были стихийные возмущения, вызванные размером зарплаты и ее задержками, расценками, приработками, а также организацией производства, условиями труда, грубостью администрации, невыполнением коллективных договоров. Причина конфликтов артельщиков – возмущения, вызванные задержками платы за проделанную работу и попытками администрации заставить бесплатно трудиться сверх оговоренных объемов работ.

По среднему показателю числа участников, приходившихся на один конфликт, фабрично-заводские рабочие опять-таки не опережали всех (число металлистов составляло 114 чел., текстильщиков – 102). Наибольший

[109] Профессиональные союзы и производительность труда.//Петроградская правда № 13. 18 01. 1923.

[110] См. ГРАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 99. Л. 7.

аналогичный показатель дали сезонники, в том числе строители 154 чел. и грузчики – 136 чел. Негодование рабочих фабричными порядками было стихийным. У них не было организаций, способных вести стачечную борьбу. Профсоюзы всегда были на стороне администрации. Другое дело сезонники либо грузчики. Они были сплочены артелями в единые коллективы, руководители которых были сами непосредственно заинтересованы в соблюдении соглашений. Поэтому артельщики дружнее участвовали в трудовых конфликтах, чем фабрично-заводские рабочие.

Низкие показатели среднего числа фабрично-заводских рабочих, участвовавших в конфликтах, объясняются тем, что конфликты редко выходили за рамки того или иного цеха. Условия труда каждого из цехов отличались от условий труда остальных подразделений фабрики. В этом отношении типична, например, приостановка работы на суконной фабрике в Кинцевском районе Брянской губернии, вызванная изменениями норм выработки, установленных для ткачей в целях поднятия производительности труда за счет его интенсификации.[111] Ткачи (среди них были коммунисты и комсомольцы) пытались остановить всю фабрику. Они ходили в механический, промывной и некоторые другие цеха, агитируя рабочих поддержать ткачей, но встретили отпор. В течение всего конфликта вся фабрика, с числом рабочих 1200 чел., за исключением ткачей, работала без перебоев. Как обычно, в данном случае сказался цеховой сепаратизм, так как новые нормы выработки не затронули остальных рабочих.

С точки зрения средней продолжительности конфликтов показатели мало разнятся друг от друга – 1,9 дня у металлистов, 0,7 дня у текстильщиков, 0,92 дня у грузчиков и 1,6 дня у сезонников. Строго говоря, это были не забастовки, а краткосрочные приостановки работы, заканчивающиеся, так или иначе, соглашениями конфликтующих сторон. Причем далеко не все конфликты ГПУ считало нужным учитывать в своих сводках. «Рабочим по большей части нормы не сообщаются, – писала «Красная

[111] См. Протоколы заседаний президиума ЦК профсоюзов текстильщиков, доклад о забастовке на суконной фабрике в Кинцевском районе Брянской губ. и др. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 97. Л. 9-10.

газета», – рабочим известен только сдельный расценок. Но еще важнее – отсутствие твердых норм и расценок. На металлическом заводе и на заводе им. Макса Гельца нет вообще закрепленных норм и расценок, на остальных закреплены нормы лишь на 6 месяцев, после чего пересматриваются... Конфликты составляют десятки и сотни в месяц на каждом заводе. Достаточно указать, что на Красном Путиловце на почве норм и расценок было за год 3589 конфликтов, на Балтийском заводе за 2 месяца 77 конфликтов».[112]

Как справедливо отмечалось в сборнике ЦК Российской социал-демократической партии, опубликованном в Берлине в 1926 г., среди российских рабочих наблюдался «аполитизм и своеобразный экономизм».[113] Тот самый «экономизм», о котором с возмущением писал Ленин в начале XX века, в условиях созданной большевиками «единой фабрики» в годы нэпа стал хроническим, замкнувшись на отношениях рабочих той или иной профессии, того или иного цеха с так называемыми работодателями в лице управленческого персонала. Последовавшее развитие показало, что сведение этих отношений к цеховым конфликтам было всего лишь переходной формой к окончательной утрате права рабочих коллективно высказывать свое возмущение фабрично-заводскими порядками.

С началом нэпа в структуре рабочих, трудившихся на фабриках и заводах, произошли большие изменения. С переходом от натуральной к денежной оплате реальная зарплата стала расти. Жители деревень вновь устремились в города, чему способствовал чудовищный голод, вызванный засухой и неурожаем 1921 г.

Добиваясь снижения заработной платы, руководители предприятий расширяли сферу использования неквалифицированного труда. За годы нэпа доля вспомогательных рабочих заметно повысилась при

---

[112] Недочеты зарплаты//Красная газета. Вечерний выпуск. 14 января Л., 1927.

[113] См. Проблемы революции. Издание заграничной делегации РСДРП. (Сборник центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии. Берлин, 1926. С. 13.

существенном уменьшении доли имевших квалификацию. По утверждению Е. Преображенского, «более половины квалифицированных рабочих совершенно исчезли (речь идет о годах военного коммунизма – Ю. И.): часть вымерла естественным путем, часть погибла на фронтах, часть попала на советскую работу, часть безнадежно осела в деревне».[114] «Процент квалифицированных рабочих, – писал в 1925 г. А. Рабинович, – к общему числу рабочих понизился и, несмотря на его рост, еще отстает от довоенной нормы... Численность вспомогательной рабочей силы и ее роль в общем количестве занятых рабочих сейчас значительно выше, чем в довоенное время».[115]

Как и до революции, источником пополнения неквалифицированных рабочих служил наем выходцев из деревни. Но этот наем производился уже в качественно иных условиях, когда за стенами предприятий крупнейших промышленных центров появилось множество безработных, полностью утративших связи с разоренными войнами деревней и городскими местечками. «Между 1923 г. и 1926 г. городское население выросло на 24% в то время как прирост всего населения страны равнялся лишь 8-9%».[116] Подобный наплыв в города деревенских жителей, готовых выполнять за нищенскую плату любую работу, наблюдался и в КНР в годы большого скачка. По сравнению с 1949 г. численность рабочих и служащих в государственной промышленности этой страны возросла с 7 млн. до 23 млн. человек.

Руководителям предприятий особенно выгодным был временный наем неквалифицированных рабочих. В 20-е годы доля постоянно трудившихся по найму в промышленности составляла лишь около 30%, включая рабочих и служащих. Учитывая громадный рост числа служащих, можно утверждать, что доля фабрично-заводских рабочих с их непомерными, с точки зрения директоров, притязаниями на хороший заработок сократилась намного больше довоенного

---

[114] Цит. по: Гастев А. Кризис рабочей силы //Вопросы труда М., 1923. № 4.

[115] Труд в России. Исторический сборник. Л., 1925 № 2-3. С. 164.

[116] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Выпуск X. // Население Союза СССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. М., 1929. С. 10.

уровня. «Процесс изменения рабочего состава, – пишет Л. Пумянский о начале нэпа, – происходил таким образом, что сначала была произведена радикальная чистка числящихся на фабриках рабочих, а затем происходило привлечение к работе новых рабочих со строгим контролем их пригодности и преимущественным подбором ранее работавших в данном производстве».[117] При этом предпочтение отдавалось временным рабочим.

Временный работник обходился значительно дешевле: ему не надо было платить компенсацию при увольнении и оплачивать простои, которые были необычайно велики. По окончании срока найма его можно было нанять вновь, если он оказывался достаточно покладистым, если нет, при имеющейся безработице заменить другим.

Временный наем был выгоден еще и потому, что у рабочих становилось меньше возможностей оказывать сопротивление требованиям заводской администрации, заинтересованной в понижении заработной платы. «Главное следствие системы временного найма, – пишет Д. Филтзер, – безусловно, политическое: ослабление сплоченности и боевитости рабочих. Отсутствие гарантии обеспеченности работой, ненадежность положения на предприятии – особенно во время высокого уровня безработицы – дисциплинирует, по крайней мере тех, кого затронул временный наем. Они менее способны оспаривать решения управленческого персонала. В то же время большая текучесть рабочей силы, вызванная сменяемостью работающих, ограничивает возможности роста у рабочих чувства солидарности и осознания себя частью единого рабочего коллектива».[118]

Там, где широко привлекается неквалифицированный ручной труд, большие простои неизбежны. Как известно, в индустриально развитых странах уже в 20-х годах прошлого века складывалась расчлененная, по выражению Маркса, система машин, в которой последовательность стадий всего производственного процесса так или иначе регулируется

[117] Пумянский Л. Организация и работа советских трестов//Нэп. Взгляд со стороны... С. 125.

[118] Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. The Formation of Modern Soviet Production Relations 1928-1941. L., 1986. P. 27.

действием самих механизмов, внедрявшихся из-за высокой стоимости рабочей силы. Даже в тех случаях, когда не удавалось избежать ручных операций, последние подчинялись движению механизмов, как это было, например, при использовании конвейеров. В связи с этим простои здесь возникали либо по причинам сбоев самих механизмов, либо по причинам, непосредственно не связанным с ними, а именно по причинам, обусловленным рынком.

Иное дело, когда расчлененной системы механизмов нет, как это было в годы нэпа в России, где множество производственных операций осуществлялось вручную, независимо от работы машин. В таких случаях основные сбои происходят по причине использования дешевого ручного труда. Соревноваться с системой машин в своевременности, а, следовательно, и в скорости исполнения последовательных операций людям не дано. В нэповской России к этому фактору добавлялось и то, что разнородные ручные операции выполнялись изнуренными рабочими, которые не могли все время трудиться интенсивно.

Возникавшие на этой почве простои были необычайно велики. «По обследованиям 1923-1924 гг., полезное время работы на большинстве предприятий, – писал А. Рабинович, – составляет 60-50% или даже меньше 50% всего рабочего дня, а остальное время теряется непроизводительно по вине предприятия или рабочего... Результаты обследования производственных цехов металлообрабатывающих предприятий говорят о том, что в большинстве случаев соотношение между действительной работой и холостым ходом (простоями в цехах) равно 6 : 4».[119] Еще большие простои были в текстильной промышленности, где, как показали хронометражные исследования, в большинстве случаев значительная часть профессий рабочих различных отделений работает производительно всего 40-50% рабочего дня.

Использование временных рабочих, которым за простои ничего не платили, было особенно выгодным. Неслучайно и то, что превалировавшая на фабриках и заводах нищенская зарплата была рассчитана преимущественно на оплату труда тех, кому не приходилось

[119] Труд в России. Исторический сборник. № 2-3... С. 170.

содержать на нее семью. Одним из первых, кто неопровержимо сумел доказать эту особенность заработной платы рабочих фабрик и заводов был Н. Евреинов, проводивший обследование бюджетов тульских рабочих.[120]

Как известно, реальная заработная плата определяется стоимостью потребленных товаров и услуг. В годы нэпа ее динамика при отсчетах от довоенного уровня постоянно фальсифицировалась, чтобы скрыть ухудшавшееся положение рабочих. За отправную точку принимался так называемый товарный рубль, который равнялся стоимости в московских ценах товаров и услуг, приходившихся на один из десяти довоенных рублей. Десять рублей объявлялись типичным заработком довоенного рабочего. То, что при большевиках этот уровень заметно понизился до 1927 г. считалось само разумеющимся.

Однако степень реального сокращения потребления рабочего была значительно выше, чем показывала большевистская статистика. Во-первых, в годы нэпа московские цены из-за наименьшего дефицита товаров и относительно низких торговых наценок были ниже, чем в остальной России, и, во вторых, средний заработок довоенного рабочего был значительно выше десяти рублей. По данным русского экономического сборника, «за 13 лет с 1900 г. по 1913 г. реальная заработная плата русского рабочего повысилась только на 11,8%, причем главный подъем ее имел место в революционные 1905-1906 годы, а затем она не только не росла, но даже падала, хотя незначительно».[121] В 1905 г. даже чернорабочий в Петербурге получал в месяц свыше 20-ти руб. Что касается торговых наценок при розничных продажах, то они в уездах вдвое превышали московские. Доля таких наценок к оптовым ценам 1925 г. составляла 49,8%, тогда как до войны они равнялись всего 20%.

Благодаря различного рода манипуляциям, по данным большевиков, среднемесячная зарплата (она

[120] Евреинов Н., Коган Е. Бюджет тульского рабочего. Данные обследования бюджета семейных рабочих заводов 1-й и 10-й за время март-сентябрь 1925 г. и сравнительные данные бюджетов 1923, 1924 и 1925 гг. Тула, 1926.

[121] Русский экономический сборник... VI. 1926. С. 167.

включала зарплату рабочих и служащих) на лучших, полностью загруженных фабриках в октябре 1925 г. равнялась 30,36 товарных рублей. Это позволяло им утверждать, что «в 1925 г. среднемесячная зарплата достигла 81,3% довоенного уровня, а в Москве и Ленинграде заработная плата значительно превысила довоенный уровень».[122]

Однако даже в 1926 г. вопреки высказываниям высокопоставленных руководителей зарплата рабочего не достигла нищенского уровня царской России. «Некоторые очень ответственные товарищи, – заявил наркомтруд В. В. Шмидт, – имели неосторожность... сказать, что в этом году (1926 г. – Ю. И.) мы достигнем довоенного уровня заработной платы, а, может, даже перешагнем его. Это крайне неосторожно сказано. Профсоюзам пришлось разъяснять массам, почему мы этого в нынешнем году достигнуть не можем».[123]

За 1926 г. последовал 1927 г. – год десятилетия Октябрьского переворота, в связи с чем было торжественно объявлено, что реальная заработная плата рабочих наконец-то достигла довоенного уровня. На самом деле этого «выдающегося» достижения не было и в помине. Согласно данным члена коллегии НК РКИ В. П. Милютина, в 1925/26 г. Россия имела следующие показатели доли подушевого довоенного производства: хлопчатобумажные ткани 63,1%., кожа 57,6%, сахар 82,9%, соль 93,3%, стекло 57,5%, керосин 73,2%, спички – 100%. «Из этих данных, – говорил В. П. Милютин, – мы видим, что самые необходимые для широкого потребления предметы промышленного производства даже при предполагаемом развертывании промышленности все же в среднем будут удовлетворять потребности по сравнению с довоенным периодом на 60-80%».[124]

Но дело не только в этом. В 1926 г. цены на промышленные товары были значительно выше довоенных. Так, метр ситца до войны стоил 19,7 коп., в 1926 г. – 57,4 коп., фунт сахара соответственно 12 коп. и 26 коп., пуд соли 32 коп.

[122] Там же.

[123] Карр Э. История Советской России. Кн. 5. С. 298.

[124] Вопросы хозяйственной политики... С. 55.

и 1 руб. 13 коп., спички 10 коп. и 15 коп. Спрашивается, при таких несусветных ценах много ли можно было купить на 10 довоенных рублей.

Посмотрим теперь как обстояло дело с действительным потреблением рабочего. Для начала обратимся к уже известной книге Н. Евреинова и Е. Когана «Бюджет тульского рабочего». Согласно приводимым ими данным, бюджет семейного рабочего составлял 31 тов. руб. 09 коп., одинокого – 21 тов. руб. 95 коп. Однако у семейного рабочего (он неизменно квалифицированный, зачастую обладающий приусадебным участком) на одного условного едока приходилось 10,82 тов. руб., тогда как одинокий тратил на себя 19 руб. 72 коп. Иначе говоря, одинокому жилось лучше, чем семейному.

Несомненной заслугой Н. Евреинова является то, что в отличие от многих исследователей он исключал при оценке потребления рабочего доходы, обусловленные долгами, распродажами и закладами вещей и т. д. Такие доходы не расширяли потребление рабочего, а порой и сокращали его. Поэтому Н. Евреинов называет их отрицательными. По его данным отрицательные доходы у семейных рабочих составляли около 20-ти процентов их бюджета, у одиноких – чуть больше 10-ти процентов.

Основными статьями расходов были продовольствие, жилище и одежда. «Если семейный рабочий, – пишет Н. Евреинов, – тратит на питание 40% своего бюджета, то одинокий – 36%. На жилище семейный тратит 24%, одинокий 8%. С другой стороны, расходы на одежду занимают у одинокого треть бюджета, а у семейного менее пятой».[125] Анализируя данные 1923 г., Н Евреинов отмечает, что в расчете на едока одинокие питались лучше, чем семейные рабочие. «Одинокие имеют возможность, – пишет он, – потреблять в большем размере сравнительно дорогие и высокого качества продукты. Ржаной хлеб одинокие потребляют в месяц 76 фунтов, тогда как семейные всего лишь 73 фунта. Наоборот, картофель в большей степени потребляется семейными – 92 фунта на едока, а одинокими – 81,9 фунта. Потребление круп и овощей почти одинаково у тех и других. Стол одинокого рабочего зато гораздо лучше

[125] Евреинов Н., Коган Е. Бюджет тульского рабочего... С. 86.

удовлетворяется такими продуктами, как пшеничный хлеб и мясо. Белого хлеба одинокий потребляет 15 фунтов в месяц, т. е. полфунта в день, тогда как семейный – всего лишь 6,9 фунтов в месяц, т. е. около четверти фунта в день. Мяса одинокий потребляет 11,2 фунта в месяц, тогда как семейный всего 8 фунтов».[126]

Хотя показатели расходов на питание одинокого рабочего и одного едока семейного существенно разнятся (6,6 товарных руб. у первого и 4,32 товарных руб. у второго) в ряде моментов питание и тех и других имеет близкие черты. С точки зрения калорийности питания (соответственно 4,5 тыс. кал. и 4,3 тыс. кал.) рубеж выживания на грани голодной смерти, по-видимому, был преодолен. Но это преодоление было достигнуто преимущественно за счет продуктов растительного происхождения и, прежде всего, хлеба, подтверждая тем самым тот факт, что от цены последнего существенно зависел размер зарплаты рабочего. Вместе с тем поражает чрезвычайно скудное потребление жиров и белков животного происхождения. Даже одинокий рабочий съедал в среднем за день всего 0,31 фунта или 122 гр. в день мясных продуктов. Колбасы и рыбы он практически не покупал (всего 3,3 фунта или 1,35 кг. в месяц). Между тем как до революции дешевая колбаса была постоянным продуктом его питания, а в живопырнях он регулярно поглощал мясные отбросы и периодически покупал печенку в качестве средства от куриной слепоты.

Примерно таким же, как у тульского металлиста, было питание у ярославского текстильщика: «оно в целом продолжает сохранять, – указывается в статистическом вестнике, – растительный характер, и может быть названо хлебно-картофельным: из 80,12% растительного состава пищи – 45,12% составляют хлебные продукты, а 31,13% – картофель».[127] Исследователи констатировали, что здесь (как и всюду) на почве недостатка животного белка возникали различные заболевания, и возрастал коэффициент смертности. Подобный характер питания отмечен и у ивановского текстильщика 1926 г. На каждого едока здесь в

[126] Там же. С. 97.

[127] Ярославский статистический вестник. Январь-май. № 5. Ярославль, 1925. С. 74.

среднем приходилось в месяц 30 фунтов ржаной муки, 24,1 фунтов пшеничной муки, 4,6 фунтов круп и пшена, полфунта риса, 22,6 фунта картофеля, всего 5 фунтов мяса, 4,1 фунт сладостей.[128]

Приведенные данные указывают на то, что по сравнению с 1923 г. существенных изменений в питании фабричных рабочих не произошло. Правда, некоторые исследователи отмечают рост потребления спиртных напитков. Как известно, в России с 1914 г. существовал сухой закон. И в годы царизма, и при Ленине потребление спиртных напитков было уделом привилегированных. После его смерти спаивание населения стало знамением времени сталинской эпохи. Потребление водки (в просторечии «рыковки») в городах стало быстро расти. Если в 1925 г. в месяц покупали на семью в среднем 1,5 бутылки, в 1926 г. – 1,3, в 1927 г. – 2,4., то в 1928 г. – 3 бутылки.[129] Однако эти цифры не раскрывают подлинные масштабы спаивания населения, поскольку помимо водки безмерно потреблялся самогон.

Значительный интерес представляет бюджетный набор рабочего, составленный Московским бюро статистики труда и Госплана, исходя из розничных цен в червонных рублях и копейках на 15 декабря 1926 г.[130] Общая стоимость бюджетного набора товаров равнялась 21 руб. 51 коп. по рыночным ценам и 18 руб. 35 коп. по ценам кооперативной торговли. Небольшое расхождение в приведенных цифрах, по-видимому, объясняется тем, что в кооперативных лавках продавались товары худшего качества. К тому же некоторые из них продавались по государственным ценам – керосин, табак 2-й сорт, дрова и т. д.

Заметим, что общая стоимость бюджетного набора почти в точности совпадает с бюджетным набором одинокого тульского металлиста 1923 г., равным 19 руб. 72 коп. Однако у московского рабочего расходы на питание на 15 декабря 1926 г. почти вдвое выше, чем у тульского металлиста. У первого по рыночным ценам они составляют 14 руб. 19 коп., по

[128] Труд и производство. № 7-8 Иваново-Вознесенск, 1926. С. 6.
[129] Нэп в контексте исторического развития России... С. 199.
[130] Материалы ВЦСПС. Апрель-декабрь 1926 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 83. Л. 7.

кооперативным – 11 руб. 98 коп. против 5 руб. 50 коп. у туляка, что свидетельствует о росте розничных цен прежде всего на зерно и товары растительного происхождения в виду начавшихся серьезных сбоев в снабжении городского населения дешевым хлебом.

Другая особенность бюджета – мизерность мясных и рыбных продуктов. Из него полностью исчезла колбаса. Мяса полагалось в месяц всего 7,8 фунта или 3 кг. А это означает, что за день московский рабочий мог потреблять мяса 106,6 гр. и соответственно сельди 3 фунта (1,2 кг. в месяц или 40 г. в день). Иначе говоря, его потребление по крайней мере оставалось примерно на уровне (если не хуже) тульского рабочего 1923 г., когда официально признавалось, что заработная плата составляет половину довоенного уровня.

За годы нэпа резко ухудшились жилищные условия рабочих. С целью удержания зарплаты на низком уровне квартплата в муниципальных и фабричных домах устанавливалась таким образом (ее зачастую даже не учитывали в бюджетном наборе), что она не окупала элементарный ремонт помещений. Новых же помещений для рабочих не строили, тогда как число трудившихся на фабриках и заводах возросло из-за широкого использования неквалифицированного труда. Одновременно росло и число тех, кто всякими правдами и неправдами стремился осесть в Москве, где заработная плата была самой высокой в стране. В итоге жилищная теснота достигла здесь таких пределов, при которых скученность в помещениях царской России стала казаться утраченным раем.

«Многие члены семьи отмечалось в материалах московского обследования, – вынуждены спать вповалку на общей семейной постели или ночевать на полатях, лежанках, сундуках, часто на полу. Как свидетельствуют данные жилищной анкеты, от недостатка кроватей особенно сильно страдают дети и подростки: отдельную кровать имеют всего четверть обследованных детей, считая и детей грудного возраста. Больше половины спящих на кровати детей, считая и детей грудного возраста, спят по двое на одной кровати или разделяют ее со своими родителями».[131]

[131] Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 67.

Отмеченная тенденция характерна не только для Москвы, но и других районов сосредоточения фабрик и заводов. «Явную угрозу здоровью и жизни рабочего класса, – пишет, в частности, П. Кожаный, – представляет такое снижение жилищного минимума, которое мы видим, например, на 25 фабриках Иваново-Вознесенского района. Там каждый трудящийся (47,5 тыс. чел) имеет для отдыха от тяжелой работы, для сна, который подкрепляет силы, для домашнего уюта 5 2/3 кв. аршин. Да ведь это пространство немногим превышает то, которое будет занимать труп этого человека, когда потрясающая жилищная нужда вгонит его в могилу. Но это не самое худшее – есть места, где на каждого приходится жилой площади по «полтора гроба», т. е. по 4-5 кв. аршин. На Родниковской фабрике Иваново-Вознесенского треста (2,4 тыс. раб.) менее 5 кв. аршин, почти в 4 раза ниже голодной жилой нормы! А на Старо-Павловской фабрике Камвольного треста около 600 чел. умудряются помещаться по 2,5 кв. аршин».[132]

Подобная теснота была правилом проживания рабочих фабрик и заводов. «У металлистов в таких рабочих районах, как Сормово, Ижевск и др. едва доходит до 3,5 кв. м. на душу. То же самое у текстилей в таких районах, как Орехово-Зуево, Ярцево, Тверь, Ярославль».[133]

В Канавинском районе из 41 тыс. чел. 30 тыс. проживали, имея в среднем на одного 5 кв. аршин (2,5 кв. м.). «Какие это жилища? – говорил Стрижов из Нижегородской губернии, – у нас есть поселок, называется «Кавказ», где на горе рабочие вырывают полуземлянки, покупают тесу или просто горбушины, закладывают их и живут в этих жилищах».[134]

Единственно, чем отличался нэп от последовавшего за ним периода, так тем, что чудовищная скученность еще не стала официально признанной нормой, и ее еще допускали обсуждать на самых высоких уровнях. В частности, на XII

[132] Кожаный П. На жилищном фронте//Вестник труда № 7. М., 1924. С. 16.

[133] Вестник труда № 5 1927. С. 35.

[134] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Октябрь 1925 г. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 426.

всероссийском съезде советов, представитель ВЦСПС Толстяков констатировал следующее: «Мы имеем целый ряд предприятий, где норма жилплощади не оправдывается никакими законами. Например, по фарфоровой промышленности норма жилплощади на одного живущего составляет 1,8 кв. м. На Урале в асбестовой промышленности эта площадь составляет 2,3 кв. м. Можно ли ожидать, – спрашивал он, – что в этих условиях рабочий может восстановить затраченные в производстве силы?».[135] Ответ напрашивался сам собой.

На XIII всероссийском съезде советов, где предсовнаркома А. И. Рыков заявил, что «в целом ряде районов жилищные условия рабочих чуть ли не хуже, чем до войны», среди выступавших по этому вопросу была работница Ярцевской фабрики Новикова. Она рассказала следующее: «В настоящее время мы живем в очень плохих квартирных условиях. У нас работают крестьяне, которые приходят из деревни за 7-8 верст на фабрику. У нас нет для них помещений, и они должны после работы в грязь и ненастную погоду возвращаться за 7-8 верст домой. Это недопустимо. Рабочие, которые живут возле фабрики, помещаются в построенных еще при капиталистическом строе казематах или, как называют их рабочие, казармах. Нас спрашивают: «Товарищи, почему вы такие бледные?» Да, потому, что в наших жилищах мало воздуха. После 8-часовой работы на фабрике нам приходится возвращаться в казармы, в которых нам дается площадь только в 2 кв. м. для семьи в 3-5 человек. Это недопустимо. Есть случаи, когда в одной каморке живут три семьи».[136] Пройдет всего несколько лет. Казавшиеся немыслимыми жилищные условия еще более ухудшатся, превратившись в желанную норму быта. Их публичные обсуждения будут считаться происками контрреволюционеров и меньшевиков.

Немыслимая теснота позволяла снижать реальную зарплату не только прямо, сокращая расходы на коммунальные платежи, но и косвенно. У рабочих исчезала возможность приобретать предметы домашнего обихода. По

[135] РСФСР. Съезд 12-й. Стенографический отчет. М., 1925 С. 75.

[136] РСФСР. Съезд 13-й. Стенографический отчет. М., 1927. С. 142. 179.

данным санитарного обследования Красноуральского асбестового рудника Петрокаменного района Тагильского округа площадь на одного жителя казарм составляла 2,32 кв. м., постоянного семейного – 3,76 кв. м. «При расчете числа населения на кровать, – пишут авторы обследования, – получится, в казармах на кровать приходится 1,2 чел., у служащих 2, у постоянных рабочих – 4,4 чел. Один тюфяк в казармах приходится на 9,7 кроватей, т. е. из десяти лишь один спит на тюфяке, а остальные или спят на голых досках или подкладывают барахлишко. У постоянных рабочих тюфяков 23. Одна подушка в казармах обслуживает 5 кроватей, у постоянных (карловцев – местных уроженцев) 4 кровати. Недостаток жилой площади не позволяет карловцам поставить лишнюю кровать. Они вынуждены довольствоваться спаньем на полу, очевидно ввиду тесноты вповалку».[137]

А вот результаты обследования Трехгорного пивоваренного завода, где 90,5% рабочих проживали на территории завода, имея жилплощадь менее санитарной нормы. «Кровати, – пишут производившие обследование врачи, – размещены у стен чрезвычайно тесно: по две кровати вплотную с промежутками между каждой парой в 0,5 м. В центре комнаты длинный стол. На стенах у большинства кроватей маленький деревянный шкафчик для посуды и мелочей. Одежда хранится в корзинах и сундуках под кроватями. Каждая кровать снабжена от заводоуправления травяными матрацем и подушкой, по одной смене постельного белья и байковым одеялом».[138]

По данным московского бюджетного индекса, расходы рабочего на одежду и предметы личной гигиены должны были составлять по рыночным ценам 3 руб. 68 коп., по кооперативным – 3 руб. 27 коп. Если учесть, что в 1926 г. один м. ситца стоил 57 коп., то окажется, что рабочий на эти деньги мог купить примерно лишь одну простыню. А ведь ему приходилось еще одеваться и обуваться. Поэтому

[137] Рабочий быт и жилищно-санитарное благоустройство.//Экономика. № 6-7 (37-38). Пермь, 1926. С. 25.

[138] Труд и здоровье рабочих. Здоровье рабочих на предприятиях г. Москвы в связи с условиями труда и быта. Выпуск 1. М., 1926. С. 71.

спецодежда постоянно использовалась для повседневной носки.

Так, по данным обследования быта работников канализационной сети Москвы, отдельной кровати не было у 150 (81%) рабочих, постельного белья у 28% рабочих. Пятеро из них не имели возможности сменить и носильное белье. Не снимали рабочей одежды и обуви 79,5% . Спецодежда, (запачканная испражнениями) хранилась в комнате, где спят и едят, у 28% рабочих, в кухне – у 2,5%, в коридоре – у 66,5%.[139] Рабочие постоянно требовали вплоть до возникновения конфликтов с приостановкой работы расширения круга лиц, пользующихся спецодеждой. Профсоюзы и политбюро постоянно принимали решения об их сокращении. Обладание спецодеждой и профбилетом считалось верным признаком обеспеченности. Как пелось в те годы: «жених был во всей прозодежде, из блузы торчал профбилет».

Все помыслы большевиков были направлены на сокращение и без того жалких потребностей фабрично-заводских рабочих, сложившихся в довоенный период. Стоило зарплате в конце 1922 г. достичь лишь половины довоенного уровня, как ВЦСПС по указанию ЦК РКП(б) призвал приостановить ее повышение, что послужило сигналом к ее повсеместному снижению.[140]

Однако оно не вызвало соответствующего уменьшения производительности труда. Большевики действовали со знанием дела! «В феврале 1923 г., – пишет Ю. Ларин, – средняя производительность труда считается выше 70-ти процентов довоенной, а средняя зарплата – только 50%. Проще говоря, рабочий по производительности труда дает сейчас примерно чуть ли не на половину больше того процента, какой он получает по заработной плате сравнительно с довоенными годами».[141] Другими словами, в начале 1923 г. норма прибавочной стоимости стала выше довоенной, тогда как, по словам того же Ю. Ларина зарплаты

[139] Там же. Выпуск III. 1926 г. С. 107.

[140] Карр Э. История советской России. Кн. 4. М., 1989. С. 62.

[141] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 86.

рабочему теперь хватало лишь на «простецкое удовлетворение голода ржаным хлебом, картошкой и т. п.».[142]

В. В. Кассиор по поводу этой зарплаты говорил следующее: «72% рабочих получили в первой половине 1923 г. не более 14 товарных рублей. Это... настолько низкая заработная плата, что при существующей производительности труда она, несомненно, ведет не к культурному росту и не к восстановлению рабочего класса, а к его по существу дела истощению, ибо при такой заработной плате рабочий не может восстанавливать ту рабочую силу, которую теряет в процессе производства».[143] Каким же надо было обладать цинизмом, чтобы в январе 1923 г. заявлять о том, что рабочий класс живет слишком жирно, следовательно, необходимо его урезать, чтобы крестьянин не чувствовал себя обиженным».[144]

Заявляя о том, что рабочие живут лучше крестьян, большевики искусно пытались вбить клин между ними вопреки своим постоянным призывам крепить союз рабочих и крестьян. Разговоры о том, что рабочие жиреют за счет крестьян, широко циркулировали в деревне. Они неоднократно фиксировались в сводках ГПУ. Так, во Владимирской губернии, – записано в одной из них, – «в связи с докладом о Доброхиме и Воздухфлоте крестьяне села Дубинки Александровской волости ожидают жестокой войны и заявляют: «Мы теперь прозрели не как при царизме, и мы выйдем на свой крестьянский свободный путь, уравним рабочего с крестьянином, уничтожим ответработников, которые получают огромные оклады и которые не приносят никакой пользы крестьянству, вернем собственность на землю, леса».[145]

Стараясь минимизировать затраты на заработную плату, большевики снижали ее долю в стоимости продукции ниже довоенного уровня, сокращая тем самым

[142] Ларин Ю. Уроки кризиса и экономическая политика. М., 1934. С. 54.

[143] XIII конференция российской коммунистической партии... С. 51.

[144] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 82.

[145] "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину... Т. 3. 1925 г. Ч. II. М., 2002. С. 65.

невосполнимые издержки производства «единой фабрики». Например, «по подсчетам ЦК металлистов, – пишет Ю. Ларин, – в первые 9 месяцев 1922 г. заработная плата на всех действующих предприятиях составляла в среднем только 12,2% продукции. В 1908 г. она составляла 22,7%, т. е. теперь очень существенно понизилась по сравнению с довоенным временем».[146] Материалы заседаний профсоюзной фракции РКП(б) показывают, что все проблемы решались в ущерб интересам рабочих масс в целях подъема производства «единой фабрики».

Неслучайно, рабочие указывали на то, что, если раньше рабочий сам себя продавал владельцам заведения, то теперь за него делает профсоюз, продавая его фабричному руководству. Так, например, рабочие-строители, утверждали, что у них «фашистские союзы и что они заодно с хозорганами, их дело только уговаривать».[147] Подобные утверждения так или иначе звучали в разговорах многих рабочих. В частности, слесарь-весовщик завода «Энергия» говорил, – указывается в сводке ГПУ, что «союзы наши вроде зубатовских, поставленных государством для содействия эксплуатации рабочих», «профсоюз – соглашатель, – заявил рабочий-текстильщик на конференции Ново-Иваново-Вознесенской ф-ки».[148]

О том, что профсоюзы стоят и обязаны быть на стороне фабричного руководства, обязаны заботиться о росте производства, открыто говорил Томский. Выступая в конце 1926 г. на VII-м съезде профсоюзов, он заявил: «интересы сегодняшнего дня должны быть подчинены общим классовым интересам завтрашнего дня и ближайшего отрезка времени. Тот или иной момент, то или иное экономическое требование и пожелание должны сочетаться с основным темпом развития производительных сил страны, с темпом социалистического накопления. Вот почему... когда в июле этого года (тогда цены росли – Ю. И.) был выдвинут лозунг, который сводился к тому, чтобы поднять реальную зарплату

[146] Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 67.

[147] Всесоюзный профсоюз строительных рабочих. 31 марта 1928 г. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 85. Л. 9.

[148] "Совершенно секретно". Лубянка – Сталину... Т. 4. 1926. Ч. 1. М., 2001. С. 26.

рабочих, никто из ВЦСПС этого лозунга не поддержал».[149] Сказанное Томским было давней установкой ЦК ВКП(б) относительно роли профсоюзов, которой профсоюзы постоянно следовали. Выступая еще в 1924 г. нарком труда В. В. Шмидт говорил: «Нарекания на профсоюзы в том, что они не считаются с хозяйственным положением того или иного треста или хозоргана и стараются вырвать и закрепить в той или иной отрасли более высокую зарплату – неправильны: в нашей практике этого нет».[150] Увеличение зарплаты рабочим считалось преступлением.

Как известно, в годы нэпа существовали два типа предельных ставок заработной платы, определявших потребление рабочего: минимальная и максимальная. Ежемесячная минимальная ставка в феврале 1924 г. равнялась всего 4-м руб. 20 коп. Она считалась той заработной платой, ниже которой ни одно государственное или частное предприятие или учреждение не имели права платить. Ее выплачивали в совзнаках по курсу дня выдачи зарплаты.

Максимальная ставка с одобрения профсоюзов устанавливалась в 1924 г., минуя профсоюзы, нормировочной комиссией по зарплате при ЦКК (Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и СТО (Советом труда и обороны). В связи с этим в Новгороде, Ярославле, Костроме, Иваново-Вознесенске она была понижена на 20-25%. А на Урале и в Нижнем Новгороде был установлен предел зарплаты по коллективным договорам для всех рабочих. Там, где она превышала предел, ее механически урезали.

В то же время, как указывалось в докладе бюро фракции ВЦСПС в ЦК РКП(б) о состоянии и перспективах зарплаты, «принимая (по сведениям госплана) среднюю довоенную (1912 г.) производительность труда в 8 руб. по довоенным ценам на один человеко-день, средняя производительность труда по промышленности в марте 1924 г. по отношению к довоенной составит 71,25%». Причем «по данным произведенного ВЦСПС выборочного обследования целого ряда предприятий, а также по общему наблюдению

[149] Седьмой съезд профессиональных союзов СССР (16-18 декабря 1926 г.) М., 1927. С. 49-50.

[150] РСФСР. Съезд 11-й. Стенографический отчет. М., 1924. С. 102.

всех работников, на местах личная интенсивность труда основных производственных рабочих в одинаковых единицах рабочего времени достигает в массе довоенных норм, несмотря на изношенность оборудования».[151] И что важнее, добавим мы, при ускорении снашиваемости рабочей силы из-за ухудшения питания и условий быта.

Чтобы с наименьшими издержками восполнять ее убыль, принимались меры по широкому привлечению в крупную промышленность подростков и женщин. В августе 1924 г. фракция РКП(б) предложила уменьшить зарплату подростков до 75% первого разряда. В связи с этим было решено для подростков «установить твердые нормы выработки на общих основаниях со взрослыми. Первый год обучения ставки не должны превышать 75% ставки первого разряда. Второй год обучения – полная ставка по первому разряду».[152]

На последствия такого решения верно указал зам. пред. экономической комиссии ЦК РЛКСМ Булах. «Несомненно, – писал он в своей записке, – что снижение заработной платы поведет к срыву законодательства о труде рабочей молодежи. Уже и сейчас имеются факты работы свыше установленных часов. Стремление увеличить свой заработок поведет к естественному увеличению рабочего дня подростков и к стремлению их работать на сдельных и сверхурочных работах. При этом нельзя забывать, что до 50% подростков больны, и увеличение рабочего дня, несомненно, отзовется на их здоровье».[153]

Принятое решение действительно потребовало коренного пересмотра законодательства о труде, в связи с чем фракция РКП(б) предложила VI всесоюзному съезду профсоюзов следующий проект резолюции по докладу наркома труда В. В. Шмидта: «Учитывая сложившуюся обстановку на рынке труда и необходимость более широкого вовлечения в промышленность труда женщин и подростков,

[151] Доклад бюро фракции ВЦСПС в ЦК РКП(б) о состоянии и перспективах зарплаты. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 163-164.

[152] Там же. Л. 238.

[153] Там же. Л. 200.

VI Всесоюзный съезд профсоюзов предлагает... изменения законодательства о труде.

Сокращение списка вредных профессий, куда подростки не допускаются.

Разрешение 8-ми часового рабочего дня для подростков, закончивших обучение и не достигших еще 18 лет.

Съезд считает необходимым пересмотреть вопрос о запрете ночного труда женщин, а также список особо тяжелых и вредных работ, на которых воспрещается или ограничивается применение женского труда.

Съезд считает вполне допустимым некоторое снижение норм пособий при кратковременных заболеваниях до 7-ми дней, и для находящихся на коечном лечении в больнице, санатории и т. п.».[154] С незначительными изменениями проект был принят.

В октябре 1926 г. были приняты новые меры по интенсификации труда. Закоперщиком выступил Дзержинский, указавший на то, что «повышенная зарплата в связи с пониженной производительностью труда замедляет темп социалистического накопления в промышленности для неотложного обновления основного капитала». В связи с этим по инициативе фракции РКП(б) президиум ВЦСПС принял решение, в котором указывалось: «При оплате сдельщиков за работу в сверхурочные часы исходить из нормального вознаграждения его, под которым надо понимать его повременный заработок, установленный колдоговором, т. е. тарифную ставку, а там, где это предусмотрено колдоговором, и гарантированный приработок. Поручить ОТЭ ВЦСПС подработать вопрос о том, что считать сверхурочными работами».[155] Решение фактически ликвидировало для сдельщиков дополнительную оплату за сверхурочные часы, в то время как низкие нормы оплаты вынуждали их регулярно трудиться сверх нормативного рабочего дня. В результате затраты рабочей силы становились настолько чрезмерными, что они негативно сказывались на качестве продукции.

[154] Там же Л. 239.

[155] Заседание президиума от 20-го октября 1926 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 82. Л. 213.

И в решениях коммунистической фракции ВЦСПС, и в указаниях наркомов постоянно подчеркивалась недопустимость снижения цен на выпускаемую продукцию в ущерб прибыли предприятий. От руководителей требовали удешевления себестоимости. Возможности же ее удешевления были крайне ограничены. Они сводились в первую очередь к удешевлению стоимость рабочей силы, доля которой в себестоимости продукции была и так мала. В связи с этим повышались нормы выработки при сокращении потребления рабочих, вынужденных пользоваться заводскими лавками. Ассортимент в них был ограничен. Цены выше, чем на рынке. Зато кое-что в них продавалось по заниженным государственным ценам, и широко предоставлялся кредит от получки до получки. Его размер не мог превышать 60% предстоящей зарплаты. Запрещалась продажа в кредит спиртных напитков.

Многое делалось и по урезыванию скудных средств, выделявшихся на социальное страхование. Этих средств и без того было явно недостаточно для государственного обеспечения рабочих в старости, при инвалидности, болезни, потери кормильца и т. д. Об этом хорошо сказал Семашко. «Что такое страховая рабочая медицина, – говорил он. Хотят на этот жалкий взнос, который мы провели через совнарком, провести помощь медицинскую рабочим. Я утверждаю, что это жалкая медицина для рабочего класса. Где у вас амбулаторный прием, где у вас санитарная помощь, где у вас всякая другая помощь, что можно создать на этот страховой взнос в 6-7%, когда по вычислению страховиков необходимо 40%. Почему мы не берем 40%, потому что у нас кряхтит промышленность... Нельзя на этот взнос создавать рабочую медицину... Мы считаем, что за счет всего населения рабочие должны лечиться, но не за жалкий страховой взнос».[156]

Но и эти жалкие страховые взносы не доставались рабочим. Они пропадали в бездонных карманах руководителей «единой фабрики». Так, по данным ЦК союза металлистов, задолженность по отчислениям на социальное страхование до первого августа 1923 г. составляла 3,6 млн.

[156] Стенограмма заседания фракции РКП(б) пленума ВЦСПС: о кооперации, медицинском обслуживании, социальном страховании, тарифах. ГРАСПИ. Ф.95. Оп. 1. Д 35. Л. 3.

руб., а на первое июня 1924 г. еще свыше 3-х млн. руб. «Целый ряд страховых касс важнейших промышленных районов из-за этого фактически распался. Были случаи избиения руководителей касс больными рабочими, в течение многих недель не получавших пособия».[157]

Но несмотря на это, отчисления продолжали снижаться. В частности, в резолюции, подготовленной фракцией РКП(б) для VI съезда профсоюзов по докладу наркома труда В. В. Шмидта говорилось: «Учитывая сложившуюся обстановку на рынке труда,.. съезд считает вполне допустимым некоторое снижение норм пособий при кратковременных заболеваниях до 7-ми дней и для находящихся на коечном лечении в больнице, санатории и т. п.».[158] Заметим, что в это же время в Германии, где безработица была по крайней мере не меньшей, чем в России, страховые кассы Дрездена и Берлина предоставляли пособия больным в течение 12-ти-15-ти дней.

Но это не все. В приложении к протоколу от 15 октября 1926 г. фракция РКП(б) предложила «сократить размеры пособий по дополнительным видам обеспечения (на предмет ухода за новорожденным, на кормление ребенка и на погребение), а также ограничить круг лиц пользующихся этим пособием... Принять меры к сокращению расходов на выдачу пособий по временной нетрудоспособности путем упорядочения дела освобождения от работы и предоставления отпусков по болезни, а также врачебного контроля над застрахованными».[159] В декабре 1926 г. были ликвидированы подкомиссии по изучению и улучшению женского труда. Решение этих вопросов возлагалось на руководителей предприятий. Козлов пустили в огород!

В связи с ростом безработицы биржи труда ужесточали требования, вынуждавшие безработных соглашаться на выполнение любых работ. На основании

[157] Политбюро ЦК РКП(б) – Бюро фракции РКП(б) От Центрального комитета союза металлистов 24 июня 1924 г. ГРАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41. Л. 132.

[158] Резолюция VI-го всесоюзного съезда профсоюзов по докладу наркомтруда СССР Шмидта. ГРАСПИ. Там же. Л. 239.

[159] Приложение к протоколу № 87 от 15 октября 1926 г. ГРАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 82. Л.220.

решений VII съезда профсоюзов считалось недопустимым: 1) отказ со стороны безработных от работы, предлагаемой биржей труда, хотя бы и в другом производстве или в том же, но иного вида труда и иной квалификации, несколько ниже той, по которой он работал на предыдущем месте. 2) отказ от выезда в другие местности одиноких и малосемейных в случае предоставления им квартиры. Если же безработный отказывался трудиться на этих условиях, он лишался пособия, а при трехкратном отказе, как не ищущий трудоустроиться, выбывал из профсоюза.

Последствия принудительного выбытия из профсоюза весьма существенно сказывались на жизни рабочего. Об этом можно судить по тексту постановления президиума ВЦСПС от 12 января 1927 г. «Пособие выдается, – указывается в постановлении, – неквалифицированным рабочим и всем служащим 7 месяцев в течение года, а квалифицированным в течение 9 месяцев, но и в том и в другом случае не более 2-х лет безработицы. Размер основного пособия квалифицированного рабочего – треть средней зарплаты данной местности. Вторая категория – полуквалифицированные рабочие – четверть средней зарплаты. Третья категория – одна пятая средней зарплаты. Установить повсеместно надбавки для нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи, находящихся на иждивении безработного (тот же круг, что при обеспечении после смерти кормильца семьи), на одного члена семьи в размере 10% основного пособия, на 2-х членов – 20%, на 3-х и более членов семьи – 30%».[160]

Безработица росла неудержимо. Предложение рабочей силы во все большей степени обгоняло спрос. В этих условиях знакомство с чиновниками, а вместе с ним и взяточничество неизменно сопутствовали при устройстве на хорошую работу. «Безработные заявляют, – указывается в сводках ГПУ, – что «биржа труда только регистрирует, но работы дать не может». «Сейчас каждый должен сам себе

[160] Об обеспечении безработных. Предложения комиссии т. Довганова, утвержденные 12 января 1927 г. ГРАСПИ. Там же. Л. 193-194.

искать работу, теперь все делается по знакомству, и без протекции на работу не устроишься».[161]

Но оказавшись на фабрике или заводе, шансы рабочего утратить работоспособность, если не от голода, то из-за болезней и травматизма резко возрастали. По сравнению с довоенным периодом в фабрично-заводской промышленности увеличилась аварийность, а вместе с ней и число инвалидов по труду. Из всех европейских стран трудоспособный период фабрично-заводских рабочих России был самым коротким. «По данным довоенной статистики, – пишет А. К. Гастев, – среднее время пребывания русского рабочего в промышленности – 20 лет (в Германии – 30). Таким образом, ежегодно выбывает из строя двадцатая часть рабочих, занятых в промышленности».[162] При большевиках доля выбывавших, несомненно, увеличилась из-за большей аварийности по сравнению с довоенной.

Травматизм был неизбежным следствием интенсификации труда рабочего, не имевшего возможности в еще большей степени, чем до войны, полноценно питаться и отдыхать. «Обследование московских фабрик и заводов в 1926 г., – пишет А. Югов, – установило, что число несчастных случаев на текстильных фабриках было в 2,3 раза, а на металлических заводах в 2 раза выше, чем до войны». Характерно и то, что производственный травматизм пугающе рос из года в год. По всем производствам в расчете на тысячу рабочих за три месяца или на 75 тыс. проработанных человеко-дней приходилось в 1925 г – 24,4 несчастных случая, в 1926 г. – 36, а в 1927 г. – 42,5 несчастных случая.[163]

Положение рабочих на фабриках и заводах усугублялась крайней антисанитарией, теснотой и т. д. производственных помещений. Вот, что, частности, пишет врач, обследовавший в середине 20-х годов состояние здоровья ткачей московской суконно-ткацкой фабрики «Освобожденный труд»: «Теснота помещений ткацкого

[161] "Совершенно секретно". Лубянка – Сталину... Т. 4. 1926. Ч. 1. М., 2001. С. 913.

[162] Гастев А. Кризис рабочей силы//Вопросы труда... № 10. 1923. С. 15.

[163] Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы. Берлин, 1929. С. 214, 215.

отдела, недостаточное освещение, плохая вентиляция и повышенная температура, – все это должно способствовать малокровию среди ткачей; сухость воздуха в помещениях ткацкого отделения, наличие в них шерстяной пыли благоприятны для развития бронхитов у ткачей, а оглушительный шум от ткацких станков, напряжение внимания – для истерии».[164]

Московские врачи обследовали десятки предприятий. Полученные ими впечатляющие результаты были частично опубликованы в серии выпусков «Труд и здоровье рабочих. Здоровье рабочих на предприятиях г. Москвы в связи с условиями труда и быта». Так, на шелкопрядильной фабрике «Пролетарский труд» туберкулез и катар верхних дыхательных путей были обнаружены у 43% рабочих, малокровие – у 14%; на Трехгорном пивоваренном заводе туберкулез – у трети рабочих, а малокровие – более чем у 20%; на фармацевтическом заводе № 2 туберкулез – у 34,3% рабочих, заболевания органов кровообращения – у 31%, из общего числа беременностей патология – у 34% женщин. На бердо-релизной фабрике им. Бухарина 57,7% рабочих были больны туберкулезом.

На заводе «Арматура» в литейном цехе 83% рабочих были больны. В среднем у каждого больного насчитывалось 2,3 болезни. В механическом цехе соответствующие показатели составляли 58% и 1,5. На дроболитейном заводе «Пролетарская диктатура» у всех мужчин и женщин, занятых в основном производстве зафиксированы заболевания органов дыхания из-за постоянного воздействия свинцовой пыли и свинцовых паров. На втором месте стояли желудочно-кишечные заболевания – 82 из 131-го рабочего были больны. На третьем месте стояло малокровие – им были больны 43,8% рабочих. «Если считать, – пишет санитарный врач Латышев, – средний вес для взрослого мужчины 65 кг., а для женщины 55 кг., то у наших рабочих он ниже нормы. У женщин – производственных рабочих – средний вес около 50 кг., у мужчин – около 60 кг. Принимая во внимание общее физическое развитие (ниже среднего), ослабленное питание,

[164] Труд и здоровье рабочих... Вып. II. М., 1926. С. 38.

высокая заболеваемость рабочих завода «Пролетарская диктатура» неизбежна».[165]

На государственном химико-фармацевтическом заводе 8-го марта лишь четверть рабочих были здоровыми. «Статистика заболеваемости в предприятиях химической промышленности, – пишет санитарный врач, – дает по целому ряду производств только 12% здоровых. Ввиду этого завод 8-го марта надо признать относительно благополучным. Беря производственную группу рабочих мужчин по стажу в данной профессии, мы видим, что число здоровых при стаже до полугода почти равно 50%, при стаже в 1-4 года только 30%, а после 8-милетнего стажа мы уже не имеем здоровых. Отсутствие достаточного количества шкафчиков для верхней одежды служит причиной оставления рабочими своей одежды в помещении мастерской около машины или просто на пустых бочках и ящиках из-под трав, корней, мазей. Испачканная различными мазями одежда служит причиной отравления не только самого рабочего, но и его семьи. Плохая изоляция ртутной комнаты в мазевом отделении способствует отравлению рабочих всего мазевого отделения парами ртути, испаряющейся уже при обыкновенной температуре. Примитивное смешивание мазей ручным способом, мешалки со слишком быстро двигающимися крыльями способствуют разбрызгиванию приготовляемых мазей».[166]

На механическом аппаратном заводе «Радио» было обнаружено, что нет заболеваний лишь у 16,7% рабочих. Причем рост болезненности происходил вместе с ростом стажа и, особенно, в первый год работы. У 50 рабочих из 203-х был выявлен туберкулез, на основе чего было сделано заключение: «Относительно удовлетворительное состояние помещений и оборудования завода отчасти могут объяснить сравнительно невысокую заболеваемость рабочих туберкулезом, особенно в активной форме».[167]

Подобных сообщений о чрезвычайно высоком уровне заболеваемости было множество. Они свидетельствуют о том, что для рабочего люда «единая фабрика» была

[165] Там же. Выпуск III. М., 1926. С. 67.
[166] Там же. Выпуск IV. М., 1926. С. 82, 92, 94.
[167] Там же. Выпуск V. М., 1927. С. 61.

фабрикой смерти, рассчитанной на его быструю сменяемость в условиях существования громадной безработицы.

Известно, что медицинское обслуживание и образование неизбежно удорожают стоимость рабочей силы. Поэтому «единая фабрика» постоянно минимизировала стоимость этих услуг. Врачи и учителя – ее парии, получавшие по сравнению с другими коллегами самую низкую зарплату в мире.

В годы нэпа в особенно бедственном положении находились школьные учителя. Как заметил И. В. Коссиор, учителя получали всего 5 товарных рублей и, по его утверждению, это было ниже зарплаты любого советского служащего, ниже машинистки и даже курьера.[168] При зарплате ниже зарплаты курьера «развал просвещения в стране, по словам наркомпроса Луначарского, достиг такого предела, перейти который значит окончательно отказаться от руководства и управления и доразрушить последние остатки государственно-просветительной работы в стране».[169]

В Симбирской губернии, – пишет Л. Н. Лютов «работники просвещения согласно тарифной сетке могли иметь 15 золотых рублей в месяц. Однако реально учителя, например, Корсунского уезда жалованья с сентября 1921 г. до января 1922 г. вообще не получали, в январе – феврале 1922 г. получили его частично. Пайки же за январь были получены только в 3-х-4-х волостях. Учителя были вынуждены есть хлеб только с примесью 75-ти и более процентов различных суррогатов (лебеда, желудь и т. п.)». [170]

Ни ЦК РКП(б), ни большевистскую фракцию профсоюзов не беспокоил тот факт, что 200 тыс. нищих работников просвещения обеспечивали лишь треть очень низкого образовательного уровня, существовавшего в России

[168] Протоколы и стенограммы заседаний фракции РКП(б) IV пленума ВЦСПС... РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 38. Л. 7.
[169] Докладная записка бюро фракции РКП(б) Центрального комитета профсоюза работников просвещения в ЦК РКП(б) и бюро фракции ВЦСПС... РГАСПИ. Ф. 95. Оп 1. Д. 36. Л. 2.
[170] Лютов Л. Н. Региональный аспект социальных процессов в первые годы нэпа. 1921-1923. (по материалам периодической печати Симбирской губернии) // Нэп в контексте исторического развития России... С. 169.

в 1913 г. Значимость учителей была ничтожной. На них возлагалась задача с минимальными затратами обучить население лишь элементарным навыкам чтения и письма для усвоения большевистской политграмоты. 8/10 расходов наркомпроса приходилось на содержание партшкол, где выдвиженцы, прошедшие огонь и воду гражданской войны, заучивали наизусть политические установки коммунистической партии. По свидетельству Луначарского, в 1927 г. осталось менее 50 тыс. начальных школ, тогда как до революции при меньшем населении было 62 тыс. школы.[171]

Тоталитаризм, воплощенный руководством «единой фабрики» нарастал. Ему противостояли те, кто добивался развития рыночных отношений. Борьбой этих тенденций пронизана вся история нэпа. Первую олицетворял Сталин, вторую – Троцкий. Если имидж Сталина коммунисты неустанно облагораживали, то имидж Троцкого с такой же неустанностью проклинали. При этом они сознательно либо невольно переставали помнить, что именно Ленин и Троцкий определили характер Октябрьского переворота, гражданской войны и переход к нэпу.

Их сотрудничество носило повседневный характер, решения принимались совместно. Крайне редкие случаи несогласия выносились на обсуждения с членами ЦК. Их решения неукоснительно выполнялись независимо от того, чье решение претворялось в жизнь. В пронизанной антисемитизмом стране Троцкий не считал зазорным положение второго лица в партийной иерархии. Для него важнее всего было не место в большевистской иерархии, а защита, как он считал, интересов пролетариата, которой он посвятил свою жизнь. После смерти Ленина он взялся быть продолжателем его дела. «Идеи, которые я защищаю, – говорил он, – не мои, а Маркса, Энгельса и Ленина. Моя задача защитить эти идеи от их полной дискредитации советской бюрократии и исследовать методом Маркса возникающие новые явления».[172]

Хотя Троцкий вместе с Лениным многое сделали для утверждения тоталитаризма, они же первыми среди

[171] Жид Андре. Возвращение из СССР.. М., 1990. С. 572..

[172] Callagan J.Britsh Trotskyism. Theory and Practce. N. Y., 1984. P. 1.

коммунистов стали его разрушать. У них не было сомнений в том, что Россия должна иметь обширные международные связи для сбыта сырья и приобретения машин и оборудования для крупной промышленности. В отсталой крестьянской стране, как и в других странах Востока, международные связи определяли развитие внутреннего рынка. В годы нэпа установку на интеграцию в мировое хозяйство последовательно отстаивал Троцкий. Он постоянно доказывал бесперспективность перехода к социализму в государстве, изолированном от остального мира, и призывал наращивать мирохозяйственные связи в целях содействия революции в других странах и экономического роста собственной страны.

Изоляция, он считал, кроме бедствий ничего не принесет. «Две трети оборудования наших фабрик и заводов, – писал он, – ввозились из-за границы. Вряд ли это соотношение значительно изменилось и для нашего времени. Это значит, что вряд ли нам будет хозяйственно выгодно в *ближайшие годы* производить машинное оборудование у себя больше, чем, скажем, на две пятых или, в лучшем случае, наполовину. Если бы мы сразу совершили резкую передвижку средств и сил в сторону производства новых машин, то мы либо нарушили бы необходимые пропорции между разными отраслями хозяйства и между основным и оборотным капиталом в одной и той же отрасли, либо, сохранив эти пропорции, сильно снизили бы общий коэффициент роста».[173]

Его слова были пророческими: пропорции между отраслями разрушались наращиванием военных производств; внутри отраслей основной капитал возрастал за счет оборотного из-за сокращения, прежде всего, потребления рабочих; наконец, в условиях победы тоталитаризма темпы экономического развития сократились.

О том, какого накала в середине 20-х годов достигла борьба между сторонниками и противниками опоры на собственные силы, можно судить, например, по тому, что в резолюции пленума ЦК в октябре 1925 г. еще указывалось, что «необходимая быстрота роста нашего хозяйства в

[173] Троцкий Л. К социализму или капитализму (анализ советского хозяйства и тенденций его развития). М.-Л., 1925. С. 43.

ближайшие годы может быть достигнута при условии максимального расширения связи с мировым рынком».[174] Но уже в декабре 1925 г. на XIV съезде партии, где Сталин имел большие возможности, чем на выборах в ЦК, манипулировать составом делегатов, резолюция о внешнеэкономических связях была составлена духе предложения Бухарина – Сталина о том, что «можно строить социализм без так называемой «помощи» западноевропейского или американского капитала».[175]

Авторитет Троцкого еще велик. В 1926 г. он открыто говорит, что Сталин – «гробокопатель революции», ведущий ее катастрофе. Сталину пока остается распространять в кулуарах небылицы о троцкистских подлостях и исподволь устранять наиболее видных ленинских соратников, так или иначе сотрудничавших с Троцким. Под ножом «хирурга» погибает Фрунзе (октябрь 1925 г.). От инфаркта умирают Красин (1926 г.), Дзержинский (1926 г.), Цюрупа (1928 г.).[176]

Важно и то, что полемика вышла за рамки решений рыночных проблем. В стране четко обозначился класс, эксплуатирующий рабочих. Троцкий, следуя ленинской формуле о том, что государственный аппарат заимствован от царизма и «только чуть подмазан советским миром»[177], назвал этот класс бюрократией. Позднее Джилас, убедившись в том, что бюрократия рождена социализмом, назвал ее «новым классом».

В годы нэпа Троцкий полагал, что бюрократия может быть устранима, если возродить демократию со свободой выборов и критики советских партий, если в общественной жизни примут участие свободные профсоюзы и т. д. Не трудно заметить, что его программа тождественна той,

[174] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 11. М., 1936. С. 35.

[175] Там же. С. 48-49.; РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 16. Л. 106.

[176] Умиравшие от инфарктов лечились кремлевскими лекарствами, изготовленными в лаборатории Ягоды. По-видимому, это был мышьяк, передозировка которого ведет к смерти. По этой же причине, вероятно, умер Ленин. Проверить версию можно анализом ленинского волоса, хранящегося в Институте мозга, но желания заняться анализом пока нет.

[177] Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об "автономизации". Т. 45. С. 356.

которую в свое время отстаивали Мартов, Потресов и др. Но его планам не суждено было сбыться. Троцкий со скандалом высылается из страны, где зарождающийся ураган сметает последние остатки рынка. Сталин, в глазах Троцкого, становится воплощением бюрократического абсолютизма.[178] С тех пор борьба между ними приобретает по нарастающей все более ожесточенный характер.

[178] См. Гранвилл Дж. Кушинг Л. Д. Троцкий и Четвертый Интернационал. М., 1993. С. 21.

В СТАЛИНСКОМ «РАЮ»

А всего иного пуще
Не прожить наверняка -
Без чего? Без правды сущей
Правды прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы не была горька

А.Твардовский

Время было глухое и темное. Правительство называли «начальством», а представление о внутренней политике исчерпывалось выражениями: «ежовые рукавицы» и «канцелярская тайна»

М. Е. Салтыков-Щедрин

Сохранявшийся после смерти Ленина нэп строился преимущественно на натуральных отношениях города с деревней. Стоило его преемникам преобразовать эти отношения на рыночных началах, как за каких-то три года начался развал основных устоев большевистской аграрной политики – давать деревне как можно меньше, брать у нее как можно больше. Ее системный кризис неотвратимо нарастал. Крестьяне отказывались продавать хлеб по заниженным ценам. Посевы зерновых – пшеницы и ржи, определявших уровень зарплаты рабочих, сокращались. Зато расширялось производство технических культур и продукции животноводства, росли промыслы, компенсировавшие крестьянам сокращение денежных поступлений от зерновых.

Нараставший дефицит хлеба угрожал в городах повышением зарплаты, а вместе с ним и сокращением прибавочной стоимости, присваиваемой партийно-государственным аппаратом. В обстановке углублявшегося экономического кризиса обострялась борьба группировок за власть.

В наиболее отсталой по меркам Западной Европы стране, где по данным Н. Кондратьева, в 1926 г. доля самодеятельного населения в сельском и лесном хозяйстве составляла 81,6%, тогда как в промышленности – всего лишь 7,6% [1], решение аграрного вопроса определяло ее исторические судьбы. Стремясь сохранить основной принцип большевистской аграрной политики – брать у деревни как можно больше, давая ей как можно меньше, сталинская когорта добивалась выхода из кризиса путем замены худосочных рыночных связей тоталитарным внеэкономическим изъятием зерна. А так как масштабы и способы его изъятия определялись политбюро, которое возглавлял Сталин, то это неизбежно вело к укреплению его властных полномочий.

Как и всякий зигзаг в политике, отказ от рыночных связей требовал теоретического обоснования. Его формулировал Сталин вначале на закрытых, а затем и открытых партийных совещаниях. На совещаниях декларировалась замена рудиментов рынка централизованным тоталитарным распределением всего и вся при социальной опоре на сельскую бедноту. «Мелкокрестьянские хозяйства, – говорил Сталин, имея в виду хозяйства деревенской бедноты, – мало защищены от всяких невзгод, от всяких неудач, случайностей, и, чтобы забронировать себя от таковых, они стараются остаться хозяйствами смешанного типа (в подобном хозяйстве он еще в детстве трудился в Гори – Ю. И.) ... Такой тип смешанного хозяйства, тип мелкого хозяйства, это несчастье для большой страны. Почему? Потому что такой вид хозяйства не обеспечит применения ни сельскохозяйственных машин, ни научных знаний по улучшению культур, ни применения удобрений и проч. и проч. Можем ли мы развивать сельское хозяйство по линии кулацких хозяйств как единоличных хозяйств по линии нарождения крупных сельскохозяйственных единиц, фермерских единиц и по линии нарождения больших латифундий, как в Венгрии, в Восточной Пруссии, Америке и пр.? – риторически спрашивал он и отвечал: «Можно развивать дальше сельское хозяйство

[1] Н. Кодратьев К вопросу об особенностях развития сельского СССР и их значение. 8 октября 1927 г. ГРАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 282. Л. 8.

двумя путями: либо по линии развития единоличных крупных хозяйств, либо по линии развития коллективных крупных хозяйств. Третьего пути нет».[2]

Подобные выводы по западноевропейским меркам в лучшем случае были представлениями столетней давности, когда наряду с крупными землевладельцами, существовал обширный слой полудеклассированной крестьянской бедноты. Ее надежды на преодоление нищеты в середине XIX в. увязывались реформаторами различного толка, в том числе и марксистами, с созданием при государственной поддержке производственных кооперативов. Однако, позднее в Западной Европе и других регионах с развитой экономикой кооперативное движение пошло по иному пути, по пути развития кооперативов индивидуальных крестьянских хозяйств.

Зародившееся в России в начале XX века коммунистическое движение – ему позднее подражали приходившие к власти компартии отсталых крестьянских стран – с самого начала уповало найти счастье в химерах прошлого стран с развитой рыночной экономикой.

Справедливости ради следует сказать, что в дореволюционной России идеями создания коллективных хозяйств для совместной обработки земли бредили не одни только будущие коммунисты. Об этом свидетельствуют, в частности, решения первого всероссийского сельскохозяйственного съезда, проходившего в Киеве вначале сентября 1913 г. «Участвовавшие ученые, агрономы и экономисты, земские деятели и правительственные чиновники приняли решение об «отношении к деревенской бедноте», в котором говорилось, что «одно из первых мест должна занять организация товариществ для совместного пользования землей как совместной, так и особенно арендованной, путем коллективной обработки ее».[3]

Когда Сталин и его приспешники заявляли о «пролетарском методе создания крупного общественного

[2] Выступление И. В. Сталина на закрытом бюро Сибкрайкома ВКП(б) 20 января 1928 г.//Известия ЦК КПСС. М., 1991. № 6. С. 203, 204.

[3] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1.Май 1927 г. – ноябрь 1929 г. М., 1999. С. 14.

хозяйства», противопоставляя его «капиталистическому»,[4] то аудитория, к которой они обращались была далека от понимания истории решения аграрных проблем. Их представления в лучшем случае ограничивались сведениями, почерпнутыми из давно устаревшей к тому времени работы Ленина «Развитие капитализма в России».

Обусловленный всесторонним развитием рынка общественный прогресс в середине XX в. не укладывался в марксистские прогнозы социального развития середины XIX в, которым следовали большевики. В середине XIX в. идеалом основоположников марксизма была тоталитарная экономика с производственной кооперацией, занимавшей в ней подчиненное место. «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству, – писал Энгельс, – нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, – в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество – следовательно, на первое время государство – сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли возобладать над интересами всего общества в целом».[5]

Производственное кооперирование им казалось тогда той формой объединения производителей, которая позволяла хозяйствовать без участия частного капитала. Однако, с конца XIX в. развитие кооперации в странах с развитой рыночной экономикой пошло по иному пути. Вместо не успевавших возникнуть и тут же начинавших разваливаться производственных коллективов полудеклассированной бедноты здесь стали расти и успешно развиваться кооперативы индивидуальных товаропроизводителей, обладавших в качестве непременного условия частным капиталом.

Те самые товарно-денежные отношения, которые в прошлом только разоряли владельцев семейных хозяйств, теперь на новом, более высоком витке исторического

[4] См., напр. Шестнадцатая конференция ВКП(б), Москва, 23-29 апреля 1929 г.//ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1936. С. 337.

[5] Письмо Энгельса. Т. 36. С. 486.

развития стали побуждать их объединяться, но не для ведения коллективного производства, а для того, чтобы иметь возможность, пользуясь благами кооперации, индивидуально производить для рынка без посредничества торгового капитала. В странах с развитой рыночной экономикой не кооперация индивидуальных производителей предшествовала в деревне кооперации производственной. Наоборот, кооперации индивидуальных производителей предшествовала кооперация производственная, так и не вышедшая за рамки неудавшегося эксперимента.

Важно и то, что в условиях организованного кооперативами интенсивного производства семейные хозяйства оказались более рентабельными по сравнению с теми, в которых использовался наемный труд. У них была выше производительность труда из-за большей тщательности выполнения сельскохозяйственных операций, недоступной стороннему работнику, и были меньше издержки из-за отсутствия затрат на его содержание, выраставших при экстенсивном хозяйствовании вместе с объемом продаж.

Какой бы отсталой Советская Россия ни была, она оставалась европейской страной, где общеевропейские процессы так или иначе пробивали себе дорогу. Здесь также развивалась кооперация индивидуальных товаропроизводителей, специализировавшихся на производстве сыра, животного масла, крахмала и т. д. Такие кооперативы, преодолевая большевистские препоны и рогатки, преимущественно росли снизу. На 1 октября 1925 г. 52% подобных кооперативов в РСФСР считались «дикими», т. е. не вступившими ни в один из официально зарегистрированных кооперативных союзов. На 1 октября 1926 г. все кооперативы объединяли почти 6 млн. дворов (пресловутых кулаков и середняков), т. е. почти 25% крестьян или, иначе говоря, почти 70%, способных регулярно поставлять продукцию для рынка.[6]

В наибольшей мере кооперативное движение индивидуальных товаропроизводителей охватило те отрасли, где можно было наладить интенсивное производство сельскохозяйственной продукции и ее кооперативную

---

[6] См. Айхенвальд А. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. М.-Л., 1928. С. 165. 164.

переработку; в меньшей, где интенсификации еще не произошло. С этой точки зрения наиболее отсталым было зерновое хозяйство. Его интенсификации препятствовали чрезвычайно заниженные цены. В условиях рынка большевики рубили сук, на котором сидели, препятствуя росту производства продовольственного зерна.

Согласно данным доклада А. И. Муралова на совещании земорганов в январе 1929 г., «самой не восстановленной частью во всем сельском хозяйстве являются зерновые культуры – 84,6%, в пересчете на душу – 78,7%. Особенно отсталость зерновой отрасли будет ясна, – говорил он, – если мы измерим восстановленность товарной части зерновой отрасли: она будет измеряться в 46% по РСФСР».[7]

Из властной когорты большевиков Ленин первым пришел к заключению о том, что кооперация индивидуальных товарных производителей является основной магистралью социалистического прогресса в сельском хозяйстве. По его утверждению, строем социализма в деревне должен был стать «строй цивилизованных кооператоров», производивших в своих частных хозяйствах продукцию для рынка. Сегодня социалистический характер такого строя не вызывает сомнения у основной массы социал-демократов и представителей многих других партий.

Статья Ленина «О кооперации», где он излагал эти мысли, писалась в то время, когда он был уже глубоко болен. Страной управлял триумвират Сталина, Зиновьева и Каменева, категорически отвергавший ее основные положения.[8] Что же касается производственных артелей и коммун, то Ленину давно было ясно, что они не в состоянии преобразовать деревню на социалистических началах. Так, выступая в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде советов, он заявил: «Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков, и в ближайшее время

---

[7] Стенографический отчет IV совещания земорганов 5-12 января 1929 г. М., 1929. С. 25.

[8] См. Иванов Ю. М. Чужой среди своих (последние годы жизни Ленина) М. 2002.

иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится».[9] Эту же мысль Ленин продолжал развивать и на X съезде партии, где он говорил, что опыт коллективных хозяйств «только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров».[10]

Артели и коммуны в условиях нэпа действительно были богадельнями, постоянно требующими государственной поддержки. Они были не в состоянии обеспечить сельскохозяйственный подъем. Но это не беспокоило генерального секретаря и жаждавших теплых местечек его приспешников. Главным для них была грядущая возможность, минуя рынок, изымать у колхозов продукцию тоталитарным путем. С этой целью, с одной стороны, увеличивались ассигнования, предназначенные для организации колхозов, с другой, – наращивались меры по внеэкономическому изъятию зерна и денег у крестьян, в первую очередь у кулаков и середняков, лишая их возможности за счет промыслов приобретать зерно на рынке.

В обстановке, когда нэп еще официально считался порядком, завещанным Лениным, ограбление крестьян силовыми методами рассматривалось большинством партийной верхушки как чрезвычайная вынужденная мера, связанная с экстраординарным подключением ОГПУ.

В связи с этим Сталин, не раскрывая своих планов, исподволь готовил доказательства сокрытия крестьянами безмерного количества хлеба. По его настоянию 10 декабря 1925 г. состоялось заседание политбюро, на котором обсуждался вопрос «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса». Его результатом явилось заключение о том, что производство зерна регулярно недооценивается в среднем на 10-20% при большом занижении «невидимых» хлебных запасов у крестьян.

---

[9] Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК "О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства" на фракции РКП(б) VIII съезда советов 24 декабря. Т. 42. С. 180-181.

[10] Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Т. 43. С. 60.

Возглавлявший ЦСУ с 1918 г. выдвиженец Ленина, известный земский статистик П. И. Попов был отстранен от должности. По оценке сменивших его В. И. Немчинова и А. И. Гайстера, «невидимые» запасы хлеба у крестьян достигли фантастически громадных размеров и продолжали расти. На 1926/27 хозяйственный год, по их расчетам, они составили 721 млн. пудов, а в 1927/28 – уже достигли 896-900 млн. пудов. Для партийной верхушки это были вожделенные цифры, позволявшие казалось бы одним махом решить свалившиеся на нее экономические проблемы.

Новые официальные подсчеты весной 1926 г. показали, что 60% предназначенного для продажи хлеба оказались в руках 6% крестьянских хозяйств. Статистические итоги сбили с толку и Троцкого. Возглавлявшаяся им оппозиция заявляла: «более высокое обложение кулака даст большую товарную массу, которая понизит рыночные цены, это выгодно как для рабочих, так и большинства крестьянства».[11] Это дало повод Сталину, рядившемуся в личину ревнителя нэпа, публично обвинять Троцкого в стремлении возродить военно-коммунистические методы изъятия хлеба у крестьян.

В 1926 г. впервые за годы нэпа в качестве непременного участника хлебозаготовительной кампании стало привлекаться ОГПУ. 19 августа 1926 года был разослан секретный циркуляр, в котором указывалось «Исходя из условий текущей хлебозаготовительной кампании, на органы ОГПУ возлагается выявление по линии ЭКУ- Экономического управления – причин и факторов, вызывающих «чрезмерные» колебания цен, содействующих усилению роли частных заготовителей и препятствующих деятельности государственных и кооперативных заготовителей».[12]

За этой внешне нейтральной, с точки зрения ревнителей нэпа, формулировкой скрывалось разрешение использовать ОГПУ для изъятия зерна у тех, кто срывал хлебозаготовки. Уже в июне 1927 г. под предлогом мнимой военной угрозы (подробности ниже) в целях пресечения деятельности мифических «белогвардейско-монархических

---

[11] Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 26, 28.

[12] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 18.

организаций» в деревнях зерновых районов – на Украине, в Центральном Черноземье, на Дону и Северном Кавказе были проведены аресты бывших помещиков, буржуев и белых, а также кулаков, торговцев, попов и церковников. В документах ОГПУ сообщалось, что во время июньской операции было проведено до 20 тыс. обысков и арестовано 9 тыс. чел.[13]

Для Сталина главным было форсировать рост настроений, требовавших принятия чрезвычайных мер. 6 июля 1927 г. все полномочные представительства и начальники губотделов ОГПУ получили за подписью Ягоды циркулярное письмо, сообщавшее о необходимости «оперативного воздействия на деревенскую контрреволюцию».

11 июля 1927 г. появилась шифрограмма наркомторга, рассылавшаяся по каналам ОГПУ. В шифрограмме указывалось: «Связи с отсутствием запасов пшеничной муки в Москве, Ленинграде, прочих основных промцентрах настоятельно необходимо усилить всемерно вывоз пшеничной муки производящих районов, даже за счет максимального сокращения местного снабжения в июле... а также задержке некоторых нарядов Среднюю Азию, военведу..».[14]

1927 г. – год десятилетия советской власти, отмечавшийся показателями ее дутых достижений. В такой обстановке ОГПУ стал единственным источником информации о том, что творилось в стране. Сталин добивался сенсационных сообщений относительно происков выявляемых врагов. Однако, как не сгущали краски чекисты, ни в городе, ни в деревне массовые антибольшевистские выступления не обнаруживались. Случаи «забастовок» в городах, несмотря на падение заработной платы, как правило, были редки и малочисленны, хотя и учитывались приостановки работ даже на 10 минут.

Что касается деревни, то там удавалось фиксировать преимущественно за рюмкой либо после рюмки провоцировавшиеся информаторами ОГПУ разговоры о полезности крестьянских союзов для защиты крестьянских

---

[13] См. Там же ... С. 20.

[14] Там же. С. 20.

прав. Так, например, сообщалось, «что в селе Каринском Ягунинской волости Звенигородского уезда бедняк, бывший член ВЛКСМ, говорил в чайной: «Нам, крестьянам, надо создать крестьянский союз, который будет контролем над партией, и в случае, если партия будет делать для нас плохо, то мы прогоним ее от власти».[15] Однако дальше подобных бесед и порой появлявшихся написанных от руки листовок дело обычно не шло. К тому же и те, и другие были редки. Например, с 20 октября по 3 ноября в центральном промышленном районе было отмечено ОГПУ всего 19 подобных «выступлений»: 10 – в Московской губернии, по 3 – в Тульской и Ярославской, а в Орловской, Иваново-Вознесенской и Владимирской по одному.[16]

Когда же дело доходило до соседских разборок, в которых перепадало вечно пьяным, требущим под себя местным властям, то они трактовались, как проявление кулацкого террора. В частности, сообщалось, что в Московской губернии 20 октября в деревне Садовники Ленинской волости родственники кулака из мести за активные выступления на общих собраниях в защиту бедняков ранили камнем в голову бывшего председателя сельсовета.[17]

Но и эти случаи были редки и опять-таки порой провоцировались тайными информаторами ГПУ, имевшими задание выявлять недовольных политикой советской власти. Тем не менее, такого рода редкие разборки ежедневно муссировались по радио и на страницах газет, порождая видимость стремительно надвигающейся гражданской войны, требовавшей энергичных мер против скрывавших хлеб «озлобленных кулаков и подкулачников».

Особенно велико было возмущение крестьян снижавшимися ценами на хлеб в производящих районах. «Вопрос о «ножницах», – указывалось в декабрьской сводке ОГПУ за 1927 г., – продолжает выдвигаться главным образом в производящих губерниях. В выступлениях представителей зажиточных групп и середняков указывается, что проведенное

---

[15] "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 625.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 626.

снижение цен (имеется в виду снижение цен на промышленные товары) недостаточно. «Необходимо сделать еще снижение» (Тамбовская губерния). «На пуд хлеба по-прежнему можно купить полрубашки» (Воронежская губерния). Недовольство «ножницами» особенно обостряется отсутствием в достаточном количестве товаров, которые еще не продвинулись до деревенского рынка. «Летом, когда у мужика денег не было, товар во всех лавках был, а подошла осень, и товаров не стало, а ПО (потребительские общества) дают только книжки по 10 руб., а товаров можно достать лишь на 40 коп». (Воронежская губерния). В Курской губернии низовые кооперативы Грайворонской волости категорически отказались от получения авансов на хлебозаготовки, мотивируя тем, что крестьяне не хотят сдавать хлеб за деньги, имея последние на руках от заработков на отхожих промыслах».[18]

В борьбе за власть Сталину в это время еще приходилось считаться с возглавляемыми Бухариным и Рыковым рыночниками. Только опираясь на их поддержку и заявляя о своей приверженности рынку, ему наконец-то удалось в ноябре 1927 г. исключить из партии Троцкого, Зиновьева и их явных сторонников. В резолюциях, принимавшихся на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 21-23 октября 1927 г. и на XV съезде ВКП(б) 2-19 декабря 1927 г., указывалось, что «Одной из основных предпосылок развития СССР к социализму является *подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс»*, в связи с чем «ножницы» должны систематически преодолеваться политикой снижения промышленных цен на основе рационализации и понижения себестоимости промышленной продукции».[19] Но отказ от «ножниц» декларировал отказ от ограбления деревни, т. е. отказ от основного принципа большевиков – давать деревне как можно меньше, брать у нее как можно больше.

На словах Сталин поддержал эту резолюцию, чтобы бы на деле быстрее ее похоронить. По его инициативе подготовка к масштабному внеэкономическому изъятию хлеба у крестьян стремительно набирала темпы. 4 января 1928 г.

[18] "Совершенно секретно"... Т. 5. 1927 г. С. 668.

[19] ВКП(б) в резолюциях... Ч. II. С. 214-215.

ОГПУ отдало телеграфное распоряжение арестовывать наиболее крупных частных хлебозаготовителей. 9 января 1928 года политбюро признало необходимым организовать немедленную поездку по делам хлебозаготовок: Орджоникидзе – в Сибирь, Молотова – на Урал, Микояна – на Северный Кавказ, Кубяка – в Казахстан. В их задачу входило выколачивание хлеба из деревни любыми способами.

Как известно, Орджоникидзе под благовидным предлогом от поездки отказался. Вместо него в Сибирь поехал Сталин, показав в течение 18 января – 4 февраля 1928 г. пример как нужно отнимать хлеб у крестьян. Его сопровождали сотрудники ОГПУ и наркомата внутренних дел. Вооруженные отряды реквизировали не только хлеб, но и домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь, самовары и другие предметы крестьянского обихода.

Террористический характер своих «подвигов» Сталин тщательно скрывал от общественности, чтобы не оказаться в положении сокрушителя нэпа. По его настоянию 15 января 1928 г. за подписью председателя ОГПУ В. Р. Менжинского вышло распоряжение, категорически запрещавшее появление каких либо публикаций о том, как проходят хлебозаготовки. Сталин постоянно публично «отрицал тот факт, что ведется сворачивание политики нэпа. Временами он даже угрожающе говорил, что только враги Советской власти могут сейчас мечтать об отказе от политики нэпа».[20] Именно с его руки клеймо «враг советской власти» превратилось в непременный атрибут повседневной жизни громадной страны.

«Врагами советской власти» объявлялись все, кто так или иначе не выполнял исходившие от Сталина и его команды предписания. Во время его поездки в Сибирь к ним причисляли всех утаивавших зерно либо не полностью рассчитавшихся по многочисленным государственным поборам. Наказанием были бойкот, аресты, и пытки, умножавшие крестьянские бедствия в лютый сибирский мороз. Когда пишут о командировках на хлебозаготовки уполномоченных политбюро, то «знатоки» обычно ограничиваются лишь констатацией: сколько было изъято хлеба у крестьян, но не пишут, как этот хлеб изымался.

[20] "Совершенно секретно": Лубянка- Сталину... Т. 6. 1928 г. С. 26.

Между тем картина вырисовывается ужасная. Ниже приводятся сведения, собранные Е. Осокиной – одной из очень немногих, удосуживавшихся разобраться в этом вопросе.

Заклейменным врагам советской власти, – пишет она, – вводилось множество запретов. Так, «запрет на воду означал посты у колодцев, которые определяли, кому давать воду, а кому нет. Бойкот на здравствование означал запрет здороваться с бойкотируемыми. Бойкот на курение запрещал давать закурить или прикуривать. Бойкот на огонь запрещал затапливать печь, а если хозяин ослушивался, то приходили и заливали ее. Бойкот на свет – забивали окна, чтобы в избе было темно. Запрещалось ходить к бойкотируемым в гости, а если нужно по делу, брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат на воротах: «Не ходи ко мне – я враг советской власти». В случае исчезновения плаката бойкотируемого штрафовали, и поэтому его семья беспрерывно дежурила у ворот, чтобы плакат не стащили. Был также запрет на посещение общественных мест: гнали из больницы, из сельсовета, детей бойкотируемых исключали из школы. А то и вообще семье бойкотируемых запрещали выходить за ограду дома. Мазали ворота и окна дегтем.

Вот еще один из применяемых методов нажима. Сами создатели называли его «заготовка оркестром и фотографом». «Зажимщика» хлеба сначала водили по деревням для показа, затем собирали собрание сельчан. Всех зажимщиков сажали на высокую скамью и вызывали по одиночке в президиум, где задавали только один вопрос: «Везешь хлеб или нет?» Если отвечал «да», то ему играли туш, фотографировали и записывали на Красную доску. Если «нет», то били в барабаны, не фотографировали и записывали на Черную доску.

Одной из разновидностей широко применяемых в ходе заготовок массовых допросов являлись так называемые «ударники». «Крестьян, не поддававшихся уговорам сдать хлеб, держали в закрытом помещении по несколько дней (от 2-х до 6-ти суток), бывало, что не давали есть и спать... На время «ударника» запрещалось кому-либо уезжать из села. Массовые многодневные допросы без сна и пищи, дополнялись карнавалами. Вот описание одного из них. Держателей хлеба (46 человек), из которых большинство

были середняки, вызывали в школу и вели обработку. Затем им вручали черное знамя, на котором было написано «Мы друзья Чемберлена». Когда учитель вручил черное знамя одному из кулаков, тот его ударил ногой, после чего кулака пришлось скрутить, связать ему руки назад, остальные добровольно, без всякого нажима взяли после этого знамя. Тогда они выстроили этот карнавал с черным знаменем по улице. Сзади шли деревенские активисты и беднота с красным знаменем. Кругом бегали детишки и улюлюкали».[21]

Подобные расправы с врагами позднее служили образцом для приходивших к власти коммунистических партий отсталых крестьянских стран, где эти партии, следуя русскому примеру, пытались полностью ликвидировать товарно-денежные отношения, подменяя их внеэкономическим тоталитарным принуждением к труду. Утрачивая свое европейское первородство, Советский Союз дал отсталым крестьянским государствам Востока разительный пример реализации несостоявшихся в развитых странах тоталитарных схем.

При признании примата сталинского руководства за границами СССР плодились одетые в полувоенную униформу «вожди всех времен своих народов». Борясь с бесчисленными «врагами», они становились руководителями и вдохновителями садистских игрищ местной коммунистической номенклатуры. В подобную полувоенную форму рядился и Гитлер. «Гитлер выходил к своим подчиненным в коричневой рубахе и высоких сапогах, некоей изобретенной для себя полувоенной форме... Коричневую рубаху, сапоги и хлыст иностранные журналисты именовали в шутку «разбойничьей полуштатской формой»[22]

Для Сталина принципиальным было только одно: наращивание собственной неограниченной власти, для которой труд из-под палки создавал идеальные условия. Его возраставший диктат приветствовали не только коммунистические клевреты, получавшие хлебные

---

[21] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия". Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998. С. 63.

[22] Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981. С. 98-99.

должности, но и часть зарубежных белогвардейцев, в частности, харбинские идеологи евразийства.

Ориентируясь на установки сменовеховцев и устряловцев, они, полностью одобряли усиление власти генсека в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. С точки зрения евразийцев, режим сталинской власти был продолжением в России традиций самодержавия с его территориальными и централистскими притязаниями, окрашенными в православный коммунистический цвет. В идеологических конструкциях сталинского режима, – обосновано пишет И. А. Исаев, – под многими политическими лозунгами и акциями (даже воинственно атеистическими) всегда проглядывает их православная основа... Новое осознание русской культуры, по мысли евразийцев, несет с собой осознание общечеловеческой миссии России – Евразии».[23] Подобные идеологические конструкции и сегодня – обязательный атрибут установок руководства КПРФ.

По иронии истории, марксизм, будучи наиболее последовательным атеистическим учением, в отсталой крестьянской стране превратился в заурядную веру, давшую обильные всходы на почве культа непогрешимости коммунистических вождей. «Ленин это пророк нового человечества и апостол коммунизма» – неоднократно утверждал под рукоплескание партийных масс Зиновьев. Обряды его погребения и празднования памятных дат, мемориалы жертвам революции, напоминающие мемориалы христианских мучеников, борьба с ересью в свете непогрешимости руководителей превращали марксизм в заурядную разновидность веры, истинность трактовки канонов которой принадлежала только коммунистическим вождям.

Сегодня истоки коммунизма вместе с русской идеей относят к туманным далям начала новой эры. Зюганов, например, утверждает, что «первым коммунистом был Христос». Подобное родство со спасителем объявил в свое время и Гитлер, заявлявший, что «Христос был арийцем».

---

[23] Исаев И. А. Геополитические корни авторитарного мышления (исторический опыт евразийства)// Формирование административно-командной системы. 20-е – 30-е годы. М., 1992. С. 137-138.

Мысль о христианских корнях коммунизма еще задолго до Зюганова последовательно отстаивал митрополит русской обновленческой церкви Александр Иванович Введенский, утверждавший в 20-х гг. прошлого века, что «коммунизм – это евангелие, напечатанное атеистическим шрифтом». Но с таким же успехом начала всех коммунистических начал можно обнаружить в учении Мухаммеда, а также в других религиях.

На эту же новоявленную связь марксизма с религией указывал и Гитлер, мечтая о создании для себя нечто подобного. «Коммунисты создали из своей фразеологии и идеологии подобие новой религии, даже с будущим царствием Божьим, – говорил он. Нам *тоже* нужна своя *новая религия»*. [24], под которой подразумевалось обоготворение вождя.

Основные черты характера Сталина формировались еще в семинарии, где он приучился к недоверчивости и скрытности. Уже в ранний период своей деятельности, пишет Троцкий, Сталин «не останавливался перед взаимным натравливанием своих соперников, перед их опорочиванием и вообще перед интригой против каждого, кто превосходил его в каком-либо отношении или казался помехой на его пути».[25] Оказавшись после революции на вершине большевистской элиты, он усвоил лишь одно – умение устранять с дороги соперников в обстановке, когда ее представители группируются, ориентируясь не на ту или иную политическую линию, а на того, у кого должность была выше.

Для этого не надо было иметь особую марксистскую подготовку. Еще при Ленине многие подписанные им деловые бумаги готовили сотрудники, что не исключало составление им самим основополагающих документов. При Сталине марксистское обоснование проводимой им политики делали те, кого он привлекал на вершины власти. «Культура умственного труда ему была несвойственна. Все кто соприкасались с ним в более поздние периоды, знали, что Сталин не любит работать. «Коба» – лентяй, – говорили не раз с полуснисходительной усмешкой Бухарин, Крестинской,

---

[24] Великие. Третий рейх. Тайны, загадки, секреты. М., 2005. С. 38.

[25] Троцкий Л. Сталин. Т. 1...С. 84.

Серебряков и другие. На то же интимное качество осторожно намекал иногда и Ленин».[26] Заканчивались «полуснисходительные усмешки» потом трагически.

Для Сталина цель оправдывала использование любых средств. Одним из примеров этого может служить ликвидация нэповского рынка. Для внеэкономического изъятия у крестьян продовольственного зерна была разработана изощренная система мер уголовного наказания тех, кто отказывался продавать хлеб по чрезвычайно низким ценам. Утверждения о том, что именно «Сибирь со сталинскими заготовками явилась местом рождения 107-ой, а затем и других статей УК как юридического основания при проведении хлебозаготовок,»[27] неверны. И 107 статья и большинство остальных статей репрессивного законодательства вступали в силу исподволь еще до поездки Сталина в Сибирь.

Уже закон о сельхозналоге на 1926/27 г. ввел налогообложение доходов не только от земли и скота, но и от других отраслей сельского хозяйства, а также сторонних доходов с возрастающей прогрессией обложения, породив статью 60-ю о конфискации всего имущества неплательщиков.

27 марта 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР был утвержден сводный закон о реквизиции и конфискации имущества, подтверждавший определение статьи 107 УК СССР 1926 г. В сводном законе указывалось, что конфискация есть «принудительное и безвозмездное отчуждение имущества в пользу государства, производимое по приговору суда, а равно в случаях особо указанных в законе по распоряжению уполномоченных на то государственных органов».[28]

В конце декабря 1927 г. политбюро, заявляя о существовании кулацкого сговора не продавать хлеб по низким ценам, разродилось директивой: «считать

[26] Там же. С. 126.

[27] Трагедия советской деревни... С. 36.

[28] Хронологическое собрание законов, указов президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. Первый. 1917-1927 г. М., 1949. С. 402.

недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах, и предложить крестьянам в обмен на продаваемый хлеб частично промышленные товары с обеспечением денежного остатка промтоварами потом».[29] «Потом» большевиками обычно не исполнялось.

4 января 1928 г. на местах было получено телеграфное распоряжение ОГПУ «произвести аресты наиболее крупных частных заготовителей», применив 107 статью уголовного кодекса о конфискации по суду имущества у кулаков и спекулянтов в случае их отказа продавать «излишки» хлеба по заниженным ценам.

8 января был опубликован декрет о самообложении, по которому «с крестьян могли дополнительно взыскивать до одной трети от суммы налогового обложения... На практике размер «самообложения» часто достигал половины налога. Хотя собранные средства должны были расходоваться на местные нужды (на ремонт мостов, дорог, на строительство школ, больниц и т. д. – Ю. И.) крестьяне не видели результатов от расходования этих поборов и считали, что средства тратятся не по назначению: на них содержится местный управленческий аппарат, проводятся общественные мероприятия с попойками и т. д».[30] Фактически такое самообложение было премией местным властям за изъятие у крестьян «излишков» хлеба и денежных средств для его приобретения. Если же власти не достаточно радели на этом поприще, то они сами подпадали под статью 105: их исключали из партии и отдавали под суд.

С 1 февраля 1928 г. официально вводился крестьянский заем сроком на три года. Его предназначением было изъятие «на нужды сельского хозяйства» избыточных денежных средств у крестьян. Оплата займа была как всегда «потом».

Подобные постановления, принимавшиеся по инициативе Сталина, стали юридическим основанием для организации внеэкономического изъятия хлеба и денег у крестьян с тем, чтобы в случаях отсутствия хлеба они не

[29] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 51.

[30] "Совершенно секретно": Лубянка Сталину ... Т. 6. С. 11

могли его покупать у частных продавцов. Негласно шла прямая атака на всю совокупность рыночных отношений. При этом официально декларировалось, что меры принимаются в интересах деревенской бедноты.

На самом деле бедняков-единоличников сплошь да рядом стригли под одну гребенку вместе с остальными крестьянами. А так как они были беднее всех, то репрессии на них сказывались чувствительнее, чем на остальных крестьянах. В начале 1928 г. началась кампания по сбору недоимок. «Основные держатели денег и хлеба, зажиточные и середнячество, как правило, недоимок не имели. Бедняки и маломощные середняки (фактически беднота с посевами до 2-х десятин – Ю. И.), кто имели задолженности по выплате налогов и сборов, не имели ни денег, ни хлеба».[31] Как у неплательщиков у них по статье 60 конфисковывалось все имущество вплоть до домашней утвари.

Официально бедняки были освобождены от хлебосдачи – у них попросту не было хлебных излишков. Однако по данным на 15 марта 1928 г. обзор заявлений и жалоб в президиум ВЦИК от осужденных по делам о хлебозаготовках показывал, что с самого начала среди них оказывалось немало середняков и бедняков, имевших всего по 170, 135 и даже 82 пуда хлеба».[32]

К довершению бедствий они не могли избежать тягот самообложения пресловутых ККОВ (крестьянских комитетов общественной взаимопомощи). «На отчетных собраниях, – доносили информаторы ГПУ, – бедняки и середняки выступают с резкой критикой деятельности ККОВ, указывая, главным образом, на неработоспособность их, бесхозяйственность, недостаточную помощь бедноте, пьянство и разложение работников ККОВ. Ряд жалоб на неправильное распределение бедняцкого кредита и фондов комитетов, которые иногда попадают середнякам и зажиточным, и потворство работников ККОВ кулачеству (Московская, Иваново-Вонесенская и другие губернии)».[33] В марте 1928 г. – отмечается в сводке ОГПУ. – «По Московской губернии зарегистрировано свыше 100 случаев отказа целых селений от проведения самообложения; аналогичные факты имели место в Вятской, Воронежской, Курской, Костромской и других губерниях».[34]

Как и все крестьяне, бедняки были *обязаны добровольно* (наиболее типичная формулировка тоталитарных режимов) подписываться на крестьянский заем. Цинизм и лицемерие к этому времени уже давно вошли в партийный обиход. «Председатель СНК СССР и РСФСР А. И. Рыков 1 апреля 1928 г. опубликовал в «Правде» письмо, в котором он говорил о добровольном характере займа и обещал разобраться с теми распространителями облигаций, кто нарушал добровольность. В то же время из центра на места шли директивы об обязательности распространения облигаций займа любым путем по разнарядке, спущенной сверху».[35]

Разнарядки были жесткие. Так, по деревням Чубаровского сельсовета Прохоровского района Псковского округа «секретарь ячейки ВКП(б) и председатель Рубровенского единого потребительского общества Павел Иванов вызывал более зажиточных крестьян в читальню и вместе с членом Прохоровского районного исполнительного комитета «всучивал» крестьянам заем таким порядком: сначала уговоры, потом битье кулаком по столу и угрозы, не дам мол, леса, муки и сукна с кооперации, «занесу на заметку»... Гражданам деревень Заречье и Заболотье не давали керосину, так как у них меньше всего приобретено займа. В больнице врач Никулинская не принимала даже тяжелобольных, если они не брали облигаций или не имели удостоверений о приобретении у Иванова облигаций. Ремединский избач (Срединского района Псковского округа) всех крестьян, не приобретших 10-рублевой облигации заносил на черную доску. Милиционер Себесского административного отдела Мальцев обходит крестьянские

[31] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 52.
[32] Трагедия советской деревни... С. 41.
[33] "Совершенно секретно": Лубянка Сталину... Т. 5. С. 668.
[34] Там же Т. 6. С. 171.
[35] Там же. С. 12.

дворы и заставляет крестьян насильно брать облигации. Получив отказ, обзывал «врагом советской власти»«.[36]

Что касается кулаков и середняков, то они, сплошь да рядом не решаясь продавать хлеб по рыночным ценам (информаторы ГПУ не дремали), прятали его, надеясь на то, что происходящее лишь временная напасть, поскольку нэп, как писали газеты, продолжал сохраняться. С прятавшими хлеб понукаемые из центра власти поступали крайне жестоко. «Карцеры переполнены к ужасу укрывателями кулаками, – пишет сестра Ленина М. Ульянова. Их судят пачками по 8-10 чел. в день, разбирают имущество, лошадей, коров, муку, фасоль, а их самих отправляют в районную тюрьму. Гонят их пешком в городскую тюрьму... за 40 верст. А сзади идут плачущие женщины и дети».[37] Еще более жесткие меры применялись в отношении скупщиков и продавцов хлеба. Их лишали свободы от одного месяца до 5 лет с конфискацией имущества и запретом торговать в течение 5 лет.

Если подвести итоги сталинских акций 1928 года, то окажется, что против них в деревне «сколько-нибудь значительных выступлений не было».[38] Не было их и позднее. Пропагандировавшиеся ОГПУ сетования относительно угрозы социального взрыва из-за изъятия дешевого хлеба были блефом, предназначенным для запугивания партийной верхушки. Зато блеф позволял раскручивать механизм репрессий, возвышавший сталинскую власть. Ее возвышение было необходимо тем, кто получал от него место в партийно-государственной иерархии.

Открытая схватка со сторонниками нэпа приближалась. С изгнанием из партии Троцкого и Зиновьева и иже с ними бухаринские сторонники рыночных отношений стали гирями на пути возвышения власти генсекретаря. Пока с тандемом Троцкого и Зиновьева еще не было покончено, Сталину приходилось довольствоваться судебными процессами над участниками мифических партий и

[36] Политический обзор о настроении крестьян, составленные редакциями газет "Правда" и "Крестьянская беднота". РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 24, 26.

[37] Сводка № 2 по 23 письма из поступивших в редакцию "Правды" с 15-20 июня 1928 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д.318. Л. 59.

[38] "Совершенно секретно". Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 10.

организаций типа «шахтинского дела», «трудовой крестьянской партии», «организации меньшевиков-интернационалистов», «организации «вредителей снабжения» и т. д. Еще до суда средства массовой информации убеждали население в том, что вина обвиняемых доказана. Начиная с ленинских времен, руководители большевиков много раз говорили: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме».[39]

Показательные процессы, проникнутые, по словам Троцкого, «духом тоталитарного идиотизма» штамповали все новых и новых надуманных врагов народа. Эту ложь имела свой социальный спрос. Она служила корыстным интересам сталинской группировки, готовившей плаху Бухарину и остальным рыночникам. Над рыночниками постоянно довлел дамоклов меч обвинений в несогласии с решениями политбюро и вытекающей из этого преступной фракционности. Подтверждая виновность несметных врагов народа, они наивно полагали, что им клеймо враг народа не грозит.

Великий перелом породил в стране хронический голод. У нас много пишут о голоде на Кубани и Украине в 1933 г., но при этом сознательно либо невольно упускают из виду, что голод был неотделимым спутником сталинской политики насильственного изъятия хлеба у крестьян. В 1928 г. в наиболее бедственном положении оказались Центральный и Северо-Западный промышленные районы России, на долю которых приходилась половина рабочего класса и около 60% промышленной продукции Советского Союза. Дефицит хлеба здесь традиционно покрывался частными торговцами из Центрально-Черноземной области. Теперь приток хлеба сократился из-за того, что пшеницу и рожь запрещалось продавать.

«В Выксунском уезде Нижегородской области, – отмечается в февральской сводке ОГПУ за 1928 г., – наблюдались продажи бедняками последних лошадей и коров для покупки хлеба, который поднялся в цене до 3-4 руб. за

[39] Цит. по: Гулаг: его строители, обитатели и герои (Россия – по дорогам фанатизма и мученичества). М.-СПБ., 1998. С. 8.

пуд. В Лужской волости Иваново-Вознесенской губернии ржаная мука поднялась в цене до 3 руб. 50 коп., и отмечены случаи, когда крестьяне ездят в города Родники и Шую за 40-60 верст за печным хлебом». Таким образом, впервые в истории советской России в условиях среднего урожая деревня не могла прокормить себя за собственный счет.

Эта же тенденция продолжалась и в марте. «Особенно слабо проходит кампания по очистке и сортировке зерна, – отмечается в сводке ОГПУ. Заявки населения на семматериалы значительно урезываются. Особенно остро стоит вопрос со снабжением семматериалом бедноты (Ленинградский, Череповецкий округ). Кулаки, пользуясь недостатком семян, в ряде районов подняли цены на семматериал до 3 руб. за пуд (Боровичский округ).

Итоги голода здесь подводит декабрьская сводка ОГПУ за 1928 г.: «Положение с хлебоснабжением населения по ряду губерний потребляющей полосы (Иваново-Вознесенская, Тверская, Рязанская, Калужская, Нижегородская) продолжает оставаться напряженным... Количество населенных пунктов и процент населения, употребляющего в пищу суррогат хлеба в декабре увеличился. В Шахновском сельсовете Тульской губернии хлеб, употребляемый бедняками, содержит на 60-80% суррогаты весьма низкого качества. На почве употребления в пищу хлеба весьма низкого качества отмечены заболевания».[40]

В отличие от упоминавшегося в сводках ОГПУ голода с ссылками на кулацкие происки, Е. Осокина пишет о голоде как следствии политики ВКП(б):»Весной появились донесения ОГПУ о локальном голоде в деревнях. Страдало в основном бедняцкое население. «Продовольственные затруднения» охватили Ленинградскую область (особенно Псковский, Новгородский, Великолуцкий уезды), ряд губерний Центрального района (Ярославская, Калужская, Тверская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Смоленская губернии)... В пищу употреблялись суррогаты хлеба. Что только не добавляли в него! – толченые клеверные головки и сушеную березовую кору, отруби, жмыхи, мякину, овес, гречневую., фасолевую и

[40] "Совершенно секретно". Лубянка Сталину... Т. 6. С. 114, 172, 619.

картофельную муку, отруби, вику, пареный лук. Желудочные заболевания стали принимать массовый характер. Начались опухания. Сводки ОГПУ свидетельствуют и о случаях голодной смерти. Усилился сыпной тиф. Семена проедались, и сев был под угрозой срыва. Нарастал убой и распродажа скота. Усилилось отходничество... Росло число «ходоков за правдой», избиений председателей сельсоветов, членов комиссий по распределению хлеба, а также взломов и поджогов амбаров, краж хлеба, демонстративных выходов из кооперативов».[41] Заметим, кстати, что в это время голодала не только деревня, но и город, где срочно вводились карточки на продовольствие (подробности ниже).

В 1929 г. изменилась тональность сводок ОГПУ. Объем информации о российских регионах заметно сократился. В разделе «Крестьяне» исчезла рубрика «Продовольственные затруднения». Создается впечатление, что главный дирижер распорядился снизить тональность чрезвычайщины, подчеркивая, что тотальное изъятие должностными лицами хлеба у крестьян теперь не является поводом для социального взрыва. Тем не менее, из ставших чрезвычайно скупыми сводок ОГПУ видно, что голод продолжал обостряться.

Так, в январской сводке сообщается, что в потребляющих районах Центра и Северо-Запада нормы выдачи хлеба «урезываются и сокращаются». В февральской сводке отмечается: «В феврале месяце положение с продовольственным снабжением сельского населения не улучшилось, а местами ухудшилось. Нормы выдачи хлеба в отдельных губерниях сокращены (Ярославская, Тульская, Иваново-Вознесенская, Калужская). По данным Калужского потребсоюза, в феврале в среднем на едока выдается не больше 6 фунтов в месяц (т. е. 80 г. в день – Ю. И.). В отдельных районах Нижегородской губернии крестьяне – бедняки пайщики кооперации получают 10-20 фунтов на хозяйство». Если считать минимальный размер сельской семьи 4 человека, то тогда на одного придется 80-160 г. хлеба в день. Поэтому не случайно в сводке по Ленинградскому военному округу указывается: «На почве систематического недоедания, употребления в пищу различных суррогатов

[41] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 64.

хлеба зарегистрировано много заболеваний и опуханий, а в отдельных случаях и смерти детей».[42]

В этом же году беда пришла и в хлебородные округа России. В декабрьской сводке говорится, что в Центрально-Черноземной области «при значительном недостатке хлеба у бедноты ряда сел местные организации не принимают решительных мер к смягчению его. В некоторых селах беднота обращается за помощью к односельчанам. Отмечены случаи, когда за помощью хлебом обращались колхозники (Курский округ). Местами нуждающиеся в хлебе применяют суррогаты». А в Средне-Волжском крае фиксируется «недостаток хлеба у бедноты в Коровинском районе, где в ряде сел бедняки употребляют в пищу лебеду. Зарегистрирован один случай опухания членов семьи бедняка. Рядом с недостатком хлеба наблюдается отсутствие корма, в результате фиксируется усиленный падеж скота».[43]

Таким образом, беда, так или иначе, пришла во все вовлеченные в прошлом рыночные отношения села России. Начавшись в потребляющих губерниях, голод зимой 1932 г. затронул хозяйства хлебородных округов. «Насильственная коллективизация, – пишет Н. А. Ивницкий, – привела к падению сельскохозяйственного производства. Валовой сбор зерна в 1931-1932 гг., несмотря на некоторый рост посевных площадей, снизился не только по сравнению с 1913 г., но и с доколхозным 1928 г. на 35-40 млн. центнеров, а урожайность с одного га составила 6,7-8 ц. против примерно 8,5 ц. в 1913 г».[44] По сравнению с рыночными тоталитарные методы хозяйствования всегда дают худший результат. Но зато при этом бюрократическая иерархия с верха до низу избавилась от вмешательства рынка.

Для нужд промышленности заготавливалось меньше зерна, чем в условиях конвенционного раздела рынка. В 1927/28-м хозяйственном году было заготовлено хлеба меньше, чем в 1926/ 27 г. 107-я статья показала, что крестьянских запасов порядка 900 млн. пудов, подсчитанных В. И. Немчиновым и А. И. Гайстером, в природе не

[42] "Совешенно секретно". Лубянка Сталину.... Т. 7. С. 48, 148.

[43] Там же. С. 583.

[44] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание... С. 161.

существует. Когда экспертный совет ЦСУ под председательством члена коллегии П. И. Попова пересмотрел хлебофуражный баланс за 1926/28 г., то со всеми натяжками оказалось всего 529 млн. пудов, а в 1927/28 г. – 561 млн. пудов.

Но эти цифры теперь Сталину стали не нужны. После избавления от Троцкого и Зиновьева, противоречия его сподвижников с составлявшими большинство ЦК рыночниками стали осью новой развернувшейся борьбы.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6-11 апреля 1928 г по инициативе Бухарина принял постановление, в котором, наряду с одобрением проводившихся Сталиным «экстраординарных мер», твердо указывалось, что «лозунг XV съезда партии «развивать дальше наступление на кулачество» осуществим лишь на основе «новой экономической политики», являющейся единственно правильной формой сочетания крупной социалистической индустрии и мелкого крестьянского хозяйства, и на почве строгого проведения революционной законности пролетарского государства». В связи с этим заявлялось, что «злостная агитация кулачества, нэпманов и их подголосков об отмене нэпа должна встретить решительный отпор со стороны партии. Поэтому же партия должна особенно решительно ликвидировать извращения и перегибы, которые наблюдались на практике и еще не изжиты до конца, несмотря на соответствующие предупреждения политбюро ЦК».[45]

Хотя по форме постановление было воинственно рыночным, для Сталина оно не ставило реальных препон. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение: «1) отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах; 2) Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применить в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества

[45] ВКП(б) в резолюциях ... Часть II. С. 274.

кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)»[46].

Как указывалось в рыночном постановлении Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), производственное кооперирование является основной целью социалистического преобразования сельского хозяйства. Но ни бедняки, ни остальные крестьяне не имели желания объединяться в производственные коллективы, «видя в них второе крепостное право. «Советская власть, – говорили крестьяне, – организацией колхозов стремится совсем закабалить крестьянство. При царе крестьяне работали на помещиков, а при Советской власти на коммунистов»[47].

К сожалению, среди опубликованных документов сплошь да рядом отсутствуют свидетельства об отношении крестьян и сторонников нэпа к сталинским колхозам. Так, в «Сборнике материалов и документов о трагедии советской деревни в годы коллективизации и раскулачивания» нет даже упоминания ни о резолюции апрельского пленума «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928/29 г»., ни о написанных в духе этой резолюции письмах Молотову Кондратьева, Чаянова, Вольфа – председателя сельскохозяйственной секции Госплана и др., выступавших против тоталитарных коллективных хозяйств. Иначе говоря, словесная борьба со сталинизмом сплошь и рядом ограничивается публикацией многочисленных документов, оправдывающих политику Сталина.

Говорить в предисловии упомянутого сборника о том, что замнаркома финансов СССР М. И. Фрумкин объяснял «ценами и промтоварами» неудовлетворительное состояние хлебозаготовок, значит не сказать ничего. Фрумкин был одним из тех редких коммунистов, кто осмелился публично вступить в полемику со Сталиным по всем аспектам аграрной политики. 5 ноября 1928 г. как несогласный с линией политбюро, он, следуя ленинским наказам, разослал всем членам и кандидатам ЦК и членам ЦКК ВКП(б) письмо для

[46] Законы о коллективизации сельского хозяйства и борьбе за урожай. М.-Л., 1930. С. 31-32.

[47] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 138.

коллективного обсуждения положения дел в сельском хозяйстве и отношений с крестьянством. Это было *последнее* в истории ВКП(б) *критическое обсуждение* директив генерального секретаря.

В письме Фрумкин констатирует, что в течение последних четырех лет хлебозаготовки (без учета маслосемян) практически остаются на одном уровне. В 1925/26 г. они равнялись 514 млн. пудов, 1926/27 г. – 646 млн. пудов, в 1927/28 г. – 616 млн. пудов, а по плану на 1928/29 г. они должны были составить 600 млн. пудов. На основе этих данных он пришел к выводу: «продукция и товарность земледелия сохраняют почти стабильное положение, что в связи с ростом населения означает не только отставание от темпа развития промышленности, но и самое доподлинное отставание»[48].

Исходя из этого, Фрумкин предлагал всемерно развивать рынок на основе продаж состоятельных крестьян – кулаков и середняков, а государственные средства тратить на объединение бедноты в производственные кооперативы, к которым много позже придут те, кто сегодня обладает частным капиталом. «Мы можем рассчитывать, – писал он, – на возможный максимальный результат увеличения продукции сельского хозяйства путем мобилизации средств крестьян, которые несомненно могут сделать значительные вложения для развития своего хозяйства. Само собой разумеется, что вложение этих средств доступно только более крепким середнякам, зажиточной части и кулацкой верхушке. Максимальный эффект расширения посевных площадей и поднятия урожайности получится, если государственные средства будут использованы для подъема бедняцких и маломощных середняцких хозяйств (коллективных так и в меньшей степени единоличных) и при одновременном вложении своих средств зажиточными группами».[49]

В ответ Сталин, ссылаясь на большевистскую аксиому о сосуществовании в России элементов социализма

[48] Письмо М. Фрумкина, разосланное всем членам и кандидатам ЦК и членам ЦКК ВКП(б) о положении сельского хозяйства и о взаимоотношениях с крестьянством. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 333. Л. 19.

[49] Там же. Л. 25.

и капитализма, ограничился лишь краткими проклятиями в адрес нечестивого Фрумкина. Он утверждал, что «основная ошибка Фрумкина состоит в том, что он видит перед собой только *одну* задачу поднятия индивидуального крестьянского хозяйства», что «на самом деле письмо Фрумкина является, ходатайством за *облегчение* кулака, ходатайством *за отмену ограничений* в отношении кулака»[50].

Замечание Сталина было созвучно настроениям деклассированных крестьян, формировавших костяк партгосаппарата. Для них всякое частное хозяйство с присущей ему арендой и использованием несемейного труда отождествлялось с капитализмом. Основу их власти во главе со Сталиным составлял не рынок, а внеэкономическое принуждение, обусловленное тоталитарным присвоением прибавочной стоимости. Поэтому исходной установкой проводившейся коллективизации была вновь объявлена формула эпохи военного коммунизма: опора на бедноту в союзе с середняком для решительной борьбы с кулаком.

Одновременно в нее была внесена поправка, так как середняк, как и кулак, стали объектами физического уничтожения. Чтобы сохранить ленинский штамп, середняка стали лукаво делить на два подвида: на зажиточного, примыкавшего к кулаку и маломощного, тяготевшего к бедноте. К последнему причисляли тех, у кого посевы зерновых были не больше 2-х десятин. Фактически это был тот же бедняк, тогда, как собственно середняк, по оценке Прокоповича (мы с ним согласны), был тот, кто имел не менее 4-х десятин посева. В результате середняк в разных ипостасях – «маломощный» и «зажиточный» стал непременным персонажем большевистских постановлений и прессы.

Другая модификация ленинских установок заключалась в том, что всех сторонних лиц, трудившихся в хозяйствах кулаков и середняков, причисляли к наемным рабочим. Тем самым деклассированные крестьяне становились сельскими пролетариями, тогда как на деле их отношения с хозяевами строились на отработках. Все обследования свидетельствуют об одном: они трудились не за деньги, а конечном счете за хлеб.

---

[50] Сталин И. В. Т. 11. С. 122-123, 125-126.

В отличие от наемных рабочих, живущих периодической продажей рабочей силы, не имевший ничего крестьянин отрабатывал свое содержание, которое предоставлял ему хозяин в виде крова, стола, а порой и одежды. Хотя отработки за содержание и наем имеют общие черты (отчуждение рабочей силы, отсутствие у непосредственного производителя средств производства), они существенно отличаются друг от друга. При найме происходит опосредованная деньгами купля-продажа рабочей силы, при отработках – главным образом обмен потребительских стоимостей, то есть жизненных средств на труд. Ленин называл отработки непролетарскими формами обнищания масс, происходившего в условиях чрезвычайно низкой производительности труда.

В самом деле, о каком наемном труде могла идти речь, если «производительность ручного труда в сельском хозяйстве крайне мизерна, а именно: при уборке хлеба серпом один работник убирает десятину в течение 7-8 дней, обмолот урожая с одной десятины при ручной работе занимает 15 рабочих дней. Такие нормы производительности не обеспечивают товарности сельскому хозяйству, неизбежно затягивают уборку и реализацию хлебов, а в случае неблагоприятной погоды создают угрозу и в смысле огромных потерь в урожае».[51] В свою очередь «мизерная» производительность труда обеспечивала идеальный климат для существования отработок, включавших внеэкономические методы принуждения, ибо других способов возвращения долга в виде потребленных потребительских стоимостей не было.

Господствовавшие в российской деревне традиции, привычки внеэкономического принуждения облегчали ликвидацию рынка во имя торжества тоталитаризма партийно-административной бюрократии, присваивавшей себе прибавочную стоимость. Между тем, в странах с развитым рынком еще в конце XIX в. ширилось общественное производство не только в кооперативах, но и в акционерных компаниях, возглавляемых служащими – менеджерами – факт впервые отмеченный Марксом и Энгельсом.

---

[51] Справка и другие материалы наркомзема. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 276. Л. 17.

Эти новые тенденции – тенденции перехода контроля над производством от частных лиц к общественному в лице менеджеров впервые на конкретном материале были осмыслены А. Берлом и Г. Минсом, опубликовавшими в 1929 г. книгу «Современная корпорация и частная собственность». В качестве примера они приводили «Юнайтед стейтс стил корпорашейн». Будучи одной из крупнейших акционерных компаний в мире, она обладала капиталом в 2,3 миллиарда долларов. На ее предприятиях трудились четверть миллиона человека. Численность ее акционеров достигала 182 тыс. Однако на долю самого крупного из них приходилось менее 0,75% акций, на долю совета директоров – 1,4% .[52]

В отличие от тоталитарных режимов, где контролирующие общественное производство являются госслужащими, в странах с рыночной экономикой контролирующие общественное производство менеджеры обслуживают акционеров. Иначе говоря, отстаивая интересы акционерного капитала, они уже не могут быть госбюрократией.

В то время как мир все дальше уходил на путях рыночного прогресса, Россия все дальше удалялась от столбовой дороги развития человечества. Беда заключалась не только в том, что российская компартия бесповоротно превратилась в реакционную силу, но и в том, что проводившиеся ею антирыночные мутации протекали на одной шестой территории земного шара, где, несмотря на жесточайшие преследования, так или иначе сохранялся взращенный рынком менталитет. Естественно, каким бы ни был кратким с точки зрения мировой истории этот период, его последствия не могли не сказаться на судьбах страны и всего человечества.

Антирыночные мутации окончательно изменили облик страны, превратив ее в тоталитарный заповедник подневольного труда. Принудительный труд стал всеобщей основой советского общества. Правда, порой его ограничивают рамками одного лишь гулага. Но это неверно. Не только его узники, но и остальные сегменты армии труда обязаны были безропотно исполнять тоталитарные установки

[52] Berle A. A. Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1935. P. 47.

государственного аппарата. Помимо заключенных были спецпоселенцы, не имевшие права покидать отведенные им места проживания, были лишенные паспортов колхозники, вынужденные бесплатно трудиться на общественных полях, наконец, в городах чтобы работать, требовалась прописка, без которой на работу никто не принимался. В случае же самовольного ухода с места работы, ушедших объявляли тунеядцами. Их высылали в места с более жесткими мерами государственного принуждения. Собственно вольнонаемного труда, о котором порой пишут многие сотрудники РАН, практически не было.

Чтобы заставить людей тоталитарно трудиться, требовалась сила, ударный костяк которой составляли ГПУ и милиция. Их общественная роль в условиях сталинского «социализма» неуклонно росла. Известный тезис о возрастающей роли насилия в обстановке тоталитарного социализма был абсолютно верен. Его использование, во-первых, позволяло перемещать трудившихся в зависимости от обстоятельств в более или менее жесткие рамки принуждения и, во-вторых, неограниченно выявлять врагов народа.

Наиболее жестоко система принуждения действовала в концлагерях гулага. «Опьянение властью над людьми, – пишет В. Шаламов, – безнаказанность, издевательства, унижения, поощрения – нравственная мера служебной карьеры начальника»[53]. В лагерях гулага его первыми помощниками были так называемые сталинские урки («суки»), которые в отличие от отказников (блатарей) становились десятниками, бригадирами и т. п. Впервые эта подлая система была опробована на Соловецких островах.

Приходится только удивляться заявлениям признанных знатоков истории гулага о том, что «первым примером запуска крупного проекта с использованием принудительного труда было строительство Беломорско-Балтийского канала, который никогда активно не использовался».[54] Между тем, принудительный труд Соловецких островов еще в 20-х годах прославился на всю

[53] Шаламов В. Преодоление зла. М., 2003. С. 651.

[54] История сталинского гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Массовые репрессии в СССР. Т. 1. М., 2004. С. 28.

страну и за ее пределами, став позднее основным поставщиком узников балтлага.

Концентрационный лагерь здесь возник в 1923 г. Все старшие административные командные должности занимали проштрафившиеся, спившиеся чекисты. Помогали творить им расправу уголовники. Особенно много прогорало чекистов на так называемой «золотухе». ОГПУ поручалось добыть у населения 1-2 млн. руб. золотом, после чего следовали аресты с целью вымогательства ценностей, часть которых оседала в карманах бравых чекистов.[55]

В 1925, 1926 и 1927 годах вольнонаемных на Соловках не было. В обязанности ответственного руководителя работ входило «избиение работающих арестантов, глумление и издевательства над их личностью, а на лесозаготовках и телесные пытки. Для уборки замученных регулярно присылались сани. На 2-х – 3-х санях громоздились «груды трупов, якобы умерших, – пишет И. М. Зайцев, – на самом деле забитых до смерти или замерзших, так как казенной одежды не было: работали в своей; многие полуголые; тут же привозили группу лесорубов с отмороженными руками и ногами, а сзади саней шла партия окровавленных, избитых и изувеченных лесорубов, которые выжили все пытки, а сейчас отправляли их как слабосильный элемент, не поддающийся воздействию. В лесу, на местах работ некоторые лесорубы, доведенные до отчаяния, отрубали себе кисти или ступни ног. За это согласно приказа угрожал расстрел»[56].

На рубеже 30-х годов в обстановке тоталитарного насилия отвратительные приемы пыток и издевательств

[55] "Могут убрать к черту". Документы политбюро ЦК ВКП(б) о внешнеэкономической политике партии. 1929-1934. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 151. Похищение людей с целью вымогательства ценностей в начале 30-х годов было повседневной нормой. Однако начало использования этого бандитского приема, за который сегодня полагается уголовное наказание, относится к 20-м годам не только на территории России, но и в Средней Азии.

[56] Зайцев И. М. (генерал-майор). Соловки (коммунистическая каторга, или место пыток и смерти). Шанхай, 1931. С. 21-22. Зайцев И. М. – генерал-майор белой армии. Из Синьзцзяна добровольно вернулся в Россию. Через 2 месяца арестован. Сослан на Соловки, откуда успешно бежал.

вышли далеко за пределы Соловецких островов. На базе плодившихся как грибы концентрационных лагерей 28 июня 1929 г. возникло управление северных лагерей особого назначения. Местом его дислокации стал Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар). Под началом управления находились концентрационные лагеря в Вишере, Котласе, на территории Карелии, Кольском полуострове и т. д. Заключенных заставляли работать прежде всего на лесоповале, так как кругляк был одним из важнейших источников валютных поступлений. Эти лагеря, пополнявшиеся социально неприемлемым для властей населением, стали основными поставщиками рабочей силы для строительства Беломорско-Балтийского канала.

В 1930-м году, когда соловковская система непосильного труда, издевательств, пыток и убийств стала обыденной нормой, США (в этом их несомненная историческая заслуга) первыми начали борьбу против использования в СССР принудительного труда. В знак протеста они вводили «ограничительные барьеры против советского экспорта: спичек, лесоматериалов, антрацита, марганцевой руды, асбеста... Советское правительство обвиняли в применении принудительного труда и продаже товаров на международных рынках по ценам ниже себестоимости».[57]

В ответ на эти обвинения предсовнаркома Молотов цинично доказывал, что только в СССР существует *самый свободный в мире труд*. Это был тот случай, когда «говорят о свободе, широко пользуясь услугами рабов»[58] Подобно выслуживающемуся лагерному десятнику, он в ярких красках расписывал счастливую жизнь подневольных узников концентрационных лагерей.[59] «Могу еще добавить несколько слов об условиях труда и быта заключенных, – говорил он на VI съезде советов. Продолжительность рабочего дня установлена во всех лагерях заключенных в 8 часов. При получении обеспеченного пайка и вообще достаточного

[57] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925-1936. М., 1995. С. 195.

[58] Чехов Антон. Записные книжки. М., 2000. С. 97

[59] Кровавую роль десятников прекрасно описал В. Шаламов//Шаламов В. Преодоление зла... С. 760.

снабжения и, кроме того, ежемесячного получения от 20 до 30 руб. на руки, они имеют нормы труда, не превышающие выработку вольного рабочего. Лагеря представляют собой поселения людей, свободно, без охраны, передвигающихся и работающих на территории соответствующего строительства. Здесь развернута культурно-воспитательная работа, получаются книги и журналы... К позору капитализма многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах».[60] По словам Молотова, концентрационные лагеря были счастливым местом вдохновения свободного труда. Ему оставалось бы только радоваться, когда его жена Полина Семеновна Жемчужина по указанию Сталина стала узницей гулага, которую он по своему положению мог свободно посещать.

Первые серьезные попытки анализа принудительного труда в СССР были сделаны теми, кто вынужден был покинуть Союз. В частности, наиболее обстоятельно этот вопрос был проанализирован в экономическом кабинете проф. С. Н. Прокоповича в Праге. Привлеченные к работе кабинета выделили «три группы применения принудительного труда в СССР:

1) принудительный труд, назначаемый судом и административными органами за преступления и проступки;

2) скрытые виды применения принудительного труда в виде выполнения различного рода повинностей и трудовых обязательств;

3) косвенное принуждение к труду посредством создания условий невозможности свободного выбора, перемены труда, отказа от определенного вида труда и т. п».[61]

Фактически сотрудники Экономического кабинета в общих чертах охватили весь спектр использования

[60] Отчет правительства Союза ССР. Доклад предсовнаркома СССР Молотова VI съезду Советов//Правда 11 марта 1931.

[61] Вопрос о принудительном труде в СССР//Бюллетень Экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Прага. май 1931. № 88. С. 3.

принудительного труда в СССР, включая его якобы вольнонаемные разновидности.

Другое дело вопрос о выгодности подневольного труда по сравнению с вольным. Как известно, в нашей стране на основе манипуляций ГПУ десятилетиями доказывалось, что труд заключенного, содержание которого по официальным отчетам за 1932-1933 гг. составляло треть средней (включавшей плату управленческого персонала) оплаты труда в Советском Союзе, наиболее выгодный, обеспечивающий государству самые высокие доходы[62]

Подобными выкладками руководствовались, например, Д. Даллин и Б. Николаевский. Согласно данным, приведенным в их книге, в 1932-1933 гг. содержание заключенного обходилось в 500 руб. в год, тогда как средняя зарплата по стране равнялась 1496 руб. в год.[63] Но такие выкладки искажают подлинную картину. В них не учитывается содержание штата многочисленной охраны, которые вместе с бригадирами, десятниками и прочими «суками» постоянно обворовывали заключенных, лишая самого элементарного, от чего зависела их жизнь – хлебного пайка. «Целый ряд работяг из зека, – пишет В. Шаламов, – любое распоряжение начальника встречают с тем, чтобы напрячь все духовные силы и его не исполнить. Равнодействующая происходит по линии борьбы двух воль – надо согласиться, но не сделать или сделать не так»[64]

Чем меньше принуждение, тем больше была выработка рабочего. В 2004 г. была опубликована интересная работа С. Журавлева и М. Мухина «Крепость социализма», посвященная социальной истории московского электрозавода.[65] В ней приводятся следующие показатели: выработка продукции в рублевом выражении на одного работника составила на заводе в 1930 г. – 987 руб. (при средней зарплате – 114,2 руб.), в 1931 г. – 1031 руб. (при

[62] См. Гвоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово. 1994. С. 91.

[63] Dallin D., Nicalaevsky B. Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. P. 88.

[64] Шаламов В. Вишера. Антироман. М., 1989. С.25

[65] Журавлев С., Мухин М. "Крепость социализма". Повседневность и мотивизация труда на советском предприятии. М., 2004.

зарплате 131 руб.). Таким образом, судя по официальным данным заводской администрации, средний рабочий получал в виде прямой зарплаты только 9-ю часть того, что реально вырабатывал. Восемь девятых, таким образом, составляла прибавочная стоимость.

Известная ее доля поступала на содержание управленческого аппарата. По данным С. Журавлева и М. Мухина, «заработок среднего служащего не только превышал заработок рабочего в 2 раза, но и по документам завода была заметна тенденция увеличения этого разрыва в течение 1930-х гг».[66] Даже в гипертрофированном случае совпадения числа служащих с числом рабочих на зарплату управленческому персоналу уходило бы две девятых прибавочной стоимости, а остаток (шесть девятых) поступил бы в распоряжение государства. А это указывает на то, что, чем меньше спектр принуждения, тем большая доля прибавочной стоимости доставалась бюрократии государственного аппарата. Вместе с тем не следует забывать, что составляющей стоимости выработки был труд заключенных, занятых на рудниках, производивших вольфрам и молибден, что не учитывалось в указанных подсчетах.

Наибольший простор развитию производительных сил и подъему жизненного уровня населения открывали рыночные отношения. В то время как в «первой в мире стране победившего социализма» потребление товаров и услуг неуклонно сокращалось по сравнению с 1913 г., в ведущих европейских странах, несмотря на экономическую депрессию, оно было много выше довоенного времени. Например, в 1935 г. по сравнению с 1913/14 г. потребление товаров и услуг рабочими и служащими в Германии составило 123%. во Франции – 483%, в Англии – 143%, Финляндии – 997%.[67]

Чтобы убедиться в преимуществах стран с рыночной экономикой, достаточно сравнить Финляндию и Карелию. Природные условия и тут и там примерно одинаковы, примерно одинаковы и исторические привычки населения. Различие между ними заключалось в том, что первая развивалась в условиях рынка, вторая имела несчастье

---

[66] Там же. С. 65.

[67] См. Annuare des Statstiques du Travail 1935-1936. Geneva, 1936.

превратиться в гигантский ГУЛАГ, котором «на производственных командировках за невыполнение уроков заключенных оставляли на ночь в лесу, где они отмораживали себе конечности».[68]

Трудом заключенных здесь были построены не только Беломорско-Балтийский канал, но и Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, железнодорожная линия Сорокская-Обзерная, Пиндушская судоверфь, Сорокинский порт, Повенецкий судоремонтный завод и т. д. К началу 1940 гг. узники давали более половины всей заготовлявшейся в республике древесины.[69]

Разумеется, не все население Карелии числилось в лагерях. Но, как писал еще И. Солоневич, «ничем существенным лагерь от «воли» не отличался. В лагере, если хуже, чем на воле, то очень уже не намного – конечно, для основных масс лагерников – для рабочих и крестьян. Все, что происходит в лагере, происходит и на воле – и наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче»[70].

Но всякий принудительный труд – проклятие. У основной массы узников основная задача состояла в том, чтобы в рамках возможного и невозможного всячески его избегать. Поэтому для выполнения плана с наименьшими затратами по инициативе лагерной администрации сознательно истреблялись лучшие леса, наиболее ценные природные ресурсы, после чего на долгие годы оставалась непригодная для хозяйственного освоения пустыня.

Россия с ее хищнически истреблением населения и не менее хищническим истреблением природных ресурсов уже в 30-х гг. уступала маленькой Финляндии, ставшей одним из ведущих мировых производителей леса и продуктов его переработки – бумаги, бумажной массы, пиломатериалов и т. д. Причем все это было достигнуто в обстановке подъема жизненного уровня масс. Уровень жизни советского инженера

---

[68] Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С. 13.

[69] ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930-1941. Петрозаводск, 1992. С. 3.

[70] Солонович И. Россия в концлагере. Buenos Aires. 1958. С. 10. И Солонович еще до исследования кабинета Прокоповича указал на повсеместность принудительного труда в СССР.

был намного ниже уровня жизни финляндского рабочего.[71] Стоит ли удивляться тому, что вся страна поддерживала К. Г. Маннергейма, когда он последовательно пресекал попытки «великого» соседа, изгнать финнов бог знает куда и превратить счастливую Финляндию в заповедник подневольного труда «первого в мире государства, построившего социализм».

Сталин собирался навсегда лишить финнов родины. Во время войны 1939-1940 гг. он предложил «переселить население Финляндии в соответствующие климатические условия, а сюда (имеется в виду Финляндия – Ю. И.) пересилить другое население из соответствующих климатических условий. В чем дело, – заявил он, – население Финляндии меньше, чем население одного Ленинграда! Можно переселить».[72].

Гулаг – наиболее одиозная форма использования подневольного труда. О нем написаны горы книг. Среди них шеститомник «История сталинского гулага (конец 1920-х – первая половина 50-х гг.)», составленная на основе официальных документов этого ведомства и курировавших его организаций. В результате само видение предмета исследования (хотят этого авторы или нет) преломлялось сквозь призму взглядов тех, кто непосредственно был заинтересован в существовании подневольного труда узников концентрационных лагерей. С таким же успехом можно изучать, например, любимый лагерь Гиммлера Освенцим, опираясь исключительно на эсэсовские документы.

Знать подобные документы, разумеется, необходимо. Однако они не могут дать представления о том, что творилось в лагерях. Для этого необходимо использовать свидетельства тех, кто находился на положении узников. Эталоном в этом отношении может служить, например, книга польского исследователя Яна Зена, собравшего материалы о концентрационном лагере Освенцим-Бжезинка.[73]

---

[71] См. там же.

[72] Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990 С. 349.

[73] Концентрационный лагерь Освенцим – Бжезинка (Auschwitz-Birkinau). На основании документов и источников составил д-р Ян Зен. Варшава, 1957.

При одностороннем подходе авторов «Истории сталинского Гулага» они невольно либо сознательно скатываются до оправдания существования (с незначительными поправками) тех же самых лагерей. С этой точки зрения весьма примечательна их оценка смертности в гулаге. «Смертность в Гулаге превышала смертность гражданского населения, – глубокомысленно констатируют они. – В начале 1930-х гг. смертность составляла 3-5%. Этот показатель увеличился до 15% по отношению к среднегодовому числу заключенных в 1933 г. и затем опять снизился до 2-5%».[74] Низкие показатели в данном случае объясняются просто: узники лагерей в течение нескольких месяцев умирали от голода, издевательств и непосильной работы. Затем их сменяли новые кандидаты на смерть при мало менявшейся годовой численности заключенных.

Таким образом, если не вдаваться в подробности, выходящие за рамки гулаговской статистики, создается видимость благопристойного благополучия. Благополучие в свою очередь оправдывает вывод составителей сборника о том, что «любой политический режим (во всяком случае, большинство из них) стремится к тому, чтобы содержание заключенных хотя бы частично окупалось их трудом. Однако режимы, которые принято называть тоталитарными, сажают за решетку не только воров, убийц, насильников, но и своих политических противников – реальных, потенциальных, а часто воображаемых»[75]. В связи этим стоит вспомнить одну «мелочь», которую нельзя найти в рамках гулаговской статистики. В гулаге содержание воров, насильников и убийц никогда даже частично не окупалось их собственным трудом. Они неизменно были в числе тех, кто вместе с администрацией лагерей, обирая узников, убивали их голодом и непосильной работой.

Такое же применение уголовников практиковалось и в гитлеровских концлагерях. Причем, и здесь использовалась аналогичная гулаговской бухгалтерия учета смертности. Так, в Освенциме, по гитлеровским данным, за период от 19

---

[74] "История сталинского Гулага": краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 39.

[75] Краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 33.

января до 19 августа 1942 г. «умирало в один день меньше всего 19 января 1942 г. 17 заключенных, больше всего 18 августа 1942 г. – 390, в среднем 97 заключенных. По отношению к численности заключенных на данный день самая малая смертность заключенных в течение одного дня составляла 0,14%, а самая большая – 2,85%. Численный состав заключенных на день 19. 8 1942 г. равнялся 22925». Эти показатели вполне могут поспорить с приведенными выше данными гулаговской статистики. И в том и в другом случае скрывался тот факт, что в течение года истреблялось от 10 до 20 контингентов зарегистрированных узников.[76] Что касается убитых евреев, то их учет велся по отдельному списку. «Гестапо арестовывало и казнило тех, кто распространял «ложные слухи» о преследовании евреев»[77]

Благостность принудительно труда составляет лейтмотив комментариев сборника «История сталинского Гулага». «Смертность была неразрывно связана с режимом содержания заключенных, – пишут авторы. Децентрализация управления привела к серьезным нарушениям режима на местах, но с переходом на централизованную систему управления из центра была направлена на места система «нормативов». Администрация Гулага устанавливала нормативы на жилье, еду и одежду, и местные власти должны были следовать им. Хотя существовала большая дистанция между нормативами и их использованием, сам факт их существования показывает намерение управленческого аппарата поддерживать работников в состоянии, позволяющем им работать продуктивно. Наказания за недостаточное снабжение или другие злоупотребления обычно не были очень строгими, однако они существовали. Из страха перед наказанием местные администраторы преуменьшали в отчетах смертность, и был даже случай, когда конвоиры покончили собой, опасаясь, что их накажут за плохое обращение с заключенными».[78] На самом деле и для руководителей центрального аппарата ГУЛАГа, и для руководителей его подразделений на местах заключенные

[76] Концентрационный лагерь Освенцим – Бжезинка... С. 46-47, 124.

[77] Гинзбург Лев. Цена пепла. Немецкие заметки. М., 1962. С. 22

[78] Краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"В... Т. 1. С. 39.

были всего лишь «лагерной пылью», «продуктивность» которой исчислялась кратчайшей смертью от непосильного труда и заменой их новым контингентом несчастных.

Указанные выше глубокомысленные оговорки в конечном счете сводятся к одному – оправдать необходимость гулага. В связи с этим составители сборника отмечают право на существование «исторического подхода». Согласно их объяснению, «ключевой реальностью 1930-х – 1950-х гг. была советская индустриализация, имевшая, как неоднократно отмечалось в литературе, догоняющий, экстенсивный характер, и по этой причине осуществлялась государством при помощи преимущественно насильственных методов. Во-первых, она (индустриализация при помощи преимущественно насильственных методов – Ю.И.) обеспечивала развитие тех отдаленных районов, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств. Во-вторых, она поставляла чрезвычайно мобильную рабочую силу, легко перебрасываемую с объекта на объект в зависимости от потребностей государства. В-третьих, эту рабочую силу можно было эксплуатировать практически без ограничений вплоть до полного истощения. В-четвертых, угроза попасть в жернова Гулага «дисциплинировала» «свободных» работников. В-пятых, существование значительной прослойки заключенных и других «спецконтингентов» снижало давление на скудный потребительский рынок, облегчало решение острейшей жилищной проблемы и т. д».[79] Перед нами видение гулага не глазами ищущего объективную истину историка, а глазами жиревшего на «лагерной пыли» чиновника.

Отметим только, что труд добровольно переселявшихся давал в Сибири более производительные результаты, чем бесхозяйственные лагеря. Накануне коллективизации тяга крестьян добровольно переселяться в Сибирь была огромной. «На почве продзатруднений по Псковскому, Новгородскому и Великолукскому округам, – отмечалось, например, в сводке ГПУ за 1928 г., – растет переселенчество крестьян из недородных районов в Сибирь, ДВК и другие области. В Великолукском округе переселение

[79] Там же. С. 46.

крестьян носит массовый характер, и заявки на переселение далеко превышают представленные округу наряды».

Согласно нарядам могли переселиться 4500 хозяйств, а заявок было подано 11527. В связи с этим составители сводки указывали: «Так как переселенческие органы не в состоянии удовлетворить полностью все заявки, крестьяне уезжают самостоятельно. В большинстве переселяется беднота, маломощное крестьянство и частью середняки. Среди кулачества тяги к переселению нет»[80]. Распродавая имущество, середняки и кулаки переселялись в города. Официально такое бегство из деревни называлось «самораскулачиванием». Мириться со свободным переселением тоталитарный режим не мог, и оно вскоре было запрещено.

Нельзя согласиться и с другим утверждением составителей сборника о том, что «именно физическое уничтожение «врагов», а не их использование в качестве «дешевой» рабочей силы, с самого начала было объявлено главной целью «большого террора».[81] На самом деле в годы «большого террора» физически уничтожались многие тысячи «врагов народа» для того, чтобы иметь возможность основную их массу обрекать на непосильный труд. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать, что пишут прошедшие горнило гулага А. Солженицын, В. Шаламов, Е. Гинзбург, Л. Разгон и другие.

Непосильный труд составлял важнейший компонент тоталитарного режима, предпосылкой которого была всеобъемлющая государственная собственность. Государство одновременно было производителем и потребителем того, что оно производило. Иначе говоря, производство и потребление здесь, как и в натуральном хозяйстве замыкались преимущественно на самом себе.

Оно ненасытно присваивало прибавочную стоимость, поступавшую на содержание бюрократии и силовых структур. Гипертрофированный аппарат насилия нуждался в гипертрофированном военном производстве, подминавшем

[80] "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 620.

[81] Краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 30.

гражданские отрасли. Милитаризация экономики была его прямым следствием. Стоит ли удивляться тому, что к концу существования сталинского социализма 80% всех производственных мощностей нашей страны так или иначе работали на армию и другие силовые структуры.

В свою очередь предпосылкой милитаризации была военная истерия. «Военная истерия 1927 г., – обосновано пишет Шейла Фицпатрик, – изменила атмосферу, и вскоре правительство решило ввести в стране «предмобилизационное положение», сохранявшееся на протяжении всех 30-х гг. С этого времени советские границы были почти закрыты для перемещения людей и товаров, и СССР заявил о своем намерении добиться «экономической самостоятельности».[82] Под предлогом «предмобилизанного положения» промышленным предприятиям присваивалось звание «крепость социалистической обороны», где вводился непрерывный круглосуточный график работы, а рабочему и инженерно-техническому персоналу запрещалось увольняться и переходить на другую работу.

Советский Союз намного раньше, чем остальные страны Европы ввел «предмобилизационное положение» с целью перестройки промышленности на военный лад. Тем не менее, как показали последующие события, наша страна так и осталась не готовой к грядущей войне, с которой сталинское руководство увязывало свои экспансионистские планы. Тоталитаризм крайне ограничивал возможности решения военных задач по сравнению с возможностями стран с рыночной экономикой.

Хотя угроза войны (мифическая и реальная) постоянно муссировалась на протяжении всех лет существования советской власти, окончательная ликвидация рынка потребовала нового взлета военной истерии. Ее начало было положено инициированными Коминтерном требованиями роспуска английского парламента, отставки правительства консерваторов и прихода к власти «подлинно рабочего правительства». В связи с этим министр иностранных дел О. Чемберлен 23 февраля 1927 г. (в день Красной Армии) направил ноту протеста: СССР обвинялся во

[82] Шейла Фицпатрик Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 11-12.

вмешательстве во внутреннюю жизнь Великобритании. Поскольку вмешательство не прекращалось, английская полиция 12 мая произвела обыск в помещении англо-советского акционерного общества «Аркос» – штаб квартире чекистов и посланцев Коминтерна. Конфискованные материалы дали основание правительству Великобритании объявить о разрыве дипломатических отношений между странами. 7 июня 1927 г. независимо от этих событий был убит посол в Польше П. Л. Войков, участвовавший в убийстве Николая II и присвоивший его перстень.

Указанные события стали прологом невиданной в прошлом военной истерии. 7 июня 1927 г. политбюро постановило опубликовать обращение ЦК в связи с возросшей опасностью войны и попытками белогвардейщины дезорганизовать тыл. «Газеты и руководители кричали о нависшей угрозе. В городах и селах спешили запастись продуктами, что усугубило экономические трудности... Троцкистско-зиновьевскую оппозицию обвиняли в вольном или невольном выступлении заодно с лондонскими реакционерами»[83].

Однако, поднятая шумиха не могла обмануть массы, считавшие, что, если есть виновник надвигающейся войны, то это СССР. В частности, на фабрике «Большевик» (Иваново-Вознесенской губернии) мастер в группе рабочих (10-15 чел.) доказывал, что в обострении отношений Советского Союза с буржуазными странами виновато советское правительство, которое «ведет широкую коммунистическую агитацию и содержит группы тайных агитаторов в различных учреждениях за границей». На заводах пошли разговоры о том, что «рабочие должны повернуть оружие против коммунистов и использовать военные затруднения соввласти для переворота».[84]

Крестьяне также возмущались сообщениями о большевистских провокациях войны. «Позиция кулаков и зажиточных крестьян, – докладывало ОГПУ, – по всем районам Союза может быть охарактеризована во многих

[83] Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1... С. 312.

[84] Докладная записка о реагировании различных слоев населения СССР на опасность войны. (по материалам Инфо ОГПУ). Октябрь 1927 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 7.

случаях как активное пораженчество (стремление дезертировать, уйти в банды, готовность примкнуть к антисоветскому фронту, активно содействовать поражению совправительства), стремление расправиться в момент начала войны с коммунистами и совработниками».[85]

На самом деле никакой военной угрозы для СССР не было, как и не было достаточно советских войск для вторжения на территорию европейских стран. Пожар военного психоза теперь требовалось пригасить до состояния, позволявшего наращивать милитаризацию и закручивать гайки принудительного труда. Предлогом явилось присоединение СССР к пакту Келлога – Бриана в 1928 г., по которому все главные державы брали на себя обязательства отказаться от войны как орудия национальной политики. В печати СССР его называли «лицемерно-пацифистским», подчеркивая сохраняющуюся угрозу новой мировой войны. Подписание пакта давало повод, с одной стороны, утверждать, что советское правительство предотвратило войну, с другой, – увеличивать военные расходы.

Пройдет немного времени, и подобный трюк повторит фашистская Германия. В октябре 1933 года Гитлер заявил о выходе Германии из Лиги Наций, поскольку переговоры о разоружении зашли в тупик. В связи с этим объявлялось о превращении рейхсвера в регулярную армию – вермахт. Заявления Гитлера о неизменности европейских границ звучали как стопроцентный пацифизм, под предлогом которого наращивалась военная мощь.

Между тем, в Европе и Северной Америке четко наметилась тенденция отхода от территориальных переделов к ликвидации границ, обусловленная свободой передвижения капитала. Иными словами, на повестке дня стояло исключавшее военные конфликты рождение единой Европы и Северной Америки, что было неприемлемо для сталинского руководства, мечтавшего, говоря словами начальника Главного политического управления РККА Мехлиса, о том, чтобы «умножить число советских республик», если будет вторая мировая война.

[85] Там же. Л. 18.

Основой политики ВКП(б) были непроходимые таможенные барьеры, под прикрытием которых на базе прямого принуждения к труду происходила всесторонняя милитаризация советского общества. Неслучайно, говоря об экономической платформе Амстердамского Интернационала, Д. Мануильский от имени Коминтерна с возмущением заявлял, что союз профсоюзов «повторяет свое *требование об упразднении таможенных барьеров, мешающих оздоровлению мирового хозяйства*. В частности, он требует *устранения таможенных границ в Европе*...Эти принципы должны применяться и *к колониальным областям»*. А еще двумя годами ранее, к возмущению Д. Мануильского, требование уничтожения таможенных барьеров было выдвинуто в меморандуме банкиров, представлявших интересы трестов».[86]

«Требование банкиров, и экономическая программа Амстердамского Интернационала, – говорил Д. Мануильский, – направлено в первую очередь против СССР, против монополии внешней торговли. Под этим лозунгом мировой социал-пацифизм пытается мобилизовать массы для подготовки новой войны под знаком *снесения* монополии внешней торговли СССР».[87] В данном случае Д. Мануильский не сказал главного: политбюро, как было еще записано в постановлении 1923 г., тоже добивалось объединения европейских стран, создания «Соединенных штатов рабоче-крестьянских республик Европы», огражденных таможенными барьерами от остального мира. Строго говоря, рождение единой Европы и Северной Америки без таможенных границ могло начаться еще в 30-х – 40-х годах прошлого века. Однако этот объективно неизбежный процесс был заторможен соперничеством Сталина и Гитлера за передел мира, ввергнувшим человечество в новую мировую войну.

Среди послевоенных измышлений сталинской пропаганды было утверждение, что Германия сумела восстановить свой военный потенциал с помощью Англии, Франции и США, содействовавших ее будущей агрессии. «В январе 1933 г. в Германии к власти пришел фашизм, который

[86] Мануильский Д. Итоги X пленума ИККИ. Доклад на московском партактиве 26 июля 1929 г. М., 1929. С. 19.

[87] Там же.

с самого начала взял курс на завоевание мирового господства, – пишет Г. К. Жуков. – Вряд ли народы Англии, США, Франции подозревали тогда, какую плохую услуга оказывают им империалистические силы их стран, активно помогая Германии восстанавливать тяжелую промышленность. 70% всех долгосрочных кредитов предоставили немецким монополиям США. Поток зарубежных финансовых «вливаний» усилился после прихода к власти Гитлера».[88]

Здесь, что ни слово, то явная ложь. Правительства Англии, США и Франции последовательно проводили политику предотвращения ремилитаризации Германии, ограничивая ее вооруженные силы рамками стотысячного рейхсвера. Рейхсвер выполнял только полицейские функции. Сама Германия возродить былую военную мощь не могла – ей приходилось выплачивать странам – победительницам громадные репарации, возмещавшие ущерб, причиненный войной. «Зарубежные вливания», о которых пишет Г. К. Жуков, в том числе и США, направлялись в гражданские отрасли экономики. Они способствовали рассасыванию безработицы и подъему жизненного уровня германского народа, сужая тем самым социальную базу фашизма.

Этот факт признавал и крупнейший знаток Германии К. Радек. «Стабилизация, – писал он, – германского капитализма, последовавшая за восстановлением валюты, дауэсовским договором и американскими займами, приводит к спаду фашистской волны. В декабрьских выборах 1924 г. они теряют больше половины голосов, получив только 907».[89]

Единственной страной, помогавшей возрождению военного потенциала Германии, был Советский Союз. В союзе с Германией СССР добивался передела мира в свою пользу. В сущности это была известная ленинская установка, исходившая из того, что «трагедия мирового капитала в том, что он не мог избежать мировой войны и не может установить всеобщий мир... Раскол в лагере империализма и связывание одного врага Советской России руками другого является основным фактом всей истории внешней политики Советской

[88] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978. Т. 1. С. 110.

[89] Радек К. Опасность фашистского переворота в Германии. М., 1930. С. 69.

России».[90] Советская Россия поступала так еще в годы войны с Германией, когда французский военный атташе генерал Ниссель и его коллеги по инициативе Троцкого давали советы о том, как создавать Красную Армию.

В условиях Версальского мира союзниками СССР стали реваншистские круги Германии. Бедственные последствия их объединения были предсказаны еще Ллойд-Джорджем, указавшем, что «при ухудшающемся положении Германии объединение России и Германии, доведенных до отчаяния, означало бы европейскую катастрофу. Германия не имеет достаточно капитала, чтобы возродить Россию экономически, но она может создать в России угрожающую военную силу».[91]

Началом объединения Германии и России послужил заключенный 16 апреля 1922 г. по инициативе Ленина Рапалльский договор. В апреле 1926 г. договор был подтвержден соглашением о ненападении и нейтралитете в случае, если одна из договаривающихся сторон будет вовлечена в конфликт с третьей державой. При этом германское правительство брало на себя обязательство не участвовать в санкциях Лиги Наций, направленных против СССР в случае вступления в Лигу Германии. Указанное соглашение развязало руки советскому правительству, нагнетавшему военную истерию с целью создания многочисленной крестьянской армии.

Ее организация строилась на принципах, заложенных еще в гражданскую войну 1-й конной армией, где почетным красноармейцем 1-го эскадрона 19- го кавполка 4-й кавдивизии был Сталин. Основной ударной силой считалась кавалерия, пехоте отводилось решение вспомогательных задач. Присущие 1-й конной традиции постоянной смены комсостава облегчали Сталину выдвижение угодных ему командиров.

В борьбе с Троцким Сталину был необходим героический ореол руководителя Красной Армии в годы Гражданской войны. Задачу выполнил Ворошилов,

[90] Радек К. Внешняя политика Советской России. М. – Пг., 1923. С. 78.

[91] Цит. по: Радек К. Внешняя политика Советской России... С. 78.

написавший брошюру «Сталин – организатор Красной Армии», за что был поставлен наркомом обороны. На все ведущие посты он выдвигал тех, кто в годы гражданской войны доказал преданность Сталину в 1-й конной. Даже в 1938 г., когда ведущие армии Европы спешно механизировались, Главный военный совет Красной Армии, состоял только из сослуживцев 1-й конной: Сталин, Ворошилов, Буденный, Кулик, Мехлис, Шапошников и Щаденко. В годы второй мировой войны все они, занимая ведущие командные должности, были глазами и ушами Сталина в руководстве фронтами.

Расправа с такими военноначальниками, как Тухачевский, Егоров, Блюхер и тысяч иже с ними были неизбежным аккордом сталинской политики создания крестьянской армии. И дело здесь не столько в умелой провокации гитлеровской разведки, сколько в заинтересованности самого Сталина иметь повод для клеймения врагами народа военных руководителей, знавших его подноготную в годы гражданской войны.

Среди них одно из первых мест занимал замечательный полководец М. Н. Тухачевский. Первый компромат против него появился в 1930 г., когда из Красной Армии увольняли командиров, служивших в царских войсках. Второй в 1935 г. Сталин говорил удивленному Идену о якобы тайных встречах Тухачевского с Герингом. Идену было чему удивляться. Всем было известно, что Тухачевский с Уборевичем после прихода Гитлера к власти советовали прекратить сотрудничество Красной Армии с рейхсвером, на что Сталин ответил отказом.

Сообщение Бенеша о существовании заговора военных было тем, чего Сталин больше всего добивался. Оно стало доказательством предательской деятельности выдвиженцев Троцкого. Их аресты обезглавили Красную Армию. Зато Сталин обрел ореол ее создателя и непогрешимого руководителя. По данным академика А. Н. Яковлева, было репрессировано 70 тыс. военных. Из тюрем же и концентрационных лагерей вышли живыми всего 130 чел., в том числе выдающиеся полководцы второй мировой войны Рокоссовский, Батов, Мерецков и другие. В годы гражданской войны они были выдвиженцами среднего звена, не знавшего подноготной роли Сталина. Военную науку им

пришлось осваивать под руководством М. С. Тухачевского и его сподвижников.

На крутых изломах на исторической сцене всегда появляются полководцы, определяющие способы ведения войны. Таким полководцем был Наполеон, таким полководцем был и М. С. Тухачевский. И дело здесь не в моторизации армии, на чем делают упор большинство его исследователей. В ведущих странах Европы моторизация армий протекала стихийно еще в годы первой мировой войны. На ее необходимость указывал уже Троцкий.

Заслуга М. С. Тухачевского заключалась в другом. Он первый теоретически обосновал отказ от использования в наступлении сплошной линии фронта и необходимость применения подвижных рот и батальонов, выполняющих самостоятельные оперативные задачи в рамках директив фронтового командования. Модификации оружия лишь усиливали мощь подвижных подразделений. Их успех, как подчеркивал Тухачевский, обеспечивался революционным энтузиазмом командного состава, увлекающего за собой красноармейцев.[92]

Там же, где командный состав не доверял солдатам, создавался сплошной фронт. Находясь позади солдат, командиры следили за выполнением солдатами своих приказов. Если они уклонялись, по ним открывался огонь заградительных отрядов. В случае наступления войска продвигались вперед танковыми и механизированными колонами, позволявшими командирам следить за поведением солдат. Этим принципам в равной степени следовали Сталин и Гитлер. В таких случаях командиры не пользовались авторитетом у солдат. Отношения между ними строились на забитости и запуганности. «Планово управлять, – писал Тухачевский, – можно лишь живым одухотворенным боевым организмом. Всякое иное разрешение вопроса в конце концов выливается в своего рода боевой бюрократизм, сопровождающийся окостенением аппарата управления, бездушным выполнением массами воли начальства,

[92] См. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1 1919-1927 гг. М., 1984. С. 82.

медлительными, тяжелыми и кровопролитными в тактическом отношении действиями»[93]

Сталинские тенденции бездумного выполнения воли начальства по принципу «ты начальник – я дурак» явились главной причиной отсталости российской армии в послевоенные годы, ее поражением во многих горячих точках, в частности в Чечне. Лишь теперь, когда началась ее перестройка под руководством Сергея Иванова, она стала приобретать современный вид. Ее главный принцип – поиск оптимального решения на всех уровнях, начиная от рядового состава и кончая ротой – батальоном, которым предстоит решать задачу, поставленную командованием.

Первоначально М. С. Тухачевский, следуя ленинским установкам, отвергал возможность решения революционными войсками национальных задач. По мере развития революции, полагал он, происходит «атрофирование национальных чувств».[94] Позднее он пришел к выводу, что гражданская война может быть одновременно и войной национально-освободительной.[95] Его утверждение сбылось в годы второй мировой войны, в ходе которой борьба советского народа против иноземного захватчика сочеталась с надеждой обретения после войны гражданских свобод.

Многочисленная армия нуждалась в оружии. Почти все отрасли промышленности работали на войну. Тем не менее, страна была обречена на все большое отставание от ведущих мировых держав. Накануне второй мировой войны Красная Армия практически не имела автоматов. На вооружении были модернизированные «трехлинейки» образца 1891 г. да и тех не хватало. Их дополняли пулеметы «Максим» с изобретенной еще батькой Махно тачанкой и проводная связь времен гражданской войны. Наиболее маневренные соединения считалась конница. Самолеты и танки, за исключением экспериментальных образцов, уступали западноевропейским.

[93] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т.2. 1928-1937 гг. М., 1984. С. 81

[94] См. там же. С. 94.

[95] См. Тухачевский М. С. Избранные произведения. Том второй. 1928-1937 гг. М., 1984. С. 4.

К 1941 г. техническая отставание Красной Армии от армий ведущих европейских держав намного превысило разрыв между ними в годы существования нэпа. «В 1941 г. – пишет М. И. Семиряга, – на тысячу человек личного состава действующей армии приходилось винтовок – всего 463, орудий и минометов – 7,8, танков – 0,4 и самолетов – 0,7. Зато «в сухопутных войсках один политработник приходился на 213 чел., а в танковых – даже на 74 чел».[96]

Техническая отсталость не мешала военноначальникам хвастливо заявлять, что Красная армия она является самой могучей в мире. Выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), Ворошилов говорил «Красная армия представляет собой гигантскую силу. Она является первоклассной, лучше, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией». В доказательство он заявил, что «огневой залп артиллерии советского стрелкового корпуса составил 7136 кг., в то время как у французского – 6373, германского – 6078, весь минутный залп -78932 (Франция – 60981, Германия – 59509)

Неизвестно, как рассчитывался этот пресловутый «ворошиловский залп». Ясно одно: после минутного залпа возник бы острый недостаток снарядов. Что же касается численности, то советская армия была действительно самой крупной в Европе, превышая численность армий сложившихся здесь основных военных группировок. СССР имел свыше 2-х млн. личного состава, Германия и Италия – 1,515 млн., Англия и Франция – 1,289 млн.

В условиях внеэкономического принуждения производительность труда оборонных заводов практически буксовала на месте. По оценке В. М. Кудрова, прирост производительности труда в народном хозяйстве СССР в 1928-1950 гг. составлял всего 34,4% или 1,4% в год.[97] Подневольный труд всегда порождает отвращение, желание

[96] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 454-455. Семиряга Михаил Иванович последние годы работал в Институте сравнительной политологии РАН. Его работы до сих пор представляют большую научную ценность.

[97] Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР//Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004. С. 63.

работать как можно меньше, безразлично относясь к качеству сделанного. На это обстоятельство обратил внимание еще Орджоникидзе, когда в 1933 г. писал: «Орудийные заводы и до настоящего времени производят свою продукцию в основном теми же методами, которыми орудия делались десятки лет назад. Слишком много усилий тратится на пригонки-притирки деталей. Операции эти, как правило, осуществляются без технических приспособлений, вручную и требуют большого количества высококвалифицированных рабочих... Орудийные заводы превращаются в склады неукомплектованных деталей, или, лучше сказать в кустарные мастерские... Заводы сравнительно быстро справляются с изготовлением опытных образцов, которые, действительно, требуют много ручной работы, но как только дело доходит до массового производства, установленные сроки не выдерживаются».[98]

Низкое качество продукции было характерной чертой производства всех оборонных заводов. В 30-е годы оно упало ниже уровня 1928 г. «Выпуск танков, пулеметов и патронов в 1935 г., – пишет М. Ю. Мухин, – упал ниже уровня 1932 г; авиавыпуск стагнировал, и лишь производство винтовочных патронов устойчиво росло. Ни преобразования 1935 г., ни реформа 1936 г. не привели к решительному росту выпуска оборонной продукции».[99]

Затраты на военное производство росли. Выпуск продукции сокращался. В конце 20-х – в начале 30-х гг. на военное производство затрачивалось 9-10% годового валового дохода, к концу 30-х годов его доля достигла приблизительно 30%.[100] Результат же был плачевным. «К 1938 г., – пишет Н. Симонов, – образцы бронетанковой техники, серийно выпускавшейся в СССР в 1928-1935 гг., практически выработали свой ресурс. Их состояние, по оценке специалистов, «было ужасным». Большей частью они

[98] Цит. по: Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1966. С. 87.

[99] Мухин М. Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936-1941 гг.//Экономическая история... С. 144.

[100] Там же.

просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией и т. д., а большинство к тому же было разоружено. Запчасти отсутствовали, и ремонт производился только путем разукомплектования одних танков для восстановления других».[101] Наши . самолеты уступали немецким. Подавляющее их большинство были полотняными, либо фанерными, лишенными брони. Аварийность в авиации была высока. Накануне войны командующий военно-воздушными силами Рычагов на Военном совете сказал Сталину, что «аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах»[102]. После этого замечания его расстреляли. В 1937-1940 гг., когда в Европе уже бушевала вторая мировая война, – пишет Дж. Боффа, – «в СССР выпуск металлургической продукции сохранялся почти на одном и том же уровне, а в 1939 г даже уменьшился... Производство цемента, необходимого для возведения намеченных оборонительных сооружений на границе, претерпело сокращение».[103] Зато развал оборонной промышленности давал возможность выявлять «врагов народа», обвинявшихся во вредительстве, шпионаже, связях с фашистскими разведками.

Пропагандистские заявления, осуждавшие фашизм, камуфлировали связи СССР с фашистскими режимами в Германии и Италии. До сих пор многое из этого сотрудничества скрывается в анналах ФСБ. Чаще всего о нем мы узнаем лишь из случайных упоминаний в изданиях, далеких от данной проблемы. Достаточно указать на те проклятия, которые не сходили со страниц советской печати в адрес фашистской Италии. Однако это не исключало, например, посылки в 1932 г. советской военной миссии на итальянские войсковые маневры.[104]

« Советский Союз, – пишет С. Кремлев, – вовсю фрахтовал итальянские суда, бороздившие Черное и

[101] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 102.

[102] Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 339.

[103] Боффа Дж. История Советского Союза Т. 1.... С. 563.

[104] Жизнь замечательных людей. Полководцы и военачальники великой Отечественной. Выпуск второй. М., 1979. С. 151.

Азовское моря, а положительный баланс в нашей торговле с Италией на 100 миллионов лир был официально гарантирован соглашением, подписанным 6 мая 1933 г. Со стороны СССР – торгпредом Левенсоном, со стороны Итальянского королевства – Бенито Муссолини».[105] На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. Сталин откровенно сказал: «Фашизм в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».[106]

По условиям Версальского договора Германия могла иметь лишь стотысячный рейхсвер. Ей возбранялось иметь авиацию, танки, бронированные корабли, подводный флот, а также вывозить и ввозить оружие и военные материалы. Для возрождения ее былого военного могущества требовался заинтересованный партнер, готовый в своих интересах тайно заключать с ней сделки. Таким партнером была большевистская Россия.

За переговорами 16 апреля 1922 г. последовал Рапалльский договор, в соответствии с которым РСФСР и Германская республика отказались от возмещения военных и невоенных расходов и претензий, в том числе и по довоенным государственным долгам. Взаимные отказы открывали путь для военного сотрудничества. По письму Л. Красина от 27 мая 1922 г. была создана «особая группа», изучавшая возможности сотрудничества рейхсвера с РККА. Для начала советское правительство закупило около 150 немецких военных самолетов периода первой мировой войны. Самолеты были морально устаревшими и изношенными. Других поверженная Германия не имела. Эти самолеты не могли восполнить развалившийся за годы гражданской войны самолетный парк Красной Армии.[107]

О том, как развивались в 20-х годах отношения между рейхсвером и РККА, свидетельствует докладная записка на имя народного комиссара по военным и морским делам СССР

[105] Кремлев С. Россия и Германия: Путь к пакту. Коридоры раздора и пакт надежды. М., 2004. С. 98.

[106] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии ВКПБ(б). 26 января- 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934 г. С. 13.

[107] Плачевное состоянии авиапарка Красной Армии прекрасно описал И. Бабель в своей книге "Конармия". См. И. Бабель. Одесские рассказы. М., 2000.

Ворошилова, подписанная начальником IV управления штаба РККА Я. Берзиным (Кьюзисом) 24 декабря 1928 г. Записка лапидарна, зато четко излагает происходившие события.

Осень 1923 г. Подписан договор с фирмой «Юнкерс» о поставке самолетов и постройке на территории СССР авиазавода.

1924 г. Подписан договор о совместной постройке завода по выделке иприта (акционерные общества «Вико» и «Метахим») Через фирму «Метахим» был принят заказ рейхсвера на изготовление 400 тыс. снарядов для полевых трехдюймовых орудий. В 1926 г. снаряды передали немцам. Однако советская сторона понесла ущерб. О передаче заказа сообщили общественности немецкие социал-демократы, выступавшие против участия Германии в гонке вооружений.

1926-1927 г. Договор с фирмой Юнкерс и договор о постройке ипритного завода пришлось расторгнуть. Фирма Юнкерс не исполнила взятые на себя обязательства по поставке металлических самолетов и не построила завода. Субсидии рейхсвера были слишком малы, чтобы осуществить задуманное. Зато фирма успешно вышла на рынок гражданской авиации, приносивший ей высокие доходы.

Договор о совместной постройке ипритного завода также пришлось расторгнуть, потому что фирма «Штольценберг», которой рейхсвер предоставил около 20 млн. марок, фактически обманула. Поставленное «Штольценбергом» оборудование не соответствовало условиям договора: методы изготовления иприта были признаны советскими специалистами устаревшими и негодными. Разрабатывать новые методы немцы не могли, опасаясь всевидящего ока социал-демократов.

Начиная с 1925 г. сотрудничество постепенно переходит на новые рельсы. Если по договорам 1923 г. немцы стремились стать поставщиками авиации и химпродуктов, чтобы обеспечить за собой влияние на соответствующие советские отрасли, то теперь они стали добиваться единообразия командования рейхсвера и Красной Армии. В связи с этим они согласились допустить 5 советских представителей (на взаимных началах) на свои тактические учения в поле и маневры. В1926 г. они ставят вопрос о

проведении совещания с целью выработки одинаковых оперативных взглядов.

В настоящее время, указывается в записке, взаимоотношения с рейхсвером включают:

а) взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем командировки лиц комсостава на маневры, полевые поездки и на академические курсы;

б) совместные хим. опыты (предприятие «Томка»);

в) совместную организацию танковой школы в Казани («Кама»);

г) совместную авиационную школу в Липецке («Липецк»).

д) констатирование разведывательной деятельности обеих армий против Польши.[108] В Красной Армии изучался польский язык в качестве языка возможного противника.

Версальский договор воспрепятствовал наращиванию военного производства Германии и СССР. Сотрудничество между ними ограничилось преимущественно совместной подготовкой командных кадров РККА и рейхсвера. Знакомясь с возможностями Красной Армии, готовились к будущей войне многие из тех, кто в последствии стали ведущими военноначальниками фашистской Германии: Модель, Горн, Крузе, Браухич, Кейтль, Манштейн, Кремер и другие. В Липецке боевую подготовку прошли 120-130 немецких военных пилотов, в Казани совершенствовал свое мастерство Гудериан и т. д.

С приходом к власти Гитлера и воссозданием германской армии – вермахта военные связи Советского Союза с Германией стали свертываться. Советский импорт немецкого промышленного оборудования резко упал, составив в 1932 г. всего 4,7%. В 1938 г. место Германии заняли Англия (16%) и США (26%). [109] Обширный товарообмен между Советским Союзом и Германией на военной основе стал ведущим лишь накануне второй мировой войны.

---

[108] Цит. по: Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 62-63.

[109] Там же. С. 251.

От военных связей РККА с рейхсвером выиграла Германия. В этих условиях судебные процессы над предательским руководством Красной Армии были как нельзя кстати для очередных утверждений о непогрешимости вождя. Выступая 2 июня 1937 г., Сталин заявил: «Это военный заговор... Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны, все было готово, чтобы Красная Армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили».[110]

Внешняя политика – продолжение внутренней. В этой связи представляет интерес отношение сталинского руководства к социал-демократам, решительно пресекавшим любые попытки умножить в Европе число советских республик. Как известно, Ленин призывал добиваться союза с левым крылом социал-демократии. «Немецкая социал-демократия, – в частности, писал он, – неоднородна внутри... в этой партии образовалось и замечательно быстро растет левое пролетарское крыло (имеющее, кажется, до 3/4 миллионов членов) – пролетарии уходящие от Шейдемана и быстро идущие к коммунизму. Это пролетарское крыло уже предлагало на Лейпцигском (1919) съезде независимцев немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу. Бояться «компромисса» с этим крылом партии – прямо смешно. Напротив, *обязательно* для коммунистов искать и *найти* подходящую форму компромисса с ними, такого компромисса, который бы, с одной стороны, облегчал и ускорял необходимое полное слияние с этим крылом, а с другой стороны ни в чем не стеснял коммунистов в их идейно-политической борьбе против оппортунистического правого крыла «независимцев». Вероятно, выработать подходящую форму компромисса будет нелегко, но только шарлатан мог бы обещать немецким рабочим и немецким коммунистам «легкий» путь к победе».

Пиша работу «Детская болезнь левизны в коммунизме», Ленин призывал сотрудничать с социал-демократическими партиями, используя для этого «буржуазно-демократические институты». В его планы входило уничтожение рынка и установление тоталитарных порядков за пределами России. Но для Сталина и его

[110] Цит. по: Дьяков Ю. Л. и Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР... С. 347.

приспешников даже такое сотрудничество было неприемлемым.

Известно, что после отстранения Ленина от дел в политбюро появилась «семерка», исподволь, в кулуарах обвинявшая Троцкого в меньшевизме. Это послужило одной из главных причин возникновения столь ранних призывов к непримиримой войне с социал-демократией вообще и с его левым крылом в особенности. Закоперщиками были Сталин и Зиновьев. Ленин еще не умер, когда Зиновьев в начале января причислил социал-демократию к фашистскому крылу, а Сталин выдвинул формулу «не коалиция с социал-демократами, а смертельный с ней бой». С тех пор обе формулировки стали постоянно гулять по страницам большевистской печати.

В 1926 г. после смещения Зиновьева с поста председателя Коминтерна, они были подхвачены Бухариным, разрабатывавшим по предложению Сталина Программу Коммунистического Интернационала. Предлагая на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) утвердить свой проект, Бухарин заявил: «Коминтерн совершенно открыто дал понять, что он поведет самую решительную борьбу против всякого социал-демократического правительства в Европе, что он приложит все усилия, дабы повести пролетарские массы на борьбу за свержение этих правительств».[111] Но это была лишь запевом спектакля, отрежессированного Сталиным.

В программе, принятой 1 сентября 1928 г. на 46-м заседании Конгресса, указывалось, что левые являются наиболее опасной фракцией социал-демократической партии. «Основная роль социал-демократии, – говорилось в программе, – заключается теперь в подрыве необходимого боевого единства пролетариата в его борьбе с империализмом. Раскалывая и разлагая единый фронт пролетарской борьбы с капиталом, социал-демократия является главной опорой империализма в рабочем классе. Второй Интернационал и его профессиональное отделение, Амстердамское объединение профсоюзов, стали, таким

[111] VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Международное положение и задачи Коминтерна. Выпуск 1. М.-Л., 1929. С. 17.

образом, резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом».

Окончательные точку над «и» расставили написанные Сталиным тезисы «О международном положении и очередных задачах Коммунистического Интернационала», принятые за основу на заседании его Президиума 25 июля 1929 г. для внесения на X пленум Исполкома Коминтерна. В тезисах указывалось, что завершился «переход социал-демократии к социал-фашизму». «Пленум ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) вменял в обязанность всем секциям Коммунистического Интернационала усилить борьбу против международной социал-демократии как социальной опоры капитализма».[112]

Не меньший интерес представляют и тезисы к отчету «Правая опасность в коммунистической партии Германии» 3-й подкомиссии по подготовке X пленума, (приложение к тезисам о коммунистической партии Германии для 3-й подкомиссии по 1-му пункту порядка дня X Пленума исполкома Коминтерна)». В тезисах указывалось: «Примиренцы не видят *глубины* разногласий между оппортунизмом и большевизмом, классовых корней разногласий. Примиренцы довоенного периода не видят, что борьба между большевизмом и меньшевизмом отражала борьбу между пролетариатом и буржуазией за руководство крестьянством. Нынешние примиренцы не видят того, что борьба между ленинизмом и оппортунизмом в рядах Коминтерна отражает борьбу между коммунизмом и реформизмом за руководство рабочим классом, т. е. по существу борьбу между коммунизмом и капитализмом».[113]

Наиболее злобные пассажи в адрес социал-демократии формулировались Д. Мануильским в докладе под названием «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала, к X Пленуму Исполкома Коминтерна». «Наша борьба за большинство рабочего класса, – заявил он, – будет сопровождаться *кровавыми боями* не только с буржуазией, но и социал-демократий».

[112] Проект тезисов... ГРАПИ. Ф. 16. Оп. 168. Л. 5.

[113] Тезисы... ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 16. Л. 39-40.

«Социал-демократия будет брать инициативу у буржуазии в подавлении рабочего класса. Она будет тем больше звереть, тем быстрее фашизироваться, чем сильнее будет падать ея (Мануильские не осмеливался менять сталинские церковно-славянские обороты) влияние на рабочие массы. Социальный состав ея будет изменен, она все больше будет опираться на те слои, которые вчера еще составляли армию фашизма». В заключение предлагалось «подорвать влияние социал-демократии. Для этого необходимо *переходить* в самое *бешеное наступление* против нея».[114]

Насколько Сталин был искусен в возвышении собственного авторитета, настолько же он был беспомощен в своих прогнозах грядущих событий. В этом отношении весьма типичен предполагаемый им расклад сил в предстоящей мировой войне, исходивший из неизбежности вооруженного конфликта между Великобританией и США. Контролируемая Сталиным пресса постоянно пестрела сообщениями о том, что приток американских капиталов в Англию равнозначен ее превращению в колонию Соединенных Штатов. В связи с чем «никакие переговоры и даже временные соглашения правительства Макдональда с Америкой не только не устранят неизбежности вооруженного *конфликта* между САСШ штатами и Англией, но они будут таким же этапом в его подготовке».[115]

Естественно, что при таком раскладе требовалось четко определиться, кто может быть союзником и врагом в надвигающейся войне. Что касается врагов, то ими по мысли Сталина, были прежде всего социал-демократы. После X пленума ИККИ клеймо социал-фашизм стало особенно широко пропагандироваться как в устных выступлениях, так и в советской печати. В частности, Д. Мануильский говорил: «Каковы признаки этого перерастания социал-демократии в социал-фашизм? Во-первых, социал-демократия все более и более становится самой агрессивной партией войны против СССР; во-вторых, повсюду социал-демократия старается взять у буржуазии инициативу в деле подавления рабочего

[114] См. Доклад Д. Мануильского.... ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 19. Л. 8, Л. 16, 23.

[115] Проект тезисов "О международном положении и очередных задачах Коммунистического Интернационала"... ГРАПИ. Ф. 16. Оп. 168. Д. 14.

движения, в деле самых бешеных репрессий против его авангарда – в лице компартии; в третьих, капитал, опираясь на социал-демократию, повсюду стремится отменить устаревшие институты буржуазной демократии, парламентаризм, систему политических партий... в четвертых, меняется социальный базис социал-демократии. Рабочие массы идут налево, «вожди» – направо; социал-демократия начинает наводняться теми элементами, которые еще вчера составляли армию фашизма».[116]

Но это еще не был предел жесткости формулировок. На XI пленуме ИККИ (март-апрель 1931 г.) «утверждалось, что фашизм органически вырастает из социал-демократии. Все попытки показать различие между ними были осуждены как оппортунизм».[117] Позднее Коминтерн приветствовал приход Гитлера к власти (30 января 1933 г.), считая, что он ускорит в Германии свершение большевистского переворота. «1 апреля президиум ИККИ принял очередное постановление по германскому вопросу... Выражалось убеждение, что «установление открытой фашистской диктатуры, развеивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускоряет темп развития Германии к пролетарской революции».[118] Под пролетарской революцией понималось возникновение в Германии коммунистического режима, призванного уничтожить рынок вместе с «устаревшими институтами буржуазной демократии, парламентаризмом, системой политических партий» и прочее.

Несомненным врагом социал-демократии были не только коммунисты, но и фашисты. Проклятия и тех и других в ее адрес периодически включали их совместные выступления. Начало таким выступлениям было положено задолго до прихода Гитлера к власти главным эмиссаром советского правительства в Германии Радеком, полагавшим, что немцы уже созрели для прихода к власти большевиков.

20 июня 1923 г. на заседании расширенного пленума ИККИ Радек призвал присутствующих сотрудничать с

[116] Мануильский Д. Итоги X пленума ИККИ. М.-Л. 1929. С. 29.

[117] Коминтерн против фашизма и войны. Документы. М., 1999. С. 23.

[118] Там же. С. 27.

фашистами. Его поддержала Клара Цеткин. Поводом послужил расстрел фашиста Лео Шлягетера французскими властями Рейнской области. «Против кого хотят бороться германские националисты, – спрашивал Радек, – против капитала Антанты или против русского народа? С кем хотят объединяться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или для порабощения немецкого и русского народов? Если патриотические (читай фашистские – Ю. И.) круги Германии не решаются сделать дело большевизма делом большинства народа и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в ничто».[119]

Следуя указаниям Коминтерна, главный орган германской компартии «Роте фане» предоставила свои страницы фашистам. На совместных собраниях немецких коммунистов и фашистов руководитель германской компартии Рут Фишер призывала к борьбе против еврейских капиталистов, а фашисты призывали коммунистов избавляться от еврейских лидеров (Рут Фишер была еврейкой), обещая им полную поддержку. «13 июля 1923 г. Радек был вынужден дать пояснение, сказав что в вопросе о сотрудничестве с нацистами не может быть и речи о сантиментах, что речь идет о трезвом политическом расчете. Вместе с тем, он заявил, что «люди, которые могут погибнуть за фашизм ему «гораздо симпатичнее людей, которые лишь борются за свои кресла»«.[120]

В Советском Союзе началась активная подготовка к оказанию помощи «пролетарской революции» в Германии. «В январе 1923 г., – пишет Л. Безыменский, – комиссии Фрунзе, Лебедев, Розенгольц было поручено «разработать условия, методы и способы военной обороны, если обоим государствам (России и Германии) будет навязана борьба за существование»«.[121] В Германию была тайно направлена комиссия, включавшая советского посла в Берлине Н. Крестинского для военно-политического руководства и

[119] Цит. по: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 192.

[120] Там же. С. 193.

[121] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 60.

материально-технического обеспечения. Ему была выделена громадная по тем временам сумма – 400 тыс. дол. С тех пор организованные Коминтерном внешнеполитические акции стали постоянно финансироваться через советские загранучреждения.

«20 октября 1923 г. военная комиссия ЦК разработала план мобилизации Красной Армии – на случай вооруженной помощи германскому пролетариату (до «2,5 млн. чел.) и создания для этой цели 20 новых дивизий».[122] На эти же цели «наркомат по военным и морским делам потребовал от ВСНХ максимально возможной подачи стрелкового и артиллерийского вооружения и боеприпасов. На восстановление военной промышленности в течение 1923/24 выделялись дотации в размере 30 млн. червонных рублей».[123] Датой вооруженного восстания было назначено 9 ноября 1923 г.

10 октября 1923 г. «Роте Фане» вышла на русском языке. Этот же текст в номере был переведен на немецкий язык. В тексте указывалось: «Грядущая революция является самым важным событием наших дней... Победа германского пролетариата, несомненно, переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин».[124] Пожелавшим успехов «Роте Фане» был Сталин. В предстоящих событиях он спешил утвердить свою руководящую роль. Но его надежды распались как карточный домик. Коммунистическая революция в Германии под кодовым названием «Немецкий Октябрь» потерпела сокрушительный крах. Одновременно (8-9 ноября 1923 г.) не менее сокрушительный крах потерпел «пивной путч» фашистов в Мюнхене. С тех пор подобно коммунистической России, день 8 ноября был возведен в Германии в ранг главного национального праздника, что было весьма символично, учитывая культ вождя и здесь и там.

Проходивший затем в июне-июле 1924 г. V конгресс Коминтерна вошел в историю как конгресс борьбы за большевизацию коминтерновских компартий под руководством российских большевиков. Попытки высказать

---

[122] Там же.

[123] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР... С.56.

[124] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 53.

сомнения в правильности этой установки были жестоко подавлены. В частности, привыкшие к свободомыслию и отстаиванию собственной точки зрения лидеры польской компартии Варский, Валецкий и Вера Костышева написали о своем несогласии письмо в политбюро ЦК РКП(б). В ответ Зиновьев, пообещав «переломать им кости», сместил их с должностей и посадил под домашний арест. Расправа с «тремя В» была лишь предвестником жестоких устранений сотрудников Коминтерна, неугодных сталинскому руководству.

Мы не располагаем сведениями о сотрудничестве коммунистов с фашистами в период упадка гитлеровского движения. Возможно, оно и было. Однако бесспорно одно: по указанию Коминтерна руководство компартии форсировало сотрудничество в те годы, когда Гитлер стремился стать главой правительства Германии. В 1929 году, то есть в начале экономического кризиса, число членов гитлеровской партии резко подскочило. Также стремительно увеличилось и число штурмовиков. Нацистские организации давали много привилегий, начиная от бесплатных еды и пива, «служебных командировок» и кончая безнаказанностью за совершенные преступления.

Первого мая 1929 г. красные фронтовики вместе со штурмовиками участвовали в неудачном путче в Берлине с целью свержения прусского правительства, возглавлявшегося социал-демократами. Социал-демократы действовали решительно. 32 путчиста были убиты и умерли от ран. 150 ранены. Остальные участники путча – коммунисты и фашисты – разбежались. Союзы красных фронтовиков и штурмовиков были запрещены.

В связи с этим социал-демократы публично заявили: «Коммунисты заставляют своих членов присягать Советской России и тешат их обещаниями будущих благ, в то время как они, социал-демократы, стоят за строительство германской республики, за германское отечество».[125] Обещаниями несбыточных благ тешили массы не только коммунисты, но и фашисты. В августе 1931 г. по настоянию ИККИ немецкая компартия приняла решение о поддержке референдума, затеянного фашистами с целью отстранения от власти

---

[125] Цит. по:V! Конгресс Коминтерна. Выпуск 1... С. 158.

прусского правительства, которое возглавлял лидер социал-демократической партии Германии О. Бауэр. Как известно, этот референдум, стал одним из ключевых этапов, обеспечивших приход Гитлера к власти.

Любопытная деталь: претендуя на роль истинного толкователя социальных процессов, сталинское политбюро так и не сказало ничего вразумительного по поводу социальной сущности фашизма. Его определение не раз подвергалось изменениям в свете решений Сталиным текущих утилитарных задач. Так, в решениях IV конгресса Коминтерна (декабрь 1922 г. – январь 1923 гг.) указывалось: в Италии «фашистские организации стали создаваться в 1914 г. В них входили интеллигенты, отчасти деклассированные рабочие (босяцкий пролетариат), отчасти мелкая буржуазия». В связи с этим утверждалось, что накануне первой мировой войны «во всех странах имелись организации подобные фашистам (в Германии – Оргеш, в Финляндии – шюцкоры, в Польше – спортивные кружки).

Разумеется, в этот период никаких фашистских организаций в недрах «прогнившей» социал-демократии не было. Они были феноменом послевоенной эпохи. Не имели никакого отношения к фашизму и такие организации, как шюцкоры в Финляндии или спортивные кружки в Польше. Они были призваны обучать население умению отстаивать национальную независимость от тоталитарной экспансии большевиков.

Что касается предлагавшихся в Западной Европе большевистских требований, то они бездумно копировали проводившуюся большевиками политику в годы военного коммунизма: «конфискацию земли и инвентаря и передачу их безземельному пролетариату и малоимущему крестьянству».[126] В Западной Европе с ее кооперацией индивидуальных товаропроизводителей эти требования могли вызывать только недоумение.

Позднее на расширенном пленуме исполкома Коминтерна (12-13 июня 1923 г.) подчеркивалось, что фашизм «в силу своего происхождения и характера его носителей

[126] Важнейшие решения 4-го Конгресса Коммунистического интернационала. (Материалы для докладов на партсобраниях в войсках ПВО в декабре и январе 1922-23 года. Пг., 1922. С. 13, 16, 21.

заключает в себе и революционные тенденции, могущие заостряться против капитализма и его государства».[127] Тем самым Коминтерн открывал зеленый свет совместным выступлениям коммунистов и фашистов.

На пятом конгрессе Коминтерна (17 июня- 8 июля 1925 г.), проходившим под руководством Зиновьева, основными директивами компартиям стали указания: «парламентаризм отживает свой век», Коминтерн превращается «в единую всемирную партию ленинизма». Поскольку конгресс проходил в обстановке краха попыток коммунистов осуществить вместе с фашистами революцию в Германии, в его резолюциях появилась формулировка, требовавшая «систематического разъяснения контрреволюционного и враждебного пролетариату характера фашизма».

Фашизм объявлялся «мелкобуржуазным движением». «Питательной средой для его корней, – указывалось в решениях, – являются, главным образом, те средние слои буржуазии, которые капиталистический кризис обрекает на гибель, а также элементы, деклассированные войной, как бывшие офицеры, и пр., отчасти даже некоторые элементы, горько разочарованные в своих надеждах на революцию и тот общественный порядок, для сохранения которого они предназначены... Фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала. В силу своих внутренних противоречий (столкновение интересов крупной и мелкой буржуазии с интересами пролетарских элементов) фашизм вслед за своей победой приходит к политическому банкротству, ведущему его к внутреннему распаду (Италия). К аналогичному кризису он приходит и там, где, не достигнув формальной победы, он принужден открыто поддерживать и защищать господство крупной буржуазии (Германия)».[128] Резолюции пятого конгресса Коминтерна заканчивались оптимистической нотой, обещавшей победы коммунистов в капиталистических

[127] Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Отчет. М., 1923. С. 298, 299.

[128] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Часть вторая. М.-Л., 1925. С. 47, 52.

странах и появление на их месте советских республик во главе с Советским Союзом.

К этому времени Зиновьев в глазах Сталина уже стал отщепенцем, осмелившимся блокироваться с Троцким. Чтобы запятнать отступника, составление новой программы Коминтерна было поручено Бухарину. Программу утверждал VI конгресс Коминтерна в 1928 году. В ней указывалась на «неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата. Главной задачей фашизма объявлялся разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава».

Здесь мы находим ряд идей, которые Коминтерн пропагандировал еще в бытность Зиновьева, в частности, указание на мелкобуржуазную природу фашистского движения. Но в программе было и новое. В ней ни слова не говорилось о грядущем переходе на сторону коммунистов деклассированных рабочих и мелкой буржуазии, выступающих в фашистских рядах. В программе утверждалось, что «фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки».

В докладе и заключительном слове Бухарин подчеркивал, что «в период V Всемирного конгресса фашизм переживал лишь *начальную стадию* своего развития. Теперь у нас имеется уже не только классическая форма фашизма, но и ряд *переходных стадий* к нему. Фашизм стремится прочно укорениться в качестве особой системы, особого с позволения сказать «мировоззрения», нового «культурного идеала». Отсюда вывод: «проблема проводимой тактики единого фронта становится несколько иначе, чем 4 года назад. В связи с новыми явлениями в рабочем движении Исполком Коммунистического Интернационала наметил и провел тактический поворот налево в отношении английской партии, французской партии и т. д». (речь идет о социал-демократических партиях – Ю. И.)..

Заключительный аккорд его выступления раскрывал суть того, для чего все это говорилось. «На VI конгрессе, – заявил Бухарин, – мы можем констатировать следующее: германская коммунистическая партия впервые за последние три года может с радостью сообщить об окончательном и полном поражении ультралевых троцкистских ренегатов. Частично они превратились в мелкобуржуазных обывателей, частично примкнули к социал-демократии. Нет надобности тратить на них слова».[129]

Следуя установкам Сталина, публично выступавшие от имени Коминтерна сплошь да рядом оказывались в положении камикадзе, во-первых, потому, что «великий вождь» не допускал того, чтобы, кто-то, кроме него, от своего имени мог публично оценивать текущие события, и, во-вторых, такие оценки позднее могли оказаться несостоятельными, подрывая тем самым его непогрешимый авторитет. Поэтому готовился заранее повод для политической дискредитации выступавшего. Таким камикадзе оказался Бухарин. На 21 заседании Х пленума ИККИ была принята резолюция, на основе которой он был выведен из состава исполкома Коминтерна. В резолюции говорилось: «Бухарин пришел к теории мирного врастания кулака в социализм, что на деле является теорией перерождения социалистического хозяйства, теорией реставрации капитализма в СССР».[130]

Сталин спал и видел возникновение за пределами СССР новых советских республик. На 2-ом заседании Х пленума ИККИ Д. Мануильский в качестве сталинского рупора говорил: «Борьба пролетариата в нынешнюю империалистическую эпоху труднее, чем она была до войны 1914-1918 гг. В таких странах фашизма, как Италия, Югославия начать боевую экономическую стачку равносильно тому, чтобы начать «последний решающий бой». Противоречия класса здесь доведены до небывалой в прошлом остроты, но они пока накапливаются, чтобы вылиться при развале системы капитализма, увлекающем в пропасть фашизм и социал-демократию, в такие бурные

---

[129] VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет... Выпуск третий. С. 32, 34, 77, 78, 342.

[130] См. ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 135. Л. 97.

формы, перед которыми побледнеет гражданская война в СССР».[131]

С началом мирового кризиса 1929 г. Сталин посчитал, что наконец-то наступил его час, когда «побледнеют ужасы гражданской войны в СССР». На XI пленуме ИККИ (март-апрель 1931 г.) был утвержден его тезис о «наступлении «третьего периода» – нового тура революции и войн, который потрясет мир «гораздо глубже и шире, чем подъем 1918-1919 гг., а по размаху будет продолжением Октября 1917 г., приведя к победе пролетариата в ряде капиталистических стран».[132] «Журнал «Коммунистический Интернационал», подводя итоги пленума писал: «Высказывался взгляд, что наш главный враг – это фашизм. Такой взгляд представляет большую опасность, ибо он льет воду на мельницу социал-демократии». Основная установка пленума звучала так: борьба против буржуазной диктатуры, выступающей как в форме фашизма, так и в форме буржуазной демократии».[133]

Развивая этот тезис после прихода Гитлера к власти, 1 апреля 1933 г. президиум ИККИ принял постановление по германскому вопросу. Выражалось убеждение, что «установление открытой фашистской диктатуры, развеивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускоряет темп развития Германии к пролетарской революции».[134] Согласно сталинскому прогнозу, приход Гитлера к власти должен был способствовать приходу к власти немецких коммунистов.

В отличие от предшествовавших коминтерновских определений фашизма сталинская формулировка была до предела упрощена. В его редакции напрочь исчезла социальная база фашизма. Последний определялся как «централизация государственного аппарата насилия, доведенная до чудовищных размеров, отвечающих степени централизации международного капитала и

---

[131] Стенограмма 2-го заседания X Пленума Исполкома Коминтерна. Доклад Мануильского... РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 79. Л. 13.

[132] Коминтерн против фшизма... С. 21.

[133] Цит. по: Коминтерн против фашизма ... С. 23.

[134] См. там же. С. 27.

монополистическому характеру капитализма».[135] Такая формулировка, во-первых, политически было выгодна. Она давала возможность по желанию объявлять фашистской любую страну, и, во- вторых, вести отсчет «вездесущего генезиса фашизма» с появления акционерных обществ, которые вошли в российскую коммунистическую лексику под названием монополий.

На деле только после окончания первой мировой войны в Западной Европе возникли фашистские группы и организации. Причем лишь в Италии и Германии они сумели захватить государственную власть. В Италии приход фашистов к власти произошел значительно раньше, чем в Германии. Гитлеровская Германия, за исключением некоторых национальных особенностей, почти все заимствовала у режима Муссолини. В частности, для Гитлера антисемитизм был альфой и омегой проводимой им политики. Довоенная Италия не знала антисемитизма. Как известно, одной из жен Муссолини была тайный агент Коминтерна еврейка Балобанова.

Сегодня о режиме Муссолини мы многое знаем из публикаций Л. Б. Белоусова «Итальянский рабочий класс в годы фашизма» и «Режим Муссолини и массы»[136] Свои выводы об особенностях итальянского фашизма мы основывали на фактах, почерпнутых из этих работ.

Не претендуя на абсолютную истину, ниже нами дается собственное определение фашизма. По нашему мнению, в Западной Европе фашизм был порожден деклассированием *городского населения* в годы первой мировой войны. В наибольшей мере он затронул страны, потерпевшие военное поражение, – Италию и Германию. С приходом к власти здесь возникала иерархия государственных должностей, назначаемых *сверху до низу* главой государства. Тоталитаризм в условиях рынка проявлялся косвенно в виде запрещений населению покидать место работы.

---

[135] Мануильский Д. Коммунистический Интернационал в борьбе за большинство рабочего класса. М.-Л., 1929. С. 28.

[136] Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996 Режим Муссолини и массы. М., 2000.

Если сравнить фашистский режим со сталинским, то окажется, что тот и другой тоталитарны. Различие между ними заключалось лишь в том, что социальной опорой сталинского режима были деклассированные слои не *города*, а *деревни*. Уничтожив рынок, они породили тоталитаризм в виде прямого принуждения к труду, не оставлявшего места для экономического стимулирования.

Политической основой фашистского и сталинского режима был культ борьбы с врагами. Сталинисты воплощали культ, уничтожая, прежде всего, *внутренних врагов*, фашисты – *врагов внешних*. И те, и другие заявляли о своем «пролетарском первородстве» и о кознях врагов, находившихся извне.[137] Оба режима были машиной уничтожения людей в таких гигантских масштабах, которых до этого человечество не знало.

Масштабы уничтожения внутренних врагов в Италии и Германии были неизмеримо меньше, чем в СССР, где, следуя предписаниям сталинского политбюро, «Комсомольская правда» заявляла, что «выкорчевывание и истребление всех врагов народа из всего прогрессивного человечества являются важнейшим принципом пролетарской морали и социалистического гуманизма».[138] В Советском Союзе число уничтоженного населения исчислялось миллионами. В Италии «за весь период существования Особого трибунала (аналога наших троек – Ю. И.) с 1927 г. по 1943 г. было осуждено к различным срокам тюремного заключения всего 4587 чел».[139] В Германии число репрессивных было значительно больше, но и здесь ему было далеко до сталинских рекордов. По данным, приведенным в книге М. И. Семиряги, с 1933 г. по 1941 г. в Германии было замучено и убито боле 200 тыс. антифашистов».[140] Важно и то, что, в отличие от Германии, в Италии *в местах заключения* в это время не было массовых кровавых пыток и издевательств над антифашистами.

[137] Там же. С. 96.

[138] Цит. по: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. СПБ., 1999. С. 148.

[139] Там же. С. 57.

[140] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 135.

Зато, когда дело касалось народов, становившихся жертвами фашистской агрессии, уничтожение людей принимало чудовищные масштабы. Как это делать, первым пример показал Муссолини во время войны против безоружной Эфиопии. В ночь на 3 октября 1935 г. итальянские фашисты внезапно напали на эту африканскую страну. «К середине февраля 1935 г., – пишет С. Кремлев, – в Африке было 350 тыс. итальянских солдат и 15 тыс. офицеров, не считая полутора сотен тысяч вспомогательных сил. Эта орава двигалась на 15 тысячах автомобилей, имела 80 тыс. вьючных животных, была вооружена полумиллионом винтовок, десятком тысяч пулеметов (по-видимому, речь идет об автоматах – Ю. И.), тремя сотнями танков, восемью сотнями орудий и полутысячей пулеметов. Почти 2 тысячи радиостанций заливали африканский эфир непривычными для него радиоволнами».[141]

Фашистские войска беспощадно уничтожали африканцев: их скорострельно поливали свинцом, грабили, насиловали, убивали. На мирные поселения с самолетов сбрасывали бесчисленные бомбы, начиненные ипритом. Число жертв составило порядка миллиона человек. В мае 1936 г. итальянские войска вступили в Аддис-Абебу. Муссолини объявил о включении Эфиопии в состав колонии «Итальянская Восточная Африка». Однако вооруженная борьба эфиопского народа продолжалась: господство захватчиков фактически ограничивалось лишь городами и территориями близ железных и шоссейных дорог.

Это было только началом. Фашистская Германия на оккупированных территориях в годы второй мировой войны согнала в «многочисленные лагеря смерти 18 млн. чел. из 30 стран Европы. 11 млн. не суждено было вернуться на свободу».[142] Свыше половины из них были евреи.

Как известно, фашистские партии подобно сталинской заявляли, что они партии рабочего класса. Причем там, где господствовали фашисты, рабочие и все население благодаря рынку жили намного лучше, чем рабочие и население Советского Союза.

[141] Кремлев С. Россия и Германия: путь к пакту... С. 131.

[142] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма... С.134.

Так, по инициативе Муссолини была значительно расширена сеть социального страхования рабочих, введены пособия по болезни, безработице и инвалидности, осуществлялось государственное регулирование заработной платы, установлен режим правового регулирования конфликтов. Как пишет Л. С. Белоусов, даже в годы кризиса 1929 г. заработная плата рабочих в промышленности и на транспорте росла, либо оставалась неизменной или сокращалась незначительно.[143] Позднее, в годы войны и там, где фашисты приходили к власти, и там, где велась героическая борьба против фашизма рыночные отношения в существенных чертах способствовали сохранению довоенного жизненного уровня. В то же время в Советском Союзе тоталитарный труд в условиях отсутствия рынка обрекал население на вымирание от голода и непосильной работы.

Ниже мы рассматриваем жизненный уровень советских людей под углом трех составляющих: жилье, питание и условия работы. Как уже отмечалось, в годы нэпа рабочие жили в общежитиях. В 1925/26 г. в них проживала четверть рабочего класса. Тогда они считались несчастными людьми, лишенными собственного угла. В 30-е годы положение изменилось. Форсируя приток деревенских жителей в города, сталинское руководство, не обременяло себя заботами о строительстве жилья. Теперь иметь место в переполненных общежитиях, стало считаться неслыханной удачей. Не попавшие в общежития спали в палатках, землянках либо прямо на снегу.

Любопытно, что в это же время правительство Муссолини делало все для того, чтобы пресечь наплыв выходцев из деревни, под лозунгами «битвы за хлеб» (не правда ли, знакомый нам лозунг!) и «интегральной мелиорации», под которой подразумевалось проведение общественных работ в сельской местности (также нам знакомо!). Декрет № 1022 от 5 июля 1932 г., – пишет Л. С. Белоусов, – создавал практически непреодолимые преграды для поселения мигрантов в городах, насчитывавших свыше 25 тыс. жителей и в городских центрах, «имеющих заметное промышленное значение». Для получения работы в такого

[143] Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс... С. 3-4.

рода центрах требовалось не только постоянное проживание в нем, но и обладание какой-либо специальностью, чего выходцы из деревень, естественно, не имели. Кроме того, новый закон не только запрещал переезд из провинции в провинцию, но и перемещение внутри самой провинции из коммуны в коммуну».[144]

В то время как итальянские рабочие проживали в *отдельных квартирах либо, в крайнем случае, в отдельных комнатах*, советские ютились в нечеловеческих условиях. В Ленинграде в отличие от многих городов не было палаток, землянок, спать на снегу было невозможно. В общежитиях здесь проживало почти треть рабочих города. «Рабочие общежития, – пишет Н. Б. Лебедина, – стали основной формой жилья в 30-х гг. Большинство общежитий того времени в Ленинграде были барачного типа, грязные, плохо оборудованные. Проживание в них сопровождалось массой неудобств: холодом, теснотой, антисанитарией. Большинству приезжих приходилось жить в лучшем случае в бараках при заводах и фабриках. Здесь чаще всего кроме двухъярусных нар, не было никакой мебели, отсутствовали столовые и прачечные, нередко на 50 чел. имелся всего 1 водопроводный кран». «Красная газета» 5 марта 1932 г. писала: «Из-за отсутствия топчанов и матрасов в общежитиях спят по двое на одной постели. Имеется много случаев, когда спят прямо на полу. Семейные и одиночки помещаются в общей комнате... на 35200 строителей имеется всего лишь 2600 одеял».

Александро-Невская лавра в то время использовалась под рабочее общежитие. «Обследование 1937 г. выявило, что люди живут по 80 чел. в одном помещении, которое не проветривается. Никакой мебели, кроме кроватей нет. Не лучше была обстановка и в общежитии мясокомбината. Там на 46 чел. имелось всего 33 койки, отсутствовало кухонное помещение, на всех был лишь один водопроводный кран. Общежитие фабрики «Возрождение» – в комнате 30 кв. м. поселены 20 чел. Им даны лишь 14 коек. В общежитии нет уборных, нет

[144] Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс... С. 12.

умывальников».[145] В такой обстановке ни о каких чистых постельных принадлежностей и одежде не могло быть и речи. Рабочие были вынуждены обходиться однними и теми же грязными обносками.

Еще хуже было положение рабочих в других городах. Из донесения инспекторов наркомздрава 20 марта 1930 г.: «Некоторые пункты расселения в городах непригодны для жилья («Биржевая ветка» в Архангельске – складское помещение с просвечивающимися стенами в одну доску – тесовину, абсолютно без окон, холодное). На периферии бараки совершенно не приспособлены для житья с семьями и малыми детьми – с земли снег не убран, первые нары на земле (снегу), крыша просвечивается (положены не вплотную жерди, сверху еловые ветви и засыпаны мерзлой осыпающейся землей). Крыша начинается от земли. Отопление недостаточное: две железные печи – времянки на барак при кубатуре в 720 куб. м., «или маленькие кирпичные печи, которые, по словам прораба, нагревают при топке трубами. Полов нет, при таянии снега и земли неизбежно будет большая грязь». В бараках колоссальная скученность: на место 1,5 м. шириной, 1,25 м. высотой и 2 м. длиной размещаются 4-5 чел. Во многих бараках устроено до 5 ярусов. На периферии – обычно 3, редко 4 яруса. Дезинфекция одежды нигде не производится, ввиду этого «вшивость колоссальная» и т. д. В таких условиях жили в Архангельске 24 тыс. ссыльных, в Вологде – 20 тыс.».

Помимо заранее подготовленных для проживания рабочих общежитий был еще «самострой». «В каждом бараке размещалось примерно 200 чел. на трех, иногда пятиярусных нарах. Строительство бараков обходилось в 7 рублей на человека – меньше, чем был дневной заработок неквалифицированного рабочего. Одна кухня планировалась на 6 бараков, баня – на 10 бараков. Но фактически и этого не было.[146]

Намного хуже были жилищные условия спецпоселенцев. Согласно заявлению комиссии Андреева,

[145] Лебедина Н. Б. Повседневная жизнь советского города... С. 43, 44, 34, 172, 174.

[146] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание... С. 211, 215.

«на большинстве приисков кулаки размещены в землянках с двойными нарами, в полуразрушенных, без окон, дверей, пола и потолка халупах, палатках и в лучшем случае, в общих бараках. Люди живут чрезвычайно скученно, в невероятных антисанитарных условиях. Помещений под культурно-просветительные и санитарные нужды (школы, бани, складочные помещения) нет. Организация питания безобразна, варка пищи на кострах, хлебопечение предоставлено собственному попечению вселенных».[147]

Жизнь спецпоселенцев проходила под неусыпным надзором комендантов. Пользуясь безнаказанностью, коменданты по собственному усмотрению творили свой суд и расправу, нещадно обирали поднадзорных. Закон им давал неограниченные права. В их ведение входило поступление и распределение промышленных и продовольственных товаров, организация и оплата труда, определение норм выработок, расценок и удержаний, соблюдение порядка в поселках и на работе.[148]

Многих спецпереселенцев заставляли работать строителями на новостройках, где по окончании строительства их оставляли трудиться. На новостройках рабочие ночевали в перенаселенных бараках так называемого облегченного типа – дощатых, земляных, саманных. В 1932 г. в Новокузнецке на одного человека приходилось всего 1,27 кв. м. «В бараках были заняты под жилье все подсобные помещения, – пишет В. И. Исаев, - сушильные, умывальные комнаты и т. п. Семейные жили вместе с одинокими. Спали на топчанах, часто не было даже матрацев, не говоря уже о постельном белье. Не хватало столов, табуреток. В бараках разводились насекомые».[149] «Бараков не хватало, писал И. Эренбург о жизни строителей Кузнецкого комбината. – Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плодились в темноте. Они

[147] История сталинского гулага... Т. 5. Спецпоселенцы в СССР. Кулацкая ссылка – основа создания спецпоселений. С. 36.

[148] Там же. С. 39.

[149] Исаев В. И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937. Новосибирск, 1988. С. 44.

развешивали вокруг коек трухлявое, зловонное тряпье, пытались оградить свои ноги от чужих глаз».[150]

На новостройках никто не беспокоился о том, как живут рабочие. «Мы просмотрели, – пишет З. Мордухович, – материалы, протоколы, заключения инспекции труда по проектам новых заводов. Типичные заключения по вопросам жилищного строительства были таковы: «Принять к сведению заявления администрации, что жилищами рабочие будут обеспечены», «принять к сведению, что рабочая сила будет набираться из окружающих деревень, так что вопрос об обеспечении ее жилищами отпадает».[151] Это были фактически формальные отписки, позволявшие руководителям обрекать рабочих на жизнь в невероятной тесноте и грязи, оставляя им только плотские наслаждения и пьянство, благо водка продавалась на каждом шагу.

В наиболее худшие условия были поставлены миллионные массы рабочих Гулага. В пятидесятиградусные морозы их лишали элементарного жилья, ускоряя тем самым их массовое убийство. В качестве примера приводим отрывок из писем заключенного А. Ф. Лосева жене В. М. Лосевой. «Ты пишешь, что в Бутырках ты была с 40 человеками в одной камере в течение нескольких месяцев. А я, родная, до сих пор нахожусь в таком положении, что многие с сожалением вспоминают Бутырки, так как набиты мы (в мокрых и холодных палатках) настолько, что, если ночью поворачивается с боку на бок кто-нибудь, то с ним должны поворачиваться еще человек 4-5».[152]

А вот, что пишет со знанием дела А. Солженицын в своей книге «Архипелаг Гулаг»: «Даже в бараках медвежьегорского лагпункта при управлении Белбалтлага спали на вагонках (уже изобретенных) не по четыре, а по восемь человек: на каждом щите двое валетом. Вместо монастырских каменных зданий (речь идет о Соловках – Ю.

---

[150] Эренбург И. Собр. соч. М., 1964. Т. 3. С. 153.

[151] Мордухович З. На борьбу с текучестью рабочей силы. М., 1931. С. 75.

[152] Гулаг в Карелии... С. 37.

И.) продуваемые временные бараки, а то палатки, а то и просто в снегу».[153]

Каким же надо обладать цинизмом, чтобы писать: «Без специальных поселений, т. е. принудительного расселения вместе с семьями, и принудительного труда не было возможно столь быстрое освоение пустынных пространств Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии».[154] Под видом критики сталинизма здесь протаскивается известная идея о целесообразности зверского принуждения к труду многострадального населения страны.

Сегодня эту идею отстаивают все поклонники Сталина, наводняющие книжный рынок красочно оформленными изданиями. Откуда только берутся громадные деньги на их публикацию!? Утешает одно: кроме живущих мечтами о прошлом пенсионеров они никого больше не интересуют. Тем, кто помоложе, ознакомление с их содержанием доставляет такое же сомнительное удовольствие, как регулярная «проработка» в прошлом евангелия сталинизма: «Краткого курса..». с его приснопамятной четвертой главой.

Переход к тоталитарному насилию сопровождался резким ухудшением питания рабочих. 1929 г. страна встречала огромными очередями за хлебом, разгромом хлебных будок, драками и давками в очередях. По сводкам ОГПУ, «хлеб получали с боя». Вновь возродилась уже забытая карточная система. 6 декабря 1928 г. политбюро разрешило советам крупных промышленных центров ввести карточки на хлеб. 14 февраля 1929 г. карточная система на хлеб была объявлена всесоюзной. Карточки вводились с 1-го марта 1929 г. В городах заборные книжки на хлеб выдавались только тем, кто имел работу. Остальные обрекались на голодную смерть.

С краткими перерывами карточная система просуществовала вплоть до 1941 г. Как обоснованно пишет Е. А. Осокина, «карточки, официально признанные руководством страны или распространявшиеся вопреки его желанию

---

[153] Цит. по: Там же. С. 38.

[154] История сталинского гулага... Т 5. С. 92.

решениями местной власти и «творчеством масс», сопровождали все предвоенные пятилетки». [155] Их появление объяснялось «опережающим ростом благосостояния населения по сравнению с темпами развития промышленного производства и сельского хозяйства».

По заявлению Сталина, реальная заработная плата неуклонно повышалась из года в год. Согласно его оценке 27 июня 1930 г., «реальная заработная плата рабочих, считая социальное страхование и отчисления от прибылей в фонд улучшения быта рабочих, выросла в отношении довоенного уровня до 167%». [156], т. е. более чем в полтора раза. Но это не был верхний предел измышлений. В ЦСУ не сидели без дела. По его данным, к концу 1930-х гг. реальный доход одного городского рабочего по сравнению с 1913 г. вырос в 2,7 раза. [157]

В 1929 г. в связи с резким ухудшением питания рабочих Сталин на короткий срок сам возглавил комиссию по рабочему снабжению. Чтобы заручиться поддержкой своих сторонников, он решением политбюро 1929/30 года пригласил на совещание 4700 чел. Следующим решением политбюро 1930/31 года было приглашено свыше 10 тыс. чел. Каждое его замечание сопровождалось непрекращающимися рукоплесканиями.

Следуя пожеланиям совещаний, ОГПУ «раскрыло» в 1930 г. контрреволюционную организацию «вредителей снабжения», которая ставила цель «создать в стране голод и вызвать недовольство среди широких рабочих масс и этим содействовать свержению диктатуры пролетариата». Во главе организации оказались профессор Рязанцев и Е. С. Каратыгин, в прошлом чиновник министерства финансов и главный редактор «Торгово- промышленной газеты». [158]

---

[155] Осокина Е. А. Союз плана и рынка в социалистической торговле.//Социальная история. Ежегодник 1998/99. М. 1999. С.343.

[156] Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XXVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. Т. 12 С. 297, 296.

[157] История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984. С. 345.

[158] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 84.

Год «великого перелома» действительно стал переломным в деле сокращения потребления продовольствия. В 1928/29 г. на Яхромской фабрике Дмитровского уезда Подмосковья рабочим отписывалось в кооперативах на едока по 300 гр. ржаного и по 200 гр. белого хлеба в день. В Чувашии рабочие получали по 8 кг. хлеба в месяц, т. е. порядка 270 гр., членам семей – по 3 кг., т. е. 100 г. в день. В Ярославле рабочим и служащим и детям – по 600 г.

Рабочие голодали. В августе 1930 г. они писали Рыкову: «Просим вас от имени 50 тыс. рабочих Ижевского завода, спасите нас от голода. Столовые закрываются, дают воду с овсяной крупой и немного хлеба. В магазинах дают по полфунта черного хлеба или муки на человека, больше уже ничего не дают вот уже месяц. Мы пухнем от голода, работать нет сил... Рабочие бегут с производства, продают все с себя, лишь бы прокормить детей». [159]

В апреле 1932 г. в ряде текстильных районов Ивановской области «возмущенные снижением и без того скудных пайков (в Вичуге, например, некоторым рабочим в течение нескольких месяцев не выдавали положенную муку, а дети вместо 100 гр. хлеба в день получали 60 гр. (меньше, чем в блокадном Ленинграде – Ю. И.) текстильщики забастовали и вышли на улицы. Выступления подавили силой, арестовав на предприятиях многих зачинщиков и «очистив» города области от «вражеских элементов»«. [160]

Как пишет Е. А. Осокина, «Все рабочие, включая и индустриальный авангард, влачили полуголодное существование. Никто, даже семьи столичных индустриальных рабочих, практически не получали из государственных фондов жиров, молочных продуктов, яиц, фруктов, чая. Снабжение мясом можно считать чисто символическим – член рабочей семьи в Московской и Ивановской области ел в среднем не более 10 гр. По данным бюджетов, паек индустриального рабочего Москвы, один из лучших в стране, обеспечивал на члена семьи полкило хлеба,

---

[159] Цит. по: Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928-1935 гг. М., 1993. С. 42.

[160] Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 11.

30 гр. крупы, 350 гр. картофеля и овощей, 30-40 гр. мяса и рыбы, 40 гр. сладостей и сахара в день, стакан молока в неделю».[161] При сравнении приведенных Е. А. Осокиной данных с показателями потребления московского рабочего в 1926 г. [162] окажется, что, если тогда он мог потреблять мяса и рыбы 146,6 гр. в день, то теперь и тех и других всего 30-40 гр. или приблизительно в 4-5 раз меньше, крупы соответственно вдвое меньше, на 50 гр. меньше картофеля, сахара и сладостей меньше в 4 раза.

Важно и то, что при сократившейся зарплате рабочий не мог практически ничего покупать на стороне. В 1930 г. нормы выработки продукции были повышены, расценки понижены. Зарплата уменьшилась в 1,5-2 раза, о чем не только писать, но и говорить запрещалось. В том же году «началось принудительное размещение государственных займов индустриализации, причем с рабочих и служащих удерживалось ежегодно более месячного заработка».[163] «Под лозунгом энтузиазма масс, – пишет И. Шитц, – идет самое беззастенчивое принудительное распределение третьего займа индустриализации: везде производится отчисление месячного заработка. В течение года у многих вычитаются 2,5 месячных зарплаты (один месяц второй заем, полмесяца заем Моссовета, один месяц – третий заем)[164] Разговоры о падении заработной платы, по указанию Молотова, приравнивались к кадетско-меньшевистским выпадам с соответствующими наказаниями. Но это было только начало. В 1940 г. одни только суды приговорили 1,8 млн. рабочих и служащих к 6 месяцам исправительных работ без отрыва от производства с удержанием четверти заработка.

По данным бюджетов, средний доход члена семьи индустриального рабочего с учетом всех денежных поступлений за месяц в 1932-33 годах составлял 55-56 руб. В

---

[161] Осокина Е. А. За фасадом сталинского "изобилия"... С. 124.

[162] См. Иванов Ю. М. К истории фабрично-заводских рабочих России... Глава 3-я. В большевистских тупиках нэпа. С. 50-51.

[163] Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидание и реальность.//Отечественная история. 1998. № 1. С. 103.

[164] Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 г. – август 1931 г.) Paris, 1991, С. 132-133.

это же время килограмм ржаного хлеба по карточкам стоил 14-27 коп., ржаного – 36-60 коп., тогда как на рынках цена ржаного в начале 1932 г составляла 2 руб., в 1933 г. – 5 руб., пшеничного – соответственно 2,5 руб. и 8 руб. Килограмм мяса на рынке стоил – 5-12 руб.

Кроме хлебной пайки рабочий практически ничего не мог приобрести, так как его заработок постоянно уменьшался из-за периодических пересмотров возраставших норм выработки. Общий индекс цен в стране к концу 1937 г. по сравнению с 1928 г. вырос в 5,3 раза. К концу 1940 г. он увеличился соответственно в 6,3 раза. Из употребления исчезло слово продавец. Его стали называть «резчиком», так как его главной обязанностью стало резать хлебные пайки. По-видимому, с «воли» это слово перекочевало в гулаг.

Еще более удручающим выглядит сравнение питания московского рабочего с тем, что он потреблял в дореволюционной России. Согласно оценке Шейлы Фицпатрик, его потребление в 1933 г. составляло «лишь пятую часть от нормы потребления на рубеже столетия».[165]

В течение всего предвоенного десятилетия в стране периодически наступал голод, когда хлебная пайка становилась недосягаемой мечтой, как это сегодня мы наблюдаем в КНДР. Вслед за страшным 1933 г. наступил 1937 г., когда в «пищу пошли суррогаты: в муку добавляли головки от льносемян, жмых, дуранду, толченую лебеду, желуди, траву. Ели кошек, собак, трупы павших больных животных. Люди нищенствовали, пухли от голода, умирали». Как говорили рабочие: «Мы сидим без хлеба голодные, а управители наши сыты. Этих управителей теперь развелось, как вшей на загашнике – все они сидят на наших шеях и пьют рабочую кровь».[166]

В декабре 1939 г. вновь наступил голод. В магазинах исчезли хлеб и мука, одновременно взлетели цены на рынках. Началась закрытая торговля продуктами на предприятиях, как уже было в годы «большого скачка». От закрытой торговли жирела прежде всего многочисленная армия «управителей».

---

[165] Шейла Ф. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 16.

[166] Осокина Е. А. Иерархия потребления... С. 204.

В Сызрани, например, «закрытая торговля. обслуживая только пятую часть населения, получала почти 90% товаров. В Молотовской области (ныне Пермской) в открытую торговлю, которая обслуживала 65% населения поступало всего лишь 2-3% товаров, остальное шло в закрытые распределители».[167] Распределители предназначались в первую очередь для обслуживания партийных и советских руководителей.

Хуже обстояло дело с питанием спецпереселенцев. Их как скот доставляли к месту назначения в пароходных трюмах либо в железнодорожных вагонах. В вагонах перевозили по 40-50 чел. – мужчин, женщин и детей. Спертый воздух, зловоние стоявших здесь же параш, на 10 человек в сутки – буханка хлеба и полведра чая или жидкой похлебки и то не каждый день. Иногда вместо чая или похлебки – вода. В местах поселения они были обречены на скорую голодную смерть. Например, на Урале в 1932 г. ежедневный паек одного спецпоселенца составлял 200 гр. муки, 100 гр. капусты, 195 гр. картофеля. Отпускные цены для него на 15% превышали кооперативные.

Письмо спецпереселенцев участка № 8 особого назначения Сталинского округа Котельникового района красноречиво рисует типичную картину их страшной жизни в местах ссылки. «Уже 5 месяцев, – пишут они, как выселены и стали не похожи на людей; питаемся травой, а хлеба нам не выдают, а заработать нам негде. Мы отрезаны от всего мира, пухлые от голода, а дети совсем при таком питании не могут жить и умирают... В настоящее время мы как скелеты. На нас пахали в апреле месяце, когда мы были еще в силе, а в настоящий момент мы уже еле ходим, а в апреле мы еще старались, пахали, тащили 24 человека плуг».[168] В общем, перед нами типичная картина жизни в годы «большого скачка». Так назывался этот период в документах советской России. Как мы знаем, «большие скачки» были и в других отсталых странах. Счастье людям они не приносили.

Хуже всех питались узники концентрационных лагерей, где официально дневная норма заключенного мало

[167] Осокина Е. А. За фасадом сталинского "изобилия"... С. 213.

[168] Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 1. С. 196.

отличалась от нормы московского рабочего: 473 гр. хлеба, 30,1 гр. крупы, 7,3 гр. сахара и 75,4 гр. рыбы. Но эти нормы не доходили до политических заключенных, во-первых, из-за того, что ОГПУ выделяло концлагерям продовольствия меньше положенного и, во-вторых, оно разворовывалось охраной и уголовниками. Фактически политические заключенные, которыми числились и раскулаченные крестьяне, получали такую же пайку, что и штрафники.

Штрафниками же становились те, кто по тем или иным причинам не выполнял непосильные нормы или отказывался работать. Для них существовали холодные карцеры с сокращенной нормой питания (утром жидкая баланда с одинокими плавающими зернышками крупы, вечером 250 гр. хлеба), обрекавшие на голодную смерть. Если же заключенный несколько раз отказывался от работы, его судили, приговаривая к наказаниям вплоть до смертной казни.

Как мы уже отмечали, наш год «великого перелома» был годом перехода к прямому тоталитарному насилию, практиковавшемуся гитлеровцами преимущественно по отношению к евреям. Спецпоселения и концлагеря были *прообразами* гитлеровских фабрик смерти, предназначенных для истребления еврейского населения. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть дневник школьницы Маши Рольникайте, чудом выжившей в вильнюсском гетто.[169]

В свою очередь наши спецпоселения и концлагеря были *прообразом* отношения администрации к населению бельгийского Конго. За короткий период здесь на рубеже XIX-XX веков, по оценке английского историка Э. Морела, было уничтожено порядка 10 млн. туземцев. [170]Порожденная Сталиным экономика основывалась на принципе, сформулированным генерал-губернатором Конго П. Риксманом: «Чего ради путем применения дорогостоящего оборудования удесятерять производительность труда одного рабочего, когда проще нанять на работу десять новых,

[169] Рольникайте М. Я должна рассказать. М., 1965.

[170] Morel E. D. Black Man's Burden. Manchester – London. 1926. C. 129.

которые произведут столько же и будут стоить дешевле, чем машина».[171] При ускоренной их сменяемости, добавим мы.

О том, как достигался рикмановский эффект в сталинской России, свидетельствуют материалы обследования предприятий хлопчатобумажной промышленности 1927 года.[172] Хотя обследование проводилось еще до года великого перелома, ее оборудование мало менялось в последующие годы.

На XVI съезде Сталин, торжественно объявил, что началось овладение производством 35 новых текстильных машин. В стране происходит техническая революция, – заверил он, – «по сравнению с которой бледнеет не только первый промышленный переворот XVIII в. (с его паровым двигателем), но и второй технический переворот конца XIX в. с его двигателем внутреннего сгорания и электричеством)». В действительности никакого технического переворота не произошло.

В то время как в условиях рынка широко использовались автоматические ткацкие станки, в России применялись такие механизмы, которые требовали выполнения множества ручных операций. «Работа прядильщика, – пишет проводившая обследование санитарный врач Н. Ю. Васильева, – и присучальщика происходит при постоянной ходьбе, при напряжении внимания в помещениях с высокой температурой и влажностью в полуголом состоянии и с босыми ногами, так как в обуви скользко ходить по промасленному полу... Присучивание оборвавшихся нитей требует быстрой ходьбы и большой ловкости и быстроты движения рук и пальцев и большого напряжения внимания... Вместе с присучиванием производится также очистка валиков от накрутившихся на них

[171] Цит. по: Иванов Ю. М. Наукоемкие технологии в России (история и современность).//Науковедение. № 1. М., 2004. С. 122.

[172] Труд и здоровье рабочих и крестьян. Орехово-Зуевские текстильщики. М., 1930. Проблема труда и здоровья российских рабочих в 30-е годы, к сожалению, до сих пор не стала темой специальных исследований, хотя в архивах минздрава и ВЦСПС, наверняка, хранятся материалы не одного обследования.

колечек, что также делается во время движения машины...».[173]

На всех производственных участках широко использовался ручной труд, в том числе и по доставке тяжелых грузов в цеха, в частности, при доставке кулей с хлопком весом до 100 кг. Их тянули на расстояние 50 м. четверо рабочих при помощи веревок, снабженных крючками. За день перетаскивали до 1,6 тонны.[174]

Работать приходилось в запыленных хлопком грязных цехах заставленных работающими машинами, когда, например, чесальные машины с не огражденными работающими механизмами были расположены в 3 ряда на расстоянии от 35 до 60 см. Питались здесь же у машин. Один кран для умывания приходился на 25 чел. Во время обеда метлами удалялись с пола отходы хлопка, насыщая воздух большим количеством пыли.

Обследования показывали, что многочисленные факты слабого физического состояния текстильных рабочих и высокий уровень заболеваемости обусловлены отвратительными условиями труда не только текущего, но и прошлых поколений, что сказалось на генетическом уровне. Текстильщики, как, впрочем, и остальные отряды фабрично-заводских рабочих, были обречены на быстрое вымирание, сопровождавшееся ускоренной сменой одного поколения другим.

«Нормальная функция женских половых органов, – пишет доктор Н. А. Альбов, – у работниц ткацкого производства отмечена нами только в 10%... Ткачихи и работницы, которые ежедневно по 8 часов в день (с перерывом) должны стоять у своего станка, отмечают ощущение жара, покалывание в промежности и в ногах. Очевидно, последнее надо объяснить усиленным приливом крови к половым частям и постоянным раздражением церебральной системы вследствие шума. Многие работницы также отмечают во время работы учащение мочеиспускания,

[173] Там же. С. 18.

[174] Там же. С. 4.

и в особенности это резко замечают молодые ткачихи, имеющие небольшой стаж».[175]

Если на фабриках и заводах ограниченно использовалось хоть какое-то оборудование, то спецпереселенцам была уготовлена участь трудиться только ручным инструментом (топор, пила), который в считанном количестве выдавался на поселение. В год великого перелома 65,3% переселенцев работали на лесозаготовках, 21,2% – на промыслах, 13,5% – в сельском хозяйстве. Переселенцам не сообщалось ни расценок, ни норм выработки, их обсчитывали на каждом шагу. Иногда по несколько месяцев не платили деньги. В 1930-1931 гг. численность спецпереселенцев составляла примерно 1,8 млн. чел. В 1932 г. там находилось, по данным Ягоды, 1,4 млн. чел. (по другим – 1,3 млн.), остальные – погибли при переселении или непосредственно после него.

Хуже всего условия труда были гулаге, где единственным механизмом была самодельная деревянная тачка. Землю, дрова сплошь да рядом переносили в подолах рубах и бушлатов. Рабочий день продолжался 10-15 часов на лютом морозе. Делалось все, чтобы превратить человека в лагерную пыль, и чтоб его поскорее сменил новый узник.

В начале 30-х гг. основной контингент заключенных составляли крестьяне. Причем ими были не только «раскулаченные». В 1932 г. был опубликован закон о « 5-ти колосках», возрожденный позднее вновь после окончания второй мировой войны. По закону о «5-ти колосках», виновных в расхищении общественной собственности «парикмахеров» (термин судивших их юристов) присуждали к лишению свободы на срок до 10 лет либо к смертной казни. Только за неполных 5 месяцев по этому закону было осуждено около 55 тыс. голодных колхозников и их детей, из них свыше 2-х тыс. было приговорено к расстрелу.

После убийства Кирова число узников гулага резко возросло за счет горожан, обвиненных в «троцкизме», «измене родины», «вредительстве» и других злодеяниях. Стране было объявлено о новом витке «обострения

175 Там же. С. 41.

классовой борьбы», обрекавшей на ускоренную смерть старых и новых заключенных.

В начале 30-х годов крупные изменения произошли в социальной структуре рабочих фабрик и заводов. Согласно данным переписи 1929 г., окончательно завершился разрыв фабрично-заводских рабочих с деревней. В частности, обследование металлистов и текстильщиков показало, что у первых доля имевших землю в деревне составляла всего 12,4%, у вторых – 4,4%.[176] И те и другие стали городскими рабочими.

Насильственное изъятие хлеба в деревне породило массовое бегство сельского населения в города. В 1928 г. в городах осело 1633 тыс. выходцев из деревни, в 1930 г. – 2633 тыс., в 1931 г. 4,100 тыс., в 1932 г. – 2719 тыс., в 1933 г. (год введения паспортной системы) – 772 тыс., в 1934 г. – 2452 тыс.[177] Подавляющее большинство оседавших в городах составляла молодежь, до этого не работавшая по найму. Для 75-85% из них работа здесь была первой вне своих деревенских хозяйств.[178] Их обучение фабрично-заводскому труду происходило непосредственно на предприятиях.

До тех пор, пока уровень безработицы был высок, пока действовала система временного найма, обострявшая конкуренцию между рабочими, руководители предприятий были довольны. Однако в 30-е годы положение в корне изменилось: уровень безработицы снизился, потребность в рабочей силе возросла. В машиностроении и обработке металлов, например, на 1-е января 1929 г. трудились 503,3 тыс. рабочих, соответственно в 1930 г. – 640,4 тыс., в 1931 г. – 1152,6 тыс., в 1932 г. – 1485,3 тыс[179].

В связи с этим конкуренцию за рабочее место сменила конкуренция предприятий за рабочего, угрожавшая ростом заработной платы. Если раньше фабричная администрация считала менявшего место работы достойным

176 Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. (историко-социологическое исследование). М., 1970. С. 167.

177 Там же. С. 225.

178 Гольцман М. и Коган Л. Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934. С. 37.

179 Труд в СССР. Статистический справочник. М., 1936. С. 153.

уважения работником, то теперь он стал «летуном» и «рвачом». «Многие из рабочих, – писал с возмущением З. Мордухович, – склонны даже использовать наши затруднения, в особенности дефицит в рабочей силе в личных, корыстных целях для рвачества и для погони за «длинным рублем»... Эта прослойка, как показала практика, оказывает самое отрицательное влияние на производство, дезорганизует его».[180] Хозорганы требовали замены стихийной текучести кадров принудительным закреплением их за предприятиями.

Текучесть была велика. В 1929 г. она составила 115,2, в 1930 г. – 152,2, в 1931 г. – 136,8, в 1932 г. – 135,3. А это означает, что в условиях дефицита каждый рабочий увольнялся более раза в год. Среднее время его работы на одном месте в 1929 г. составляло 10,4 месяца, в 1930 г. – 7,9, в 1931 г. – 8,8, в 1932 г. – 8,9 месяца.[181] Важно и то, что теперь «летунами» стали и квалифицированные рабочие, которые из-за снижения жизненного уровня старались найти место, где лучше платили.

Текучесть кадров замедляла падение реальной зарплаты. Смена места работы давала возможность находить ниши, где платили больше, а главное – снабжение было лучше. В начале 1930-х гг. декреты и постановления ЦК ВКП(б) и совнаркома с целью предотвращения текучки следовали один за другим. 23 сентября 1930 г. был опубликован декрет, предусматривавший обязательную запись в расчетной книжке причины увольнения рабочего независимо от того, согласен ли он или нет. До этого записи делались только по желанию увольнявшегося. 20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) опубликовал решение, согласно которому квалифицированные рабочие и специалисты могли перейти из одной отрасли в другую только с согласия профсоюза. Одновременно ЦК потребовало пересмотреть правила внутреннего распорядка и шкалы штрафов, а также лишить рабочего при самовольном уходе права работать в течение 6 месяцев. Рабочие призывались «самозакрепляться» на

[180] Мордухович З. На борьбу с текучестью рабочей силы М.-Л., 1931. С. 46.

[181] Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. The Formation of Modern Soviet Production Relations 1928-1941. London, 1986. C. 59.

рабочих местах. 15 декабря 1930 г. появился указ, по которому контракты о работе должны заключаться на срок до 3-х лет.

Но решения оказались неэффективными. Руководители предприятий для того, чтобы выполнить план, всякими правдами и неправдами переманивали рабочих. «На предприятиях, – писал З. Мордухович, – сложилась такая практика, что рабочие, желающие уйти с предприятия и задерживаемые администрацией, сознательно прибегают к нарушению трудовой дисциплины, увольняются за это, и, таким образом, достигают своей цели обходным путем».[182]

В конце 1932 г. было принято постановление, предусматривавшее увольнение работника всего за один прогул. Но руководители предприятия из-за нужды в кадрах были не в состоянии его уволить. В связи с этим прогулы обсуждались на товарищеских дисциплинарных судах. Прогулявшие получали зарплату в «черных кассах». Над кроватями вывешивалась табличка «здесь спит такой-то прогульщик. Стены цехов украшали «доски позора», в которых менявших место работы называли «летунами», «дезертирами трудового фронта»[183].

Подобные решения «товарищеских» судов были попыткой перенесения в город большевистского опыта отнятия в деревне хлеба. Но то, что удавалось достичь в деревне, натравливая одни социальные группы на другие, на фабриках не проходило. Сплоченные общей работой рабочие сочувственно относились к тем, кого выставляли на «позор».

Проблема самовольного ухода была решена только с введением прописки. В ноябре 1932 г. был принят закон, по которому за один прогул рабочий увольнялся, лишался карточки и места жительства. Как «тунеядец», он подлежал выселению из города, чтобы пополнить число узников концентрационных лагерей. Закон вступил в силу зимой 1933 г. Прописка окончательно уничтожила последние следы вольного найма, закрепив рабочего за предприятием подобно станку. Прямое тоталитарное принуждение концлагерей и

[182] Мордухович З. На борьбу с текучестью рабочей силы. М., 1931. С. 39.

[183] Коровин Н. Р. Рабочий класс в 30-е годы. Иваново, 1994. С. 63.

спецпоселений она дополнила косвенным в виде прикрепления по месту работы.

При выполнении одних и тех же работ наиболее дешевым был женский труд. Вопреки большевистским декларациям о равноправии у женщин заработки были ниже, чем у мужчин. Широкое использование женского труда на работах, требовавших значительных физических усилий, было поставлено во главу угла большевистской политики. «Рост промышленности на базе реконструкции и социалистической рационализации... – указывалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1929 г., – дает возможность без ущерба для функций материнства расширять применение женского труда в производстве, в том числе в тяжелой индустрии».[184]

Чтобы доказать отсутствие «ущерба» при выполнении тяжелых физических работ, срочно пересматривались медицинские противопоказания. «В число «вредных работ», – писал журнал «Большевик», – вошел ряд профессий, специфическая вредность которых для женского организма не установлена. Эти профессии были включены список по традициям, перешедшим от старых гигиенистов – меньшевиков и меньшевиствующих».[185]

В русле этой кампании в ответ на запрос наркомата труда РСФСР Северо-Кавказский институт экономики, организации и оздоровления труда наркомата труда РСФСР, Макеевский институт техники безопасности горных работ, Уральский институт наркомата труда РСФСР и Московский институт имени Обуха «пришли к единодушному мнению, что в каменноугольной промышленности возможно значительное применение женского труда, в том числе и на ряде подземных работ без какого-либо вреда для женского организма».[186] Институт им. Обуха и Северо-Кавказский институт экономики заявляли, что «недостаточный свет и пыль не могут быть противопоказанием для женского труда. Северо-Кавказский

[184] Большевик. 1932. № 11-12. С. 110.

[185] Там же. С. 111.

[186] Серебринников Г. П. Женский труд в СССР. М.-Л., 1934. С. 204.

институт экономики отмечал, что «женщины на подземных работах болеют меньше, чем занятые на поверхности».[187]

Вредные работы выполнялись в основном женщинами от 17 до 23 лет. Их заболеваемость была очень высока. В 1930 г., по данным ВЦСПС, случаи временной утраты трудоспособности (без учета родов, карантина и ухода за больными) на 100 женщин составляли: в обработке металлов – 164,1, в резиновой промышленности – 166,1, швейной – 211,7, обувной – 204, спичечной – 214, в табачномахорочной – 233,5. Такая частая заболеваемость – сводила на нет способность деторождения в целях максимизации производства прибавочной стоимости.

В условиях тоталитарного принуждения рост производительности достигался за счет интенсификации операций и повышения норм выработки. Физическое напряжение возрастало, рабочий день уплотнялся. Для достижения этих целей использовалось социалистическое соревнование.

Хронический голод вынуждал ударников, работать сверхурочно и без выходных. За лишнюю пайку хлеба, мясные обеды и дефицитные промтовары они до предела ускоряли ручные операции, что нередко приводило к полному истощению организма, нервным срывам и т. д. Многие оказывались в больницах. Зато полученные ими достижения использовались для непомерного увеличения норм. Поскольку ручные операции не зависели друг от друга, их нормы нельзя было унифицировать. Число нормативов было непомерно велико. Достаточно сказать, что на считавшимся образцовым ламповом заводе в Москве по плану 1932 г. подлежало пересмотру 83534 нормы, что составляло 92% норм, существовавших на 1 декабря 1931 г. (в марте 1931 г. их было почти вдвое меньше – 46116 норм).[188]

Естественной реакцией обреченных на непосильный труд рабочих была ненависть к ударникам. Они ломали их инструмент, мешали им работать. «Весь технический персонал, наиболее культурные и активные рабочие и работницы, – писала «Торгово-промышленная газета» –

[187] Там же. С. 206.

[188] Журавлев С. Мухин М. "Крепость социализма"... С. 106.

живут под страхом избиения».[189] Для борьбы с антиударническими настроениями верховный суд РСФСР издал специальные инструкции, определявшие судебные наказания «отсталым и классово враждебным элементам, обвиняемым в преследовании ударников, включавшем физическое насилие и убийство». «Классово враждебным элементы» действительно препятствовали поползновениям непомерно увеличивать нормы при моральной поддержке остальных рабочих.

Подобные методы повышения производительности труда в еще более жестоких формах применялись в концентрационных лагерях. Лозунг «труд делает свободных» цинично украшал ворота советских концлагерей. Позднее его переняли гитлеровцы.

Официальная доктрина, озвученная Кагановичем, утверждала, что «социалистическое соревнование закладывает основы отмирания принудительного труда».[190] В концентрационных лагерях создавались «ударные бригады». Когда работа была срочной, заключенных заставляли продлевать рабочий день до 15 часов. Журнал «Советская юстиция» по этому поводу писал: «Лишенные свободы несут, распространяют, развивают социалистическое соревнование и ударничество».[191]

С точки зрения сталиниста, прямое тоталитарное насилие воплощало высший порядок, которому обязаны были следовать находившиеся за пределами колючей проволоки. Эти настроения хорошо передал В. Гроссман в рассуждениях проштрафившегося чекиста Каценеленбогена. «Если смело, последовательно развивать систему лагерей, – говорил он, – освободив ее от тормозов и недостатков, это развитие приведет к стиранию граней. Лагерю предстоит слияние с запроволочной жизнью. В этом слиянии, в уничтожении противоположности между лагерем и запроволочной жизнью и есть зрелость, торжество великих принципов... Только в лагере принципу личной свободы в абсолютно чистой форме

[189] Хлевнюк О. В. Ударники первой пятилетки. М., 1989. С. 7.

[190] Цит. по: Davies R. The Soviet Economy in Turmoil 1929-1930. Cambridge, 1989.

[191] Советская юстиция. 1934. № 2. С. 20.

противопоставлен высший принцип – разум. Этот принцип приведет лагерь к той высоте, которая позволит ему самоупраздниться, слиться с жизнью деревни и города».[192]. В концлагерях и спецпоселениях «личной свободе» действительно противостоял «чистый разум» охранника, измывавшегося над жизнью заключенного.

Не подлежит сомнению, что из всех европейских государств население Советского Союза проживало в наихудших условиях. Этот факт тщательно скрывался в стране и за рубежом. По инициативе Сталина доказывалось, что в Советском Союзе живут лучше, чем в странах «капиталистического Западе». Так, в проекте первого пятилетнего плана указывалось: «... реальный уровень жизни московского рабочего в августе 1928 г. был на несколько процентов выше, чем у берлинских рабочих. Таким образом, уже теперь наш советский рабочий в Москве по своему уровню жизни выше Берлина и Парижа».[193] З. С. Болотин, следуя партийным директивам, писал: «В действительности даже в условиях существования карточной системы уровень потребления рабочими СССР продуктов питания был значительно выше довоенного, а по целому ряду продуктов выше существующих за границей норм питания».[194]

Подобного рода вымыслы под аплодисменты присутствующих раздавались и на партийных форумах. Так, выступая на XVIII съезде в марте 1939 г., Д. Мануильский от имени делегации ВКП(б) в ИККИ говорил: «В фашистской Италии за время фашистской диктатуры произошло снижение жизненного уровня масс почти на половину. Со времени абиссинской войны происходит резкое сокращение потребления по всем основным продуктам питания. В Германии принудительные отчисления от зарплаты, производимые фашистскими властями, достигают 25-30%. Законом установлен 10 часовой рабочий день, в особо же

[192] Гроссман В. Жизнь и судьба. Кишинев, 1989. С. 761.

[193] Пятилетний план народно-хозяйственного строительства в СССР. М., 1929. Т. 2. С. 15.

[194] Болотин З. С. Вопросы снабжения. М.-Л., 1935. С. 52.

важных отраслях промышленности, т. е. во всей военной индустрии и на фортификационных работах, – 14 часовой».[195]

Беспардонная ложь могла выдаваться за правду только потому, что, повторяя ее изо дня в день, компартия обладала монополией на все без исключения средства массовой информации. Такая же монополия существовала и в фашистской Германии. И здесь и там одинаково доказывалось, что советские и немецкие рабочие самые счастливые в мире. В СССР печатные издания публиковались партийными и советскими учреждениями. Радиоприемников у населения не было. Их заменяли громкоговорители, установленные там, где имелось электричество. Большая часть населения получала информацию в устной обработке пропагандистов и агитаторов.

Сказания о «лампочке Ильича», стремительно шагавшей по стране, были не более чем мифом, рожденным опять-таки сталинской пропагандой. В 1940 г. электричество имели 4% колхозов, 36% мтс и 28% совхозов.[196] На огромных просторах нищей страны для освещения в лучшем случае использовались керосиновые лампы. Основным же источником света, как и много столетий назад, оставалась лучина. Заметим, что Соединенным Штатам в условиях рынка и привлечения акционерного капитала потребовалось всего каких-то два года, чтобы накануне второй мировой войны электрифицировать практически все сельское хозяйство.

Громкоговорителей Европа никогда не знала. Она еще в первую мировую войну свободно пользовалась приемниками. В фашистской Италии приемники использовались только для коллективного прослушивания разрешенных новостей. В остальное время радиостанции глушились, несмотря на дефицит электроэнергии в стране. Фашистская Италия первой дала пример, как применять глушилки.

И сталинисты и фашисты беспощадно выхолащивали заложенные в каждом народе традиции уважения личности. С этой целью, например, наши библиотеки постоянно получали

[195] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 47.

[196] Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1... С. 491.

списки подлежавших уничтожению книг. Если эти книги обнаруживали в личных библиотеках арестованных, то их изымали для последующего уничтожения, а их владельцы получали увеличенные сроки заключения либо их приговаривали к смертной казни.

Также поступали фашистские диктаторы, предпочитая тайным спискам публичные сжигания книг на площадях. Зато обладание подданными СССР «Краткого курса Всесоюзной коммунистической партии», объявленного «энциклопедией основных знаний марксизма-ленинизма», как и «Майн кампф», объявленного «энциклопедией знаний нацизма» считалось непременным атрибутом преданности тоталитарному режиму.

Нескончаемая череда репрессий и издевательств оправдывалась сталинистами «усилением классовой борьбы», в фашистских странах – перевоспитанием противников режима. В проведении жесточайших пыток они буквально соревновались, заимствуя опыт друг у друга. «Жуткость момента, – пишет И.И. Шитц, – видна из ответа Енукидзе даме, хлопотавшей о возвращении мужа из Соловков: пусть лучше сидит там, а то случится, что арестованных не хватит для расстрела, он и попадет по компанию»[197]. Использование уголовников для контроля за жизнью заключенных также советское изобретение. «Высшим выражением крыленковской резинки – пишет В. Шаламов, – была самоохрана, когда заключенным давали в руки винтовки – приказывать, стеречь, бить своих вчерашних соседей по этапу и бараку».[198] Пальма первенства при этом, несомненно, принадлежала Сталину, который раньше, чем Гитлер, установил режим неограниченной власти. Гитлер охотно перенимал сталинский опыт. В 1934 г. в СССР Проше XVII съезд ВКП(б) – съезд победителей. В 1935 г. Гитлер провел свой съезд победителей, утвердивший расистские законы.

Крематорий в конце 20-гг. впервые появился в Одессе для захоронения людей умерших естественной смертью. Во время войны немецкие фашисты использовали крематории для уничтожения миллионов. Но еще до войны в

[197] Шитц И.И. Дневник «великого перелома»... С. 253.

[198] Шаламов В. Вишера...С. 44.

«Сухановке» появился свой крематорий для уничтожения приговоренных к смерти политических заключенных. Сталинским палачам не нужно было сжигать бесчисленные трупы. В отличие от плотно населенной Европы советские концлагеря находились в местностях, изолированных от посещений населения. Поэтому здесь трупы можно было закапывать в братские могилы, в которых убитые сплошь да рядом становились частью вечной мерзлоты. Сталину многое приходилось скрывать, о чем его просили и руководители коминтерновских партий. В частности, «Жан-Поль Сартр настаивал на том, что отчеты о советских трудовых лагерях следует держать в тайне, даже, если они правдивы, потому что рабочий класс Франции может поддаться антисоветским настроениям,»[199]

«Танго смерти», так понравившееся Гиммлеру в Освенциме, имело своего предшественника в Колымских лагерях. Здесь во время оглашения списков приговоренных к расстрелу заключенные-музыканты из «бытовиков» при свете факелов играли туш перед чтением и после чтения каждого приказа о расстреле очередной партии «врагов народа». «Музыканты, – пишет В. Шаламов обмораживали губы, прижатые к горловинам флейт, серебряных геликонов, корнет-листонов. Папиросная бумага покрывалась инеем, и какой-нибудь начальник, читающий приказ, стряхивал снежинки с листа рукавицей, чтобы разобрать очередную фамилию расстрелянного. Каждый список кончался одинаково: «Приговор приведен в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин».[200]

Душегубки тоже наше отечественное изобретение. Для массового убийства заключенных ее применял И. Д. Берг – начальник оперативной группы по приведению в исполнение решений «тройки» УНКВД МО. В страшный 1937 г. в Москве за день приговаривали к казни до 2-х тыс. чел. Палачи не успевали по заведенному распорядку немедленно исполнять приговоры. Чтобы его не нарушать, многих смертников приканчивали в душегубках. На Лубянке их тела выгружали пьяные чекисты, присваивая в награду вещи убитых. Позднее, в годы войны, оберштурмбаннфюрер СС Г.

[199] История сталинского гулага... С. 29.

[200] Шаламов В. Преодоление зла Избранное. М., 2003. С. 445.

Раудер сконструировал свои душегубки – «газон-вагоны», из которых тоже выгружались умерщвленные. Их вещи также присваивали палачи.

Александр Долгун – бывший узник «Сухановки» – насчитал здесь 52 вида пыток. В их числе подтравливание газом, горячие карцеры, «сухановская ласточка», когда длинное полотенце через рот со стороны спины привязывают к пяткам, и в таком мучительном положении оставляют суток на двое».[201] Перечислять все виды, подвиды и разновидности пыток, вплоть до посадки на морозе обреченного в бочку, наполненную водой, – неблагодарное занятие, в каждом концлагере были свои излюбленные истязания. Все они позднее широко практиковались немецкими фашистами.

Испытание ядов и бактериологического оружия на людях – тоже изобретение сталинских палачей. По свидетельству Фриновского, он имел указание Ежова испытывать яды на осужденных, приговоренных к высшей мере наказания.[202] Ему же была поставлена задача «выработать в лаборатории такие яды, которые были бы без привкуса, чтобы их можно было применять в вине, напитках и пище, не изменяя вкуса и цвета пищи и напитков».[203]

Гитлер много заимствовал из советских порядков. Об этом он без околичности сказал гаулейтеру Данцига Г. Раушенингу: «Я многому научился у марксизма. Я признаюсь в этом без обиняков. Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю. Я научился их методам. В этом заключается весь национал-социализм. Ведь эти новые средства политической борьбы идут, по сути, от марксистов. Мне надо было только взять и развить эти средства, и я имел по сути, что нам нужно».[204]

Фашистские палачи многое переняли у своих советских коллег. В частности, Р. Флейсер, которого сослуживцы называли «коричневым Вышинским», хвастал,

[201] Воля. Журнал узников тоталитарных систем. М., 1994. № 2-3. С. 101.

[202] Там же. С. 97.

[203] Там же. С. 99.

[204] Цит. по: Гинцберг Л. И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М., 2004. С.182.

что во время суда над участниками антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., применял те же методы, какие использовались в Москве на процессах 1937-1938 годов.

Если абстрагироваться от идеологических расхождений, то окажется, что механизм, обеспечивавший непогрешимость Сталина и Гитлера поразительно одинаков. И тот, и другой стояли на вершине власти. Слово каждого из них было законом для всех. Его реализация осуществлялась решениями узких совещаний, минуя законодательные и исполнительные органы власти. Партийные структуры выискивали врагов народа, составляли на каждого досье на предмет верности вождю, санкционировали карательные акции и т.д.

Обмен опытом был двусторонний. Принудительная стерилизация советских мужчин и женщин, по-видимому, была заимствована у фашистов в годы войны. Отступавших с немцами женщин арестовывали, навешивали через грудь и спину черные ленты с белой надписью «За измену Родине и мужу» и отвозили в лагеря, где их потом стерилизовали. Также поступали и с «власовками».[205] Вместе с ними стерилизовали и тех, кто отбывал срок в лагерях.

Милитаризация хозяйства бедственно сказывалась на жизненном уровне советского населения. Если в фашистской Германии она проводилась под лозунгом «пушки вместо масла» (масло, молоко, сыр, яйца, фрукты входили в рацион повседневного питания немецкого рабочего[206]), то в Советском Союзе подобным призывом мог стать лозунг «пушки вместо хлеба».

Еще в 1937 г. Гитлер заявлял: «решить продовольственную проблему на длительное время путем понижения жизненного уровня и введения карточной системы невозможно, учитывая, что в соседних странах имеется примерно такой же уровень жизни».[207] Поэтому основной его доктриной было – Германия только для немцев, вне Германии

---

[205] См. Бердянских В. История одного лагеря... С. 68.

[206] См. Радек К. Опасность фашистского переворота в Германии. М., 1930. С. 84.

[207] Цит. по: Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 124.

немцы – раса господ. В противном случае расовое превосходство могло рухнуть из-за миграции рабочих в соседние страны.

Нагнетая военную напряженность, Сталин тоже избегал вводить карточную систему, но по другому поводу. В таком случае карточные нормы были бы мизерными. Между тем снабжение хлебом становилось все хуже. В декабре 1940 г. политбюро запретило продажу муки, а затем печеного хлеба в сельских местностях. В городах по инициативе местных властей вводилась карточная торговля хлебом. «В канун 1941 г. нарком внутторга Любимов в своей докладной записке в СНК подвел плачевные итоги – «свободной» торговли в стране не существовало. Особенно плохо обстояло дело с хлебной торговлей. Страна жила при норме 400-500 гр. в день на человека. Любимов вновь поставил перед СНК вопрос о введении карточной системы на хлеб. Он просил узаконить то, что фактически уже существовало в действительности».[208]

Говоря о норме 400- 500 гр. хлеба в день, он явно добивался желаемого. 400-500 гр. на человека могли быть лишь желанным ориентиром. Многочисленные письма, поступавшие в наркомвнутторг, свидетельствовали о нарастающем голоде. Например, январь 1940 г. Орджоникидзеград Орловской области. Нет вермишели, сахара, сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет. Нет и черного хлеба. Сталинград. Зима 39/40 г. Люди в 2 часа ночи занимают очереди за хлебом, в 5-6 часов утра в очереди 600-1000 чел. Всю зиму в магазинах Сталинграда не было мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, а также молока по госцене. Те семьи, где заработок 150-200 руб. при 5 едоках, буквально голодают, пухнут.

Одновременно с сокращением хлебного пайка резко ухудшились условия труда. В июне 1940 г. президиум верховного совета СССР принял указ о переходе в городах на 8-ми часовой рабочий день и семидневную рабочую неделю. По этому же указу за прогулы и самовольное прекращение работы виновные присуждались к принудработам либо тюремному заключению на срок от 2-х до 4-х месяцев. Только за полгода 1940 г. к принудработам было присуждено почти

---

[208] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 215.

1,8 млн. чел. и 322 тыс. к тюремному заключению. В декабре 1940 г. появился новый указ об уголовной ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушения дисциплины и самовольный уход из училища. В связи с этим приток подростков в тюрьмы и концентрационные лагеря резко вырос.

Военная истерия в Германии и Советском Союзе была признаком приближавшейся мировой войны, принесшей больше страданий народу победителей, чем побежденным. Пакт Молотова – Риббентропа отнюдь не был неожиданным поворотом в политике Сталина и Гитлера. Он явился закономерным итогом жаждавших прирастить свои владения диктаторов.

Хотя в борьбе за власть, Гитлер вступал в соглашения с коммунистами, они оставались его врагами, добивавшимися установления в Германии тоталитарного режима советского образца. Создание по его инициативе в 1937 г. антикоминтерновской оси Берлин – Токио – Рим приветствовала вся Европа, уставшая от бесконечных разоблачений коммунистов, добивавшихся свержения «буржуазных правительств».

Устремление нацистов на Восток и пособничество им в этом Англии и Франции всего лишь легенда, рожденная советской пропагандой. Не «Дранг нах Остен», а «Дранг нах Вестерн» составлял основу гитлеровской политики в довоенный период. Об этом свидетельствует, в частности, выступление Гитлера на закрытом совещании генералов и дипломатов 5 ноября 1937 г., где он излагал варианты германского вторжения в европейские страны. России в этих вариантах отводилось ничтожное место. В одном указывалось, что «военное вмешательство России необходимо предотвратить быстротой войск. Но такое вмешательство «более чем сомнительно». В другом мимоходом упоминалось, что «СССР в случае начала войны станет на сторону западных держав».[209]

Под «западными державами» подразумевались Франция и Англия, взявшие на себя защиту неизменности европейских границ. Без их согласия, подкрепленного

[209] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 131, 133.

вооруженными силами, территориальные изменения были невозможны. В военном отношении фашистская Германия была еще слишком слаба. Лишь в 1935 г. рейхсвер трансформировался в вермахт – регулярную армию с всеобщей воинской повинностью. Но его вооружение значительно уступало англо-французскому. Территориальные уступки Гитлеру приходилось буквально вымаливать у эмиссаров Франции и Англии, каждый раз заверяя, что это его последняя просьба.

С благословения Франции и Англии в апреле 1938 г. свершилась аннексия Австрии, в сентябре 1938 г. – Судетской области. В марте 1939 г. исчезли с европейской карты остатки независимой Чехословакии. Гарант мира в Европе – Версальский договор – оказался похороненным. Обладая мощнейшими в Европе военными заводами Австрии и Чехии, Гитлер перевооружил вермахт. Германия превратилась в грозную военную силу. В условиях пассивности Франции и Англии, опасавшихся появления в Западной Европе советских республик, фашистская Германия стала играть активную роль в жизни континента.

Агрессивные планы Сталина также были нацелены на Европу. Их реализация, как и у Гитлера, упиралась в согласие Франции и Англии. На Дальнем Востоке тягаться с Японией в крупномасштабном вооруженном конфликте Сталин не мог. На Западе место СССР в европейском раскладе сил определялось советско-чехословацким договором 1935 г. В договоре указывалось, что Советский Союз по просьбе Чехословакии может оказать ей военную помощь, если первой эту помощь окажет Франция, а Польша и Румыния согласятся пропустить советские войска.

Сталин спал и видел, как Красная Армия входит на территорию Польши, Румынии и Чехословакии и на их месте возникают новые советские республики в составе Советского Союза. Но правительства и народ этих государств такая судьба не устраивала. Они не хотели советского гнета, уничтожавшего личные крестьянские хозяйства, заставлявшего умирать от непосильной работы, запрещавшего свободно выражать свои мысли и т. д.

Чтобы не допустить на свою территорию советских, и фашистских войск, Польше во главе с Пилсудским постоянно приходилось балансировать между агрессорами, используя

противоречия между ними. Что же касается Чехословакии, то ее руководители в лице президента Гаха и министра иностранных дел Хвалковского в обстановке грубейшего нацистского шантажа были вынуждены подписать соглашение о ее вхождении в состав фашистского рейха под названием Протекторат Богемия и Моравия. Позднее, после убийства Гейдриха в 1942 г. Гитлер, как и Сталин, следуя правилу переселять неугодные народы, заявил Гаху, что если выступления чехов против немцев будут продолжаться, то он их всех выселит из страны.

Рассуждения о том, что Франция и Англия предали Чехословакию, чтобы Гитлер имел возможность напасть на Советский Союз не более чем сталинский миф. Чехословакия с нашей страной не имела границ. Соперничество Сталина и Гитлера не выливалось во взаимные угрозы военных нападений. Речь шла об аннексии Чехословакии, на которую оба диктатора хотели распространить свою власть. По указанию Сталина, на юге страны было сосредоточено до 40 дивизий для вторжения в Чехословакию через территорию Румынии, не давшей согласия на пропуск советских войск. Но Гитлер его опередил. Заручившись благословением Англии и Франции, 15 марта 1939 г. его войска вошли в Прагу. Сталину оставалось лишь кусать локти.

После этих событий оба диктатора вновь возобновили переговоры с Англией и Францией. Сталин под предлогом борьбы с фашистской агрессией добивался согласия на ввод войск в Румынию, Польшу, а также в Прибалтику; Гитлер, с целью изоляции Франции – отказа Англии от вмешательства в европейские дела. И тот, и другой получили твердый отказ. По инициативе советской стороны переговоры с Англией и Францией были прерваны. Тем самым была создана почва для заключения пакта Молотова – Риббентропа, сначала отдавшего Сталину восточную Польшу и Прибалтику, а затем Бессарабию и Буковину.

Требование ввода в Прибалтику советских войск постоянно мотивировалось необходимостью иметь там свои гавани. В этой связи представляет интерес ленинская постановка вопроса, изложенная Радеком в официальном органе Коминтерна, выходившего в Германии. «Если они (имеются в виду прибалты и Финляндия – Ю. И.), – писал Радек, – предпочтут остаться независимыми, то насущные

жизненные интересы Советской России не толкают ее на путь завоевательной политики в отношении их. Обычный аргумент – Россия-де нуждается в Прибалтийских гаванях это лишь псевдо-экономический покров для оправдания чисто военных завоеваний. России вовсе не нужно обладать гаванями, ей нужно лишь иметь возможность их использовать. Гавани, в свою очередь, нуждаются для своего развития в русском хинтерланде. Великая Россия имеет возможность предложить окраинным государствам столько, что она сговорится с ними о хозяйственных отношениях, об использовании гаваней, о транзите. Ей незачем будет рассматривать прибалтийское население, как приложение к гаваням, ей не приходится пренебречь его временным стремлением к независимости».[210] Если исключить последнюю фразу о «временном стремлении к независимости», то сегодня под таким заявлением могли бы подписаться все демократы как в Прибалтике, так и в России.

Примечательно, что даже в период существования пропагандистских контрпотоков: антифашистского в СССР и антикоммунистического в Германии, фашистские офицеры присутствовали на наших маневрах, советские командиры – на нацистских. Одновременно порученцы Гитлера и Сталина постоянно зондировали почву о поставках военной техники на условиях немецкого кредита в обмен на нефть, хлопок, зерно, хром, алюминий, никель и т. д.

В 1935 г. после аннексии фашистами Чехословакии было заключено соглашение о взаимном товарообороте на условии предоставления Германией двухсот миллионного кредита. При этом советская сторона получила согласие гитлеровцев на продолжение выполнения военного заказа заводами «Шкода», которые с марта 1939 г. стали собственностью Германии. Позднее переговоры о расширении товарооборота неоднократно обсуждались на политбюро. Но каждый раз дальше взаимного зондажа дело не шло. Сталин и Гитлер опасались того, что их призрачное противостояние (Сталин заявлял, что он борется с фашизмом, Гитлер, – что он борется с коммунизмом) может

---

[210] Радек К. Внешняя политика Советской России. М.-Пг., 1923. С. 45.

вызвать возмущение Франции и Англии, с позицией которых они не могли не считаться.

Стоило только Сталину 19 августа 1939 г. окончательно прервать переговоры с Англией и Францией о создании антигитлеровской коалиции из-за их отказа допустить вторжение советских войск в Польшу и Прибалтику, как тут же по его указанию в ночь на 20 августа 1939 г. (еще до начала переговоров с Риббентропом) было подписано торговое соглашение с Германией на условии предоставления последней кредита СССР. Указанный факт – одно из многих свидетельств того, что еще во время переговоров с Францией и Англией о создании антигитлеровской коалиции Сталин держал в голове возможность сотрудничества с гитлеровской Германией.

В этой связи представляют интерес его объяснения череды изменений политики ВКП(б) по отношению к фашизму. XVI съезд компартии. 1931 г. К этому времени уже стало ясно, что предсказанные Сталиным надежды на «третий всемирный кризис капитализма», перед которым предстояло «померкнуть ужасам гражданской войны в СССР», оказались несбыточными химерами. Поэтому, говоря о перспективах развития комдвижения за рубежом, он отделался ни к чему не обязывающими фразами о том, что «стабилизации капитализма приходит конец. Пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выход в революции».[211]

Основным защитником безошибочности сталинского предвидения был Молотов, первый и последний раз выступавший на партсъездах от имени делегации ВКП(б) в ИККИ. Его выступление было пронизано утверждением о том, что Коминтерн в своих установках правильно следовал директивам программы VI конгресса Коминтерна. Он ни слова не сказал о «третьем всемирном кризисе капитализма», ограничившись лишь констатацией «нарастания элементов *нового революционного подъема»* в обстановке создания Францией «пан Европы» (политически направленной против СССР)» и смещения центра международных противоречий в лагере империализма «к войне за мировую гегемонию между

[211] XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1931. С. 23.

США и Англией». Что касается тактики Коминтерна в Германии, то здесь присутствовала привычная формулировка: «фашизм вместе с социал-фашизмом являются «последним резервом буржуазии среди рабочих».[212]

Представленная Сталиным на XVII партсъезде (1934 г.) оценка возможностей Коминтерна еще более сдержанна по сравнению с оценками XVI съезда. О приближении «конца стабилизации капитализма» в ней не говорилось ни слова. Вместо него говорилось, что «революционный кризис назревает, и фашизм далеко не долговечен», что империалистическая война «развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран». Таким образом, вопрос о революциях рассматривался как дело неблизкого будущего.

Новым было и то, что Франция лишалась антисоветского жупела, став гарантом независимости Чехословакии. Среди достижений внешней политики Сталин отметил пакт о Чехословакии, договор с Польшей, конвенцию об определении агрессии, заключенную СССР, Чехословакией, Румынией и Югославией. [213]

В связи с пактом о Чехословакии Сталин постарался дистанцироваться от Коминтерна, поручив связанные с ним вопросы изложить Мануильскому. Мануильский утверждал, что «Япония и Германия – факторы разрушения капиталистической системы», которому препятствуют социал-демократы». «Неужели, – говорил он, – путь германской революции лежал через фашистскую диктатуру, и ее нельзя было избегнуть в Германии. Конечно, можно было, товарищи, единственным условием для этого было, чтобы социал-демократия не препятствовала восстановлению единого фронта расколотого рабочего класса, чтобы она ту долю насилия, которую она применяла в отношении революционных рабочих, применила в отношении фашистских организаций. Это она могла сделать совершенно бескровно при правительстве Мюллера в1928 г. Ей для этого не нужно было убивать 20 тыс. фашистов, как она убила руками Носке 20 тыс. революционных рабочих и солдат; ей

[212] Там же. С. 407, 419, 420.

[213] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 8, 11, 14.

бы не пришлось расстреливать 35 человек, как это сделал с берлинскими рабочими полицей-президент Цергибель 1 мая 1929 г. Ей достаточно было арестовать 35 фашистских вождей плюс двух-трех капиталистов, снабжавших фашистов материальными средствами, распустить фашистские организации, их боевые дружины, конфисковать их оружие».[214]

Наступил 1939 г. До очередного нового раздела несчастной Польши остается примерно полгода. Тем и интересен XVIII партсъезд. На нем закладывались предпосылки появления сталинско-гитлеровской коалиции. На съезде по-новому обозначилось отношение коммунистов к фашистским организациям. Раньше коммунистам предлагалось привлекать на свою сторону фашиствующих рабочих, не вступая в контакты с фашистскими организациями. Теперь этот контакт получил зеленый свет. «Коммунисты работают на предприятиях, – говорил Мануильский, – благодаря их активной работе, фашистам не удалось завоевать влияния ни в Германии, ни в Италии на фабриках и заводах. Коммунисты, наконец, используют для работы среди трудящихся массовые фашистские организации».

Очередным врагом номер один были теперь объявлены «англо-французские капитулянты», стремившиеся втянуть Германию в войну против СССР. «Англо-французские капитулянты, – говорил Мануильский, – мечтают о том, чтобы повернуть германский фашизм на Восток. На языке этих господ это называется сохранением мира. Но мы знаем, что германский фашизм не любит непроходимых дорог с непреодолимыми препятствиями, он предполагает идти туда, где легче пройти, где капитулируют перед фашизмом.[215]

Примечательно, что даже во время проклятий в адрес фашистов, фамилии Муссолини и Гитлера не назывались. В отрежессированных Сталиным спектаклях партсъездов им всегда оставлялось место для появления на политической сцене в положительном амплуа. Об этом, в частности, с гордостью говорил Молотов, выступая 1-го сентября 1939 г. в

[214] Там же. С. 305, 314, 306.

[215] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б). 10-21 марта 1939 г. М., 1939. С. 10, 14, 62. 57.

день нападения немецких фашистов на Польшу: «На протяжении последних шести лет с приходом национал-социалистов к власти политические отношения между Германией и СССР были натянуты. Известно, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. В нашей стране были некоторые близорукие люди, которые увлекались упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов».[216]

В свою очередь, выступая в рейхстаге по этому же поводу, «Гитлер заявил, что он может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов».[217] В своей речи Гитлер также оговорил условия новых отношений с Советским Союзом: «Россия и Германия управляются на основе двух различных доктрин. Германия не станет экспортировать свою государственную доктрину и, если Россия не намерена экспортировать свою доктрину в Германию, то эти две сильнейшие страны в Европе не имеют основания быть врагами».[218]. В погоне за территориальным приращением своих империй Сталин и Гитлер соблюдали эти правила игры.

Сделка между ними готовилась заранее. В то время как сталинское руководство вело переговоры с Францией и Англией об обуздании гитлеровской агрессии в отношении Польши, за кулисами уверенно набирал силу советско-германский диалог. 24 января 1939 г. было принято постановление политбюро о предоставлении «абсолютно необходимых станков и других видов оборудования, могущих быть заказанными по германскому кредиту». Через несколько месяцев, 30 мая 1939 г. немцы предложили заключить советско-германского пакт. В связи с этим Сталин затребовал от наркомата иностранных дел все документы о советских договорах с Германией. Уже 7-го или 8-го июня 1939 г. появилась сталинская записка со списком товаров, которые мы собирались поставлять Германии, а Германия – нам. Мы

[216] Правда 1 сентября 1939.

[217] Изложение речи Гитлера в рейхстаге//Правда. 2 сентября 1939 г.

[218218] Там же.

обязывались поставить нефть, зерно, хлопок, железную руду, лом, апатиты, цветные металлы, немцы – самолеты, крейсер Лютцев, металлы по списку и уголь.

Пакт Молотова – Риббентропа не был итогом внезапного приезда Риббентропа в Москву, как обычно еще со сталинских времен преподносится в нашей печати. Он возник в результате предварительных переговоров с глазу на глаз на высшем уровне. Кто был тайным посланцем Сталина, до сих пор неизвестно. Из представителей Гитлера возможно – Геринг, перелет которого летом 1939 г. в Англию, где все уже было подготовлено для неофициальных переговоров, неожиданно был отменен.

Сталин твердо придерживался договоренности с Гитлером о невмешательстве во внутренние дела Германии. Коминтерн фактически был мертв задолго до официального объявления о своей смерти в мае 1943 г. Никаких пленумов ИККИ, не говоря уже о конгрессах после раздела Польши, не проводилось. Почти сразу же после вторжения Германии в Польшу «Сталин в беседе с Димитровым в присутствии Молотова и Жданова, заявил, что надо отказаться от установок VII конгресса Коминтерна о фашизме как главном источнике агрессии. Он требовал снять лозунг народного фронта, утверждая, что, поскольку война идет за господство над миром, деление капиталистических государств на фашистские и демократические утратило прежний смысл».[219] От Коминтерна осталось одно лишь название. На деле он превратился в своеобразное подразделение организации уничтожения врагов третьего рейха.

Процесс очищения Коминтерна от «примитивного антифашизма» начался еще в 20-х гг., когда выборочно уничтожались те деятели компартий, которые отказывались исполнять директивы Коминтерна о совместной борьбе с фашистами против социал-демократов. В 1937-1938 гг. репрессии приняли массовый характер – расстреливались и отсылались в советские концентрационные лагеря и те, кто отказывался подчиниться таким указаниям, и те, кто попадал в разнарядки следователей НКВД. В 1937 г. одних только членов компартии Украины было арестовано более 150 тыс. чел. (почти половина ее численного состава), обвиненных в

[219] Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 65.

«буржуазном национализме». В 1938 г. была распущена компартия Польши. По данным генерального секретаря компартии Финляндии, в эти же годы в советские концентрационные лагеря было согнано 20 тыс. финских коммунистов. Массовой чистке подверглись коммунисты стран Прибалтики. Не меньший по силе удар обрушился и на рядовых коммунистов, работавших в московском отделении Коминтерна, а также на лидеров западных компартий, проживавших в Москве.[220] По неполным данным, 900 антифашистски настроенных немцев и австрийцев были переданы гестапо в период действия пакта Молотова-Риббентропа.[221] Коминтерн сознательно очищался от антифашистов. Следуя требованиям его исполкома, компартии одобряли позорный договор СССР с Германией.

С заключением договора знамя антифашистской борьбы окончательно перешло к IV Интернационалу. На его конгрессе в сентябре 1939 г. была одобрена написанная Троцким «Программа переходного периода». Программа призывала участников конгресса крепить связи с социал-демократами и другими антифашистскими партиями и организациями, включая профсоюзы, и активно участвовать в повседневной борьбе за улучшение жизни трудящихся.

Особенно широкий размах приняли преследования антифашистов на территории Польши. «Для осуществления договоренности о совместной борьбе против польского подполья, – пишет М. И. Семиряга, – было установлено сотрудничество между германским гестапо и советскими органами НКВД. С этой целью в декабре 1939 г. на польской территории в г. Закопане был создан совместный учебный центр».[222] На основе этого сотрудничества 42492 польских военнопленных были переданы немцам в октябре-ноябре 1939 г., и 562 чел. были переданы по запросам германского посольства в 1940-1941 г. В свою очередь с октября 1939 г. по

[220] См: Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928-1941. М., 1997. С. 441-442, 462-465.

[221] Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии...С. 51.

[222] Семиряга М. И. Там же... С. 101.

весну 1941 г. немцы передали Советскому Союзу 13757 бывших польских граждан.[223]

Но это далеко не все. Сотни тысяч польских военнопленных оставались интернированными на советской территории. В связи с этим в рамках НКВД 19 сентября 1939 г. было учреждено совершенно секретное управление по делам военнопленных, которое занималось их расстрелами и высылками в гулаг. Только в Катынских лагерях, согласно данным записки председателя КГБ Шелепина на имя Хрущева от 3 марта 1959 г., по решениям специальной тройки НКВД было расстреляно 21857 военнопленных, а сотни тысяч остальных отправлены в концлагеря и на спецпоселения.[224]

После заключения пакта Молотова-Риббентропа прошло чуть более года, и новая страница открылась в истории советско-фашистского сотрудничества – начались переговоры о вступлении СССР в антикоминтерновский пакт и разделе мира на сферы влияния. Большая заслуга в изучении этого вопроса принадлежит Л. Безыменскому, сумевшему с громадным трудом найти и блестяще проанализировать источники. Результаты его исследования опубликованы еще в 2000 г., однако многие сотрудники РАН по разным причинам стараются их не замечать. Поэтому мы посчитали нужным остановиться на этом вопросе подробнее

Зондаж вступления СССР в антикоминтерновский пакт, по-видимому, начался вскоре после реализации секретного протокола пакта Молотова-Риббентропа. Согласно воспоминаниям Молотова, принимая Риббентропа, Сталин предложил: ««Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина. Выпьем за здоровье вождя немецкого народа Гитлера».[225] Взаимные реверансы в адрес друг делались с обеих сторон. 28 сентября 1939 г. Сталин заверил Риббентропа в том, что если «Германия попадет в трудное положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию удушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит,

[223] См. там же. С. 112.

[224] Катынь: пленники необъявленной войны. М. 1997. С. 601; См. также: Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсанова В. С. Катынский сидром советско-польских и российско-польских отношений. М., 2001.

[225] Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 24.

чтобы ее повергли на землю».[226] 23 декабря 1939 г. «Правда» напечатала трогательное поздравление Гитлером Сталина в связи с его 60-летием, отмечавшимся с невиданной до этого в истории российской компартии помпой.

По просьбе Сталина в этот период сотрудник немецкого посольства в Москве фон Вальтер принес в Кремль комплект нацистской дипломатической униформы, «которая с небольшими изменениями была добросовестно скопирована, только ее исполняли в классическом русском варианте без прусской голубизны».[227] Чтобы доказать неизменность своей дружбы с Гитлером, Сталин одевал своих клевретов в фашистские тона.

Осенью 1940 г., по мысли Сталина, созрело время, когда от обмена мнениями по поводу антикоминтерновского пакта пора было переходить к делу. По его указанию, 10 ноября 1940 г. Молотов прибыл в Берлин в сопровождении 65 ведущих сотрудников министерства иностранных дел СССР и руководителей секретных служб Берии. При себе он имел надиктованную Сталиным записку, в которой раскрывался план создания «великого Восточно-Азиатского пространства», его границы с новой Европой; *характер* его государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в Новой Европе и в «великом Азиатском пространстве», этапы и *сроки* осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них, *перспективы* присоединения других стран к пакту, место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем. В записке указывалось, что в переговорах следует добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены а) Финляндия; б) Дунай. По расчетам Сталина, Красная Армия должна была вступить на территорию балканских государств.

Относительно Турции Сталин писал Димитрову 25 ноября 1940 г.: «Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6-7 миллионов». Для Японии у Сталина был приготовлен «подарок» – согласие на

[226] См. Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С.340.

[227] Бугай Н. Ф. Народы Украины в "Особой папке Сталина". М., 2006. С. 63.

включение Индонезии в японскую сферу влияния и оставление за Японией Маньчжоу-го.

13 ноября Риббентроп вручил Молотову «черновые наброски» будущего присоединения СССР к «тройственному пакту». В Берлине Сталин не хотел заключать каких-либо соглашений, имея в виду продолжение переговоров в Москве, чтобы лично участвовать при подписании документов. Л. Безыменский безусловно прав, когда пишет, что «Сталин и Молотов считали себя диктующими правила игры, какими они были в августе-сентябре 1939 г. И это был их решающий просчет».[228]

Этим просчетом объясняется их неверие в предсказанную убитым Троцким неизбежность нападения Германии на СССР. Между тем, сообщения о готовящимся нападении непрерывным потоком поступали как от антифашистов, в том числе социал-демократов, так и от советских разведчиков. «Еще в феврале 1941 г. поступило из Берлина сообщение «Альты» (Ильзе Штёбе), в котором практически раскрывались основные положения плана «Барбаросса» и указывались направления планируемых немецких ударов. Это сообщение впоследствии подтвердилось донесениями советских разведчиков из многих столиц мира – из Берлина, Лондона, Токио, Белграда, Бухареста, Будапешта, Афин, Хельсинки».[229]

Гитлер, после падения Польши провозглашенный нацистами «самым великим полководцем все времен и народов», посчитал претензии Сталина на расширение сферы своего влияния в Европе и на Ближнем Востоке несовместимыми с его планами раздела мира и отдал приказ о подготовке к реализации плана «Барбаросса» – нападения на Советский Союз. То, что претенденты на мировое господство так и не смогли договориться о глобальном разделе мира, спасло российский народ от величайшего несчастья сражаться против всего прогрессивного человечества на стороне фашистской Германии и ее союзников. Но за это ему пришлось заплатить такими

[228] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 355.

[229] Россия XX в. Документы. 1941 год. Книга первая. М., 1998. С. 7.

жертвами и страданиями, каких не знал, за исключением евреев, ни один народ мира.

В свете изысканий Л. Безыменского становится ясен и другой вопрос – вопрос об упреждающем сталинском ударе по фашистской Германии. Он действительно разрабатывался во время переговоров с Англией и Францией об обуздании гитлеровской агрессии. Теперь, наконец-то, опубликована «Записка наркома обороны СССР и начальника генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы. б/н (не позже августа 1940 г) Особой важности. Сов. секретно. Только лично».

В записке говорилось: *Основной задачей наших войск является – нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород, Люблин, Гребешев, Томашев, Сандомир. Южнее верховьев р. Припять до побережья Черного моря предназначено иметь Юго-Западный фронт».* [230]

Когда же переговоры с Францией и Англией сменились союзническими отношениями с Гитлером, военные помыслы Сталина устремились на Балканы, Турцию, Иран, Афганистан и Индию. В связи с этим 14 октября 1940 г. по его указанию был утвержден план сосредоточения наших войск южнее Припятских болот. Севернее наша западная граница оставалась оголенной от основных армейских соединений за исключением Ленинградского военного округа, где планировалась новая война против Финляндии. 25 ноября 1940 г. сюда поступила директива наркомата обороны и генштаба об уточнении и конкретизации задуманной в сентябре операции против этой страны. Стоит ли после этого удивляться, почему маленькая Финляндия во главе с Маннергеймом, не питая враждебных чувств к российскому народу, воевала потом на стороне фашистской Германии.

Пагубные последствия расстановки военных сил усугублялись и тем, что население территорий, включенных в

[230] Россия XX в. Документы. 1941 год. Книга вторая... С.185.

Советский Союз, было настроено враждебно к советским оккупантам. Проживая в условиях рынка и обладая демократическими свободами, оно отвергало тоталитарный режим захватчиков. Оккупантов ненавидели все, кто благодаря договоренности с Гитлером, оказался под сталинской пятой, в том числе и в Прибалтике.

Эти маленькие демократические государства – население Эстонии 1,1 млн. чел., Латвии – 2 млн., Литвы – 2,4 млн. – не знали массовых политических репрессий. В 1940 г. в Латвии было всего 200 политических заключенных, в Эстонии – 100. Печать пользовалась абсолютной свободой. Хотя здесь проживали иноязычные группы: в Латвии, например, русские насчитывали 10% населения, в Эстонии – 8%, пресловутой языковой проблемы не было. Нежелание общаться на языке прибалтов было личной проблемой, которая никого не волновала. Поэтому на языке литовцев, латышей и эстонцев старались говорить все проживавшие в республиках.

Пакт Молотова-Риббентропа поставил эти государства между молотом и наковальней – Сталиным и Гитлером, соревновавшимися в насилии над народами. Пропагандистские фразы о свободном волеизлиянии не мешали Сталину говорить латвийской делегации без обиняков: «я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать».[231]

В это время компартия Эстонии насчитывала всего 130 чел. К лету 1940 г. было принято еще 1200 чел., в компартии Латвии – насчитывалось уже около тысячи. Прирост шел главным образом за счет служащих правительственного аппарата, пытавшихся спасти остатки национальной свободы от карающей десницы чека. Но их усилия оказывались тщетными. Оккупанты проводили выборочные аресты в армии, полиции и аппарате государственной власти.

Эти аресты приняли массовый, систематический характер после вхождения республик в Советский Союз. По сталинскому окрику в Москву приехали министр иностранных дел Латвии и военный министр Эстонии, отказывавшиеся

[231] См. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии... С. 209.

подписывать документ, лишавший республики национальной свободы. На что Молотов заявил: «обратно вы не вернетесь, пока не подпишите присоединение к нам». Чекистам было дано указание их не выпускать, пока не поставят свои подписи.[232] Молотов в данном случае копировал Геринга и Кейтеля в те дни, когда они добивались включения Чехословакии в состав нацистского рейха. И сталинисты, и гитлеровцы одинаково глумились над народами.

С вхождением в Советский Союз денежные знаки республик осенью 1940 г. сменил советский рубль с соответствующей советской шкалой заработков и цен, что привело к резкому снижению жизненного уровня рабочих и служащих. Начались забастовки. Чуть позже вначале 1941 г. крестьян обязали сдавать продукцию по чрезвычайно низким ценам в объемах, превышавших текущую продукцию крестьянского двора. Одновременно прошла национализация всех частных предприятий. В итоге на месте процветавшего рынка возник неприглядный остов тоталитарного принуждения к нищенскому труду пока еще лишенного местного компонента виде тюрем и концлагерей. Они находились вне территории республик.

Между тем сопротивление населения тоталитарным порядкам нарастало. В июне 1940 г. были осуждены многие политические лидеры, правительственные чиновники, армейские офицеры. Часть из них казнили, остальных депортировали в вагонах для скота в неизвестном направлении. Спасаясь от арестов, мужчины бежали в леса.

Уверенные в безнаказанности репрессий ЦК ВКП(б) и СНК СССР в июне 1941 г. приняли постановление о выселении «контрреволюционных элементов». Всего за неделю до начала войны 14 июня по всем республикам прокатилась волна арестов и депортаций. Спасаясь от арестов, тысячи людей, покинув дома, скрылись в лесах. «В справке органов госбезопасности утверждалось, – пишет М. И. Семиряга, – что всего было переселено 49331 литовец (так на чекистском жаргоне тех лет именовались все народы Прибалтики), из них прошли переучет в 1948-1949 гг. 44814 чел. Остальные умерли».[233] В маленькой Эстонии за одну

[232] Чуев Ф. Молотов... С. 19.

[233] Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии... С. 249.

лишь ночь 14 июня 1941 г. было депортировано в Сибирь более 10 тыс. чел. 80% из них составляли беспомощные старики, женщины и дети.

Но эта была лишь последняя довоенная акция. Еще до нее, в 1937-1938 годах, были репрессированы все латыши, проживавшие на территории СССР, включая тех, кто спасал советскую власть в годы гражданской войны. «По статистическим данным НКВД СССР, всего по латышской операции было арестовано за год (т. е. с декабря 1937 г. до середины ноября 1938 г.) около 25 тыс. чел. Осуждено по «латышской линии» 22360 чел. Из них 16573 (74%) было приговорено к расстрелу... Преследование латышей не ограничивались арестами и казнями. Известны случаи массового увольнения с работы. Так в марте 1938 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило очистить оборонную промышленность от немцев, поляков, эстонцев, латышей, а в июне того же года из армии и флота стали изгонять «всех военнослужащих иностранного происхождения».[234]

Скрывавшиеся в лесах эстонцы, латыши, литовцы оказывали поддержку вторгавшимся в Прибалтику гитлеровцам, избавлявшим их от козней сталинистов. Как верно отмечает А. Кузнецов, «завоеватели – победители всегда освободители».[235] На пути отхода советских войск восстававшие прибалты совершали убийства и диверсии. В первой половине октября на сторону фашистов перешло 2 тыс. эстонцев, более 5 тыс. латышей и свыше 10 тыс. литовцев. На базе их батальонов были созданы легионы СС, проводившие карательные акции против евреев и советских партизан. Озлобленные сталинскими репрессиями, они связали свою судьбу с гитлеровцами.

Но не они одни делали погоду в Прибалтике. Многие надеялись на то, что с помощью фашистской Германии они смогут возродить утраченную независимость. Так, в Литве в целях восстановления независимости был создан Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ) со своей литовской освободительной армией (ЛОА).

---

[234] История сталинского гулага. Т. 1... С. 659.

[235] См. Кузнецов А. Бабий яр. М., 2005. С. 135.

После того, как гитлеровцы, терпя одно поражение за другим, запретили в 1943 г. все партии, был создан нелегальный литовский национальный фронт со своими местными комитетами и нелегальными группами на местах, выжидавшими изгнания фашистских оккупантов. Когда в Прибалтике летом 1944 г. началась эвакуация отрядов вермахта, бойцы ЛОА препятствовали гитлеровцам вывозить государственное имущество и защищали Вильнюсскую область от попыток Армии Крайовой присоединить ее к Польше.

По мере продвижения частей советской армии 60-70 тыс. литовцев, включая сотрудничавших с эсэсовцами, через Швецию мигрировали на Запад. Остальные, как и в Латвии и Эстонии, ушли сражаться за независимость в леса, надеясь на международную поддержку со стороны Англии. Началась, по точному определению М. И. Семаги, *гражданская война* между теми, кто добивался возрождения независимости республик и теми, кто, обретая власть, содействовал превращению республик в заповедники советского тоталитаризма. В 1945-1949 гг. из Прибалтики было депортировано 140 тыс. чел.

С тех пор прошло свыше полувека, а отзвуки гражданской войны сказываются до сих пор. Не подлежит сомнению, что восстановление независимости прибалтийских республик стало возможным благодаря решительной поддержке ее российскими демократами во главе с нашим первым президентом Ельциным. Эти демократы и сегодня стоят у руля власти в России. Время согласия наступило давно.

Конечно, и в прибалтийских республиках и в самой России есть последыши фашизма и сталинизма. Подобные последыши есть сегодня и за пределами этих стран. Они устраивают в Европе уличные беспорядки с потасовками, поджогами и т. п. Но своих идеалов им не добиться. У них нет *массовой* базы в виде обширного *деклассированного* населения. Их легальность – следствие демократической свободы убеждений, но она моментально исчезает при малейшей попытки насильственного свержения демократических институтов.

Еще более сложные национальные противоречия раздирали Украину, поделенную между Советским Союзом и

Польшей. В то время как Восточная Украина страдала от принудительного обрусения, в Западной аналогичные страдания причиняло ополячивание.

«Сталин объявил украинскому народу, – пишет М. И. Семиряга,- настоящую истребительную войну, носившую характер геноцида. Развернулось невиданное даже при царизме гонение на украинскую церковь, культуру и ее представителей, подавлялся родной язык... Подспудный рост недовольства широких слоев населения сталинским режимом не только подавлялся насилием, но и глумился шумными кампаниями, которые призваны были демонстрировать мнимое торжество «ленинско-сталинской национальной политики».[236] Подобную войну украинскому народу объявило и правительство довоенной Польши, растаптывавшее его традиции и культуру.

В Восточной Украине не было организованного сопротивления сталинским палачам (оно в зародыше жестоко подавлялось). На территории Западной Украины при поддержке гитлеровцев существовала Организация украинских националистов (ОУН), ставившая целью пресечение «панификации» украинского населения. В 1933 г. Краевое управление возглавил С. Бандера, организовавший убийство министра внутренних дел Польши Перецкого – создателя концлагерей и сторонника решительных мер против украинского населения.

В апреле 1941 г. в Кракове нелегально прошел II Большой конгресс ОУН. Помимо решений о демократическом устройстве будущей Украины конгресс постановил создать собственные вооруженные силы, считать идеологии фашизма и «московского большевизма» чуждыми украинской духовности. Целью борьбы ОУН объявлялось благо украинского народа и освобождение «порабощенных Москвой» народов Восточной Европы и Азии.

К этому времени в Западной Украине сталинскими палачами было расстреляно 51 тыс. чел., подверглись депортации один млн. 400 тыс. чел. Накануне войны в советских тюрьмах Западной Украины сидели десятки тысяч

[236] Семиряга М. И. Коллаборационизм... С. 104.

украинцев. Из них только 22 июня 1941 г., когда происходила эвакуация советских властей, было уничтожено 50 тыс. чел.

Как только гитлеровцы вторглись на территорию Украины, воинские части ОУН оказали вермахту активную помощь. Руководители ОУН рассчитывали создать украинское правительство. Но Гитлер был против. В начале июля 1941 г. за попытки без согласия немцев сформировать украинское правительство Бандера его соратники были арестованы. 15 из них – казнены. Самому Бандере удалось бежать из тюрьмы. Еще до этого советскими палачами был убит его отец, две сестры высланы в Сибирь. В 1942 г. немцы расстреляли двух его братьев.

С начала 1942 г. начались столкновения с немцами отрядов УПА (Украинская Повстанческая Армия). К осени 1942 г. они стали повсеместными. В это время войска УПА сражались только с немцами. Они осуждали украинцев, участвовавших в карательных акциях СС. «Никогда и нигде, – писали они, – украинские повстанцы не принимали участие в антиеврейских акциях. В нашей многочисленной подпольной печати нет слов, направленных против евреев. В УПА боролись евреи, прежде всего в качестве врачей».[237]

Лишь с конца 1942 г. в Западной Украине появились советские партизаны, помогавшие восстанавливать сталинский режим. Как верно подметил А. Кузнецов, «священная» война против Гитлера была всего лишь душераздирающей борьбой за право сидеть в своем собственном концлагере, питая надежды расширить его на весь мир». В этих условиях УПА приходилось постоянно лавировать между немцами и партизанами, блокируясь тактически то с теми, то с другими.

После изгнания фашистов УПА возглавила борьбу западных украинцев. В воззвании к украинскому народу по поводу капитуляции Германии весной 1945 г. она заявила, что «украинское освободительное движение было направлено как против сталинского режима в СССР, так и против гитлеровской «новой Европы». Его целью является создание «Украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкаведистов и партийных

[237] Там же. С. 125.

паразитов, борьба за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за свободу печати, мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин. УПА борется за равенство всех граждан Украины и равноправие всех национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру».[238]

Эти требования выражали сокровенные чаяния подавляющего большинства населения Западной Украины. В течение многих лет после окончания второй мировой войны земля горела под ногами сталинских оккупантов, установивших режим жесточайшего террора. За период с 1944 г. по 1951 г. было депортировано 700 тыс. человек. Только в 1944-1945 гг. в боях против советских войск было убито 72 тыс. бойцов УПА. В 1959 г. Бандера погиб от руки чекиста Б. Сташинского.

Когда у нас пишут о движении западно-украинских повстанцев, то зачастую делают упор на их сотрудничестве с фашистами. Но при этом умалчивают, что не меньший террор осуществляли сталинские палачи, глумясь над стремлением украинцев жить в независимой демократической стране. Сегодня есть все предпосылки для такой жизни в содружестве с демократической Россией, всегда имевшей и продолжающей сохранять общие исторические корни с украинским народом.

За годы второй мировой войны наша страна понесла самые большие жертвы, неоправданные никакими ссылками на гитлеровский террор. Причем нередко вину за это возлагают на «империалистов» США, Англии, Франции и других стран, якобы заинтересованных в ослаблении Германии и Советского Союза.[239] В действительности эти жертвы были прямым следствием сталинской политики. Из-за этой политики Советский Союз оказался не готовым к войне. В первый год войны в плену оказались 3,5 млн. бойцов и командиров Красной Армии, лишенных оружия, чтобы дать отпор гитлеровским захватчикам. На следующий год из-за сталинских установок во что бы то ни стало наступать летом

[238] Там же. С. 126.

[239] См: Кульков Б. Н., Мячиков М. Ю., Ржевский О. А. Война 1941-1945. Факты и документы. М., 2001.

1942 г. в плену оказалось еще 2,2 млн. бойцов и командиров. При этом Сталин четко копировал Гитлера: в случае поражений вина возлагалась на генералов, в случае победы лавры доставались верховному главнокомандующему. В итоге и тот и другой купались в славе «величайших полководцев всех времен и народов». Тот факт, что наши войска успешно громили фашистов, объясняется прежде всего патриотизмом народа, в течение многих веков до этого не знавшего иноземного ярма.

Когда сегодня пишут о полководцах, то все заслуги в войне обычно приписываются, если не Сталину, то Жукову, который, будучи в начале 30-х годов секретарем парткома наркомата обороны, угодливо визировал списки подлежавших репрессиям военных. Однако в действительности основной вклад в победу внесли те немногие оставшиеся в живых военноначальники, которые следовали заложенным Тухачевским принципам ведения войны.

Среди них выдающуюся роль сыграл Рокоссовский. Рокоссовский, вопреки интригам Жукова, стремившегося задвинуть его на вторые роли, отстоял Москву, защищая ее на самом опасном направлении. Ему же принадлежит честь руководить сталинградской битвой и пленить Паулюса. Под его руководством шло сражение за освобождение Курска и Орла, изгнание фашистов из Киева. Операция «Багратион» проводилась в общих чертах так, как поступал Тухачевский в далеком 1920 г. В том же духе совершались и последующие его наступательные операции. Наконец, вопреки интригам, Рокоссовский первым пробился к Эльбе, довершив окружение фашистского Берлина.

Наша память о нем не благодарна! Сегодня, когда отмечают годовщину Сталинградской битвы, вспоминают и тех, кто имел к ней отношение и тех, кто не имел. А того, кто командовал разгромом немцев и пленил Паулюса даже вскользь не упоминаем. Зато вновь оживляем призраки непогрешимых полководческих «гениев» Сталина и Жукова, которых и поблизости не было во время грандиозной битвы за Сталинград.

Писаная история героической войны советского народа еще не раскрыла всех страниц. До сих пор мы мало знаем о многих событиях отечественной войны на нашей территории и за рубежом. В частности, мы вправе гордиться

героизмом и мужеством советских партизан, но до сих пор нельзя определить, сколько из них погибло без учета гражданского населения. Согласно опубликованным данным, в годы войны в партизанских рядах насчитывалось 1145 тыс. чел. [240] Почти столько же – один млн. власовцев, казаков и прочих – служили немцам.

В это же время в оккупированных странах Западной Европы партизанское движение получило значительно больший размах. Только партизан здесь погибло порядка одного млн. трехсот тыс. чел. Из-за них нацисты вынуждены были держать в Европе не одну так нужную на восточном фронте дивизию.

В партизанских отрядах было много представителей белой эмиграции и советских военнопленных, бежавших из нацистских концлагерей. На родине им была уготована одна награда: согласившихся вернуться в Союз отправляли в сталинские концлагеря. «Советское руководство, – обосновано пишет М. И. Семиряга, – относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена. Эти войны, которые на себе испытали ужасы первых вражеских ударов, как могли сдерживали рвавшегося вперед врага, и подавляющее большинство из них, будучи в безвыходном состоянии, вынуждены были сдаваться в плен». [241] Им приклеивали ярлык изменников родины.

Если брать не абсолютные цифры, а исходить из числа фашистских жертв, приходившихся на тысячу человек населения, то на первом месте, несомненно, будут евреи, на втором – поляки, на третьем – жители Советского Союза. Еще в 1939 г. Гитлер призвал отряды СС «Мертвая голова» убивать без милосердия и жалости всех поляков – мужчин, женщин и детей. Согласно его планам, Польша должна была быть колонизированной немцами.

В отличие от Советского Союза и оккупированных государств Европы Польша была единственной страной, где не было формирований местного населения, участвовавших в

[240] См. Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 372.

[241] Семиряга м. И. Тюремная империя нацизма... С. 131.

карательных акциях гитлеровцев. Не Советский Союз, а именно Польша была зачинателем партизанского движения на оккупированных фашистами территориях. «Польский народ первым начал открытую вооруженную борьбу против гитлеровских оккупантов, пишет М. И. Семиряга, которая с самого начала носила справедливый освободительный характер. Им восхищались, с него брали пример, изучали его боевой опыт антифашисты других стран, позже попавших под иго немецко-фашистских захватчиков. В этом состоит международное значение его освободительной борьбы в первый период войны». [242]

На протяжении 6 лет оккупации польское освободительное движение было самым массовым в Европе. В его подпольных организациях всех ориентаций – от сталинской до лондонской – сражались полмиллиона патриотов, из них сто тыс. с оружием в руках. Они сыграли выдающуюся роль в борьбе советского народа с немецкими захватчиками. Через территорию Польши, которую сами гитлеровцы называли «мостом на Восток», осуществлялось 80% всех перевозок, из них две трети железными дорогами, которые громились польскими партизанами.

За 6 лет было уничтожено150 тыс. (равнозначно 10 дивизий) оккупантов, многие тысячи из них ранены. В разные годы оккупации гитлеровцы вынуждены были держать в Польше от 400 тыс. до одного млн. солдат и полицейских. Иначе говоря, от 40 до 100 дивизий не могли принимать участие в сражениях на Восточном фронте. Бойцы Гвардии Людовой, Армии Крайовой, Батальонов Хлопских провели около 100 тыс. боевых операций, ими было уничтожено 700 паровозов, 200 тыс. вагонов, взорвано 100 мостов и виадуков. [243]

Но эти заслуги польских патриотов перед своей и советской страной в глазах Сталина ничего не стоили. В его планах Польша должна была стать лишенным самостоятельности государством. Из-за этого отдавались тайные распоряжения не оказывать помощи участникам

[242] Семиряга М. И. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. М., 1985. С. 160-161.

[243] См. Семиряга М. И. Движение сопротивления. (50 – летию начала второй мировой войны. М., 1989. С. 25.

восстания в варшавском гетто в апреле 1943 г. То же самое повторилось в августе 1944 г., когда Армия Крайова вновь подняла варшавское восстание. И, наконец, когда в конце 1944 г. из Освенцима шли призывы подпольной радиостанции бомбить казармы эсэсовцев, ни один советский самолет не поднялся в воздух, предоставляя фашистам возможность уничтожать смертников Освенцима, среди которых было немало советских военнопленных. Если бы была оказана помощь, освобождение Польши произошло бы раньше, облегчив нашим войскам задачу добивать фашистского зверя в его логове. Но тогда бы к власти пришли непокорные Сталину патриоты.

Разговоры о том, что Советский Союз один «пахал», в то время как «империалисты» только ставили палки в колеса, могут растрогать лишь коммунистов. США и Англия снабжали нас автомобилями, продовольствием и обмундированием, самолетами, боеприпасами, радио и навигационным оборудованием. Все это оплачивалось кровью команд потопленных караванов. Благодаря их помощи оружием ширилось сопротивление гитлеровцам на территории стран Западной Европы, благодаря их решительным действиям были сорваны планы Гитлера использовать атомное оружие. С ожесточенными боями ими был открыт второй фронт вначале на Юге, а затем во Франции.

Единственно, что уже тогда вносило раскол в совместные действия против общего врага, это сталинские установки на советскую оккупацию возможно большего числа европейских стран. В его планах изгнанных арийцев были призваны сменить славяне во главе со « старшим братом» – русским народом. Сохраняя марксистскую лексику, сталинизм трансформировался в разновидность заурядного фашизма.

Еще шла война с гитлеровцами, а Сталин в беседе с М. Джиласом, говоря о немцах, счел нужным заявить: « Лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах и поэтому нужно единство славян. И вообще если славяне будут едины – никто пальцем не пошевельнет. Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем снова».[244] В этих условиях противостояние СССР западным союзникам становилась неизбежным венцом

[244]Джилас М. Разговоры со Сталиным. N. Y., 1970. С. 109.

уничтожения оси Рим-Берлин-Токио, о чем в свое время прозорливо сказал Черчилль.

В Советском Союзе Сталин еще во время войны использовал малейший повод для заселения славянами территорий национальных автономий. В Крыму численность сотрудничавших с гитлеровцами татар составляла менее 8 тыс. чел. Это было достаточно для выселения всего татарского населения – 226 тыс. чел. То же произошло с балкарцами – сотрудничало с немцами порядка 1,5 тыс. чел., выселено 41 тыс. чел.; с калмыками сотрудничало с немцами всего 750 чел., выселены все калмыки; были выселены все чеченцы и ингуши – 500 тыс. чел. и немцы республики Поволжья – 605,5 тыс. чел. По сравнению со славянами выселенные были второсортными людьми. Еще во время войны число второсортных граждан СССР, позднее и государств народной демократии, пополняли евреи. Подобно фашистам сталинские выкормыши усердно раздували тлеющие угли антисемитизма, объявляя евреев главными виновниками народных страданий.

Добиваясь расширения границ своей империи, Сталин не считался с колоссальными жертвами народа не только на фронте, но и в тылу. С начала войны резко уменьшилась численность узников гулага: досрочно освобожденные заключенные передавались в армию. До конца 1941 г. их численность составила 420 тыс. чел, а всего за годы войны – около одного млн. На сокращении населения гулага сказалась и практика приговоров троек, направлявших обвиняемых вместо мест заключения на фронт. Все они были так называемые «бытовики». Политических отправлять на фронт запрещалось. Из таких «бытовиков» формировались штрафные батальоны, составлявшие значительную часть армейских подразделений.

Остававшимся в гулаге был уготован возросший голод и изнурительный труд. В начале войны были эвакуированы 27 лагерей и 210 колоний. Заключенным зачастую приходилось пешком покрывать тысячекилометровые расстояния. Перемещение 750 тыс. заключенных из оккупированных районов сопровождалось уплотнением населения восточных лагерей и сокращением жилплощади на одного заключенного до уровня менее одного кв. м. В лагерях усилился голод: узники собирали отбросы,

ели корни белены, поедали собак. Нормы выработки были увеличены.

Большинство заключенных, работая при 40-50 градусном морозе, не имели зимней одежды. Так, «В 1947 г. зимнюю одежду имели только 30% заключенных лагерей Восточного управления БАМ, 27% – в ИТЛ и в строительстве № 883, 20% – Южкузбасслаге, а в ОИТК Калининградской области зимней обуви не было вовсе (одетыми были преимущественно уголовники – Ю. И.). И это не исключения, а типичная картина тех лет».[245]

Счет умиравших от голода и непосильного труда шел на миллионы. «В 1941-1945 гг. в лагерях и колониях согласно только ведомственной статистике, умерли 1 млн. 5 тыс. заключенных... С 1 июля 1941 г. по 11 февраля 1945 г. численность узников в лагерях и колониях уменьшилась с 2,3 млн. до 1,4 млн. Причем значительная часть заключенных была больна и истощена. Даже по официальным данным, доля работающих снизилась в 1942 -1944 гг. до 65-70%, а количество больных составляло 20%».[246]

Набиравший все новые обороты механизм репрессий постоянно требовал возрастания контингента тех, кто обязан был подневольно трудиться. В частности, по известному указу от 26 июня 1940 г. о наказаниях за прогулы, к 1956 г., было осуждено 11 млн. чел., приговоренных к принудительным работам и 2,8 млн. чел. – приговоренных к тюремному заключению на срок от 2-х до 4-х месяцев. Указом от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (к ним были причислены почти все промышленные отрасли) виновные карались военным трибуналом сроком от 5 до 8 лет лагерей. С 1942 г. по 1945 г. по этому указу, который действовал до весны 1948 г. были осуждены более 900 тыс. чел.[247] С 1947 г. к ним вновь присоединились многие тысячи «парикмахеров», спасавших пухнувших от голода детей. Это были только «бытовики» А ведь помимо них росло число и пресловутых

[245] История сталинского гулага. Т. 4... С. 49.

[246] Там же. Т. 3. С. 31.

[247] Там же. Т. 1... С. 77, 78.

контрреволюционеров, троцкистов и прочих пособников неизвестно кому и чему.

В конце концов, возраставшие кровопускания не могли не сказаться на численности работоспособного населения страны. «Неблагоприятные демографические процессы, – пишет М. И. Семиряга, – привели к тому, что численность рабочих и служащих к 1945 г. уменьшилась по сравнению с 1940 годом на 5,3 млн. чел., а трудоспособное население деревни сократилось с 35,5 млн. чел. в 1940 г. до 23,9 млн. чел. в 1945 г».[248] Иными словами, за годы войны трудоспособное население нашей страны сократилось в целом на 16,9 млн. чел.

Последовавший затем рост трудоспособного населения происходил прежде всего за счет согласившихся вернуться на родину военнопленных (2,5 млн.) и угнанных фашистами на работу в Германию и оккупированные страны (более 2-х млн. чел.). Отказывавшиеся возвращаться называли их смертниками. Они действительно становились таковыми, так как их угоняли в спецпоселения и концентрационные лагеря. Другого использования трудоспособного населения сталинская машина уничтожения людей на своем излете уже не знала. К началу 1950 г. численность узников гулага достигла непревзойденного до этого максимума – 2,6 млн. чел., в 1952 г. она стабилизировалась на уровне 2,5 млн. В то же время на 1 января 1953 г. на учете КГБ СССР состояло 2 млн. 820 тыс. спецпоселенцев.

Но не успел Сталин умереть, как его самые любимые детища – спецпоселения и гулаг, представлявшие наиболее законченные формы принудительного труда, из-за убыточности стали разваливаться, чему способствовали начавшиеся восстания. Однако, в целом система тоталитарного принуждения, модифицируясь, еще долго продолжала сохраняться.

Не подлежит сомнению, что в течение многих веков Россия была страной непререкаемого «начальства», «ежовых рукавиц» и «канцелярий» в тиши которых решались народные судьбы. Господствовавшее самодержавие держалось на

[248] Семиряга М. И. Тюремная империя накцизма... С. 189.

подневольном труде в условиях существования ограниченного рынка. Лишь при Сталине вместе с уничтоженным рынком подневольный труд стал абсолютным, порождая иллюзии существования традиций беспрекословного повиновения, присущих российскому народу. Но при этом обычно не замечают того, что Великая французская революция породила в России не прекращавшуюся борьбу за демократию. Ее традиции насчитывают свыше двухсот лет. Без этих традиций современная трансформация России и сегодняшнее движение «Единая Россия» были бы невозможны.

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К РЫНКУ

Не подлежит сомнению, что остов тоталитарного режима в нашей стране с его насильственным принуждением к труду и внерыночным распределением потребительских стоимостей был создан по инициативе Ленина и Троцкого. Именно благодаря их стараниям большевистская партия утратила черты избираемой населением организации, превратившись в несменяемый низами локомотив государственного аппарата, используемого для тоталитарного извлечения прибавочной стоимости.

В результате внеэкономического изъятия продовольственных «излишков» личное потребление населения в городе и деревне было сведено к голодному минимуму. Под флагом «выработки коммунистического человечества из материала капиталистической эпохи»[1] стремительно нарастал геноцид вымиравшего от непосильной работы и голода российского народа. Частная собственность и рынок, ассоциированные с существованием буржуазии, были поставлены вне закона.

С этой точки зрения весьма характерно указание, отданное 1-го ноября 1918 г. одним из руководителей ЧК М. И. Лацисом: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом и делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».[2]

Заметим, что количество смертных приговоров почти за сто лет свергнутого большевиками самодержавия порой не превышало числа смертных приговоров, вынесенных

---

[1] См. Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса . М., 1920. С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.

[2] Цит. по: Куртуа С. Преступления коммунизма.//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж. Черная коммунизма книга. Преступления, террор , репрессии. М., 1999. С. 40.

большевиками за один день. «За период 1825-1917 г., – пишет С. Куртуа,- в России было приговорено к смертной казни за политические преступления 6360 чел., в 3932 случаях приговоры были приведены в исполнение: 191 – с 1825 по 1905 г. и 3741 – с 1906 по 1910 г. Но большевики превысили эти цифры уже к марту 1918 г., всего за четыре месяца пребывания у власти».[3]

Решая национальный вопрос, Ленин задолго до Октябрьской революции придерживался установок на русификацию всех народов России и полагал, что всемирным языком может быть не английский, а русский.[4] Это вытекало из его представлений о существовании в будущем системы максимально централизованного производства и распределения, обязывающего все население России исполнять на русском языке распоряжения единого органа.

Такое же решение национального вопроса предлагал и Троцкий, заявлявший, что национальный момент вызывает у него «брезгливость и даже нравственную тошноту».[5] Объективно это были идеи национального превосходства русского человека над инородцами, среди которых наихудшими в глазах деклассированных масс были евреи. Впоследствии эти идеи были выпестованы Сталиным и его клевретами в открытые антисемитские гонения.

О том, насколько антисемитизм был распространен среди вождей российской социал-демократии, свидетельствует гневная тирада Плеханова о том, что бунд является организацией «эксплуатирующей русских..., что евреи сплошь националисты и шовинисты... что русская партия должна быть русской, а не давать себя в «пленение «колену гадову».[6]

Идеология большевизма с самого своего рождения бессознательно носила черносотенное клеймо, на что указывали Ленину задолго до Октября. «П. Б. Аксельрод в

---

[3] Там же. С. 45.

[4] Ленинский сборник М., 1957. С. 64.

[5] Цит. по: Прохоров Д. П. Спецслужбы Израиля. М., 2002. С. 295.

[6] Цит. по: Логинов В. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005 С. 387. Плеханов говорил это Ленину и Потресову. Их "возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели".

1918 г. писал о Ленине и ленинцах: « не из политического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию как *шайку черносотенцев и уголовных преступников*». П. Б. Струве «определял большевизм как *черносотенный социализм* и как смесь западных ядов с истинно русской сивухой».[7]

Справедливости ради следует сказать, что в конце жизни, уже будучи больным, Ленин расстался с идеалами тоталитарного социализма, отвечавшего настроениям деклассированной русской бедноты с ее отрицанием частной собственности и рынка. В своих последних работах он наметил переход к рыночной экономике, открывавшей возможность республикам отстаивать на коренном языке свои собственные национальные интересы. При этом он по-прежнему полагал, что продолжает патерналистски защищать интересы рабочих, хотя на самом деле защищавшиеся им интересы были интересами директората.[8]

Как известно, после смерти Ленина, созданный им механизм тоталитарной эксплуатации в целом продолжал сохраняться. В его существовании были заинтересованы те, кто, поддерживая Сталина, получал в иерархии партийно-государственного аппарата чины, обеспечивавшие достаток, несравнимый с нищенским состоянием населения, а также бесконтрольную от низов власть.

Искоренивший рыночные ростки «год великого перелома» вдохнул новую жизнь в уцелевший от эпохи военного коммунизма тоталитарный механизм. Насильственное изъятие хлеба и денег у замордованной деревни сопровождались такими гонениями на их обладателей, перед которыми померкли репрессии эпохи военного коммунизма. По социальному признаку уничтожались миллионы крестьян. Их могилы послужили основанием необъятной власти Сталина, объявившего себя наиболее последовательным учеником Ленина, единственно способным толковать истинность его учения.

---

[7] Гуль Р. Я унес Россию. Т. 3. М., 2001. С. 247.

[8] См. Иванов Ю. М. Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленина) М., 2002.

В связи с этим началось массовое сокрытие тех его документов, которые противоречили политическому курсу Сталина. Согласно данным, приведенным в записке для ЦК, подписанной 14 декабря 1991 г. директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Л. Смирновым, на эту дату не было опубликовано 3724 ленинских документа.[9] До сих пор они скрыты в различного рода архивах и хранилищах.

Однако, КПРФ при всем своем демонстративным пиетете к ленинскому наследию не желает их разыскивать и публиковать. Для нее образцом коммунистического вождя по-прежнему остается Сталин. Разумеется, к Ленину можно относиться по-разному. Однако вместо призывов вечно хранить его подрумяненное макияжированное тело в мавзолее, лучше было бы без коммунистических прикрас показать, чего он действительно добивался на различных этапах своей жизни.

Оценка его деятельности – предмет неутихающих споров. Тем не менее, не подлежит сомнению, что он принадлежит к числу тех, кто оставил заметный след в истории России и за ее пределами. Ленин достоин того, чтобы его посмертная просьба была выполнена. Как известно, он просил похоронить себя не в Москве с ее мавзолеем, превосходящим великолепие надгробий царей, а в Петербурге, на Волковском кладбище рядом со скромной могилой своей матери, еврейки Марии Александровны Бланк, беззаветно помогавшей всем, кто боролся с самодержавием в рядах народовольцев и коммунистов.[10]

Чтобы сохранить тоталитарный режим, Сталин не считался с жертвами населения на фронте и в тылу. Смертность и страдания советских людей намного превысили показатели любой воюющей страны, в том числе поверженных фашистских государств Германии, Италии и Японии. Беспримерные по жестокости распоряжения издавались одно за другим. 26 декабря 1941 г. был издан закон о введении военного положения на предприятиях,

[9] Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 54.

[10] О происхождении Ленина и его юношеских годах наиболее подробно написано В. Логиновым в его известной книге "Владимир Ленин. Выбор пути...

связанных с оборонным производством. Если происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу. Рабочий день за счет сверхурочных, ночных смен и повышенных норм выработки практически стал неограниченным. Рабочие сутками не покидали цехов. В условиях колоссально возросшей инфляции их номинальные заработки понизились. Этому же способствовали всевозможные вычеты. «Основной формой наказания, – пишет А. К. Соколов, – за нарушения порядка и дисциплины на предприятиях оставалась ответственность по закону от 26 июня 1940 г. В ноябре 1942 г. к штрафным санкциям, т. е. вычету 25% заработка, добавилось снижение хлебных норм (на предприятиях вновь возродились орсы (отделы рабочего снабжения), в которых отоваривание карточек производилось по указаниям руководителей предприятий – Ю. И.). В 1942 г. почти на 1,3 млн. работников были наложены штрафы, 297 тыс. наказаны тюремным заключением от 2 до 4 месяцев; в 1943 г. соответствующие цифры составили 962 тыс. и 160 тыс., в 1944 г. – 893 тыс. и 168 тыс.[11]

В феврале 1942 г. был издан закон о мобилизации на заводы невоеннообязанных мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. В результате в основном в деревне были мобилизованы 12 млн. чел., главным образом женщины и подростки, подлежавшие призыву в школы трудовых резервов.[12] Деревня была опустошена: она лишилась лошадей и механизмов, мобилизованных на фронт мужчин, работоспособных женщин и подростков, которые теперь трудились в промышленности. Колхозные поля зарастали быльем. А ведь именно производство колхозниками дармового хлеба на этих полях составляло главный стержень сталинского механизма максимального присвоения властями прибавочной стоимости за счет проживавших в невероятной нищете непосредственных производителей.

Невиданный даже в прошлом дефицит военных лет, казалось бы, должен был увеличить популярность

[11] Соколов А. К. Влияние войны на социально-трудовые отношения на советских предприятиях//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 27.

[12] См. Там же. С. 24-26.

внерыночного распределения материальных благ. Однако такое распределение не находило одобрение миллионных масс, убедившихся на собственном опыте в достатке населения европейских стран, проживавшего в условиях проклинаемого коммунистами рынка.

Не выдержав испытаний войной, сталинская система эксплуатации впала в глубокий коллапс. Чтобы выйти из него в обстановке невиданного голода, в городах потребовались неисчислимые жертвы и страдания, сравнимые с жертвами и страданиями населения блокадного Ленинграда. 15 ноября 1943 г. было принято постановление СНК СССР № 1263-379, подписанное Сталиным и Чадаевым. В соответствии с постановлением «с 21 ноября 1943 г., – пишет В. Ф. Зима, – в городах вводились новые, сниженные относительно прежних в среднем на треть нормы снабжения хлебом. 400 г. хлеба в сутки на взрослого и 300 г. на ребенка – такова была норма в Москве. В провинции на 100 г. меньше, как взрослому, так и ребенку... Примеси в хлеб ячменя, овса и проса увеличивались от 25 до 40%... Эвакуированным, как взрослым, так и детям, норма продажи хлеба была сокращена с 400 до 200 г. в день. Это только официальные данные. На деле выдачи хлеба постоянно задерживались, и примесей в нем было значительно больше.

В результате примерно 1,5 млн. чел. стали жертвами голода, обрушившегося на страну без учета его жертв в лагерях и спецпоселениях. О его трагических последствиях свидетельствовали многочисленные случаи каннибализма в крупных городах. «По донесению Генерального прокурора СССР К. Горшенина в СНК СССР (В. Молотову) и в ЦК ВКП(б) (Г. Маленкову), – пишет В. Ф. Зима, – факты убийства с целью людоедства были зарегистрированы в Архангельске, Кемерово, Кирове, Молотове, Омске, Свердловске, Чите, Чкалове, Красноярске и др. городах. Страшные злодеяния творили люди с помутившимся от голода сознанием и совершенно расстроенной психикой».[13]

Не подлежит сомнению, что главным виновником голода в городах был возглавляемый Сталиным госаппарат. Социальные контрасты городской жизни резко возросли.

[13] Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов... С. 72-74.

Чины партийно-государственной иерархии имели еще более обильную жизнь, чем до войны; массы терпели неслыханные даже в прошлом лишения. В этих условиях, чтобы сбить накал стихийного возмущения масс, по указанию Сталина развертывается антисемитская пропагандистская кампания, и организуются еврейские погромы. Масштабы преследования евреев опережали масштабы сталинского геноцида всего советского народа. Чем больше был геноцид, тем в большей степени ужесточались и становились массовыми антисемитские преследования.

Сталинский холокост отличался от холокоста гитлеровцев. В отличие от не оглашавшихся сталинских установок Гитлер на каждом шагу громогласно твердил, что он собирается очистить человечество от «еврейской скверны». Проводившаяся им политика сплачивала евреев в единый народ, вынужденный отстаивать свое право на собственное существование.

В гетто евреи «мужественно сопротивлялись варварской политике гитлеровцев. Игнорируя приказы немцев, они организовали медицинскую помощь, проводили просветительные и религиозные мероприятия, оказывали социальную поддержку. Действовали синагоги, и нелегальным путем доставлялись продукты питания. Женщины продолжали рожать в подпольных родилках. Тайно сохраненные радиоприемники приносили узникам гетто сведения о поражениях гитлеровских войск».[14]

Наряду с этим в гетто и в лагерях создавались подпольные группы («Яд Вашем»), ставившие целью вооруженную борьбу с гитлеровцами. «Первая боевая еврейская организация, – пишет участник вооруженной борьбы с гитлеровцами Ицхак Ард, – возникла в Вильнюсском гетто. Ее лозунгом было: «Сопротивляйтесь! До последнего вздоха»! В январе 1942 г. различные группировки (коммунисты, сионисты, бундовцы) создали объединенную

[14] Черная книга. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг. Составлена под редакцией Василия Гроссмана , Ильи Эренбурга. Киев, 1991. С. XII. Книга напечатана по рукописи сборника, составленного под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Ее набор в 1948 г. был уничтожен.

партизанскую организацию и начали готовить восстание. Подполье существовало в гетто Минска, Варшавы, Кракова и других малых и больших гетто. В условиях свирепого террора, полной изоляции, при невозможности связаться с другими гетто, создание сопротивления требовало огромного мужества, железной воли и незаурядных организаторских способностей».[15]

Восстание в варшавском гетто вышло далеко за пределы непосредственной борьбы еврейского народа. Еврейские повстанцы играли ведущую роль в борьбе за освобождение от фашистов столицы Польши , а вместе с ней и всей многострадальной страны.

В 1941 году нацисты согнали в гетто 400 тысяч человек. Его территория составляла всего 8,5 кв. км. – 4 км. Длина и 2,5 км ширина. В комнатах посменно спали по 36 человек. В 1942 году гестапо начало истреблять евреев голодом. Была введена дневная норма – 20 грамм хлеба, в месяц – 50 грамм жиров, 100 грамм мармелада. Торговля мясом, яйцами, молоком, хлебными изделиями была запрещена. На улицах росли горы трупов, особенно трупов детей.

Но евреи не сдавались. После разгрома Рокоссовским немцев под Сталинградом, сопровождавшимся по всей Германии похоронным перезвоном колоколов и причитаниями Гитлера, в гетто возникла боевая еврейская организация (БЕО) во главе с М. Анелевичем. 19 апреля 1943 года фашисты попытались вывезти евреев в Освенцим. БЕО подняло восстание против вооруженных до зубов эсесовцев, продолжавшееся 56 дней. В борьбе с фашистами вместе с еврейскими повстанцами сражались отряды Армии Людовой, Армии Крайовой и т.д. Но без помощи советской армии (Сталин все сделал, чтобы ее не было) восставшие были обречены.

В августе 1944 года Армия Крайова по примеру евреев подняла в Варшаве новое восстание. Сталин все сделал для того, чтобы оно закончилось поражением. Некогда красивейший город был окончательно разрушен. К моменту

---

[15] Ард И. Холокост. Катастрофа европейского еврейства. Иерусалим, 1990. С. 51.

освобождения его население сократилось с 1,3 млн. в 1939 г. до 162 тысяч в январе 1945 г.

В лесах Белоруссии и Украины, в Восточной Литве десятки тысяч евреев сражались с гитлеровцами в еврейских и многонациональных отрядах. Отношение к ним не было одинаковым. На территориях, контролируемых Армией Крайовой, евреев не принимали в ее ряды. Польские традиции антисемитизма были сильны, ослабляя освободительную борьбу поляков против фашизма. В Финляндии Маннергейм отказался выдать гитлеровцам евреев для последующего их уничтожения.

Весьма своеобразно сложилась судьба евреев в Советском Союзе. Формально антисемитизм был запрещен. Евреям не возбранялось сражаться в рядах Красной Армии. Известно, что в сражениях против гитлеровской Германии на всех фронтах второй мировой войны участвовало не менее полутора миллионов евреев – из них 600 тыс. в подразделениях США и 500 тыс. – в подразделениях Красной Армии.[16]

Тем не менее, лишь на контролируемых советскими коммунистами оккупированных территориях не оказывалось организованной помощи борьбе евреев против фашизма. «Насколько известно, – обосновано пишет И. Ард, – как со стороны советского правительства, так и со стороны коммунистической партии не было ни одного обращения к подпольным организациям или местному населению оккупированных территорий, призывавшего оказывать помощь советским гражданам евреям, жертвам фашистской политики тоталитарного уничтожения».[17]

Более того, в соответствие с приказом белорусского партизанского командования, еврейским женщинам и старикам предписывалось покинуть партизанские лагеря под предлогом того, что они понижают боеспособность и маневренность партизанских отрядов. На самом деле, как показывало пребывание в лагерях белорусских стариков,

---

[16] См. Маляр И. Еврейский народ в борьбе против нацизма в годы второй мировой войны.//Холокост. Сопротивление. Возрождение. Москва-Иерусалим, 2000. С. 99.

[17] Ард И. Нацизм и уничтожение евреев в Европе в годы второй мировой войны//Холокост... С. 80.

женщин и детей, благодаря им боеспособность партизанских отрядов усиливалась. Они вели разведку, выхаживали раненых, занимались бытом партизан возвращавшихся с заданий. О том цинизме, который царил в верхах советского партизанского движения, свидетельствует замечание генерала Платона, который с гордостью говорил: «В белорусском правительстве нет больше евреев».[18]

Сталин и его ближайшее окружение сознательно саботировали еврейское антифашистское движение, создавая препоны и рогатки на пути его развития. Вместе с тем это не мешало советскому командованию использовать сведения, поступавшие от еврейских партизанских отрядов, действовавших за пределами досентябрьских границ 1939 г. В частности, сведения о дате и времени предстоявшего наступления немцев на Курской Дуге были получены от одного из таких отрядов, сражавшегося с гитлеровцами на территории Польши.

В отличие от Гитлера Сталин никогда не афишировал свой антисемитизм. Более того, когда ему было нужно, он не раз публично осуждал его, что не мешало ему негласно отдавать распоряжения о проведении в стране продуманных антисемитских акций.

Обострившийся в годы военного лихолетья социально-экономический кризис продолжал углубляться и после окончания войны. Оккупация Восточной Европы, сопровождавшаяся новой гонкой вооружений, съедала последние скудные ресурсы разоренной войной страны. Бедствия рабочих и крестьян превзошли немыслимые крайности довоенных лет. Их заставляли еще больше голодать и носить рвущиеся довоенные обноски.

Массовые расстрелы, сопровождавшиеся рекордным перемалыванием жизней в концлагерях и спецпоселениях, уже не могли остановить роста возмущения масс. Сократившееся до 32 млн. население разоренных колхозов было не в состоянии прокормить возросшее после окончания войны население городов. В 1947 г. в стране вновь наступил немыслимый голод. Как и в годы «великого перелома»

[18] Смолляр Г. За проволокой гетто//Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1992. С. 380.

голодавших собирателей колосков приговаривали к лишению свободы. Но теперь их сроки заключения продлевали до 25 лет. По данным профессора М. Элмана (Амстердамский университет в Нидерландах; Российская экономическая школа в Москве) погибло 1-1,5 млн. голодающих в условиях, когда находившихся в распоряжении государства запасов продовольствия было достаточно, чтобы накормить всех тех, кто умер от голода.[19] Каннибализм вновь стал обычным явлением, имея тенденцию превратиться в устойчивую привычку советского народа.

Чтобы преодолеть продовольственные трудности, были привычно понижены закупочные цены. В 1952 г. зерно, мясо, свинина закупались по ценам ниже 1940 г. Закупочные цены на картофель не окупали даже транспортные расходы. Зато Маленков с цифрами в руках мог в очередной раз цинично объявить о полном решении зерновой проблемы в СССР. Затем потребовалось всего два года, чтобы на очередном витке борьбы за власть его цифры были объявлены липовыми.[20]

Обстановка в стране накалялась все больше и больше. В здании сталинского социализма впервые появились неустранимые трещины. В лагерях начались бунты, мятежи и восстания, подавлявшиеся с участием воинских подразделений, использовавших бронетехнику и авиацию. По далеко неполным данным, бунты заключенных были в 1946 г. на Колыме, в 1947 г. – в Усть Виме (Коми АССР) и Джезказгане (Караганда), в 1948 г. – в Салехарде, в 1950 г. – в Салехарде и Тайшете, в 1951 г. в Джезказгане (Сахалин), в 1952 г. – в Вожеле (Коми АССР) и Молотове (Красноярский край). Аналогичные волнения были и на

[19] Эллман М. Голод в СССР в 1947 г. в свете проблемы "доступа к продовольствию".//Экономическая история. Ежегодник. М., 2005. С. 320.

[20] Заявление было сделано на XIX съезде КПСС. Вопреки нынешним заверениям коммунистов о рабоче-крестьянском происхождении их партии, в сталинские годы доля рабочих и крестьян была ничтожной. "Западные исследователи, пользуясь сведениями об образовании делегатов съездов, данными местных партийных конференций и прочим подсчитали, что к XIX съезду КПСС (1952 г.) – последний съезд при жизни Сталина – процент рабочих среди делегатов составлял лишь 7,6, а крестьян 7,8". Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. London, 1986. С. 530.

«воле», в которых порой принимали участие и воинские подразделения.

Понимая опасность сложившейся ситуации, Сталин, чтобы отвлечь гнев умиравших по его вине масс, целенаправленно переключал их негодование на мифические еврейские «козни». В частности, по его указанию в Москве, на заводе его имени (ныне Лихачева) был обнаружен «заговор» – главный конструктор завода Файнциммер вместе с другими работавшими на заводе евреями был обвинен во вредительстве по заданиям якобы занимавшихся шпионской деятельностью сионистов и США. По другому распоряжению Сталина секретарь МК Хрущев организовал антисемитский погром на 30-м авиационном заводе, где рабочие были недовольны условиями работы. Здесь им раздали дубинки для того, чтобы в конце рабочего дня они могли избить своих евреев.[21]

Это лишь единичные, ставшие со временем достоянием гласности, случаи гонения евреев в Москве, где благодаря стараниям выслуживавшегося первого секретаря МК антисемитизм стал частью повседневной жизни. Еще более удобная обстановка для таких гонений сложилась на периферии. Здесь предававших их гласности иностранцев практически не было. Так, на Украине, где первым секретарем ЦК был Г. М. Мельник, а председателем совета министров выдвиженец Хрущева Д. С. Коротченко, антисемитская политика проводилась открыто. «Газеты пестрели еврейскими фамилиями людей, обвиненных в надуманных ошибках, грехах и преступлениях. Евреев арестовывали, выгоняли с работы, на улицах их подвергали оскорблениям. В Киеве, Харькове и других городах прокатилась волна погромов. Были введены негласные ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения».[22]

Своего пика антисемитская истерия в СССР достигла при Сталине 13 января 1953 г., когда в газетах появились сообщения об «убийцах в белых халатах». На всех предприятиях прошли митинги, гневно осуждавшие «еврейских убийц», намеревавшихся погубить самого

[21] См.Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 556-557.

[22] Там же.

Сталина. Сообщения об этих митингах с принятыми антисемитскими резолюциями заполняли все газеты от «Правды» до стенных листков на предприятиях.

Сталин лично разработал сценарий разоблачения «еврейского заговора». О нем подробно рассказано в цитированной нами книге М. Геллера и А. Некрича. «Акт первый – осуждение врачей судом и их полное признание. Акт второй – смертная казнь через повешение. Утверждают, будто казнь должна была быть произведена, как в старину, на лобном месте, т. е. на Красной площади в Москве. Акт третий – еврейские погромы по всей стране. Акт четвертый – обращение известных деятелей культуры еврейского происхождения к Сталину с просьбой защитить евреев от погромов, разрешить им покинуть крупные города и приобщиться к земле. Акт пятый – массовая депортация евреев «по их собственной просьбе» в восточные районы страны (где им было уготовлено под защитой чекистов, трудиться на валке леса и строительстве дорог – Ю. И.)».

Указанный сценарий по поручению вождя был подробно изложен членом президиума ЦК КПСС видным философом Д. Чесноковым в подготовленной им к публикации книге, объяснявшей причины депортации евреев. Книга включала и готовый текст обращения заранее подписанного еврейскими представителями культуры. Д. Чесноков ждал лишь сигнала, чтобы она появилась на полках магазинов, но готовый набор к его досаде пришлось рассыпать.[23]

В отличие от оккупированных гитлеровцами территорий, где евреи вступали в контакты с гитлеровцами лишь для того, чтобы по мере возможности сократить страдания уничтожавшегося нацистами еврейского народа, в Советском Союзе сталинисты сплошь да рядом использовали евреев для заполнения ими вакансий сексотов и руководителей карательных органов. На этой почве постоянно тлели очаги антисемитизма, которые по сигналу Сталина раздувались в пожары преследований еврейского населения.

[23] Там же. С. 559.

Постыдное заявление Л. Кагановича «я не еврей, я коммунист» типично для этой когорты, с утроенным рвением доказывавшей свою преданность сталинскому режиму вообще и в ревностном преследовании евреев в особенности. Подобные традиции участия евреев в антисемитских акциях сложились еще в дореволюционной России. Известно, например, что одним из первых основателей и руководителей московского Союза русского народа был крещеный еврей В. А. Грингмут.

Еврейская карта не была единственной, с помощью которой Сталин пытался упрочить свою пошатнувшуюся власть, другой его картой были обвинения в шпионаже и контрреволюционных намерениях ведущих членов политбюро. В кулуарах Молотову приписывали шпионаж в пользу США, Ворошилову – в пользу Англии. КГБ был выведен из подчинения Берии и т. д. В недрах ЦК на них открыто готовился компрометирующий материал.

Фактически Сталин вновь пытался повторить кровавую чистку верхушки партийно-государственного аппарата, удавшуюся ему в 30-х годах. Однако теперь такая чистка стала уже невозможной. Как показало ленинградское дело (дело Кузнецова-Вознесенского), он еще мог по своему желанию уничтожить любую крупную политическую фигуру, но не спевшееся за долгие годы политбюро. Те, кого Сталин заставлял готовить позорящий компромат, постоянно учитывали неизбежные для себя роковые последствия как со стороны самого вождя, не любившего оставлять в живых участников своих интриг, так и со стороны тех, кого эти интриги были призваны устранить.

На этой почве среди опальных лидеров молчаливо зрел антисталинский заговор. Устранить Сталина от власти при том культе непогрешимости, который они ему старательно создавали, могла только смерть. До сих пор остаются невыясненными многие детали свершившейся кончины. Однако не подлежит сомнению одно: возглавлявшаяся Сталиным иерархия властных полномочий продолжала сохраняться, порождая подковерную борьбу между претендентами на его место непогрешимого вождя.

Ее победитель зависел от поддержки секретарей обкомов, стремившихся укрепить свою власть прекращением репрессий политбюро и КГБ. Их настроения и роль Хрущев

осознал раньше своих конкурентов, полагавших, что ключевые вопросы борьбы за власть по старинке решаются в политбюро. «Секретари обкомов хотели,- обосновано отмечают М. Геллер и А. Некрич, – быть свободными от страха, от наблюдения за ними местных начальников управлений государственной безопасности. Они были лояльны центру, но хотели большей самостоятельности в решении местных дел и гарантии личной безопасности».[24]

Их требования выполнил Хрущев, разоблачив на XX съезде КПСС культ Сталина с его необоснованными репрессиями *партийно-государственного аппарата,* после чего началось повсеместное уничтожение дел, свидетельствовавших о причастности к репрессиям тех, кто теперь обладал властью. Ставшее тогда крылатым выражение «мы дети XX съезда» на деле было выражением одобрения курса Хрущева, которому теперь приходилось устранять прорехи в созданном Сталиным хозяйстве тоталитарного социализма.

С одобрения секретарей обкомов было ликвидировано деление советских граждан по социальному происхождению. Эта мера отвечала интересам всех. Резко сократилось использование труда заключенных, поскольку, с одной стороны, социальное происхождение перестало быть критерием виновности, что дало возможность реабилитироваться основной массе политических узников, с другой, – труд в лагерях стал невыгодным из-за падения и без того низкой производительности труда и сознательных поломок ограниченно использовавшихся механизмов. К началу 60-х гг. число заключенных стабилизировалось на уровне 900 тыс. чел. против 2,6 млн. чел. в 1952 г. Из них 300 тыс. были уголовники и рецидивисты.[25]

Вместе с тем, сохраняла силу 70-я статья уголовного кодекса, согласно которой всякое лицо, ведущее пропаганду против советской власти, а также занимающееся клеветой и дискредитацией государства и общества, могло быть

---

[24] Там же. С. 570.

[25] Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе.//Куртуа С., Верт Н., Панке Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга... С. 249; см. также Иванов Ю. М. В сталинском “раю”. М., 2005. С. 114.

арестовано и отправлено в лагерь на срок от 6 месяцев до 7 лет с последующей ссылкой на срок от 2-х до 5-ти лет. Статью 70-ю дополняла статья 190, устанавливавшая наказание за недоносительство об антисоветских преступлениях. Наказание предусматривало лишение свободы на срок от полгода до трех лет, которое могло быть заменено отправкой на стройки народного хозяйства. Указанные статьи служили основанием для превращения «в лагерную пыль» тех, кто был не согласен с политикой, проводимой Хрущевым и его командой.

Эти же статьи применялись и против участников народных волнений. Вольный наем продолжал быть исключением. Облик экономики страны по-прежнему определяло свойственное тоталитарному государству насилие в качестве главного стимула принуждения к труду. Однако, по сравнению с прошлым оно модифицировалось. Для работы на стройках, военных объектах, железных дорогах и т. д. по заявкам военкоматов и комсомола проводились мобилизации рабочих. Их положение отличалось от положения заключенных. У них был восьмичасовой рабочий день, они жили на зарплату и могли иметь семью, но по договоренности не могли в течение ряда лет покинуть место, где им приходилось трудиться.

Таким образом, *непосредственное* насилие в качестве *ведущей формы принуждения* производителя к труду сменилось его более мягкой формой: *прикреплением к месту работы*. На первых порах эта смена ведущих форм сопровождалась забастовками, бунтами, столкновениями с властями. Но их виновниками были не рабочие, а возглавлявшие стройки и военные объекты охранные кадры ликвидированных лагерей, которые, привыкнув к безнаказанности, по-прежнему продолжали измываться и обворовывать тех, кто находился под их началом.

Присылавшихся по разнарядкам рабочих селили в рваных палатках, не спасавших от дождя и стужи. В палатках не было столов, стульев, тумбочек для личных вещей. Постельное белье в течение длительного времени не менялось. Даже тухлой воды не хватало для питья, не говоря уже об умывании. Палатки не освещались. Рабочих кормили протухшим мясом (иногда с червями) и испорченными продуктами.

В течение многих дней они были загружены по 2-3 часа, получая мизерную зарплату, на которую невозможно было прожить. Затем начинались лихорадочные авралы со сверхурочными, сопровождавшиеся высоким травматизмом. В предоставлении отпусков и наложении дисциплинарных наказаний царил произвол, позволявший делать крупные вычеты из заработков. Выплата зарплаты постоянно задерживалась, рабочих немилосердно обсчитывали.[26]

Унаследованные от лагерей невыносимые условия жизни и труда порождали стихийные волнения, перераставшие в столкновения с властями, милицией и т. д. Для их подавления нередко использовались вооруженные бронетехникой войска. О повсеместности подобных волнений свидетельствуют данные МВД и прокуратуры (94 случая за 1953-1960 гг.), ставшие известными высшему руководству страны. Но еще больше, по-видимому, было забастовок и бунтов, не получивших широкую огласку, которые улаживались местными властями без использования войск. Как бы то ни было, руководители строек и военных объектов в столкновениях с рабочими постепенно приучились к новым отношениям. Наиболее одиозные причины бедствий в ходе волнений и бунтов устранялись. В связи с этим последние постепенно стали сходить на нет.

Чтобы отвлечь массы от их собственных бед, продолжала разыгрываться еврейская карта. Антисемитская кампания без широковещательной огласки сталинских времен продолжалась под постоянные причитания Хрущева относительно плохих и хороших евреев. Широко известна его тирада в связи с вопросом Абрамовича, указавшего на бедственное положение евреев в СССР. «Мы свергли царя, а вы испугались Абрамовича, – демагогически заявил он. То, что вы называете еврейской проблемой в Советском Союзе – это искусственно создаваемая разного рода Абрамовичами проблема. Это вовсе не проблема. Это нечто подобное мухе на рогу вола... Вот вы говорите о т. н. еврейском вопросе. Здесь нужен прежде всего классовый подход. Вам

---

[26] См. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980 -х гг.). Нвосибирск, 1999.

подбрасывают этот еврейский вопрос, чтобы навязать вам дискуссию, поймать вас на удочку реакционных сил».[27]

В действительности еврейский вопрос «подбрасывал» сам Хрущев. С его одобрения без сообщений в печати на местах проводились еврейские погромы, создавались препятствия при приеме евреев на работу, ограничивался доступ в высшие учебные заведения и т. д. Неслучайно, в Советском Союзе с благословения коммунистов еврейские погромы продолжались в течение более длительного времени, чем в какой-либо другой стране Европы.

По имеющимся у нас, возможно, неполным сведениям, последний еврейский погром на территории СССР проводился в 1967 г. русскими, украинскими и молдавскими студентами, избивавшими евреев на улицах Тирасполя (Молдавская ССР).[28] Не исключено, что подобные антисемитские акции особенно поощрялись в связи с вводом войск в Чехословакию, вызвавшим массовое возмущение советского населения. До сих пор масштабы возмущения, связанного с публичными протестами в Союзе, бегством на Запад солдат и офицеров оккупационных войск и т. д., скрыты в анналах КГБ.

Пользуясь всеобъемлющей цензурой, правительство Хрущева, как и при Сталине, имело возможность указывать всем что читать, какие песни петь, о чем говорить и зачем говорить. Но даже при таком оболванивании порой возникали осечки, как, например, с фильмом «Броненосец Потемкин» С. М. Эйзенштейна, показавшим рабочим, как надо поступать в тех случаях, когда им систематически скармливают протухшее с червями мясо.

О том, что творилось в стране и за рубежом, населению ежедневно рассказывали одни и те же невероятные небылицы, правдивость которых они не могли проверить. Официальным критерием истины становились

[27] См. "Источник: Документы русской истории". М., 1994. № 3. С. 96-97.

[28] По нашим сведениям, последний погром в Польше был в июле 1946 г. Тогда было убито 42 еврея, спасшихся от уничтожения гитлеровцами. Среди них были женщины и дети. Агмон П. Судьба евреев – бывших узников нацизма в послевоенный период.//Холокост... С.114.

непогрешимые заявления Хрущева, объявлявшего несогласных с ним злонамеренными отступниками от идеалов социализма. Выдвигая скоропалительные предложения, он знал заранее, что независимо от последствий их объявят «симфонией разума», а исполнители будут лезть из кожи, чтобы претворить их в жизнь.

Так, увидев в Ростовской области множество конских заводов, он заявил, что сельское хозяйство следует механизировать. После этого по всему Союзу за две недели было забито 250 тыс. лошадей. Их сваливали в огромные кучи, обливали бензином и сжигали, чтобы, не дай бог, даже мясо не попало в частные руки.[29]

В обстановке жесточайшей цензуры у рабочих до поры до времени не могли возникнуть сомнения в мудрости первого секретаря. Причиной своих бедствий они считали корысть, пренебрежение обязанностями своего начальства, которые можно устранить с помощью петиций к вышестоящим должностным лицам. Дореволюционные традиции «вот приедет барин, барин все рассудит» продолжали сохраняться.

Аналогично рабочим рассуждала и часть интеллигенции, которая отвергала тоталитарные основы существующего строя. Они также верили в непорочность существовавшего социализма, но предлагали более радикальные, чем рабочие, решения проблем, сверяя их с указаниями ленинских произведений.

Застрельщиками этого течения была молодежь учебных заведений. В 1956 г. в МГУ возник «Союз патриотов России» под руководством Краснопевцева, в том же году – в Сибири студенческая группа «Свобода слова». В Ленинграде появилась группа социал-демократов, а в 1963 г. П. Г. Григоренко основал «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Они наивно полагали, что тоталитарный социализм можно совместить с существованием организаций, оспаривающих высказывания первого секретаря ЦК КПСС. Подобные иллюзии составляли суть того самого движения, которое позднее получило название «поиска социализма с

[29] См. Бугай Н. Ф. Народы Украины в "Особой папке Сталина"... С. 24.

человеческим лицом». Раньше всего оно зародилось в Советском Союзе, где его участников в целях перевоспитания направляли в концентрационные лагеря.

Но репрессии не смогли уничтожить самого движения. Оно было порождено обнародованием XX-ым съездом сталинских преступлений. После ареста А. Синявского и Ю. Даниэля движение возродилось вновь в виде движения правозащитников. Не отвергая законность советского режима, его участники требовали соблюдения буквы конституции о свободе слова, печати, собраний и т. д. и подписанных СССР в 1975 г. Хельсинских соглашений, предусматривавших уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религий и убеждений. Ответом хрущевских властей были еще более изощренные преследования. По данным КГБ, в 1961 г. в стране насчитывалось 1300 диссидентов, в 1962 г. – 2500, в 1964 – 4500, в 1965 г. (год падения Хрущева) – 1300.

С падением Хрущева его место занял Брежнев. Те самые секретари обкомов, на которых опирался Хрущев, скинули его с должности первого секретаря ЦК КПСС. Их недовольство вызвал закон 1957 г., объявивший о создании совнархозов. Закон способствовал увеличению вдвое числа партийных чиновников на селе, лишая руководителей областей санаториев, баз отдыха, охотничьих хозяйств и т. д., а главное – возможности беззастенчиво изымать у деревни средства для собственного обогащения. При Брежневе хрущевские препятствия обогащению были устранены.

Другим следствием падения Хрущева был конец «оттепели» в СССР. Ожесточенные преследования правозащитников в Советском Союзе раньше, чем в остальных странах доказали, что тоталитарный социализм не может иметь «человеческого лица».

Вместе с тем далеко не все от эпохи Хрущева оказалось за бортом. При нем были сформулированы идеологические основы постсталинского тоталитарного социализма, кочевавшие из одного постановления в другое. Среди них ведущее место занимали заявления о том, что СССР вступил в «в период развернутого строительства коммунизма» при возрастающей «роли коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества», а также утверждение о перерождении

«государства диктатуры пролетариата в общенародное государство». Эти положения затем повторяли все многочисленные преемники Хрущева, что не исключало проклятий в его адрес как слева, так и справа.

Левые подчеркивали ограниченность официального развенчивания сталинизма, правые – его чрезмерность. Жестокие преследования проблесков многоголосья мнений и свободы организации, по сигналам ЦК сдабривались слухами о возможном воскрешении культа непогрешимости Сталина. Правозащитников теперь не только отправляли в лагеря. Лишая родины, их изгоняли из страны, сажали в психушки, которые, по утверждению Солженицына, были похуже крематориев, либо с клеймом тунеядцев высылали из городов в таежную глушь.

Тех же, кто, одаривая властей, фарцевал, создавал подпольные производства, раздавал и получал взятки т. д. по выборочным сигналам судили с широкой оглаской уголовных процессов. В таких случаях их приговаривали к расстрелам и длительным срокам заключения. Среди них преобладали еврейские фамилии, преднамеренно создавая общественный фон для проведения антисемитской политики в стране.

Преследования евреев под предлогом борьбы с еврейскими сионистами, отстаивающими «империалистические цели» Израиля и США, были поставлены во главу угла и международной политики: СССР был единственной страной, осудившей похищение моссадом организатора гитлеровского холокоста Эйхмана, проживавшего в Аргентине под вымышленной фамилией.

Проводившаяся политика подрывала отношения России с многочисленным русскоязычным населением Израиля, высоко ценившим свои культурные связи с покинутой родиной. «Мой приятель в кибуце, немецкий еврей, говорил мне, – пишет Р. Гуль о годах холодной войны, – «Скажи, пожалуйста, почему это так: когда евреи говорят о Германии, то никакого восторга нет. Когда евреи говорят о Франции – то же нет. Но только стоит нашим евреям заговорить о России и о русской литературе, они приходят всегда в какой-то невероятнейший восторг».[30]

[30] Гуль Р. Я унес Россию. Т. III. С. 285.

Сегодняшний антисемитизм в России не имеет ничего общего с антисемитизмом эпохи самодержавия. Он выпестован КПСС. Ныне продолжателями ее антисемитских традиций являются коммунисты КПРФ и их детище – РНЕ (Русское национальное единство) с атрибутикой, полностью заимствованной у гитлеровцев. Фашистская свастика военного лихолетья, вновь появилась на улицах наших городов вместе с кровавыми «подвигами» ее носителей (осквернение синагог, избиения и убийства евреев, африканцев и других неарийцев), позорящих страну, понесшую наибольшие жертвы в борьбе с нацизмом.

Борьба с антисемитизмом – неотделимая составная часть последовательного развенчивания культа Сталина начавшегося после XX съезда. Одним из главных препятствий на этом пути была жесткая цензура всех средств массовой информации, позволявшая КПСС опутывать население СССР беспардонной ложью о его прошлом, настоящим и будущем. Начало сокрушительного разрушения цензурных рогаток положил замечательный русский поэт Владимир Высоцкий.

В магнитофонных записях его песни о подвиге советского народа во второй мировой войне, о жизни и бедах всех его слоев лились от края и до края не только на просторах нашей необъятной родины, но и в странах, оккупированных Советской Армией, чему способствовало принудительное изучение русского языка. Немалую долю своего творчества он посвятил едкому высмеиванию насаждавшегося коммунистами антисемитизма. Не случайно, его песни стали позднее органической частью идеологии демократического движения, которое в нашей стране возглавил Ельцин.

Владимир Высоцкий до сих пор остается любимым народным поэтом. Его самоотверженные поиски жизненной правды, помимо терзаний, порожденных преодолению цензурных препон, были к тому же омрачены личной трагедией. Отец Высоцкого информировал КГБ о том, чем занимался поэт. Подобные доклады в КГБ о своем сыне возможны были только в коммунистической России, где

доносительство еще с ленинских времен было возведено в ранг высшей добродетели.[31]

Чем дальше отдалялось время изгнания гитлеровцев с оккупированных советскими войсками территорий, тем большую головную боль причиняли КПСС происходившие здесь события, обусловленные неистребимостью демократических традиций и несоизмеримо более высокими доходами населения, чем в СССР. Попытки КПСС установить по советскому образцу тоталитарное единомыслие и понизить жизненный уровень масс до голодного советского уровня порождали в Восточной Европе всеобщие протесты, которые, становились примером для многострадального российского народа.

В частности, в 80-х гг., вновь поднялась стачечная волна вслед за ее спадом после новочеркасских событий 1963 г. Забастовки прошли в Тольятти, Ярославле, Муроме и других городах, но они были территориально разрозненными и не связанными друг с другом. Характерное для стран Восточной Европы антитоталитарное возмущение масс в масштабе всей страны было достигнуто в России лишь в дни ликвидации путча в августе 1991 г.

В оккупированной Восточной Европе первые антисоветские забастовки и демонстрации прошли в Чехословакии в 1948 г., когда Сталин посчитал, что население здесь живет в неподобающем ему довольстве. Организатором подавления этих выступлений был президент К. Готвальд, который еще в декабре 1929 г. заявил в парламенте в ответ «на обвинения в том, что КПЧ действует по указке Москвы»: «Мы – партия чехословацкого пролетариата и верховная наша революционная штаб-квартира действительно находится в Москве. А знаете, зачем мы ездим в Москву? Поучиться у русских большевиков, как

---

[31] "Ленин когда-то учил, – писал его соратник Г. С. Гусев, настоящая фамилия Драбкин Яков Давидович, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начали расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше – идти на доносительство". Яковлев А. Н. Вступление// Куруа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж., Черная коммунизма книга... С. 30.

получше свернуть вам шею. Надеюсь, вам известно, что русские большевики – большие мастера в этой области».[32]

Придя к власти на штыках Москвы, К. Готвальд показал, как надо «свертывать шею своему народу». В течение нескольких месяцев после победного для коммунистов февраля 1948 г. в пятнадцати чешских и моравских городах и трех городах Словакии прошли забастовки и демонстрации против снижения уровня жизни. В последние месяцы 1951 г. они повторились вновь: во всех промышленных районах прокатилась волна стачек, заводских собраний протеста и демонстраций (только на улицы Брно вышли от 10 до 30 тыс. человек). В июне 1953 г. в знак протеста против денежной реформы, снижавшей жизненный уровень всех, вновь прекратилась работа на десятках крупнейших промышленных предприятиях. В городе Пльзене манифестации переросли в уличные бои. «472 забастовщика и демонстранта были арестованы. Руководство КПЧ незамедлительно потребовало предоставить списки участников протеста с целью «изолировать их и поместить в трудовые лагеря». Объявившая себя партией революционного пролетариата КПЧ, первой показала пример того, как надо в странах народной демократии расправляться с революционными выступлениями: половину всех арестованных органами государственной безопасности в 1951-1952 гг. составили рабочие, на втором месте – конторские служащие, за ними шли крестьяне.[33]

В ответ на требования КПСС повсеместно снижать заработную плату география протеста в 1953 г. расширилась. 16 июня бастовавшие рабочие Берлина вышли на демонстрацию. Для подавления их выступления впервые были использованы советские войска. В итоге 16 демонстрантов были убиты, сотни ранены. 12 тыс. чел. приговорены к различным срокам тюремного заключения.

В июне 1956 г. эстафету подхватила Польша, где забастовали рабочие, обслуживавшие железные дороги. Население приветствовало их одобрительными криками

[32] Бартошек К. Центральная и Юго-Восточная Европа. "Импортный контроль"//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж., Черная коммунизма книга... С. 377.

[33] Там же. С. 388-389.

«хлеб и свобода». При подавлении забастовки были убиты десяток человек. Чтобы весь мир узнал об этом злодеянии перед заводом «Фиат» демонстранты развернули залитый кровью польский флаг. Более того, Варшавский городской комитет компартии распорядился раздать оружие рабочим столицы. Они были готовы оказать сопротивление советским войскам, если бы те вступили в город.[34]

В ноябре 1956 г. произошли известные события в Венгрии. К этому времени на предприятиях венгерской столицы рабочие избрали советы, требовавшие убрать советские войска с территории Венгрии, ликвидировать систему поставок сельхозпродуктов по немыслимо низким ценам, сформировать правительство с участием социал-демократов. В ответ на это советские войска обманным путем вошли в столицу, где в течение трех дней население вело бои с вооруженными до зубов захватчиками. В провинции сопротивление продолжалось две недели.

Власть венгерской компартии во главе с Ракоши с самого начала держалась на жесточайшем терроре, опиравшимся на оккупационные войска. Только с 1950 г. по 1953 г. здесь побывало в тюрьмах 387 тыс. чел., или, иначе говоря, свыше 5% населения.[35] Подавляя восстание, Андропов восстановил ее неограниченную власть ценой расстрела трех тыс. чел. и ареста 25 тыс. чел., приговоренных к различным срокам заключения. Многие тысячи венгров бежали за границу.

В августе 1967 г. войсками стран Варшавского договора была задушена «нежная революция» в Чехословакии, окончательно разрушив последние иллюзии того, что коммунистические режимы могут ужиться со свободой слова, стачек и демонстраций. Это же в очередной раз доказала забастовка в Гданьске (Польша), где в декабре 1970 г. бастовали рабочие балтийских портов против повышения цен на продукты первой необходимости. Забастовка была беспощадно подавлена, сотни демонстрантов – убиты или ранены.

[34] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 615.

[35] Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. New York, 1989. С. 109.

Несмотря на жесточайший террор, Восточная Европа буквально бурлила от негодования против тоталитарных деяний советских оккупантов. «Согласно данным подпольных источников только в Польше с конца 1981 г. до конца 1987 г. появилось 1500 подпольных газет и журналов и около 2400 книг и брошюр. На их основе здесь возникло большое число конспиративных политических группировок, начиная от левых социал-демократических до более консервативных – католических и даже правых ультрапатриотических».[36]

Оккупированная советскими войсками Восточная Европа напоминала раскаленный котел, требовавший постоянного выпуска пара негодования масс, перед глазами которых стоял облик уверенно процветающей «капиталистической» Европы. Ее достижения особенно искушали устремлявшееся переселяться на Запад население ГДР, в связи с чем 13 августа 1961 г. была воздвигнута знаменитая Берлинская стена.

Пользовавшиеся успехом в СССР методы коммунистического переключения гнева масс на мнимые еврейские козни в странах Восточной Европы не срабатывали. Антисемитизм давал эффект лишь в коммунистических кругах при разборках (по указаниям Москвы) внутри партийно-государственного аппарата. Из него изгонялись еврейские коммунисты, признававшиеся под пытками в шпионаже в пользу Израиля и США. Что же касается самого населения, то здесь антисемитизм, как правило, не давал нужного коммунистам эффекта, поскольку ассоциировался с ненавистным расовым гнетом местных и пришлых нацистов, давно покинувших в страхе наказания места своих злодеяний.

В тех же случаях, когда к спровоцированным коммунистами гонениям подключались низы (Румыния, Польша), евреи переселялись (но не в ГДР)[37] на территорию

[36] Там же. С. 118.

[37] В то время как в Западной Европе и прежде всего в Австрии, Италии и Западной Германии тщательно собирались документы для предъявления обвинений лицам, участвовавшим в уничтожении евреев, в Восточной Германии по сигналу из Москвы поступило распоряжение закрыть все дела, связанные с этими злодеяниями. "Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками... С.

бывших фашистских государств Австрии, Италии и Западной Германии, где любые антисемитские проявления приравнивались к тягчайшим уголовным преступлениям. Для многих из них переселение было лишь промежуточным этапом на пути в Израиль.[38]

В отличие от СССР периода «великого перелома», в оккупированной Европе не срабатывали и тоталитарные пугала в лице крестьян, отказывавшихся продавать властям продовольствие по немыслимо низким ценам. Им помогало все население города и деревни укрывать имущество и скот, как это было, например, в Польше.

Пусть читателя не удивляет, что сведения об антисоветских выступлениях в странах Восточной Европы, мы черпаем из зарубежных исследований. В отечественной литературе, насколько нам известно, специальных монографий по этому вопросу нет. Статьи же в журналах и сборниках зачастую написаны так, чтобы обелить сталинский тоталитарный режим и режим его преемников. В этом отношении весьма типична статья руководителя Центра военной истории Института российской истории РАН Куманева Г. А., который пишет: «Сталин видел решение задачи превращения СССР в великую державу не только в сохранении за собой приобретенных в 1939-1940 гг. территорий, но и в создании за собой пояса безопасности (речь шла о германской угрозе) по периметру его европейских границ из дружественных государств – надежных партнеров, находящихся под влиянием, а еще лучше – контролем

XVIII. Совсем недавно эти дела по инициативе Путина стали достоянием гласности.

[38] Джек Пэт, секретарь Еврейского рабочего комитета в конце 40-х гг. опубликовал в "Jewish Daily Forward" серию статей о судьбе польских евреев, бежавших в СССР. По его данным, 400 тыс. из них были помещены в концлагеря и трудовые колонии. К концу войны 150 тыс. из них решились снова принять польское гражданство, чтобы бежать из СССР. Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга. С. 303. Погромы в Польше вынуждали их переселяться в Израиль. О том, какие мытарства приходилось преодолевать на пути в Израиль свидетельствует замечательный роман Юриса Л. Исход. М., 2003.

Москвы».[39] И это называется новым подходом? Без критических замечаний такого рода пассажи служат прославлением сталинской подготовки к предстоящей, по его замыслам, мировой войне.

В отличие от Куманева Г. А., мы старались показать, что проводившаяся Москвой политика была попыткой расширения западных границ Советского Союза. В связи с этим принимались меры по проведению насильственной коллективизации и форсированию индустриализации с тем, чтобы в перспективе восточноевропейские страны превратились в составную часть тоталитарного СССР.

Как писал в свое время американец Дж. Кенан о Советском Союзе, «никакая правящая группа не может править своим народом, только обращаясь с ним как с преступниками. Отсюда возникает тенденция оправдать политику угнетения внутри страны ссылками на опасности, грозящие ей со стороны порочного внешнего мира. При таких условиях мир должен изображаться как в высшей мере порочный – вплоть до карикатурных пределов. Менее сильные средства здесь не помогут».[40]

Действительно, весь мир за пределами СССР и его союзников в советских средствах массовой информации изображался в виде кладезя враждебных нам пороков. В индустриальной Европе при неизменности границ указывалось на противостояние коварного НАТО вынужденным защищать независимость странам Варшавского договора. Естественным следствием такого рода противостояния были проклятия и угрозы вплоть до применения атомных бомб. На аграрном Востоке с его огромной массой деклассированных крестьян возникали просоветские режимы. В борьбе с империалистами они нуждались в оружии с обслуживающим советским персоналом, начиная от «добровольцев» и кончая «ограниченными контингентами войск».

---

[39] Куманев Г. А. Вклад советской военной экономики в победу//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов. Современные подходы... С. 96.

[40] Цит. по: Гуль Р. Я унес Россию. Т III... С. 274.

В послевоенный период начало этой политики положила передача оружия китайским коммунистам, решившая исход их борьбы за власть. В 1949 г. они распространили ее на территорию континентального Китая. Не прошло и года после этого, как по настоянию Москвы Северная Корея напала на Южную, тщетно пытаясь распространить свою власть на весь Корейский полуостров. На Западном краю Восточного мира Советский Союз в это время добивался установления своей опеки над Ливией, рассчитывая иметь военную базу в Средиземном море. Но страна была передана под опеку ООН. В 1956 г. при поддержке СССР добровольцами и оружием Египет напал на Израиль. В качестве инструкторов при содействии КГБ в Египте осели видные эсесовские чины.[41] В 1958 г. на Ближнем Востоке разразился новый кризис, затронувший Ливан, Сирию и Иорданию. Советский Союз использовал его для укрепления своего военного присутствия в Сирии и Ираке. В 1962 г. Советский Союз поддержал революцию в Йемене. В 1966 г. началось вторжение советских войск на территорию Афганистана, где впервые на Востоке в борьбе за национальную независимость против советских войск поднялось все население, отбив навсегда охоту посылать войска своим восточным сателлитам.

Как и взрывы национального возмущения присутствием советских войск в странах Восточной Европы, так и события в Афганистане отражали общий кризис экспансионистской политики КПСС, стремившейся под флагом тоталитарного социализма утвердить свое господство во всем мире. КПСС безуспешно следовала наставлениям Козьмы Пруткова, утверждавшего, чо « если бы вся вселенная обратилась в одно государство, то как не установить повсюду одинаковых законов». Внешнеполитический кризис был одним из важных, но не единственным проявлением неотвратимо нараставших тоталитарных противоречий в СССР.

---

[41] В частности, бывший шеф варшавского гестапо Леопольд Глейм (в Египте – Али Нашер), советник Гиммлера Бернхард Бендер (в Египте – полковник Ибн Салем), руководитель гестапо в Дюссельдорфе Иоахим Дэмлинг. Помо них были и другие выкормыши нацизма. См. Дайчман Иосиф "Моссад". История лучшей в мире разведки. Смоленск, 2001. С. 433.

Как известно, основу основ его экономики составляли внерыночные изъятия продовольствия у колхозной деревни, обеспечивавшие чрезвычайно низкие расходы на содержание работников, трудившихся вне сельского хозяйства. Подобные отношения города с деревней были возможны, пока численность городского населения была незначительна. Последовавшая форсированная индустриализация на базе массового вовлечения крестьян в городской сектор и их целенаправленное истребление в лагерях и спецпоселениях в конце концов привели к тому, что доля сельского населения резко сократилась и оно уже не могло при примитивных методах хозяйствования (средняя урожайность зерновых в РСФСР в 1976-1985 гг. равнялась примерно 13 ц. с га.[42]) снабжать города дешевым хлебом.

Если раньше деревня дотировала город, то теперь городу приходилось за счет бюджета дотировать ее, чтобы иметь возможность по-прежнему продавать населению хлеб по чрезвычайно низким ценам. В частности, затраты на освоение целинных земель Казахстана, мелиорацию районов промышленного Севера были огромны, эффект же – незначительный либо давал нулевой результат. «Необеспеченный производственной да и социальной структурой марш-бросок на целинные земли, – пишет Л. Н. Денисова, – отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной полосы РСФСР, и привел к росту общих потерь урожая зерновых до 25-30 и более млн. т.».[43] Этих потерь могло и не быть, если бы отношения деревни с городом строились бы на стоимостных отношениях. Целина, как и другие меры хрущевского и постхрущевского периода, лишь продлевали мучительную агонию тоталитарных отношений деревня-город.

Указанные Л. Н. Денисовой потери восполнялись за счет возраставшего импорта зерна из США, без которого существование советской милитаризованной экономики было бы невозможно. В 1960 г. импорт составил 200 тыс. метрических тонн пшеницы, в 1972 г. – 18 млн. тонн, в 1979 г.

---

[42] Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 354.

[43] Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996. С. 18.

– 25 млн. тонн, в 1982 г. – 35 млн. тонн. Тонна зерна, закупленного в США, обходилась нашим властям вдвое дешевле произведенного в СССР.[44]

Первоначально ведущим источником финансирования импорта зерна было золото. Однако стоило в 1963 г. закупить всего 9,4 млн. т. (около 10% валового урожая), как пришлось потратить 372,2 т. – почти треть золотого запаса страны.[45] В результате золото весьма быстро заменила нефть. Именно коммунисты, а отнюдь не демократы посадили страну на нефтяную иглу. Спасая свою власть, они превратили Советский Союз в сырьевой придаток стран с рыночной экономикой. «Экономическая расточительность и сопутствующая ей промышленная и технологическая отсталость, – пишет З. Бжезинский, – неблагоприятно сказались на способности СССР участвовать в международной торговле. Советский Союз все больше становился экспортером преимущественно сырья и минералов, подобно большинству стран «третьего мира», и был не в силах конкурировать с ведущими мировыми экспортерами промышленных товаров... СССР в 1985 г. по экспорту промышленных товаров перешел с 11 – го места, которое занимал в 1973 г., на 15-е. За эти годы его обогнали Тайвань, Южная Корея, Гонконг и Швейцария».[46] Экспорт дешевой неочищенной нефти и минералов позволял закупать за границей зерно, удерживая советскую милитаризованную экономику на плаву.

Ее затраты росли в первую очередь за счет удорожания производства при добыче полезных ископаемых, сооружении дорог, работе на военных объектах и т. д. Дело в том, что содержание производителя, прикрепленного к месту работы с зарплатой и ограниченным рабочим днем, обходилось дороже содержания заключенного в лагерях. Его рацион не ограничивался только хлебом и приготовленной бог знает из чего жидкой баландой. Ему требовались рыба,

---

[44] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 719.

[4545] Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство//Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Выпуск 2. М., 2000. С. 403.

[46] Бжезинский З. Большой провал.... С. 44.

мясо, масло и т. п., которые в прошлом отсутствовали в питании рабочих.

В этой связи поражает цинизм Горбачева. Во время сентябрьской поездки 1988 г. по Сибири «Горбачев услышал множество (как никогда раньше) жалоб на тяжелое продовольственное положение. Генеральному секретарю жаловались: нет колбасы, нет молока, нет сахара... Он отвечал, что причины, нехватки продовольствия в том, что советский народ ест слишком много. И приводил цифры роста потребления мяса, молока, рыбы и т. п. на душу населения. «Для полноты картины скажу, – добавил генеральный секретарь, что потребление яиц в 1965 г. составляло 124 штуки на чел., в прошлом году – 272 штуки» (Правда 18. 09. 1988)».[47] Если вычесть младенцев и значительную часть стариков, то окажется, что каждый взрослый в нашей стране съедал в то время по яйцу в день! Цифра воистину фантастическая.

На самом деле даже по расчетам швейцарского института, пользовавшегося официальными данными советского правительства, «покупная способность интеллигенции по сравнению с 1913 г. – это 32% от 100% покупной стоимости способности в 1913 году; покупная способность крестьян – 49%, покупная способность рабочих – 72%».[48] В действительности же эти официальные цифры при всей своей неприглядности завышали покупательную способность всех слоев населения, скрывая изобилие потребления коммунистического партгосаппарата.

Централизованное выделение фондов продовольственных товаров гарантировало изобильный стол «слугам народа». Рядовым же рабочим и служащим доставались лишь крохи. В Москве на предприятиях по жребию разыгрывались жалкие продовольственные заказы.

---

[47] Цит. по: Геллер М. Российские заметки 1980-1990. М., 2001. С. 686. Подобные высказывания отнюдь не были "человеческим лицом" социализма, а лишь его коммунистическими гримасами. Единственно, что сделал Горбачев для дальнейшего прогресса, были гласность и разрушение Берлинской стены.

[48] О положении и процессах в стране. К шестидесятилетию советского режима. Доклад, прочитанный Е. Р. Романовым на Посевской конференции во Франкфурте – на – Майне 8 октября 1977 г.// Романов Е. В борьбе за Россию. М., 1999. С. 123.

Их сменили визитные карточки москвича, по которым товары продавались в ограниченном количестве в одни руки. В конце концов, дело закончилось тем, что колбаса, мясо, масло в течение большей части дня совершенно исчезали с полок магазинов, где покупателей встречали нагло улыбавшиеся от безделья продавцы.

На периферии в это время вновь возродилась карточная система с дикими очередями, сопровождавшими их отоваривание. «Сорок лет спустя после второй мировой войны, – писал З. Бжезинский, – советское правительство все еще распределяет мясо по карточкам, а недавно ввело карточки и на сахар. Как сообщала советская газета «Неделя» от 27 июня 1988 г., для жителей Свердловска и Свердловской области выпущены «бледно-желтые талончики продовольственных карточек. В каждом подъезде есть уполномоченный, который их раздает. 800 гр. вареной колбасы ежемесячно... 400 гр. сливочного масла и 2 кг. мяса в год – к майским и октябрьским праздникам. По воскресеньям исчезают даже лапша и крупа: скупают деревенские».[49]

Одновременно с дефицитом продовольственных товаров рос дефицит промтоваров и услуг, обретая качественно новые черты: спрос на скудный ширпотреб, долголетие потребления которого обеспечивалось изготовлением товаров из отходов, предназначенных для военных нужд, сменился в городах и поселках спросом на проникавшие из-за границы модные иностранные товары, рассчитанные на быструю смену потребительских предпочтений. Появлению спроса способствовал демонстрационный эффект быта директората и примыкавших к нему слоев, привозивших из-за границы вожделенные вещи, либо получавших их в закрытых распределителях.

Еще больше способствовали этому кино и телевидение, демонстрировавшие изобилие советской жизни в условиях объявленного перехода к коммунизму. Причем советскому «изобилию» постоянно приходилось конкурировать с рядовым изобилием «загнивавшего» Запада, который показывался в фильмах, импортированных из-за рубежа. На наших экранах советские герои неизменно проживали в отдельных квартирах, были безупречно по

---

[49] Там же. С. 222.

последней моде одеты, их стол ломился от яств, и они не знали счет деньгам, кроме случаев, когда по забывчивости деньги оставались дома.

Под влиянием таких картин дефицит модных промтоваров и услуг все более выходил за рамки, контролируемые компартией. Отчасти он восполнялся за счет импорта и подделок под него, производившихся в подпольных мастерских под прикрытием коррумпированных властей.

До тех пор, пока рабочие не знали ничего, кроме «длинных как сроки» бараков, они мирились со своим неприглядным существованием. Когда же с экранов кино и телевидения их убедили, в каком достатке должны жить советские люди «в условиях перехода к коммунизму», их собственная нищенская жизнь стала невыносимой. На этой почве идеи протеста по нарастающей постепенно овладевали массами, все более превращаясь в грозную материальную силу.

Чтобы сбить накал возмущения, политбюро и ЦК принимали отчаянные меры, сочетая усиление административного принуждения с идеологическими кривотолками о вредном влиянии западной культуры. Отовсюду шли призывы к патриотизму и защите национальной самобытности. Много говорилось и писалось также о стилягах, не признававших норм одежды и поведения, которые им предписывали одетые в модную униформу власти.

На фоне этих заклинаний о национальной самобытности, патриотизме и т. п. антисемитская пропаганда получила дополнительный импульс. Антисемитизм в эпоху «перестройки», – пишет М. Геллер, – не только достиг интенсивности, неизвестной ранее в Советском Союзе. Он приобрел новое качество – стал массовым официально. До «гласности» антисемитизм жил как бы на двух уровнях: на бытовом и «академическом». Евреи испытывали различного рода неприятности в квартире, на улице, на работе, выходили многотысячными тиражами «научные труды», курируемые специальными институтами Академии Наук, занимавшимися организацией «борьбы с сионизмом». После 1985 г. эти два потока объединились; появились неформальные объединения «Память». Несколько журналов («Наш современник», «Молодая гвардия» и др.) превратили борьбу с

евреями в ось своей публицистики. Организуются массовые митинги, на которых разоблачается прямая и оккультная деятельность евреев... Идеологи антисемитизма выступают по телевидению. Евреи изображаются как сила Зла, всегда, испокон веков, вредившая русскому народу».[50]

Все имеет свои закономерности. В годы перестройки антисемитизм наконец-то получил официально признанную гласность вместе с официальным признанием его главного рупора – пресловутой «Памяти», предшественницей РНЕ. Однако антисемитские митинги и соответствующие выступления средств информации уже были не в состоянии собирать подлинно массовую аудиторию. Подавляющее большинство митингующих составляли коммунисты и комсомольцы с их вечно «беспокойными сердцами». В обстановке подъема демократического движения население интересовало не выяснение корней еврейского зла, а то, кто окажется в выборных организациях, кто будет добиваться улучшения условий труда и быта.

Национальным гонениям, разумеется, подвергались не одни только евреи. Они лишь находились на низшей ступени завещанной Сталиным национальной градации, в которой высшее место отводилось русским. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу советских немцев, которым было отказано в возвращении конфискованной собственности вместе с возвратом в места прежнего проживания. В таком же положении оказались репрессированные крымские татары, чеченцы, калмыки и т. д. Когда же после войны в министерстве иностранных дел встал вопрос о судьбе репрессированных немцев Громыко цинично заявил: «Какие немцы? В Советском Союзе никаких немцев нет. Поэтому никаких переговоров о репатриации и быть не может!».[51]

Особое место в этой политике занимал геноцид народов Прибалтики, откуда постоянно выселялись коренные жители, замещавшиеся поощряемым притоком «русскоязычного» населения. Пришлые охотно оседали здесь из-за более высокого, чем в среднем по СССР, уровня жизни,

---

[50] Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 367.

[51] См. Бугай Н. Ф. Народы Украины в “Особой папке Сталина”... С. 25.

обусловленного существованием неистребимых рыночных традиций К 1989 г. доля латышей сократилась до 52%, эстонцев – до 61,5%. В меньшей мере эти несчастья коснулись Литвы, где почти две трети населения проживали в сельской местности, тогда как пришлые русскоязычные селились в городах.

В итоге население Прибалтики с его замечательной древней культурой оказалось на положении второсортных граждан. Ведущие государственные организации имели дело с документацией, присылаемой из Москвы. Коренные писатели были лишены возможности работать с ней на родном языке. Его вытеснял русский, давая пришлым преимущества при приеме на работу и в учебные заведения, продвижении по службе и т. д. Местные допускались только в тех случаях, если они свободно владели русским языком.

Что касается Западной Украины, то здесь партийно-государственный аппарат формировался за счет обрусевших выходцев из Восточной Украины. Западные украинцы считали их своими врагами, как и участников воинских подразделений, с которыми вели вооруженную борьбу. Они добивались создания независимого украинского государства, свободного от тоталитарного гнета Москвы.

За годы холодной войны гигантски разросшийся военно-промышленный комплекс превратился в непосильное бремя. С 1970 по 1985 г. резко сократился рост как совокупных вложений в основной капитал, так и чистых капиталовложений. В середине 80-х гг. на долю пищевой и легкой промышленности приходилось лишь 21,5% индустриально добавленной стоимости, что было немного меньше показателя 1980 г.[52]

Возможности внедрения наукоемких технологий в оборонную сферу из-за сократившихся капиталовложений, как и сегодня в КНДР, оказались исчерпанными. Развиваться вширь по этой причине военный сектор не мог. По этой же причине он не мог развиваться и вглубь. Началось прогрессирующее отставание качества его продукции от качества военной продукции противоборствовавших с Москвой держав. «Промышленность,- пишет Е. Романов,-

[52] A Study of Soviet Economy. Paris, 1991. P. 12, 15.

большая часть наших предприятий (свыше 50%) – устаревшее оборудование; мы должны закупать за границей высококачественную сталь, так как не можем производить сами; мы отстаем в важнейших отраслях промышленности, например, химия, электроника (по числу ЭВМ мы занимаем 17 место в мире); мы вынуждены закупать современную технологию на Западе».[53] При сокращавшихся, добавим мы, возможностях делать такие закупки.

К этому времени, в индустриальных странах основным производителем и потребителем наукоемких технологий стали не военные, а гражданские отрасли. В этом отношении особенно показательна Япония, где до половины объема промышленного производства составляло производство изделий электроники, обеспечивая самые высокие в мире качество техники и производительности труда. В свою очередь информационные технологии гражданских отраслей (разумеется, в модифицированном виде) здесь с успехом применялись и применяются до сих пор, как в целях освоения космоса, так и в решении оборонных задач.

На фоне этих изменений отставание СССР от индустриальных стран с рыночной экономикой в послевоенный период возрастало из года в год, перерастая в необратимый кризис, сопровождавшийся понижением и без того низкого уровня жизни трудящихся. По заявлению Горбачева 17 февраля 1988 г., за исключением продаж водки (в 1984 г. на алкогольную продукцию приходилось 16% розничного товарооборота – Ю. И.) и роста цен на нефть, советская экономика в течение 20-ти лет топталась на месте.[54] Единственным выходом из кризиса было свертывание военного производства в пользу гражданских отраслей, что в свою очередь требовало ликвидации системы тоталитарного распределения потребительных стоимостей и замены его рыночными методами регулирования экономики.

Первые признаки этого кризиса четко обозначились еще в 50-х гг., когда стало ясно, что посредством централизованного планирования уже не возможно

[53] Романов Е. О положении и процессах в стране... С. 121.

[54] Roberts P., La Follette K. Meltdown inside the Soviet Economy. Washigton, 1990. P. 1.

распределить все потребительные стоимости. Пока число индустриальных предприятий было невелико, система централизованного планирования и распределения продукции «единой фабрики» могла функционировать без перебоев. Однако, возможности такого распределения все более сокращались из-за возраставшего количества показателей, которыми ей приходилось оперировать. В 1937 г. фондировалось около 250 видов продукции с бесчисленными детальными предписаниями в каждом *индивидуальном* случае способов и норм ее использования, а также кому и в каком количестве отгружать произведенное. По мере же постоянного форсирования военного производства количество видов продукции, как и количество связей, обусловленных ее централизованным распределением, возрастало стремительными темпами. В 1940 г. фондировалось уже 450 видов.[55] В начале 50-х гг. этот показатель составил 10 тыс.[56]

К этому времени Госплан СССР уже не мог централизованно оперировать ставшими неисчислимыми для него показателями. В итоге в первой половине 50-х гг. в его ведении осталось менее 2-х тыс. наименований фондируемой продукции, а остальное было передано в ведение республиканских госпланов. Спасая тоталитарную систему, политбюро заложило экономические предпосылки развала *союзной* «единой фабрики», а вместе с ней и самого СССР.

Наряду с *союзной* «единой фабрикой», стали расти *республиканские.* Интересы их были разные. Республиканские «единые фабрики» ведали в основном производством потребительских товаров и услуг, союзная – производством вооружений в рамках центральных министерств. Их сосуществование в пределах советского государства было возможным, пока военное производство скрепляло экономику всей страны, а производство товаров личного потребления и услуг в противовес ему влачило жалкое существование. Как говорил еще Троцкий, «своеобразный закон советской промышленности можно

[55] Granick D. Management of the Industrial Firm in the USSR. A study in Soviet Economic Planning. N.Y., 1954. P. 135.

[56] Dовв M. Socialist Planning. Some Proвlems. L., 1970. P. 18.

сформулировать так: изделия по общему правилу тем хуже, чем ближе к массовому потребителю».[57]

Зарплата в городах вместе с отчислениями на социальные нужды была наиболее низкой. Она составляла не более 20% ВВП (в странах с рыночной экономикой этот показатель был близок к 60%). В то же время «по размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал капиталистические страны».[58] «80% ВВП брало на себя государство (на нужды партийно-чиновничьего аппарата, военно-промышленного комплекса, армии, КГБ, на поддержку «революционных» режимов, на разворовывание)».[59] Стоило только устаревавшему военно-промышленному комплексу со временем стать ненужным, а производству потребительских товаров приобрести первостепенное значение, как существование республик в рамках единого государства стало невозможным.

При наличии в начале 60-х гг. 42 тыс. промышленных предприятий, стоявших на самостоятельном балансе, и 19 тыс. строек производственного назначения «номенклатура *централизованно* (курсив мой Ю. И.) распределяемой продукции, – писал в 1965 г. О. Некрасов, – включает примерно 6,2 тыс. наименований предметов труда и около 11,8 тыс. орудий труда, машин, оборудования и приборов. В качестве самостоятельных позиций в номенклатуру централизованно распределяемой продукции включены оборудование, машины и приборы по типам, диаметрам, грузоподъемности, маркам, емкости, напряжению и другим техническим параметрам».[60] В годовых планах предприятиям устанавливались до 500 показателей, регламентировавших их хозяйственную жизнь.[61]

[57] Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. (написана в 1936 г.) . С. 14.

[58] Там же. С. 106.

[59] См: Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С. 25.

[60] Некрасов О. Отраслевой принцип управления промышленностью и технический прогресс//Вопросы экономики, 1965. 5. С. 20.

[61] Там же. С. 3.

Проконтролировать из единого центра выполнение такого множества показателей никакими административными мерами было невозможно. Централизованное планирование из основы навязываемого сверху тоталитарного порядка на деле превратилось в источник анархии, разрушавший этот порядок. Независимо от задач, поставленных министерствами, планы предприятий стали устанавливаться по пресловутой «отчетной базе», исходя от достигнутого уровня, который сами руководители всякими правдами и неправдами занижали, порождая еще больший хаос в снабжении и отгрузке готовой продукции. В связи с этим росла армия толкачей, представительские расходы которых намного превосходили жалкие директорские фонды.

Стремясь покончить с хозяйственным хаосом, директора требовали предоставить им право самим устанавливать прямые хозяйственные связи и решать собственные производственные проблемы, имея в своем распоряжении достаточно денежных средств. Тем самым впервые наметились, пока еще в неразвитом виде, противоречия руководителей предприятий с контролировавшими их деятельность управленческими структурами «единой фабрики». Выдвигавшиеся требования пока не отрицали существование последней и сводились лишь к тому, чтобы приспособить ее к сложившимся реалиям, обусловленным тем, что на вверенных им предприятиях главной проблемой стало не изготовление плановой продукции, а приобретение компонентов, необходимых для ее изготовления.

Именно эти настроения директората отражал проект реформ харьковского экономиста Е. Г. Либермана, опубликовавшего в «Правде» 9 сентября 1962 г. статью «План, прибыль, премия». Позднее статья была дополнена его же публикацией в «Правде» 20 октября 1964 г. под названием «Еще раз о плане, прибыли и премии». Этот разрыв в публикациях, с одной стороны, свидетельствовал о том сопротивлении, которое оказывал партийно-государственный аппарат предложенной им реформе, с другой, – о тех закулисных силах, поддерживавших директоров, интересы которых выражал автор. Среди тех, кто поддерживал идеи Либермана были крупнейшие советские

экономисты Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов.

Е. Г. Либерман предлагал свести централизованное руководство предприятиями лишь к объему продукции в номенклатуре и срокам ее поставок с тем, чтобы предприятия сами составляли свои собственные планы, включавшие показатели по производительности труда и численности работающих, заработной плате, себестоимости продукции, накоплениям, капиталовложениям и новой технике. Таким образом, бесчисленные натуральные показатели того, как и что делать свелись бы к стоимостным отношениям, свойственным рынку.

Естественно, что при этом громоздкие централизованные планы в натуре превратились бы в стоимостные планы государственных заказов, тогда как само планирование, исходя из наличных заказов, стало бы уделом директоров, которые таким образом получили бы возможность самим разрабатывать необходимые для себя производственные показатели, находившиеся до этого в ведении центральных партийно-государственных структур. Фактически, рассматриваемая реформа предлагала симбиоз «единой фабрики» с финансовой самостоятельностью предприятий, в котором возглавлявшим их директорам принадлежала бы ведущая роль.

Как известно, система тоталитарного распределения потребительных стоимостей покоилась на существовании острейшего дефицита, когда каждый директор стоявшего на самостоятельном балансе предприятия был рад заполучить любой независимо от качества компонент, необходимый для выпуска плановой продукции. Теперь же эти директора требовали предоставления им права самим удовлетворять спрос на компоненты изделий госзаказов, порождая при этом характерный для рынка избыток предложения с присущей ему конкуренцией производителей, безработицей и прочими атрибутами рынка. Иными словами, теперь целью должно было стать не выполнение навязанного во всех мыслимых и немыслимых натуральных деталях плана, а выполнение требований заказчиков при максимальной финансовой прибыли предприятия.

Пойти на такой шаг руководство «единой фабрики» не могло, ибо он разрушил бы ее вместе с иерархией

партийно-государственных должностей. В то же время и планировать по старому было уже невозможно. После длительных и мучительных обсуждений, время от времени выплескивавшихся на страницы «Правды» и других газет, был принят косыгинский вариант, сводившийся в сущности к появлению в распоряжении директоров большего по сравнению с прежним денежного фонда, использовавшегося для премирования инженерно-технических работников и служащих, выступавших главным образом в роли толкачей. Что касается рабочих, то их премирование из этого фонда было крайне редким.[62]

В уродливом виде идеи Е. Г. Либермана были воплощены и в аграрном секторе, переведенном на прямое банковское кредитование. «В соответствии с постановлением Совета Министров от 17 декабря 1965 г. «Об улучшении кредитования колхозов», – пишет Л. Н. Денисова, – начался постепенный переход колхозов на прямое банковское кредитование. До этого времени колхозы пользовались кредитами через заготовительные организации (конкурировавшие между собой – Ю. И.). Размеры авансов были недостаточны. Они не учитывали действительных потребностей колхозов в денежных средствах, не покрывали даже текущих денежных затрат... В течение всего производственного года хозяйства испытывали острый недостаток средств, поскольку оплата продукции производилась в основном в конце хозяйственного года. К июню 1967 г. на прямое банковское финансирование было переведено 97,8% всех колхозов».[63]

Используя рубль, советское правительство изымало в аграрном секторе максимально дешевую продукцию, не считаясь с убытками колхозов. В конце 80-х гг. общая кредитная задолженность сельхозпредприятий составила 230 млрд. руб.[64] В 1980 г. фонд оплаты труда в колхозах составлял 96% их валового дохода. Ни о каком расширенном воспроизводстве теперь не могло быть и речи. К этому времени призванная обеспечивать город дешевой продукцией

[62] См. напр., "Вопросы экономики" М., 1966. № 6. С. 13.

[63] Денисова Л. Н. Исчезающая деревня... С. 20.

[64] Там же.

колхозная форма производства уже полностью исчерпала себя.

Что касается подвижек промышленности к рынку, то проводившиеся в середине 60-х гг. *робкие эксперименты* по реализации либермановских идей – созданию на предприятиях фондов развития производства, увязке размеров прибыли с рентабельностью, предоставлению предприятиям банковских ссуд и т. д. – были окончательно загублены отзвуками «морозов», погубивших «нежную пражскую весну».

Между тем, кризис тоталитарного централизованного планирования, скреплявшего в единое целое многопрофильное индустриальное хозяйство «единой фабрики», продолжал углубляться. «Во всяком случае, – писал в 1988 г. о советской экономике Алек Ноув, – если продукт имеет неоднородный состав либо размеры, показатели плана должны иметь обобщенный вид. На самом же деле, план включает 12 млн. различных продуктов с их полной спецификой, соответствующей 48 тыс. плановым показателям. Другими словами, в среднем каждый «продукт» в плановых предписаниях заключает 250 разновидностей. Учет такого количества разновидностей не в состоянии стать объектом детального систематического планирования. На нем тяготеет проклятие неисчислимости показателей; необходимость рассчитывать бесчисленные варианты делает невозможным управление народным хозяйством».[65]

Не случайно, С. Г. Струмилин, возглавлявший в течение многих лет теоретическую и практическую работу в Госплане, активно выступал против применения закона больших чисел в экономике СССР.[66] Он прекрасно понимал, что централизованное планирование натуральных показателей возможно лишь при условии их ограниченности. Отказ же от их бесчисленной множественности мог бы стать признанием того, что многопрофильное промышленное хозяйство уже не может мириться с существованием тоталитарных отношений, что оно настоятельно требует перехода к рынку.

[65] Nove Alec. The Economics of Feasible Socialism. L., 1983. P. 73.

[66] См. напр. Кольман Арншот (Эрнест) Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 198-199.

Возможности экономического роста в присущих для «единой фабрики» тоталитарных формах были полностью исчерпаны. Надвигался необратимый экономический спад вместе с понижением жизненного уровня масс. Чтобы выйти из тупика, по предложению Горбачева, вновь вернулись к идеям Е. Г. Либермана, которые затем пытались претворить в жизнь под названием курса «ускоренного развития».

Характеризуя этот курс, официальный комментатор экономической политики партии Р. А. Белоусов писал: «Следует ориентироваться: а) предприятия сами разрабатывают и утверждают пятилетние планы; б) отказ от финансирования капитальных вложений в действующие предприятия за счет государственного бюджета и переход к долгосрочному кредитованию и самофинансированию их производственного и хозяйственного развития; в) свертывание фондируемого материально-технического снабжения и переход к оптовой торговле средствами производства; г) переход к оплате труда в прямой зависимости от конечных результатов хозяйствования; д) предоставление предприятиям права самостоятельно выходить на мировой рынок».[67] За исключением права самостоятельного выхода предприятий на мировой рынок (потребность в мировом рынке гигантски возросла), цитируемый перечень повторил основные предложения, которые в свое время излагал Е. Г. Либерман.

Теперь его идеи готовы были поддержать значительно большее число лиц в руководстве ЦК КПСС вместе с ее Генеральным Секретарем. Но одно дело осознание необходимости, другое дело претворение ее в жизнь теми, кто был заинтересован в сохранении тоталитарной пирамиды партийно-государственных чинов. В итоге «ускоренное развитие» свелось к звонким пропагандистским фразам, оставляя на деле практически неизменным все, что складывалось в течение многих десятилетий.

Претворить «новый» курс был призван опубликованный 1-го июля 1987 г. закон о государственных предприятиях, оставлявший их в прежних рамках

[67] Белоусов Р. А. Коренная перестройка управления экономикой СССР. М., 1989. С. 10.

централизованного государственного контроля. Партийно-государственное руководство «единой фабрикой» продолжало в натуре разрабатывать программу долгосрочных инвестиций, распределять по предприятиям обязательные для исполнения заказы с оплатой по централизованно установленным ценам, а также централизованно устанавливать размеры причитающейся им прибыли. В 1988 г. на долю госзаказов приходилось свыше 90% индустриального производства страны.[68]

Указанные меры носили лишь декларативно рыночный характер, призванный отдалить переход к стоимостному обмену товаров и услуг. Между тем, темпы разложения экономического строя СССР убыстрялись, тогда как те, кто его возглавлял, не имели достаточного желания, чтобы его реформировать на новых началах. В таких случаях внешние факторы приобретают решающее значение, принуждая решительно сметать путы, тормозившие экономический прогресс. В 1989 г. рухнула печальной памяти берлинская стена, а вместе с ней наступил конец холодной войны, сделав ненужными как гонку вооружений, так и связанное с этой гонкой производство гигантских запасов оружия.

Окончание холодной войны сломало становой хребет тоталитарной экономики СССР. Всепоглощающее военное производство, на котором держалось ее существование, сразу же превратилось в бессмысленное бремя, в связи с чем в уже в 1989 г. началось сокращение государственных военных заказов, приоткрыв дорогу для роста производства продукции, удовлетворявшей личный потребительский спрос. Подобная закономерность, обусловленная сокращением военных заказов, присуща всем государствам. Наименьшие издержки при этом понесли США, где выпуск товаров для населения постоянно оставался на высоком уровне. Наибольшими эти издержки были в СССР, где выпуск товаров для населения был самым низким. Между тем вопрос о скорейшем переходе к производству гражданской продукции стал для советской промышленности вопросом жизни и смерти, органически включавшим ликвидацию натурального

[68] A Study of Soviet Economy... P. 27.

распределения всего и вся и замену его рыночными методами регулирования экономики.

Окончание холодной войны сказалось на всех сторонах жизни СССР. Среди них мы считаем необходимым выделить по крайней два его последствия: ускорение распада СССР и конец экспансионистской политики Советского Союза как на Западе, так и на Востоке. Существование вооруженных советской техникой раздутых национальных армий стран Варшавского договора утратило смысл. СССР тем самым лишился основного рычага воздействия на жизнь восточно-европейских стран, препятствовавшего их свободному национальному развитию. Что касается экспансионистской политики на Востоке, то СССР, конечно, мог направлять сюда под мифические кредиты избытки ставшего ненужным оружия, но уже при резко сократившейся численности советских инструкторов и прекращении передачи таявшей валюты на содержание выгодных для него партий и государственных деятелей.

К этому времени продажа оружия окончательно выродилась в нелепую затею. «С 1950 г. до 1975 г., – пишет Е. Романов, – т. е. за последние 25 лет мы продали оружия на 14,2 млрд. долларов, на 7% больше, чем за этот же срок продали американцы. Если учесть, что мы продаем оружие на 30-40% дешевле, то, следовательно, количество проданного нами оружия не на 7%, а соответственно больше, чем количество оружия, проданного американцами. Мы продаем оружие на выгодных для покупателя условиях, предоставляя обычно двух-трехпроцентный кредит на 10-12 лет. Правда, часто нам должники не платят».[69]

Другим следствием прекращения холодной войны было ускорение распада Советского Союза и образование независимых государств на базе бывших союзных республик. Борьба за независимость этих республик от русского гнета имела давнюю историю. Она усилилась в послевоенные годы в обстановке жесточайшего коммунистического террора, масштабы которого были особенно велики на захваченных накануне второй мировой войны территориях, включая часть Польши и Прибалтийские государства. «За 1940-1953 гг., – пишет Н. Верт, – из Прибалтики было насильственно изгнано

[69] Романов Е. О положении и процессах в стране... С. 139.

200 тыс. прибалтов, из них литовцев 120 тыс., латышей 50 тыс. и более 30 тыс. эстонцев; к этим цифрам следует добавить еще прибалтов, находившихся в Гулаге – в 1953 г. их было более 75 тыс. чел... В итоге 10% взрослого населения прибалтийских республик было выслано или находилось в лагерях».[70] Следует отметить, что в данном случае речь идет только о выживших в советских лагерях. В предвоенные годы кровопускание было значительно большим. Поэтому число репрессированного взрослого населения намного превышало 10%, указанных Н. Вертом. К тому же аресты прибалтов продолжались и в 60-70-х гг. Количество лишившихся родины и уничтоженных превысило катастрофический порог убыли коренного населения. КПСС целеустремленно проводила политику геноцида прибалтов.

Вместе с тем, очутившиеся в лагерях и спецпоселениях еще дома учились избегать домогательств чекистов. В лагерях они умело разоблачали сексотов в своих рядах и не позволяли вмешиваться в свои дела блатным, действовавшим совместно с лагерной охраной. Именно прибалтам и жителям Западной Украины в первую очередь принадлежит историческая заслуга организации в гулагах восстаний. Их героическая борьба ускорила освобождение подавляющего большинства политических узников всех народов Советского Союза.

Разумеется, эти годы борьбы за свободу и национальную независимость против советского тоталитарного гнета не могли пройти бесследно. До сих пор время от времени возникают определенные трения в отношениях Прибалтийских государств с современной Россией. Типичным примером могут служить российские демарши по поводу эстонского закона «О перезахоронениях» и сносе памятников. При этом сознательно либо невольно забывают, что народы Прибалтики добивались возрождения собственных государств. Забывают, что борьба советских войск с фашистами была борьбой за то, частью какой

[70] Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе//Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная коммунизма книга... С. 231.

тоталитарной империи станут прибалтийские народы – Гитлера или Сталина.

Суть возникающих в подобных случаях противоречий в свое время раскрыл Ленин. В статье «О национальной гордости великороссов» он писал: «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремления к своей свободе, но оправдывает и прикрывает свое рабство, ... холуй и хам». Холуями и хамами могут быть только те, кто оправдывает лишение независимости своей страны.

Народы, в том числе и эстонский народ, никогда не мирились с позорной ролью холуя и хама. Его упорная борьба за национальное освобождение своей страны способствовала освобождению от тоталитарного гнета всей России. «Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», – говорили Маркс и Энгельс и были безусловно правы.

Коллизии с Законом «О перезахоронении» порождены отнюдь не демократами, а националистами, как русскоязычными, так и прибалтами, требующими диаметрально противоположного: пересмотра границ, пересмотра отношения к русскому языку, культуре и т. п. И те и другие по-своему проповедуют позорные решения доставшихся от прошлого проблем. Не подлежит сомнению, что устремления и тех и других обречены. Чем раньше это произойдет, чем скорее общеевропейские ценности стабильности границ, свободы языка, культуры и т. д. станут для всех незыблемыми и самоочевидными, тем скорее межгосударственные трения сменятся возрастающим межгосударственным сотрудничеством при полном уважении суверенитета и независимости обеих сторон. Обстановка для этого уже давно созрела, о чем свидетельствует успешная майская поездка 2006 года в Латвию Патриарха Алексея. Его проповеди мира и согласия между народами находили одобрительный отклик в душах многочисленных прихожан как пришлого населения, так и коренных жителей.

Пора понять, что прибалтийские народы имеют длительную историю борьбы за независимость. Еще совсем недавно ее приходилось отстаивать в борьбе с экспансией СССР и диктатом Москвы, пытавшейся навязать тоталитарный режим. Протесты нашего МИД против

запрещения на территории Эстонии символики СССР также «обоснованы» как обязательность водружения советских флагов на улицах Праги, Будапешта, Белграда и т. д. Что же касается фашистской символики, то ее можно наблюдать и на наших улицах, периодически превращающихся в арены преступлений на почве расовой и религиозной ксенофобии. Как говорится, чем кумушек считать трудиться...

Выше мы уже отмечали, что еще в 50-х гг. в союзных республиках появились свои «единые фабрики» со своим республиканским распределением главным образом товаров личного потребления. В свою очередь указанные фабрики находились в зависимости от союзной, подчинявшей их гражданское производство производству военному. С прекращением холодной войны и углублением экономического кризиса, с одной стороны, ослабли экономические скрепы, удерживавшие республики в рамках единого государства (за первую половину 1990 г. по сравнению с соответствующим периодом 1989 г. ВНП СССР сократился на 1% , национальный доход – на 2%.[71]), с другой стороны усилилась борьба республик за расширение производства товаров личного потребления, призванного восполнить возраставший громадный дефицит. В итоге политические противоречия, сливаясь с нараставшими экономическими, предопределили необратимость распада СССР.

В 1990 г. вопрос о независимости стал осевым. Его признаком явилась череда республиканских деклараций о государственном суверенитете, застрельщиком которых была Российская Федерация. После принятия 12 июля 1990 г. Верховным Советом РСФСР Декларации о государственном суверенитете подобные декларации в 1990 г. были приняты Верховными Советами Украины, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, Башкирии, Калмыкии, Чувашии. 21 июля 1990 г. верховный совет Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 г. «О вступлении Латвии в состав СССР» не имеющей силы с момента ее принятия.

28 марта 1991 г. по призыву движения «Демократическая Россия» на улицы вышли около 50 тыс. чел. (данные официальные, явно заниженные), призывавшие

[71] См. Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 24.

поддержать политический курс Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина и учредить институт президентства в России. Они же протестовали против политики Горбачева и руководства КПСС, стянувших на улицы войска, БТР и милицию.[72]

Кульминацией противостояния республиканских и московских номенклатур ЦК КПСС явился заговор ГКЧП, во главе которого стояли вице-президент, премьер-министр, министры обороны и внутренних дел и председатель Верховного Совета СССР. Основные события разворачивались в Москве, где победителем стал Ельцин, провозгласивший независимость Российской Федерации вместе с запретом деятельности КПСС. Беловежское соглашение лишь довершило этот процесс.

Спектр сил возглавивших новые государства был крайне пестрый – от старой партийно-государственной номенклатуры, спешившей избавиться от московской зависимости, до демократов-рыночников. В России интересы демократов-рыночников наиболее последовательно отстаивал Ельцин, гордившийся тем, что, он, как сам заявил, «не допустил охоты на ведьм». «Мы не допустили революции!»- говорил он; «мы прошли между Сциллой и Харибдой, избежав революции».[73]

Действительно, после прихода Ельцина к власти никакого революционного слома советской государственной машины не произошло. Участники ГКЧП были помилованы и отправлены на покой. Значительная часть старой номенклатуры, получив повышение, заполнила вакансии реорганизованного Ельциным государственного аппарата. Последний непосредственно вырастал из старого советского, отторгая одновременно тех, кто, утратив свои былые привилегии, был не в состоянии трудиться вне рамок иерархии старого партгосаппарата. За счет отторгнутых пополнялись ряды добивавшихся реставрации завещанных Сталиным тоталитарных порядков. О связи советской

[72] См. "Правда" 30 марта 1991. Численность участников митингов "Демократической России" была сознательно занижена. Наиболее массовым митинг был в Москве.

[73] Цит. по: Белоцерковский В. Продолжение истории... С. 21.

номенклатуры с аппаратом ельцинской власти свидетельствуют данные нижеприведенной таблицы.[74]

Таблица 1. Советская номенклатура в постсоветской российской элите 1995 г. в %

	Окружение президента	Лидеры партий	Региональная элита	Правительство	Бизнес-элита
Всего из советской номенклатуры	75,5	57,2	82,3	74,3	61
В том числе:					
Партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1
Комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7
Советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3
Хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7
Другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2

Не вдаваясь в детальный анализ таблицы, отметим лишь несколько наиболее очевидных закономерностей. Во-первых, в окружении президента советская номенклатура состояла в основном из тех, кто в прошлом служил в госаппарате; во-вторых, наибольшую власть она сохраняла в провинции; в третьих, новые предприниматели были в основном комсомольцами и хозяйственниками, выдвинутыми партинстанциями на руководящие посты.

В России, где 80% населения трудились вне сельского хозяйства, основой перехода к рынку могла быть только реформированная промышленность. Трудности же заключались в том, что для этого нужно было не только освободить промышленные предприятия от пут централизованного планирования, но и в корне менять их производственный профиль: потребность в военной продукции чрезвычайно сузилась, тогда как конвертируемость

[74] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М, 1998. С. 219. Таблица составлена Крыштановской О.

военного производства в гражданское оказалась крайне ограниченной.

Парадокс истории: там, где милитаризованное производство «единой фабрики» базировалось на развитой многопрофильной индустриальной основе, начальный этап перехода к развитому рынку оказался сопряженным с большими трудностями, чем в отсталой аграрной стране, где «единая фабрика» со своим неразвитым милитаризованным хозяйством еще оставалась островом в море индивидуальных крестьянских хозяйств. В первом случае, рассматриваемый переход требует ликвидации военных основ индустриального потенциала для того, чтобы корпорации могли удовлетворить рыночный спрос, во втором, – рыночные отношения, начинаясь преимущественно в аграрной сфере, создают благоприятные условия для роста рыночных продаж индустриального производства, как это было, например, на Тайване, в Южной Корее и т. д.

В условиях неизбежной инерционности милитаризованного хозяйства первичный переход к рынку в нашей стране сказался не столько в том, что производила промышленность, сколько в том, что стало потреблять население. Его потребление подготавливало спрос на гражданскую продукцию промышленности, вынужденной мучительно скатываться с военных рельс. Иными словами, уже на начальном этапе ведущая роль в экономическом развитии принадлежала не военному производству, считавшемуся тоталитарной статистикой производительным, а торговле потребительскими товарами и продаже услуг, относимыми этой же статистикой к непроизводительным занятиям. Торговля и услуги стремительно расширялись, чему способствовал хронический дефицит, гигантски выросший в последние годы существования тоталитарной экономики.

В свою очередь дефицит порождал инфляцию. Только в 1988-1989 гг. было выплачено свыше 30 млрд. рублей неотоваренного фонда заработной платы.[75] Появление свободных цен обусловило их заоблачный взлет, позволяя на мизерный капитал сколачивать громадные состояния. На ниве сверхприбыльного производства товаров

[75] Трудный поворот к рынку. М., 1990. С. 65.

и услуг стремительно росли частные капиталы Баскина, Ходорковского, Аликперова, на той же ниве в строительстве металлических гаражей – капиталы Гусинского, на организации мытья окон – капиталы группы Альфа и т. д. В создававшихся ими позднее корпорациях их собственные капиталы утрачивали частную форму, обретая акционерный вид. В такие производства устремлялись не только бывшие подпольные дельцы и выходцы из номенклатуры, но и рабочие, ставшие лишними на своих замиравших предприятиях. За счет их оттока промышленность с ее простаивавшими мощностями избавлялась от излишка рабочей силы.

Основным же источником поступления товаров личного потребления была заграница. Отечественная промышленность не могла удовлетворить колоссально выросший платежеспособный спрос. И дело не только в том, что ее основные фонды были ориентированы на выпуск военной продукции. Разбросанные на бескрайних просторах Советского Союза многие виды товаров личного потребления выпускались за пределами РСФСР. Причем из 239-ти важнейших видов продукции бытового назначения 82 производились в традиционном ширпотребовском исполнении лишь на одном предприятии и около 90 видов всего на двух.[76] Импорт же, которым занимались тогда челноки, имел качественно иную основу по сравнению с потребительскими товарами эпохи тоталитарного социализма. В ближневосточном и турецком исполнении утверждались красочные образцы товаров массового потребления индустриально развитого мира, становившиеся теперь обязательным ориентиром для российской легкой промышленности.

В этих условиях ее глубокий спад был неизбежен. С 1991 г. по 1995 г. выпуск шерстяных тканей сократился с 386 млн. до 72,2 млн. квадратных метров, хлопчатобумажных – с 5295 млн. до 1240 млн., льняных тканей с 497 млн. до 133 млн. За эти же годы производство обуви сократилось с 336 млн. пар до 51,6 млн. пар. [77] В итоге круг покупателей

[76] Там же. С. 172.

[77] Петраков Н. Я. Российская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 253.

продукции легкой промышленности, бывшей и без того жалким отпрыском военного производства, в условиях перехода к рынку сократился еще больше, так как теперь не производитель, а потребитель стал определять, что нужно рынку.

Еще больше сократился круг покупателей у российской тяжелой промышленности. Ее конечная продукция, предназначенная для военных нужд, оказалась в основном никому не нужной. Между тем, только рынок с его диктатом потребителя мог обеспечить руководителям корпораций главенствующее место в экономике и политике реформированной страны, расширяя им возможности присвоения прибавочной стоимости.

В связи с этим руководители корпораций были непосредственно заинтересованы, с одной стороны, в сломе системы административной подчиненности главкам, министерствам и т. д. с их полномочиями что и как производить; с другой, – в предотвращении появления независимых от них инвесторов, которые могли бы смещать их с должности либо ограничивать их возможности бесконтрольно распоряжаться имуществом руководимых ими корпораций. Фактически они были заинтересованы лишь в том, чтобы иметь возможность распоряжаться корпорациями как своей частной собственностью. Поэтому они решительно отвергли ваучерную приватизацию, которую собиралось проводить правительство Гайдара- Чубайса.

Первоначально, по замыслу Чубайса, приватизация должна была производиться таким образом, чтобы 25% акций по номинальной цене получали бы работники корпораций, – 5% – директора, а остальные приходились бы на долю сторонних акционеров. Такое распределение могло быть возможным в условиях существования развитого фондового рынка, где капиталы корпораций представлены, как правило, множеством инвесторов, акции которых способствуют росту корпоративной прибыли.

Однако фондового рынка как такового в России еще не было. До полнокровных рыночных отношений было еще далеко. По инициативе директоров Верховный Совет 11 июня 1992 г. утвердил закон о приватизации, по которому руководители корпораций и их коллективы могли приобретать на ваучеры 51% акций, то есть Чубайс был вынужден пойти

на компромисс. В итоге директора и их немногочисленные клевреты получили возможность, скупая ваучеры, становиться обладателями контрольных пакетов акций предприятий, которыми они руководили. В соответствии с этим сценарием, в середине 90-х гг. было приватизировано девять десятых компаний.[78] Закон лишь юридически оформил в рамках РСФСР те отношения, которые стихийно складывались до него. Еще в 1990 г. до прихода Ельцина к власти в СССР был создан Союз Трудовых коллективов, представлявший почти всю тяжелую промышленность и научно-прикладную науку.[79]

Естественно, что проводившаяся приватизация породила всплеск споров о том, каким у России мог быть безболезненный путь к рынку, поскольку Чубайс, по мнению большинства тогда споривших, навязал самый худший «капиталистический вариант» реформирования страны. В дискуссиях по проблемам «капиталистического пути» принимали участие все корифеи нашей экономической науки Л. Абалкин, О. Богомолов, Д. Львов, С. Шаталин, Н. Шмелев и другие. В них участвовали и американские экономисты, на которых в качестве главных экспертов постоянно ссылались российские ученые, отстаивая свои мало рознящиеся программы.

И здесь нельзя не согласиться с В. Белоцерковским, который в этой связи писал: «Между этими программами нет принципиальной разницы, а главное, номенклатура, оставаясь у власти, никогда не позволила бы лишить ее возможности быстро и за государственный счет приобрести в свое *коллективное* владение самые важные куски госсобственности. «Гарвардская программа» была принята номенклатурой именно потому, что она наилучшим образом отвечала ее интересам. И Гайдар с Чубайсом отнюдь не были зачинателями злополучной реформы. Она вызревала исподволь, в «недрах старого строя», как любили говорить марксисты уже в эпоху Брежнева».[80]

---

[78] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism. Privatizing the Russian Economy. Itaca, 1997. P. 89.

[79] Белоцерковский В. Продолжение истории... С. 29.

[80] Там же. С. 23.

Примечательно, что созданная коммунистической номенклатурой бизнесэлита, как и в прошлом, демагогически прикрывала свои корыстные интересы защитой интересов рабочих. В частности, свой отказ от первоначального плана приватизации, выдвинутого Чубайсом, она мотивировала тем, что в нем недостаточно учитывались права работников, трудившихся в подлежавших приватизации заведениях. Появление же сторонних инвесторов, по ее заявлениям, угрожало обвальным ростом безработицы из-за неизбежного сокращения рабочих мест. На самом деле в условиях рынка все происходит с точностью наоборот: привлечение капиталов сторонних инвесторов способствует росту спроса на средства производства и рабочую силу, становится важной составляющей экономического подъема.

Если на рубеже 80-90-х гг. забастовочное движение было направлено против коммунистических властей и выдвинутых ими хозяйственников, то в начале 90-х гг. сами хозяйственники инспирировали забастовки и пикетирование с целью получения кредитов, льгот, дотаций и т. п. в защиту мифических рабочих коллективов. Общая численность бастующих в ноябре 1993 г. – сентябре 1994 г. в масштабах России была невелика – всего порядка 164 тыс. чел., представлявших 500 предприятий, что равнялось примерно работоспособному населению пары среднего размера областных городов. Стачки и пикеты начинались по сигналам новых предпринимателей. Их средняя продолжительность была всего около 4-х дней.[81] Зато воплей по этому поводу в средствах массовой информации хватало с избытком. Они были требованиями хозяйственников, добивавшихся государственных дотаций. С тех пор прошло свыше десяти лет. Однако требования передачи приватизированных предприятий в руки рабочих коллективов до сих пор продолжают не сходить со страниц коммунистической печати, призывающей вернуться назад, к эпохе, отягощенной многочисленными остатками тоталитаризма.

---

[81] См. Кацва А. М., Патрушев С. В. Трудовые конфликты и забастовки. Октябрь 1993-сентябрь 1994.//Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия, Казахстан, Украина, Белоруссия. М., 1994. С. 18.

Интересы красных директоров, разглагольствовавших о приоритете нужд рабочих коллективов, находились в непримиримом противоречии с теми, кто добивался скорейшего перехода к развитому рынку. В политике эти противоречия фокусировались в противостоянии законодательной и исполнительной ветвей власти, апогеем которого стало вооруженное столкновение между ними в 1993 г.. Законодательная власть в лице Верховного Совета была оплотом красных директоров, стремившихся в целях своего обогащения сохранить status quo, исполнительная власть – оплотом тех, кто добивался углубления рыночных преобразований. Это неизбежно вело к компромиссам, негативно сказывавшимся на реформировании страны.

Как справедливо говорил дальновидный Потанин, «ваучерная приватизация проводилась в интересах не инвесторов, а руководителей предприятий. Почти все директора из тех, кто только не были круглыми дураками, сохранили полный контроль над всем имуществом своих корпораций. Это был своеобразный компромисс. Если бы не удовлетворили интересы красных директоров, приватизацию осуществить не смогли бы. Из-за этого управление акционированными компаниями было чрезвычайно неэффективным. Руководители расхищали имущество и были некомпетентны (разумеется, по меркам цивилизованного рынка – Ю. И.)...[82]

Одно дело расхищать имущество, другое – умножать его в интересах рынка. Реконструкция промышленности с целью создания качественно нового производственного потенциала, рассчитанного на удовлетворение рыночного спроса, протекала замедленно. Приватизация разрушила «единую фабрику», но ее следы еще чувствовались на каждом шагу.

В условиях рынка имущество предприятий обесценилось, как и та продукция, которая сплошь да рядом не находила сбыта. В данном случае мы говорим о реальных рыночных ценах, а не об административно оцененном в годы тоталитарного социализма имуществе предприятий.

---

[82] Цит. по: Brady R. Capitalism. Russia's Struggle to Free its Economy. New Haven, 1999. P. 142.

Последние оценки были в десятки раз выше. Но если раньше их диктовала пропорционально наращивавшемуся военному потенциалу «единая фабрика», то теперь в условиях рынка эти оценки превратились в ничто, так как их значимость стал определять платежеспособный потребитель.

Стремясь избавиться от обесценившихся имущества и продукции и иметь при этом (что, казалось бы, было несовместимо) высокую прибыль, красные директора уповали на получение дармовых бюджетных субсидий. Повсеместное их раздаривание, как известно, было одной из главных черт экономического механизма рухнувшей «единой фабрики». Полученные субсидии, как и остальные денежные средства предприятий, можно было, не дожидаясь их инфляционного обесценения, переводить в банки, откуда они всякими правдами и неправдами переправлялись в оффшоры, где они оседали в иностранных банках на счетах красных директоров.

Пока бюджетные средства оседали за рубежом на счетах красных директоров, коммунисты считали это нормальным явлением. Тем более что с этих же счетов происходила финансовая подпитка коммунистических организаций. Хозяйственная номенклатура не забывала своих коммунистических родичей. Теперь же, когда в России сложились благоприятные условия для производства на внутренний рынок, коммунисты по-прежнему продолжают уповать на безмерное увеличение бюджетных субсидий. Субсидии же подразумевают зависимость хозяйственника от госчиновника, как это было в тоталитарные времена.

Для красных директоров было крайне важным максимальное увеличение расходов бюджета. Среди многих мифов коммунистической пропаганды, которой вторит немало видных ученых, есть расхожее утверждение о том, что бушевавшая в стране гиперинфляция была порождена политикой Гайдара-Чубайса. В действительности же, все происходило с точностью до наоборот. Обратимся к известным фактам. В апреле 1992 г. Съезд народных депутатов потребовал предоставить субсидии промышленности и сельскому хозяйству в размере 1,2 триллиона рублей, доведя бюджетный дефицит до 23% валового внутреннего продукта. В ответ правительство Гайдара объявило о своей отставке. Отставка не была принята. В качестве компромисса правительство согласилось

предоставить субсидии в размере 200 млрд. рублей с расчетом, что бюджетный дефицит составит всего 5% ВВП.

Однако требования увеличения субсидий в законодательном органе власти продолжались. Под давлением Верховного Совета Ельцин был вынужден сменить Гайдара на Черномырдина. Черномырдин, удовлетворяя требования красных директоров, санкционировал в начале 1993 г. предоставление им субсидий на многие сотни миллиардов рублей больше, чем предлагал Гайдар. В стране началась гиперинфляционная вакханалия. Ежемесячный рост цен достиг почти 30%. Годовые темпы их роста на потребительские товары составили 1354%, на средства производства – 1949%.[83]

От заоблачного взлета цен страдали все, кроме корыстных директоров и коррумпированных чиновников. Связи между ними облегчались тем, что они были давними знакомыми по совместной хозяйственной работе. Первые получали дармовые субсидии, вторые взятки за их предоставление. При этом по сравнению с прошлым размеры взяток многократно возросли вместе с многократно возросшей величиной денежных сумм, перепадавших директорам.

Дармовые бюджетные субсидии, позволявшие с прибылью распродавать обесцененные имущество и продукцию предприятий, гарантировали немедленное обогащение, тогда как производственные затраты кроме убытков сиюминутно ничего не сулили. Невероятная инфляция усугубляла скоротечное обесценение производственных фондов вообще и в рабочий период в особенности, поскольку его продолжительность из-за галопировавшего падения цен порождала одни лишь убытки.

Разумеется, это не исключало существование отдельных прибыльных отраслей, стоимость продукции которых в долларовом исчислении постоянно росла. В условиях открытости рынка доллар в России стихийно превратился в единственно твердую меру стоимости, евро тогда еще не было. Однако этот рост стоимости мало затронул ориентированные в прошлом на армию отрасли

---

[83] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 35.

обрабатывающей промышленности, для реконструкции которых требовались громадные инвестиции. Получавшим бюджетные субсидии красным директорам в погоне за сиюминутной прибылью было невыгодно за счет собственных средств перестраивать собственное производство. Сторонних же инвесторов, как мы уже отмечали, они не подпускали.

Корыстные интересы красных директоров, таким образом, тормозили проведение рыночных реформ и реконструкцию производства соответственно нуждам развитого рынка. Примечательно, что когда Гайдар отмечает просчеты своей реформы, то он обычно указывает пусть и весьма существенные частности, тогда как ее главная ущербность заключалась в том, что при ее проведении он не мог не учитывать материальные интересы руководителей предприятий, т. е. того класса, который возглавлял производство в условиях реформировавшейся экономики. С их интересами были вынуждены считаться все, кто тогда находился на вершинах политической власти.

Эти интересы были устремлены преимущественно не в сферу производства, а в сферу обращения. «Результатом проводившейся макроэкономической политики, – обоснованно указывают Н. В. Бова и В. В. Салий, – стал переток денег в сферу обращения капитала и «обезденеживание» производственной сферы... В условиях разбалансированности российской экономики произошел массовый перелив капитала из производственной сферы в сферу обращения с последующим переводом значительной его части за рубеж».[84]

Переход от тоталитарного социализма к всеобъемлющим рыночным отношениям уже сам по себе предполагает ускоренное развитие сферы обращения. Оно неизбежно и при гиперинфляции и без нее. Гиперинфляция лишь препятствует становлению другой составляющей рассматриваемого перехода – росту гражданского производства. Поэтому удовлетворение потребительского спроса происходило прежде всего за счет использовавшей международные ресурсы торговли, которая росла и за счет

[84] Бова Н. В., Салий В. В. Теневая экономика. Содержание, функции, типология. Новосибирск, 1998. С. 27.

распродажи выпадавшего из производственного процесса оборудования.

Достаточно сказать, что на оборонных предприятиях тяжелой промышленности использование производственных мощностей в первой половине 90-х гг. редко превышало 15-20% и в течение ряда лет оставалось на уровне 10%.[85] Поддержание их в рабочем состоянии постоянно требовало больших непроизводительных затрат, периодически связанных с дорогостоящим профилактическим ремонтом. В этих условиях распродажа оборудования была настоятельной экономической необходимостью. Но она использовалась красными директорами лишь для их собственного обогащения.

С этой целью они создавали коммерческие фирмы во главе со своими родственниками либо ближайшими клевретами. Фирмам по символическим ценам либо бесплатно передавались простаивавшее оборудование и материалы, которые затем по весу или объему вывозились за рубеж. Полученная же выручка (далеко не символическая) поступала на счета корпораций в оффшорах, где она оседала в банках в значительной части на личные счета директоров. Вклады в иностранные банки обеспечивали им надежную прибыль по сравнению с убытками, которые они могли понести в охваченной гиперинфляционной лихорадкой России.

Важным следствием гиперинфляции был полный развал денежного обращения, вынуждавший все предприятия, начиная с корпораций и кончая государственными структурами, использовать в своих взаиморасчетах натуральные платежи. Только в октябре 1993 г. взаимная задолженность достигла 28 триллионов рублей, которая преимущественно погашалась натурой. Денежные налоги в бюджет поступали крайне скудно.

Погашение возникавших при этом долгов невозможно было производить в официальном порядке, поскольку натуральные платежи из-за инфляции не имели денежной оценки, на основе которой долговые обязательства можно

[85] Россия после кризиса 1998. Доклад Всемирного банка//Вопросы экономики. 2001 г. 3 12. С. 76.

было бы взыскивать через суды. Их взимание становилось делом частного договора руководителей предприятий, творивших свой суд и расправу с похищением неплательщиков, членов их семей, наймом заказных убийц и т. д. Эта же практика распространялась и на устранение конкурентов. Под нее создавались собственные службы безопасности, формировавшиеся в первую очередь из бывших работников правоохранительных органов. Криминальный, фактически бандитский, беспредел был прямым следствием хозяйственной практики красных директоров.

Чудовищный рост цен вызвал обнищание не только пенсионеров и бюджетников, но и большинства рабочих. На предприятиях, где они трудились, им систематически задерживали выплату денежной зарплаты, которая в это время прокручивалась в банках. Их регулярно отправляли в принудительные отпуска, либо вынуждали существовать за счет бесплатных обедов в заводских столовых либо кредита в заводских лавках, где им предлагали самые дешевые низкокачественные продукты просроченной годности. В частности, в 1995 г. уровень жизни металлургов по сравнению с 1985 г. снизился в 2,5 раза.[86] На многих металлургических предприятиях задержка выплаты заработной платы доходила до 3-х и более месяцев.[87]

Важно и то, что указ Ельцина № 1 о социальном партнерстве и предотвращении трудовых споров (забастовок) на основе годичных решений трехсторонней комиссией – правительства, профсоюзов и предпринимателей – в условиях чудовищной инфляции не срабатывал. Указ не мог установить параметры социального мира в переживавшей кризис промышленности. Подобные соглашения возможны лишь тогда, когда происходит рост производства в обстановке предсказуемой инфляции.

---

[86] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горно-металлургической промышленности: проблемы формирования человеческого капитала.//Горно-металлургический профсоюз России в 90-е годы. Социальные проблемы и организованные действия. М.,1996. С. 10.

[87] Кацва А. М. ГМПР: опыт коллективных действий//Горно-металлургический профсоюз России в 90-е годы... С. 41-42.

В тоже время и забастовки в обстановке глубокого спада промышленного производства и большой безработицы были невозможны. «При общем сокращении производства промышленной продукции за 7 лет с 1989 г. по 1995 г. на 55%. пишет М. Э. Краморов, – производство в отраслях топливно-энергетического комплекса снизилось на 37%, цветной металлургии – на 39%, черной на 49%, в машиностроении и металлообработке – на 68% и, наконец, в легкой промышленности на 85%».[88] Забастовки в этот период были редки. Профсоюзы ограничивались в основном митингами протеста и пикетированием, чтобы привлечь внимание властей к бедственному положению занятых в промышленном производстве, требуя от правительства все новых и новых бюджетных субсидий.

Подсчитано, что в 1994 г. средний российский рабочий производил в промышленности товаров и услуг на сумму 4031 дол., в сельском хозяйстве – на сумму 1777 дол.[89] Из этих сумм производителям доставались крохи. Тем самым чрезвычайно суживался платежный спрос на потребительские товары и личные услуги, высота которого определяла пределы рынка. Последний душился на корню.

Нищенское существование рабочих обеспечивало корпорациям высокие сиюминутные прибыли, которые в значительной части оседали в карманах красных директоров. Однако, с точки зрения перестройки промышленности на базе новейших технологий, т. е. решения стратегических задач ее подъема на рыночных основах, такое хозяйствование губительно. Новые технологии могут прибыльно внедряться лишь там, где они обеспечивают более низкие издержки по сравнению с затратами при использовании рабочей силы. Когда же эти затраты мизерны, ручной труд и отсталые технологии успешно конкурируют с наукоемкими ее образцами. Достаточно сказать, что доля труда в издержках производства промышленной продукции России, по данным, приводимым Н. Шмелевым, в начале нынешнего века

---

[88] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горно-металлургической промышленности... С. 8.

[89] Blasi J. R., Kroumova V., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 24.

составляла вряд ли больше 12%, в то время как на Западе она находилась на уровне 50-60% и выше.[90]

Приведенные показатели характеризуют не только долю затрат на рабочую силу, но и косвенно – уровень массового спроса на предметы личного потребления и услуги, определяющие развитие рыночной экономики в целом. Не случайно «главным параметром регулирования в экономике США является уровень потребительского спроса среднестатистической американской семьи».[91] Чем выше определяемый массовой платежеспособностью спрос, тем шире возможности развития рыночной экономики и использования дорогостоящих наукоемких технологий.

Таким образом, экономика России к середине 90-х годов оказалась в порочном кругу: с одной стороны, ее выживание определялось порождавшим гиперинфляцию безмерным государственным субсидированием и обнищанием масс, с другой – действие этих же факторов препятствовало подъему ее гражданского производства на базе наукоемких технологий. И безмерное государственное субсидирование, и нищета масс были пережитками тоталитарной эпохи, препятствовавшими прогрессу страны.

Важным фактором, способствующим подъему производства и внедрению новейших технологий мог бы стать приток иностранного капитала, против чего с криками о распродаже страны иностранным супостатам выступали опиравшиеся на поддержку коммунистов красные директора. Как показывает международный опыт, при правильной постановке дела привлечение иностранных инвестиций даже в производстве сырья стимулирует не только его рост, но и сопутствующий ему рост обрабатывающей промышленности.

Примечательно, что в свое время этого добивался Ленин, предлагавший передать иностранным концессионерам Кривой Рог и четверть Донбасса, громадные нефтяные площади Баку, Грозного, Эмбы, Ухты, богатейшие медные

[90] См. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России. Год планеты. Политика, экономика, бизнес, банки, образование. Выпуск 2002 года. М., 2002. С. 112.

[91] Антонец Е. П. Приоритетное развитие микроэлектроники – условие возрождения российской экономики, изменения ее сырьевой ориентации//Доклад на семинаре Центра "Истина". М., 2000.

рудники, а также освоение Курской магнитной аномалии. «Архижелательно, – писал он, в частности, А. Серебровскому, – четверть Баку, а то и две четверти сдать концессионерам... Только тогда есть надежда на остальных трех или двух четвертях догнать (а затем обогнать) современный передовой капитализм. Зарубите себе и всем на носу: архижелательны концессии. Нет ничего вреднее и губительнее для коммунизма коммунистического самохвальства – сами сладим».[92] По-видимому, наши коммунисты делали зарубки не на носу, а на каком-то другом месте. До сих пор их фантазия не простирается дальше сталинских измышлений об угрозе превращения России в страну зависимую от американского империализма.

Вряд ли здесь стоит останавливаться на всех перипетиях отчаянной борьбы сторонников Ельцина с инфляцией, которую в интересах красных директоров и тех, кто рассчитывал на реставрацию тоталитарной системы, отстаивал парламент. Достаточно вспомнить, что в ее разгар утвержденный парламентом бюджет на 1993 г. вдвое превышал тот, который предлагало правительство. В этих условиях для Ельцина и его сторонников государственные краткосрочные обязательства (ГКО) были единственно доступным средством избавляться от громадного излишка обесценившихся денег.

Самое замечательное, что наша «передовая» экономическая наука до сих пор обычно трактует ГКО исключительно под углом зрения быстрого обогащения российских и зарубежных банков и просто предприимчивых спекулянтов.[93] При этом сознательно или невольно упускается из виду, что ГКО позволяли боровшемуся с инфляцией правительству Ельцина изымать из обращения громадные денежные суммы. Разумеется, это не исключало того, что банки и просто спекулянты чудовищно обогащались. В данном случае мы имели дело с данью, которую приходилось платить из-за тех, кто, опираясь на прокоммунистическое лобби, утверждал бюджет с чудовищным дефицитом.

[92] Ленин В. И. Письмо А. Серебровскому. Т. 52. С. 123.

[93] См. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России//Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 30.

Обычно Ельцину ставят в вину и дефолт 1998 г., чрезвычайно болезненно сказавшийся на положении широких масс. Но производственные интересы директората корпораций, ориентировавшихся на внутренний спрос, нередко расходятся с интересами этих масс. Первые руководствуются получением высоких прибылей, вторые удовлетворением собственных потребительских нужд. Интересы и тех и других совпадают лишь в тех случаях, когда условием увеличения прибылей становится расширение платежеспособного спроса на потребительские товары и личные услуги, что совпадает далеко не всегда. С другой стороны, без роста прибыли невозможен и рост массового платежеспособного спроса.

Если наблюдается подъем производства, порождающий дефицит кадров квалифицированных рабочих, то профсоюзы могут с успехом требовать повышения заработков, прибегая порой для этого к забастовкам. Об этом писал еще Маркс, указывая, что «в Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или иных новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущения квалифицированных рабочих».[94] Если же этих условий нет, как было в ельцинской России, где производство переживало кризис, и существовала явная и скрытая большая безработица, в том числе и квалифицированных рабочих, то корпорациям было выгодно увеличивать прибыльность за счет снижения издержек на содержание работников.

Курс Ельцина с большими муками создавал предпосылки для превращения Российской Федерации из тоталитарной страны в страну с рыночной экономикой. Неизбежность мук была неотвратима. Как мудро писал еще Энгельс, «История самая жестокая из богинь, ведущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но в периоды «мирного» экономического развития. А мы, люди, к несчастью, так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые

[94] Маркс К. Нищета философии. Ответ на "философию нищеты" г-на Прудона. Т. 4. С. 179.

представляются почти непомерными».[95] Ради мучительного прогресса мы перетерпели не один год непомерных страданий, не поддаваясь коммунистическим увещеваниям вернуться назад к завещанному Сталиным тоталитарному прошлому.

Историческая заслуга в том, что процесс перехода к развитому рынку в последние годы протекает семимильными шагами, несомненно, принадлежит Путину. Став преемником Ельцина не только по должности, но и по духу проводимой политики, ему удалось не только многого добиться из того, что его предшественник в силу объективных обстоятельств не смог осуществить, но и на деле превратить Россию в цивилизованную страну, избавляющуюся от остатков тоталитаризма.

В политике благодаря его искусным маневрам парламент из оплота антирыночных сил превратился в активного проводника рыночных реформ, которых добивается движение «Единая Россия». Обвальный уровень инфляции теперь уже окончательно преодолен, и она не только идет на спад, но и в ближайшие годы должна достигнуть минимальных показателей индустриально развитого мира.

Начался существенный рост валового внутреннего продукта, втянувший в свою орбиту машиностроение. Этому способствовали по крайней мере два обстоятельства – ликвидация окончательно поставленных вне закона натуральных платежей и целевые социальные программы, осуществляемые под руководством первого заместителя премьер-министра Д. Медведева. Обеспечивая рост доходов населения, программы создают благоприятные условия для перестройки всего производства страны на базе наукоемких технологий.

Заметно улучшился налоговый климат для притока иностранного капитала, без чего невозможно добиться быстрого подъема российской экономики на базе ресурсосберегающих технологий. Ушла в прошлое невообразимая задолженность иностранным инвесторам. Громадные золотовалютные запасы Центрального банка позволяют не только досрочно погашать долги,

[95] Письмо Энгельса. Т. 39. С. 35.

унаследованные от тоталитарного режима, но и приобретать высоколиквидные государственные долговые обязательства иностранных держав. Наконец, успешно идет процесс создания единого евроазиатского пространства государств СНГ, в котором при обязательном соблюдении суверенитета и национальных интересов всех участников Российская Федерация в силу мощности своего экономического потенциала призвана играть определяющую роль.

Путинская Россия уже в корне отличается от ельцинской. Какую бы сторону нашей макроэкономики мы не взяли, везде наблюдаем существенный рыночный подъем со своими, разумеется, большими и малыми проблемами. В новой обстановке заметно поредели ряды красных директоров. Среди них резко выросло число тех, чье производство, переориентированное на российского потребителя, стало прибыльным. А ведь именно они в недавнем прошлом составляли главную социальную опору противников глубоких рыночных преобразований. Одновременно резко сузилась массовая база левых.

Протестные выступления трудящихся в корне разошлись с коммунистическими. В прошлом вызванные беспросветностью и отчаянием их требования госсубсидий на митингах и во время пикетирования совпадали с пожеланиями красных директоров, на чем спекулировали коммунисты, выступавшие против рыночных реформ. Теперь в случаях выплаты натуральной зарплаты и ее задержек трудящиеся обращаются к властям, успешно налагающим на директоров карательные санкции в связи с нарушениями ими нового, приспособленного к развитому рынку законодательства. В итоге резко сузилась почва для выступлений масс против госаппарата, проводящего рыночную политику. Те же выступления, которые есть, происходят в тех случаях, когда власти, лоббируя корыстных директоров, сами нарушают рыночное законодательство.

В новой обстановке коммунисты окончательно утратили влияние на массы. Само коммунистическое движение переживает острейший кризис: оно расколото и раздирается острейшими противоречиями. Судя по заявлениям Зюганова, в нем насчитывается 26 организаций, начиная от КПСС и кончая РНЕ, которые время от времени объединяются для проведения совместных акций. Из них

только КПРФ сумела превысить низший предел числа избирателей, позволяющий иметь своих представителей в Государственной Думе. Но и ей далеко от того, чтобы стать основой раздираемого внутренними противоречиями коммунистического движения.

Еще недавно КПРФ гордилась тем, что она самая крупная партия Российской Федерации, насчитывавшая свыше 500 тыс. членов. Тогда ее социальной базой были красные директора. Массовый переход последних к производству товаров и услуг на внутренний рынок лишил партию Зюганова массовой классовой опоры. Ее численность тает как снег под неярким северным солнцем. В настоящее время в 15842 тыс. первичных организациях насчитывается всего 188 тыс. чел.[96] Иначе говоря, в среднем в одной первичной организации состоит не более 11 чел., в основном людей глубоко пенсионного возраста.

И здесь нельзя не согласиться с выводами В. В. Размерова, писавшего еще четыре года назад: «Едва ли основой такого (имеется в виду коммунистического – Ю. И.) движения можно считать стареющую и вымирающую КПРФ, и события весны 2002 г. вновь это подтверждают, не говоря уже о том, что помимо традиционного протестного голосования у нее за душой только эклектичная идеология наряду с архаикой старых левых лозунгов державности и шовинизма».[97]

Диалектика истории неумолима. Со временем она все беспощадно превращает в свою противоположность. Когда-то устремленное в будущее движение, считавшее, что уже созрели предпосылки для пришествия «золотого века» человечества, уже давно переродилось в движение, для которого «золотой век» коренится в прошлом изолированной от остального мира отсталой страны. О таких своих

---

[96] Доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Российской Федерации XI (внеочередному) съезду партии.//Коммунист № 1. январь- февраль 2006. С. 4.

[97] См. Размеров В. Прошлое и настоящее российского правящего класса. Год планеты... С. 176. Насколько нам известно, В. Размеров первым указал на всеобъемлющую связь современного правящего класса Российской Федерации с партийно-государственной номенклатурой коммунистических времен.

последователях еще Маркс с горечью говорил словами Гейне «Я сеял драконов, а пожинаю блох».[98]

Сегодня идеологический багаж КПРФ не имеет ничего общего с марксизмом. Уже больше десятилетия требования ее членов сводятся к призывам восстановить Советы и Советский Союз, деприватизировать собственность, сделав всеобъемлющим бюджетное финансирование народного хозяйства, и возродить военную мощь, соответствующую уровню эпохи холодной войны, когда СССР противостоял мировому сообществу развитых государств. Нетрудно заметить, что подобные требования являются основными составляющими, надо полагать, навсегда исчезнувшей в нашей стране тоталитарной системы.[99]

Как и всякие движения переживающие кризис, идеологические установки коммунистов сплошь да рядом базируются на диаметрально противоположных исходных началах. С одной стороны, они заявляют, что в современных условиях необходимо под крылом государства клонировать генетический код нэпа, с другой, – ратуют за сбережение от какой либо мутации приписываемого только русскому человеку исконного гена, воплотившегося в пресловутой «русской идее». «Русская идея», по их утверждению, отличается от национальной идеи всех стран и народов «соборностью», под которой подразумевается общинность и коллективизм, «державностью», под которой понимается патриотизм, незыблемая взаимосвязь общества и государства, а также «духовностью», тождественной воплощению высших идеалов истины, добра и справедливости, и, наконец, «народностью», равнозначную идеям православия.

О политических установках КПРФ еще более красноречиво указывают недавно сделанные в Иркутске заявления Зюганова, где он говорил: «В решениях X и XI съездов КПРФ дана характеристика сложившегося в стране режима власти как выразителя и защитника интересов крупного капитала и коррумпированного чиновничества. Маскируя свои действия патриотической риторикой, власть

[98] Маркс К. Письмо к Лафаргу. Т. 37. С. 383.

[99] См. Программа Коммунистической партии Российской Федерации//Правда. 31 января 1995 г.

упорно продолжает следовать тупиковым либеральным курсом. При этом возрастает цинизм ее действий». С точки зрения коммунистов КПРФ, курс на создание развитого рынка «ведет страну к разорению, граждан – к обнищанию, а общество к деградации и распаду».

И это действительно так, если критерием брать положение обладавших когда-то властью чиновников партаппарата. Для остальных же сегодняшние реформы благо. За время президентства Путина страна несомненно стала богаче и продолжает богатеть, жизненный уровень народных масс заметно повысился и продолжает повышаться, а общество не только не распалось, оно стало сплоченнее под лозунгами «Единой России», отстаивающей рыночный курс.

Важное место среди обвинений Зюганова занимает и то, что существующий режим «ведет откровенно русофобскую, антинациональную политику».[100] Под «русофобской политикой» Зюганов подразумевает стремление правительства России сплотить многонациональный российский народ в единую общность, не разделенную по национальным, религиозным и расовым признакам. Сам же он отстаивает традиционную для коммунистов черносотенную политику, в которой не русским нет места.

Примечательно, что зюгановский призыв «Коммунист, защищай русских» раздается именно тогда, когда РНЕ буквально объявило кровавую войну всему нерусскому населению нашей необъятной страны. В России на почве ксенофобии убито 30 чел. и совершено почти 400 нападений. «Правда» же на своих страницах с редкостным бесстыдством вторит, что подлецы, убивающие евреев, африканцев и других – это защитники России, отстаивающие ее достоинство, когда на них совершают нападения расово неполноценные люди.

Пропаганда человеконенавистнических мерзостей на улице и на страницах коммунистических изданий, предназначена исключительно для людей, не искушенных в политике. Она прикрывает притязания бывших функционеров

[100] См. Правда 17-18 апреля 2006.

КПСС, мечтающих о восстановлении своего былого статуса. В самой же Государственной Думе Зюганов и его приспешники ведут себя иначе. Как правило, высказав для порядка свои критические замечания, они дружно поддерживают предложения «Единой России», заявляя, что последняя да и сам президент лишь озвучивают их пожелания.

Фактически КПРФ стоит на пороге превращения в социал-демократическую организацию крайне левого толка, как это как это не раз случалось в странах Западной Европы. Единственное препятствие на пути этой эволюции – отсутствие признания права партийного меньшинства бороться за власть против руководящей партийной верхушки, которая по должности имеет доступ в наблюдательные советы крупнейших корпораций, распоряжается тайными поступлениями со счетов оффшорных банков, получает подачки от Б. Березовского и т. д.

Денег у руководства КПРФ еще много, о чем свидетельствуют изданные тысячными тиражами многочисленные фолианты, прославляющие сталинский тоталитаризм. Но деньги не в состоянии спасти КПРФ от углубляющегося кризиса, который становится тем более разрушительным, чем успешнее осуществляются рыночные преобразования в стране. Несмотря на предпринимаемые отчаянные усилия, компартия со своими тоталитарными притязаниями все заметнее сходит с политической сцены.

Идейный багаж КПРФ – привычные тоталитарные шаблоны, не имеющие с ничего общего с марксизмом. За примерами не надо далеко ходить. Достаточно взять подписанное Зюгановым заявление Президиума ЦК КПРФ, в котором говорится что «Великий Октябрь дал мир народам, передал землю в бесплатное пользование крестьянам, отменил сословные и классовые привилегии».[101] Здесь, что не слово, то ложь. Октябрь породил не мир, а новую не прекращавшуюся войну во имя утверждения тоталитарного коммунизма во всем мире; у крестьян изымали землю; на месте старых возникли новые сословные и классовые привилегии.

[101] См. Правда. 19 августа 2004.

Старые социальные препоны и рогатки, сменились новыми, обусловленными тоталитарной властью коммунистического директората. И это было неизбежно. В условиях преобладания свойственных тоталитаризму натуральных отношений различия в положении классов (то, что классы были, у Ленина и его сподвижников не возникало сомнений) могли фиксироваться только законом. Лишь в условиях рынка «сущность классового общества (и классового образования, следовательно), – писал еще в конце XIX в. Ленин, – состоит в полном юридическом *равенстве*, в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих».[102]

Другое дело, что при «полном юридическом *равенстве»* классовое неравенство проявляется не в законодательных ограничениях, а в том, что у одних денег меньше, у других больше. Причем, как говорится, у кого больше, тот и пан. А это в свою очередь указывает на то, что и в условиях рынка и без него у социализма возникают свои классовые проблемы, о чем разговор пойдет ниже.

Как показывает опыт Западной Европы, идейная сумятица в коммунистическом движении – объективный процесс, не зависящий от воли и сознания участвующих в нем людей. В свете этого особенно огорчает то, что указанные процессы остаются вне понимания наших многих видных ученых, исходящих из оценок происходящего и перспектив развития страны, следуя привычным для них тоталитарным представлениям, которые они десятилетиями пропагандировали с кафедр и со страниц своих изданий.

Их оценки современной действительности с упором на грядущем апокалипсисе, не отличающемся от апокалипсиса КПРФ, напоминают плач Иеремии: «Камни святилища раскиданы по всем перекресткам. Евшие сладкое истлевают на улицах, воспитанные на багрянице (праздничная одежда – Ю. И.) жмутся к навозу».[103] Что ж здания «святилищ» компартии действительно исчезли, а евшие в этих святилищах сладкое и носившие парадные

[102] Ленин В. И. Сочинения. Т. 2. Перлы народнического прожектерства. С. 476.

[103] Цит. по: Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 326.

униформы теперь действительно вынуждены жаться к презираемому когда-то простому люду.[104]

За примерами подобных плачей не надо далеко ходить. Совсем недавно, в 2001 г., Институт социально-политических исследований РАН опубликовал капитальный труд «Реформирование России: от мифов к реальности». Его авторы, например, отмечали, что с 1990 г. по 2000 г. падение промышленного производства составило почти 50%.[105] Действительно, если руководствоваться тоталитарными мерками, исходившими из того, что производство вооружений является производительным, а торговля потребительскими товарами и личные услуги – непроизводительным занятием, то указанное падение производства действительно имело место. Однако при этом совершенно упускается из вида, что в условиях рыночных отношений применение оценок тоталитарной эпохи превратилось в неблагодарное занятие, что теперь следует руководствоваться иными критериями, критериями, исходящими из оценок рыночного спроса. Тогда окажется, что за годы реформ уровень промышленного производства по сравнению с тоталитарным прошлым у нас значительно вырос, не говоря уже о показателях сегодняшнего дня.

Под углом тоталитарных выкладок авторы рассматриваемого труда оценивали и изменения в сельском хозяйстве, где, как они пишут, «миллионы гектаров выведено из оборота, преимущественно пашни. Значительно сократилось поголовье рогатого скота. Урожай собирают около 70% того, что получали на территории Российской Федерации в 1990 г. По существу речь идет об установлении нового «помещичьего» землевладения». Заключают же этот плач причитания о том, что «под угрозой находится самообеспечение России продуктами».[106]

---

[104] Чтобы облегчить положение бывших работников партаппарата, привлекая их на свою сторону, Зюганов предлагает распространить на них права участников войны и работников тыла, поскольку у них есть соответствующие медали и даже ордена. Однако его предложения не встречаю одобрения ни у Президента, ни у большинства Думы.

[105] Реформирование России: от мифов к реальности. Т. 1.М., 2001. С. 8.

[106] Там же.

Сегодня эти прогнозы выглядят смехотворно. Опостылевшая при коммунистах проблема самообеспечения России зерном сменилась другой – куда его девать. Что же касается сокращения поголовья скота и возникновение нового «помещичьего» землевладения, то это прямая «заслуга» колхозно-совхозного руководства, беспардонно распродававших имущество своих хозяйств и принуждавших крестьян арендовать землю, отказывая им в ее приватизации. Если они и есть новые русские, то выращены они не на рыночных просторах, а в хозяйствах нещадно эксплуатировавшейся коммунистами деревни.

В том же духе написан и остальной текст. «Фактически наблюдается, – пишут его авторы, – криминализация всей системы общественных отношений, разрушение и деформация традиционных для гуманистической системы ценностей... Интересы России не столько игнорируются, сколько прилагается максимум усилий для ее ослабления и даже демонтажа из-за страха возможного реванша. Последствия такой политики катастрофичны, учитывая традиционную стабилизирующую роль России на просторах Евразии, да и во всем мире».[107]

Подобные пассажи о «традиционно стабилизирующей роли России на просторах Евразии да и во всем мире» могут вызвать отклик лишь у мало сведущих в истории страны, либо сознательно ее искажающих. Россия, воплощавшая в жизнь идею мировой революции, в течение 80-ти лет дестабилизировала политическую обстановку во всем мире.

Лишь со свержением тоталитарной власти коммунистов Российская Федерация смогла стабилизировать свои отношения с окружающим а миром, но уже не на почве имманентной агрессии, а на почве расширения и укрепления рыночных связей. Посмотрев текущую статистику последних лет, сверив ее с данными о политическом и социальном состоянии России, непредвзятый читатель по достоинству может оценить горячечные видения ученых мужей грядущего апокалипсиса.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что сотрудники Российской академии наук и кафедр ведущих

---

[107] Там же. С. 10, 11.

вузов способны только кликушествовать по поводу существования отторгнувшего большевизм мира. Даже в годы тоталитарного режима были ученые и научные коллективы, которым по заданию ЦК КПСС разрешалось одобрительно толковать отдельные черты «капиталистического рынка» под углом зрения их устранения в ходе объявленного перехода к тоталитарному коммунизму. Обсуждение этих вопросов происходило в строго закрытом порядке. Публикации по ним не шли дальше отделов ЦК КПСС, либо появлялись в открытой печати с антиимпериалистическим рефреном «но народы не допустят, под откос их планы пустят».

В частности, А. Г. Аганбегян доказывал неизбежность временного отставания СССР от «капиталистических» стран с рыночной экономикой; профессор И. Г. Блюмкин выпячивал рациональное зерно в представлениях о рынке «буржуазных» идеологов, профессор А. И. Бечин отрицал абсолютное обнищание пролетариата в странах Запада. По инициативе А. С. Черняева в Институте международного рабочего движения АН СССР доказывалось, что у нас и за рубежом усложняются навыки рабочих, сопровождаясь повышением их образовательного уровня. Под руководством академика А. Г. Милейковского в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР отстаивалась мысль, что «капиталистические» корпорации не разоряют мелкие частные заведения, как традиционно утверждалось в коммунистических изданиях, а используют их в качестве интегральной части своего собственного производства.

В связи с этим Ю. Б. Кочеврин и В. Б. Рамзес, в частности, писали, что «крупные предприятия, концентрируя у себя производство основных профилирующих видов продукции, а также ряд важнейших стадий производственного процесса (начальные в химии, металлургии, текстильной промышленности, завершающие в машиностроении) в производстве мелкосерийной и уникальной продукции и в промежуточных стадиях производственной вертикали, а иногда «на выходе» готовых изделий, оставляют место для существования многочисленных мелких и средних предприятий».[108]

[108] Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1970. С. 246.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что в современных условиях мелкое предпринимательство возникает только тогда, когда корпорации сами непосредственно насаждают его сверху. Оно может и само спонтанно расти снизу, но это происходит только тогда, когда ему так или иначе удается найти нишу в сложной системе порожденных корпорациями продаж и услуг. Известно, например, что «крупные производители одежды покупают модели у мелких модельеров. Дюпон обращается к мелким фирмам в Париже и Нью-Йорке с целью разработки образцов ткани».[109]

Как бы не были ценны указанные разработки советских ученых, они до сих пор остаются лишь частичными отступлениями от пошлостей тоталитарной доктрины. В политике поисками тоталитарного социализма с «человеческим лицом» уже давно перестали заниматься. В науке же поиски рыночных истин в рамках тоталитарной парадигмы не выходят из привычных представлений о неизбежности катастроф, обусловленных рынком.

С этой точки зрения весьма типична, например, статья некоего А. А. Ковалева под претенциозным названием «Основы и принципы социализма», в которой глубокомысленно отмечается «тенденция к централизации собственности на средства производства и, в конечном счете, образованию общенародной собственности» на основе самоуправления трудящихся.[110] Так писали еще в годы октябрьского переворота, когда многоуважаемый профессор, по-видимому, еще пешком ходил под стол. Тем не менее, эти уже давно набившие оскомину тоталитарные пошлости преподносятся в качестве основополагающих принципов *современного социализма.*

Разговоры об общенародной собственности, которой, разумеется, призваны распоряжаться чины коммунистической иерархии, нужны А. Ковалеву для обоснования того, что «тождественный капитализму» рынок препятствует свободному развитию всех членов общества. «Что касается

[109] Гелбрайт Д. К. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 95.

[110] Ковалев А. Основы и принципы социализма//Коммунист. № 6 ноябрь-декабрь 2005. С. 50.

свободного всестороннего развития всех членов общества, – пишет профессор, – то он (имеется в виду капитализм – Ю. И.) всячески тормозит развитие этого процесса. Культивируется пресыщение физических и других потребностей низшего порядка, индивидуализм с образом жизни человека, ограниченного его личными интересами, что, в конечном счете, приводит к деградации личности». [111]

Пока рынок с его изобилием предметов личного потребления и услуг нигде не повлек за собой «деградацию личности». Более того, благодаря всестороннему потреблению открывается широкий простор для развития производительных сил в масштабе всего общества. На это прозорливо указывал Маркс еще тогда, когда предпосылок для рыночного социализма не было. «В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства, – писал он, – капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве, и в своем потреблении, и труд, который выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой самодеятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на месте обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически». [112]

Разумеется, почтенный профессор, проповедуя коммунистические истины, может не знать Маркса. Да и это не важно. Важно в данном случае другое. А. Ковалев протаскивает мысль, что не массовое потребление, а сосредоточенное в руках коммунистов производство должно определять развитие общества, низводя его работников до уровня не выше «обусловленных природой потребностей» с тем, чтобы изымать у них все, что они сверх того создают.

Другой лейтмотив рассматриваемой статьи – восхваление распавшегося СССР, где доля личного потребления населения в ВПП была одной из наиболее низких в мире, обеспечивая партийно-государственному

[111] Там же. С. 59.

[112] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Т. 46. Ч. 1. С. 280.

аппарату изобильную жизнь. «В СССР, – пишет А. Ковалев, – государство в основном проводило политику на всестороннее развитие всех членов общества. Об этом свидетельствует прежде всего структура затрат на личное потребление. За счет государства полностью или в большей части обеспечивалось удовлетворение потребностей в таких дорогостоящих предметах потребления и услугах первой необходимости, как жилье, коммунальные услуги, здравоохранение и др., а также в услугах, направленных на всестороннее развитие человека, как образование, культура и т. п.». [113]

Действительно, партийно-государственная номенклатура постоянно имела в изобилии все, о чем пишет А. Ковалев. Остальным приходилось влачить существование на грани ускоренного вымирания. Вот, что пишет, например, Е. Романов, о радужных, по А. Ковалеву, достижениях здравоохранения в связи с шестидесятилетней годовщиной существованием советской власти. «Не хватает больничных коек, не хватает персонала, не хватает аппаратуры, не хватает лекарств. Приведу сравнение с Западной Германией. Пропускная способность амбулаторного приема у нас в 2,3 раза меньше, сеть аптек в 4,8 раза меньше. Особенно тяжелое положение у нас в сельских местностях. Не решена проблема транспорта больных, что ведет к повышению смертности и разным осложнениям болезней. Не проводятся повсеместные профилактические мероприятия – массовые исследования для своевременного выявления заболевания раком, сахарной болезнью и т. п. Слуховые аппараты, линзы, протезы – все это дефицитные товары в нашей стране, да еще зачастую плохого качества». [114]

Разумеется, А. Ковалев, как и его предшественник, терявший нос гоголевский П. Ковалев, может на публике показывать себя человеком «хорошего, трезвого поведения и великой учености», но научная значимость написанного им убога. Тем не менее, на его опусах приходится задерживать внимание читателя. Они отражают состояние наших общественных наук, не способных, как правило, дать реальную оценку социальных последствий развития

[113] Там же . С. 60.

[114] Романов Е. В борьбе за Россию... С. 124.

рыночной экономики. Подлинные социальные изменения поддаются оценке только в том случае, если они рассматриваются в свете производства и присвоения прибавочной стоимости. Ее теория в наибольшей степени впервые была разработана Марксом. Поэтому его труды – неизбежная точка отсчета любого научного анализа социальной трансформации современного российского общества.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: МАРКСИЗМ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ МАРКСИЗМ!

После ставших достоянием гласности тоталитарных преступлений коммунистов нет ничего глупее, чем проклинать марксизм, на который постоянно ссылались творцы беспросветной жизни советского народа. Имея в лучшем случае лишь школьные знания, творившие безобразия полуграмотные политбюровские старцы не могли читать Маркса, поскольку «*научные* попытки революционизирования науки (а «Капитал» был как раз такой попыткой) никогда не могут, – как писал Маркс, – быть действительно общедоступными.[1] Его сочинения, включавшие анализ текста огромного количества сложнейших книг, были недоступны для их понимания подобно тому, как теория Эйнштейна недоступна для понимания тех, у кого для ее изучения нет специальной подготовки.

Ходячие когда-то среди коммунистов представления, будто малограмотные рабочие в состоянии понять теорию прибавочной стоимости идут еще от Ленина, который, приехав в Париж, поведал Лафаргу о том, что «в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса. И они читают Маркса? – спросил Лафарг. Читают, – ответил Ленин. И понимают? Понимают. Ну, в этом вы ошибаетесь, – заключил ядовитый француз. – Они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает».[2]

Российским рабочим, окончившим приходскую школу, а то и просто самостоятельно выучившимся читать и писать, в лучшем случае было доступно осознание того, что фабриканты богатеют за счет эксплуатации их труда. Остальное вместе с вытекавшими из этого утверждения абстракциями было выше их понимания. Для Энгельса, намучившегося с редактированием «Капитала», приведенные ленинские высказывания могли представлять интерес только

---

[1] Маркс К. Энгельс Ф. Т. 30. С. 528.

[2] Цит. по:Логинов В. Владимир Ленин. Выбор пути... С. 386.

в качестве свидетельства существования в отсталой России примитивных представлений. Неслучайно, вероятно, поэтому Ленин отказался от поездки в Лондон, чтобы его навестить, ибо уже знал о результате визита к нему своего ближайшего сподвижника Потресова. Сберегая время, Энгельс вряд ли удосужился бы вторично выслушивать наивные утверждения, которые самоуверенно вещал ему российский приезжий. Но это не самое важное.

Гораздо важнее было то, что марксову теорию прибавочной стоимости не понимали не только рабочие, но и профессиональные экономисты. Сам автор обнаруживал нестыковки ряда важнейших своих положений. Поэтому ему постоянно приходилось вновь и вновь переписывать свое, казалось бы, уже законченное 25 июля 1867 г. детище – первый том «Капитала». В январе 1866 г., когда том находился еще в корректуре, была написана рукопись «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства».[3] Рукопись вошла во второе, существенно переработанное немецкое издание 1872 г. и первое русское издание, дополненные еще одной вставкой « Форма стоимости».[4] В 1872-1875 г. был подготовлен к изданию французский вариант первого тома «Капитала», включивший в виде дополнения «Фрагменты из авторизированного французского издания 1 тома Капитала».[5] Лишь редакцию этого издания Маркс посчитал окончательной.

В указанных дополнениях вновь и вновь рассматривались противоречия, возникавшие из проведенного им анализа производства прибавочной стоимости, считавшимся Марксом лучшим из того, что было написано в «Капитале». Как известно, в письме к Энгельсу он писал: «Самое лучшее в моей книге (речь идет о «Капитале» – Ю. И.), – 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда,* смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование

---

[3] Маркс К. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства. Т. 49. С. 3-138.

[4] Маркс К. Форма стоимости. Т. 49. С. 139-166.

[5] Маркс К. Фрагменты из авторизованного французского издания 1 тома Капитала. С. 167-233.

прибавочной стоимости *независимо от ее особых форм:* прибыли, процента, земельной ренты и т. д. Исследование этих особых форм в классической политической экономии, которая постоянно смешивает их с общей формой, представляет, представляет собой Olla Potrida».[6]

При изучении марксовой постановки вопроса о прибавочной стоимости и предсказанных социальных метаморфоз, сопровождавших рождение нового общества, на наш взгляд, следует выделять два периода: 1) от появления «Принципов коммунизма» Энгельса и «Коммунистического манифеста» до появления «Антидюринга» (1847-1877 гг.), когда основоположники марксизма полагали, что частная собственность будет уничтожена, средства производства – огосударствлены, рынок труда и капитала ликвидирован.; 2) После кончины в 1883 г. Маркса, утратившего к этому времени из-за болезни свою былую работоспособность.

После его смерти практически всю оставшуюся жизнь Энгельс редактировал все три тома «Капитала» под углом зрения намеченного еще Марксом изучения общественного производства акционерных компаний. Фактически отредактированный им «Капитал» это их совместный труд, хотя везде он оставил имя только своего покойного друга.

В начальный период, когда Маркс и Энгельс приступали к разработке своих коммунистических воззрений, большинство населения западноевропейских стран составляли разорявшееся крестьяне и ремесленники, утрачивавшие прежние навыки труда. В Англии, например, вплоть до середины XIX в. большинство английских рабочих лишь временно трудились на фабриках, выполняя неквалифицированные работы. Они представляли собой деклассированные слои города и деревни, вынужденные искать новые источники существования. На фабриках они пополняли ряды разнорабочих, где машины, по утверждению Маркса и Энгельса, «все более стирали различия между отдельными видами труда и почти всюду низводили зарплату до одинаково низкого уровня».[7]

---

[6] Маркс К. Письмо Энгельсу в Манчестер (Лондон) 24 августа 1967 г. Т. 31. С. 277. Olla Potrida (лат.) – сумбур.

[7] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4. С. 432.

Именно эти разнорабочие, по их мнению, были призваны стать массовой опорой движения за ликвидацию частной торговли, обусловленной кризисами перепроизводства. «Когда весь капитал, – писал Энгельс, – все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличится в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества».[8]

Это было требованиями зарождавшегося директората, добивавшегося обладания собственностью капиталистических предпринимателей в условиях, когда рыночные отношения еще не созрели для такого обладания, когда существование рынка ассоциировалось исключительно с существованием капитализма. Неслучайно, десятилетия спустя Энгельс с одобрения Маркса подчеркивал, что, чем больше производительных сил возьмет государство в свою собственность, сохраняя при этом рынок рабочей силы, «тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем больше граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки».[9]

Когда Маркс и Энгельс в это время писали о пролетариях, то подразумевали, что те, «кто добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, – класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века».[10]

Именно с легкой руки Маркса и Энгельса по страницам коммунистической прессы пошло гулять выражение «диктатура пролетариата», тогда как на деле она

[8] Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Т. 4. С. 333.

[9] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Т. 20. С. 290.

[10] Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 322.

могла быть только диктатурой директората. Причем отношения последнего с рабочими описывались ими таким образом, что скрашивалась эксплуататорская сущность нового социального строя, который они собирались установить. Согласно их утверждениям, с экспроприацией частного капитала труд по надзору утратит «свой антагонистический характер, ибо управляющий фабрикой станет оплачиваться рабочими, а не являться «по отношению к ним представителем капитала».[11]

Подобные утверждения послужили для Ленина и Троцкого теоретическим обоснованием рождения в России тоталитарного социализма, уничтожавшего рынок, а вместе с ним и его наиболее развитый сегмент – куплю-продажу рабочей силы.

Не подлежит сомнению, что Маркс и Энгельс в своем первоначальном варианте перехода к коммунистическому обществу идеализировали будущие социальные отношения. В частности, они утверждали, что «организация труда и предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство».[12] На деле же, как показала история, зарплата в частных заведениях неизменно была выше той, которую коммунисты платили рабочим в своих огосударствленных хозяйствах.

А чего стоит, например, следующий пассаж: «Сооружение (дополненное «разрушением всех нездоровых плохо построенных жилищ и кварталов в городах») больших дворцов в национальных владениях в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков».[13] В действительности, в таких случаях большими дворцами пользовались лишь представители директората, в то время

[11] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч 1. С. 426.

[12] Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 332.

[13] Там же. С. 333.

как рабочим доставались еще более переполненные, еще более нездоровые жилища.

Став во главе государства, российские большевики впервые осуществили на практике все завещанные в «Принципах коммунизма» и «Коммунистическом манифесте» меры, довершив их в теории и на практике соединением исполнительной и законодательной власти, введением сословных привилегий и ограничений, созданием партийно-государственной иерархи и т. п. Их опыт послужил образцом для подражания приходившим к власти коммунистам отсталых аграрных стран, подавляющее большинство населения которых составляли разорявшиеся крестьяне и ремесленники.

Если бы Маркс и Энгельс ограничились только «Принципами Коммунизма» и «Коммунистического манифеста», то сегодня изучение их произведений в лучшем случае было бы лишь данью истории, данью тому, чему не стоит подражать. Но помимо этих работ, написанных в эпоху, когда капиталистическое общество еще только беременело социалистическим, Маркс и Энгельс написали «Капитал», где подробно прослежена эволюция рыночного хозяйства и обусловленные им социальные изменения в производстве и распределении прибавочной стоимости. В связи с этим любое исследование современных социальных проблем требует критического осмысления в свете проделанной ими работы.

Как известно, разработанная Марксом теория прибавочной стоимости строилась на утверждении о том, что производство на фабриках носит непосредственно общественный характер, и потому произведенные здесь трудовые затраты, являясь общественно необходимыми, сами определяют стоимость произведенной продукции. В его концепции стоимости производство определяло все, не оставляя в ней малейшего места для потребления. «Товар как *всеобщая необходимая форма продукта...* – пишет Маркс, – наглядно обнаруживается в производстве в широком масштабе, которое создается развитием капиталистического производства, в односторонности и *массовости продукта*, которая неизбежно придает ему общественный и тесно связанный с общественными отношениями характер; напротив, его непосредственное отношение в качестве потребительной стоимости к удовлетворению потребностей

производителя выступает как нечто совершенно случайное, безразличное и несущественное».[14]

В связи с этим в качестве абсолютного выражения стоимости он вслед за Рикардо предложил использовать время, затраченное на производство товара. «Общественно необходимое рабочее время, – пишет Маркс, есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда».[15]

Но временем можно измерять труд только в текущем состоянии, характеризуя продолжительность производственных процессов, в том числе и процессов обусловленных потреблением рабочей силы, тогда как стоимость, по Марксу, образует (и это верно) законченный, застывший в предметах, овеществленный труд. В отличие от труда в текучем состоянии этот труд уже лишен какой бы то ни было продолжительности. Поэтому его общественное бытие невозможно измерить временем. Сам факт его существования в общественно необходимом виде может быть обнаружен только вне производства, только вне стен фабрики, а именно в обмене товаров, где он в превращенной форме, в форме стоимости получает свое собственное выражение, отличное от воплощающей его натуральной формы товара.

Предложенное же Марксом измерение стоимости, или, говоря иначе, общественно необходимого овеществленного труда, посредством общественно усредненного рабочего времени стало возможным лишь потому, что он полагал, будто бы величина стоимости определяется исключительно самим фабричным производством, уже имеющим общественный характер.

Как известно, Маркс гордился тем, что ему удалось доказать двойственную природу содержавшегося в товаре труда, его конкретный и абстрактный характер, подчеркивая при этом, что первый создает потребительную стоимость,

---

[14] Маркс К. Капитал. Книга первая. Результаты непосредственного процесса производства. Т. 49. С. 7.

[15] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 47.

второй – стоимость. Раскрытие двойственности содержащегося в товаре труда было действительно выдающимся событием в истории политэкономии, впервые потребовавшим изучения диалектики присущих товарообмену противоречий: стоимости, обусловленной затратами абстрактного труда, и потребительной стоимости обусловленной его конкретностью. Однако сам Маркс, следуя своему исходному постулату, был не в состоянии последовательно выявить эту двойственность в своих исследованиях. Пользуясь временем для измерения величины общественно необходимых затрат овеществленного труда, он фактически подменял измерение абстрактного труда измерением его конкретных форм.

Вместе с тем, использованный им логический метод исследования, освобожденный от описаний зигзагов истории, стал подлинным прорывом в изучении диалектики противоречий, присущих стоимостным отношениям. Энгельс дал весьма точную характеристику указанного метода. «Этот метод, в сущности, является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме».[16]

Маркс, действительно, начинает исследование стоимости «в абстрактной и теоретически последовательной форме» с того, с чего начинается история товарообмена, а именно с анализа его простейшей формы в виде случайного непосредственного обмена одного товара на другой, в котором определяющие их бытие гены еще не успевают полностью раскрыться, приобретая присущие им противоположные формы.

За выведенными Марксом *выражениями стоимости*, в сущности, скрываются по- разному участвующие в обмене лица: один из них – производитель, продающий товар, другой – его покупатель. Первый у Маркса представлен товаром в относительной форме, в качестве примера которого взят

[16] Энгельс Ф. Карл Маркс. "К критике политической экономии". Т. 13. С. 497.

набивший оскомину в работах его коммунистических эпигонов холст, второй – в эквивалентной форме, в качестве примера которого избран не менее набивший оскомину в этих работах сюртук. Их подмена другой товарной чернью считалось у теоретиков тоталитарного социализма высшим проявлением творческого осмысления марксизма.

Маркс прав, указывая на то, что в непосредственном обмене товаров холст и сюртук находятся одновременно в относительной и эквивалентной форме стоимости. Однако при этом он подчеркивает, что это имеет место «для двух различных лиц и в двух, что не менее важно, различных выражениях стоимости (имеются в виду выражения: холст – сюртук и сюртук – холст, – Ю. И.), которые лишь проявляются одновременно. Для **А** его холст находится в относительной форме стоимости, товар другого, сюртук, напротив, находится в эквивалентной форме. Обратное имеет место с точки зрения **Б.** Итак, один и тот же товар никогда, даже и в этом случае, не обладает обеими формами одновременно в одном и том же выражении стоимости».[17]

Действительно, «один и тот же товар не обладает одновременно обеими формами в одном и том же выражении стоимости», что послужило отправной точкой научного изучения диалектики стоимости и потребительной стоимости. Однако подлинное единство и противоречие этих форм в одном и том же выражении стоимости далеки от тех, каких им приписывает Маркс. По Марксу, товар продавца (холст), представленный в относительной форме, играет активную роль, тогда как товар покупателя (сюртук), представленный в эквивалентной форме, играет пассивную роль. «Степени развития относительной формы стоимости, – пишет Маркс, – соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако – и это важно отметить – развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости».[18]

Таким образом, первый товар (холст) определяет способность (сюртука) быть воплощением своей стоимости. «Холст, – продолжает Маркс, – выражает свои мысли на

[17] Маркс К. Форма стоимости. Т. 49. С. 141.

[18] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 74.

единственно доступном ему товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его, холста собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равнозначен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и холст».[19] В связи с этим в рассматриваемом отношении сюртуку отводилась роль быть лишь «зеркалом», «образом» стоимости холста. Иначе говоря, по Марксу, содержание стоимости воплощал холст, тогда как сюртук служил той формой, в которой это содержание проявлялось.

Производство для него, как мы уже неоднократно убеждались, – единственный определяющий стоимость фактор, обретающий в процессе обмена отличное от рабочего времени относительное выражение. Поэтому эквивалентная форма здесь лишь пассивный результат косвенного выражения необходимого рабочего времени, затраченного общественно средней рабочей силой ткача на производство товара. Такая модель простого товарообмена фактически построена на том, что меру общественной необходимости трудовых затрат, обретающих в эквиваленте свою относительную самостоятельность, диктует исключительно само производство.

Между тем, подлинным активным началом рассматриваемого обмена является отнюдь не товар продавца, представленный, по Марксу, в относительной форме стоимости, а товар покупателя, воплощающего в *данном отношении* самостоятельное, независимое от холста бытие стоимости в образе сюртука. Лишь в ходе обмена частный труд продавца получает общественное признание в лице покупателя, измеряющего в данном случае сюртуковой плотью овеществленные для других трудовые затраты ткача. Таким образом, вопреки анализу Маркса, содержание стоимости здесь воплощает сюртук, тогда как холст служит лишь той натуральной формой, в которой это содержание проявляется.

Как справедливо указывает Маркс, уже в простом товарообмене проявляются многие дремлющие противоречия стоимости и потребительной стоимости. Но здесь они носят

---

[19] Там же. С. 61.

пока неразвитый мимолетный характер без четкой фиксации продавца и покупателя, ибо каждый из участников обмена является одновременно и продавцом и покупателем, двоякую роль каждого из которых в ее односторонности позволяет раскрыть лишь анализ места, которое они занимают в противоположных выражениях простого или случайного товарообмена, проведенного под углом зрения дальнейшего развития рассматриваемых категорий.

Как показывает история, дальнейшее развитие рассматриваемых категорий происходило по линии фиксации их односторонности в виде товара продавца на одном полюсе и денег покупателя на другом.[20] Причем по Марксу, выставленные на продажу товары в ценниках сами определяли свои общественно-необходимые затраты. Хранителю товаров, – пишет он, – приходится одолжить им свой язык или навесить на них бумажные билетики, чтобы поведать внешнему миру их цены» в виде определенных количеств золота или бумажных знаков.[21]

Несомненно, марксовый анализ диалектики отношений продавцов и покупателей носил сугубо абстрактный характер, казалось бы, не имевший отношения к политическим бурям его времени. Но этот анализ исходил из данных той стадии рыночного развития, когда общественный характер производства обнаруживался лишь в совокупности множества видов конкретного труда, сосредоточенного в мануфактурах и фабричных заведениях, где занятому в них капиталу еще предстояло подчинить своему накоплению остальные сферы экономики.

Неразвитость связанных с этим капиталом рыночных отношений, естественно, не могла не сказаться на представлениях о них автора «Капитала». Его выводы о примате производства над потреблением, иллюзорности общественно-необходимого труда заложенного в бумажных деньгах и благоприятных возможностях для введения натурального распределения послужили теоретическим обоснованием существования тоталитарного социализма.

---

[20] См. подробнее: Иванов Ю. М. Социализм каков есть. М., 2003.

[21] Маркс К. К критике политической экономии. М., 1951. С. 162-163.

Сказанное отнюдь не означает, что возникновение последнего в отсталых аграрных странах было прямым следствием указанных выводов. Появление здесь тоталитарного социализма было обусловлено независимой от них стихией классовой борьбы, что не исключало использования в ее ходе марксистских наработок в качестве исторического обоснования неизбежности рождения призванного осчастливить все человечество тоталитарного социалистического строя. Иными словами, первоначальный анализ экономических отношений послужил Марксу и Энгельсу научным обоснованием их выводов, заложенных в «Принципах коммунизма» и «Коммунистическом манифесте», которыми так восторгались российские большевики в годы военного коммунизма.

Позднее, изучая капиталистическое производство, Маркс и Энгельс выделили постоянный и переменный капитал, послужившие отправной точкой в изучении производства прибавочной стоимости. По их утверждению, и это верно, постоянный капитал не может создавать прибавочную стоимость, создание последней – привилегия только переменного капитала, в своей конкретности переносящего уже овеществленный труд на новый продукт. При этом даже тогда, когда за счет использования постоянного капитала на *какое-то время* снижаются издержки производства, увеличение нормы прибавочной стоимости происходит в результате уменьшения овеществленного в постоянном капитале труда, переносимого на единицу продукта. Такое производство прибавочной стоимости в отличие от абсолютного Маркс называл относительным.

Всякое производство одновременно является потреблением и, наоборот, всякое потребление одновременно является производством. Их полезность, будь то в предметной форме – постоянного и переменного капитала – или в форме труда – овеществленного и в текучем состоянии – по Марксу, определяется способностью создавать прибавочную стоимость. Но это не означало, что всякий труд производителен. Его марксистское различение вытекало из известного положения А. Смита, согласно которому производителен только такой труд, который непосредственно создает прибавочную стоимость. В то же

время труд, обусловленный обслуживанием личных нужд за счет доходов от прибыли и заработной платы, является непроизводительным, потому что, как полагал А. Смит, а вслед за ним и Маркс, этот труд непосредственно не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости.

С этой точки зрения, как пишет Маркс, «абсолютно установлено», что непроизводительный труд – это такой труд, «который *обменивается не на капитал,* а непосредственно на доход, т. е. заработную плату и прибыль (также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы процент и рента)».[22] Итак, Маркс, следуя А. Смиту, выделяет два личных дохода, в результате обмена на который труд, сгорая в пламени личных желаний потребителя, становится непроизводительным. Эти виды дохода – прибыль и ее рубрики, включая займы в банках для расходов на личное потребление, а также заработная плата.

Что касается труда, поглощенного личным потреблением за счет дохода от прибыли и производных от нее ренты и процента, то здесь вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что он всегда непроизводителен. На деле он не создает ничего стоящего, поскольку вообще непосредственно не связан с производством каких-либо товаров и, следовательно, стоимостей. Такой труд действительно представляет одну из форм непроизводительных издержек капитала, обусловленных существованием его владельца.

Маркс прав, когда пишет: «Как товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить в качестве средств производства и увеличения стоимости, так и труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Капиталист не превращает затраченную на них прибавочную стоимость в капитал... Буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой гражданской обязанностью и неустанно проповедовать, что не может накоплять тот, кто

---

[22] Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде. Т. 26. Ч. 1. С. 138.

проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят».[23]

Если под этим углом зрения проследить метаморфозы прибавочной стоимости в условиях тоталитарного социализма, то откроется поразительная картина: почти вся прибавочная стоимость использовалась непроизводительно, крайне сужая тем самым возможности расширения производства. Распоряжавшийся средствами производства директорат в натуральном виде поглощал львиную часть прибавочной стоимости. Таким же непроизводительным было содержание громадного аппарата насилия, призванного защищать обладавших властью партийно-государственных чиновников от протестных выступлений эксплуатируемых ими масс. Эти массы, строго говоря, не продавали свою рабочую силу. Они обязаны были трудиться из под палки при минимально низких издержках своего содержания, преднамеренно сокращавших им жизнь.

Эту же тенденцию предельной минимизации заработка рабочих в условиях капитализма подробно описал Энгельс в своей известной работе «Положение рабочего класса в Англии».[24] Не имея ничего, кроме собственных рук, проживая в грязных, крайне перенаселенных жилищах, эти рабочие еще до получки тратили полностью все, что они получили за последнюю продажу рабочей силы, после чего начиналась распродажа принадлежавшего им хлама и поиски заимодавцев. Иначе говоря, продавая рабочую силу, английский рабочий в это время не имел ни грана прибавочной стоимости.

Неудивительно, что его жизнь в первой половине XIX в. напоминала жизнь рабочего отсталой России конца XIX в. Удивляться стоит другому: к этому времени английский рабочий уже вышел из скотского состояния, на которое его обрекал капитализм, тогда как российский рабочий даже в середине XX в. пребывал в еще более мерзком состоянии и был обречен на вымирание из-за тоталитарных тягот.

---

[23] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 602.

[24] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Т. 2.

Именно наблюдения в первой половине XIX в. за жизнью западноевропейских разнорабочих вообще и английских разнорабочих в особенности послужили Марксу и Энгельсу основанием под углом зрения предстоявшего огосударствления рассматривать способность рабочего к труду как нечто само по себе первозданное, связанное с его личностью лишь в той мере, в какой последняя обеспечивает его существование, поскольку труд, как они считали, является лишь временным потреблением рабочей силы.

С точки зрения огосударствленного производства, денежные расходы рабочих были действительно непроизводительными, как и их труд для удовлетворения собственных нужд. «Наибольшая часть общества, – пишет, например, Маркс, – т. е. рабочий класс, вынуждена сама для себя восполнять этот непроизводительный труд; но она может взяться за него лишь при условии, что она предварительно поработала «производительно». Рабочий может варить мясо только в том случае, если он произвел заработную плату, которую может заплатить за мясо».[25]

Важно и то, что, согласно Марксу, не всякий фабричный труд, обмениваемый на капитал, непосредственно создает прибавочную стоимость. Он признает, что труд управляющего необходим для ее производства, но сам непосредственно не создает прибавочной стоимости. При этом, как он считал, при огосударствленном производстве указанное противоречие исчезнет, поскольку рабочие сами будут платить ему за его труд, тогда как при рыночном хозяйстве противоречие приобретает явно антирабочий характер, ибо зарплата управляющего выплачивается за счет капиталистической прибыли, создаваемой рабочим классом.

Маркс верно отмечал, что проблема оплаты управленческого персонала впервые была успешно решена А. Смитом, обобщавшим практику владельцев мануфактур. «Часть заработной платы на основе капиталистического способа производства, – указывает он, – выступает как *интегральная составная часть прибыли* (курсив мой – Ю. И.). Эта часть, как правильно установил уже Смит, выступает

---

[25] Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде... С. 148.

в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны, – от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размеры и т. д. которых допускают такое разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего».[26]

Не подлежит сомнению, что во времена А. Смита предприятия с таким разделением труда были скорее исключением, чем правилом. Иначе обстояло дело в последней четверти XIX в., когда на базе акционерного капитала множились тресты, концерны и т. п. В связи с этим Маркс и Энгельс доказывали, что по мере роста акционерных компаний производство «становится общественным», а его частнокапиталистические формы упраздняются.[27] Это дало им основание обоснованно утверждать, что «вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке».[28]

С точки зрения перехода к коммунизму, который отстаивали Маркс и Энгельс, рыночный путь представлялся тупиковым. По их мнению, даже в условиях полного огосударствления производства общество оставалось (и это было верно) классовым, в котором один класс – директорат со своими прислужниками – живет за счет тех, кто продавая рабочую силу, создает прибавочную стоимость.

Другую ущербность товарного производства они усматривали в том, что стоимость и прибавочная стоимость создавались лишь в производстве материальных благ. Торговля и услуги как они полагали, способны были лишь паразитировать, что соответствовало представлениям об этих занятиях при тоталитарном социализме, где

---

[26] Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

[27] Там же. С. 479.

[28] Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. Т. 19. С. 298-299.

производство определяло все, а личное потребление было убыточным. «Рабочая сила и рабочее время, – пишет Маркс, – должны быть в известной степени затрачиваемы на процесс обращения (поскольку он является простой переменой формы). Но теперь эта затрата представляется добавочной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. *Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости* (курсив мой – Ю. И.). Оно, pro tanto, уменьшает размеры, в которых авансированный капитал функционирует производительно»[29]

Указанные аберрации были порождены не только устремлениями к тоталитарному социализму, но и неразвитостью рынка. Они были подобны видениям того, что не земля вращается вокруг солнца, а солнце вращается вокруг земли. На самом деле первичным обладателем прибавочной стоимости всегда является не промышленный капитал, а торговый капитал, превращавший потребительные стоимости и услуги в деньги, воплощавшие общественно необходимый труд.

Фиксируя цены в соответствии с платежным спросом. Этот капитал выражал общественную значимость труда, затраченного при производстве потребительных стоимостей и услуг, выражал в денежной форме то количество овеществленного труда, которое необходимо обществу для потребления товаров независимо от того, являются ли они производственного или личного предназначения. При этом общественно-необходимые затраты труда, естественно, как правило, не совпадают с фактическими. Если они выше фактических, то излишек в первую очередь достается торговому капиталу и производителю услуг, если ниже, то в бедственном положении оказывается, прежде всего, несущий убытки собственник промышленного капитала.

Когда мы говорим, что марксизм умер, то подразумеваем, что умерли его представления о тоталитарном социализме, кратковременная в масштабах истории жизнеспособность которого определялась существованием отсталых аграрных стран. Эти представления уже нельзя воскресить, несмотря на

---

[29] Маркс К. Капитал. Т. 24. С. 151.

страстные желания их адептов. Когда мы говорим, что марксизм продолжает жить, мы подразумеваем намеченные Марксом и Энгельсом контуры развитого рыночного хозяйства, предсказанные ими возможные социальные последствия связанного с ним производства и присвоения прибавочной стоимости.

От этих предсказаний нас отделяет более века. Разумеется, во времена Маркса и Энгельса невозможно было предвидеть в полном объеме сегодняшнее состояние рыночных отношений, особенностей производства и распределения прибавочной стоимости. Тем не менее, многое из того, что происходит сегодня, можно понять лишь в ходе осмысления их наработок. Об этом убедительнее всего свидетельствует несостоятельность нынешних самодовольных сентенций тех, кто полагает, что только с них начинается подлинное понимание происходящих событий, тогда как все, что создано до их пришествия, в том числе и марксизм, есть только беспросветная череда ошибочных суждений.

Предсказанное Марксом и Энгельсом утверждение о рождении в условиях рынка общественного производства и замещение капиталистов директоратом сбылось полностью, как и сбылось полностью их утверждение о том, что в рыночной обстановке складываются новые классовые отношения в рамках непрерывно растущей единой армии наемного труда. В качестве обладателя капиталов директорат приобретает акции с целью извлечения прибавочной стоимости. Точно также могут поступать и те, кто ее создает, за счет сокращения собственного потребления. Естественно, что возможности такого приобретения акций у тех и других разные.

Вместе с тем присвоение прибавочной стоимости здесь уже перестает быть исключительной монополией директората, как это происходит при тоталитарном социализме. Определенная ее толика достается и тем, кто ее создает, поскольку потребление всех классов производится в счет кредита, предоставленного банками под определенный процент для приобретения по ипотеке дома, уплаты в рассрочку машины, мебели, домашнего оборудования и т. п. Причем размеры такого присвоения прибавочной стоимости

возрастают по мере повышения жизненного уровня тех, кто ее создает.

Другое дело, что возможности приобретения подобных кредитов у директората и тружеников, создающих прибавочную стоимость, неодинаковые, что, естественно, порождает острые социальные контрасты. Причем в рыночной обстановке, такие контрасты режут глаз. Однако они менее велики, чем при тоталитарном социализме, где создающие прибавочную стоимость обречены на вымирание, а вся прибавочная стоимость поступала в распоряжение партийно-государственного аппарата.

Зато эти контрасты не так бросались в глаза, поскольку изобильная жизнь ему принадлежащих протекала за пределами людских глаз. Как пел в свое время Галич, «За семью заборами, сторонясь людей, гонят в одиночестве фильмы про блядей», в то время как в условиях рынка ушлые журналисты, чтобы поведать миру свои изыскания, не гнушаются подглядывать в туалеты и постели преуспевающих кумиров.

Сбылась предсказанная Марксом еще в середине XIX в. и другая тенденция – тенденция исчезновения денег как таковых и превращение их в невидимые деньги, необходимые для расчетов по взаимным платежам. В отличие от товарно-денежного обращения, где сделки построены на одновременном участии реально действующих лиц, в платежных отношениях, как верно указывал Маркс, его участники до известного момента выполняют свои роли лишь идеально. Потребитель лишь по окончании определенного срока из идеального становится реальным покупателем, тогда как продавец только по истечении такого же срока в состоянии реально реализовать цену принадлежащего ему товара.

Опыт исторического развития убедительно показывает, что сфера взаимного погашения платежей через банки как в прошлом, так и теперь неуклонно расширяется, занимая сегодня доминирующее положение в системе платежных отношений. В связи с этим товарообмен и обусловленные им стоимостные отношения во все большей степени опосредуются идеальными деньгами. Подобно шагреневой коже, сфера наличных неуклонно сокращается. В прошлом взаимные платежи погашали преимущественно

крупные суммы, сегодня с использованием пластиковых карт они все решительнее внедряются у нас в розницу и услуги, предоставляемые населению.

Вместе с тем, идеальные деньги и взаиморасчеты отнюдь не ликвидируют реального платежного спроса, посредством которого осуществляется связь потребителя с производством. Более того, чем обширнее сфера взаимопогашающихся платежей и их централизация, тем больше возможностей точнее оценивать перспективы развития как потребления, так и производства не только отдельных товаров, но и общественного производства в целом, в связи с чем все действеннее становятся меры, используемые для упорядочивания возникающих между ними несоответствий. Тот кризис перепроизводства, который случился в начале 30-х гг., уже давно стал невозможен. Видениями его грядущих бедствий тешат себя лишь те, кто полагает, что рынок тормозит общественный прогресс, да вторящие им бездумные журналисты.

Как известно, Маркс, считал торговлю непроизводительным занятием, лишь транспортировку товаров он относил к занятиям производительным, поскольку она доставляла товары потребителю. Но доставка товаров потребителю не ограничивалась только транспортировкой, рекламой и т. д. Этим же занимались и все остальные звенья торговых заведений.

Сегодня снабжение товарами потребителя, принимая разнообразные формы, достигло такой степени развития, что торговля в старом виде исчезает все больше и больше. Покупатель сам выбирает товар, все чаще платя за него пластиковыми карточками, по которым в Японии уже теперь расплачиваются без посредничества кассиров. При тоталитарном же социализме с его системой негласных сословных привилегий и запрещений, соответствовавших разным рангам партийно-государственной иерархии, продавцы, отмеривающие покупки покупателей, были абсолютно необходимы.

У Маркса и Энгельса не было сомнений в том, что в условиях тоталитарного социализма развитие крупной промышленности «даст обществу достаточное количество

продуктов, чтобы удовлетворять потребности всех его членов».[30] Сегодня мы можем констатировать, что в обстановке сформировавшегося развитого рынка с его приматом платежеспособного спроса потребителя эта задача успешно решена. Теперь ограничителем уже стали не возможности производства, а платежеспособный спрос населения.

В условиях возрастающей конкуренции производителей множатся социальные потребности, требующие, как указывал Маркс «развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонне и в своем производстве и в своем потреблении». Обязательный минимум знаний постоянно растет. Сегодня официально он равен знаниям средней школы, выходящим далеко за пределы традиционного десятилетнего обучения. Не подлежит сомнению, что указанный минимум будет расти и дальше, так что не за горами и тот день, когда обязательными станут знания высшей школы.

Вместе с ростом знаний стираются грани между умственным и физическим трудом. В условиях рынка каким бы трудом ты не занимался, это твое личное дело, обусловленное притязаниями заработать деньги. Причем занимающийся физическим трудом может заработать больше занятого трудом интеллектуальным и наоборот. Все зависит от конъюнктуры рынка рабочей силы. Всякий труд стал ценен сам по себе как таковой. Таким образом, происходит стирание профессиональной однобокости интеллектуального и физического труда, о котором при переходе к коммунизму мечтали Маркс и Энгельс. Наоборот, при тоталитарном социализме указанная однобокость строго фиксировалась законами. Кадровики строго следили за тем, чтобы имевшие образование не допускались к физическим работам, работающие физически – к интеллектуальным.

Сегодня в нашу жизнь неотвратимо вторглись наукоемкие технологии, о возможность существования которых во времена Маркса и Энгельса нельзя было и мечтать. Между тем, они играют все более значимую роль в четко обозначившихся процессах перехода к коммунизму в условиях существования рынка. В частности, благодаря их

---

[30] Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 335.

использованию степень интенсификации труда возрастает настолько, что требуется постоянно сокращать рабочую неделю, ибо в противном случае происходит падение производительности труда. В результате во всех странах с развитой экономикой рабочий день неуклонно идет на убыль, оставляя все больше времени для занятий учебой, спортом, семьей, путешествиями и т. д.

Другим аспектом применения наукоемких технологий является использование роботов прежде всего в трудоемких процессах, особенно там, где существует угроза здоровью работников, а также в сфере личных услуг. В наибольшей мере их использование достигнуто в США и Японии. Зарплата здесь достаточно высокая, чтобы производить замещение, в результате чего и по этой линии физический труд вытесняется интеллектуальным. Причем, указанный процесс неуклонно интенсифицируется пропорционально совершенствованию рыночных отношений.

Наконец, компьютеризация привнесла кардинальные изменения в систему корпоративного управления. Внутри корпораций она привела к сокращению численности управленческого аппарата. Вспомним, с каким злорадством по этому поводу в свое время бездумно писали наши ученые мужи! В то же время компьютеризация позволяет давать более точные оценки перспектив продажи множащихся в условиях конкуренции видов продукции и услуг. Как показывает опыт, для этого достаточно понимания состояния рынка, умения преодолевать возникающие трудности, которые напрямую не зависят от знаний, приобретаемых в учебных заведениях.

Переход к коммунизму, о котором в лучшем случае у нас говорят как о деле отдаленного будущего, сегодня происходит на наших глазах. Детальное рассмотрение связанных с ним вопросов не входит в нашу задачу. Единственное, на что нам хотелось бы указать, это то, что переход осуществляется в условиях рынка, порождающего общественное производство. Вместе с ним неизбежно социальное неравенство и существование классов, различие между которыми определяется их разным местом в производстве и распределении прибавочной стоимости. Рождающееся коммунистическое будущее имеет собственные классовые противоречия, вытесняющие

прежние представления о бесконфликтности коммунизма. Отмеченные процессы, как мы показали, невозможно понять без наработок Маркса и Энгельса, посвященных производству и распределению прибавочной стоимости. С этой точки зрения марксизму предстоит еще долгая жизнь.

*   *
*

Научные открытия относительны. Они неизбежно содержат заблуждения. Причем, как указывал Гете, «заблуждение гораздо легче обнаружить, нежели истину. Заблуждение лежит на поверхности, и его замечаешь сразу, а истина скрыта в глубине, и не всякий может отыскать ее». Для обывателя, не интересующегося выявлением истины, история науки – скучное собрание несостоявшихся утверждений. Причем чем дальше вглубь истории, тем четче проступает несостоятельность, затмевая истинность когда-то высказанных суждений.

Рассматривая историю социальных метаморфоз России, мы старались показать, что она сопровождалась не только чередой тупиковых подходов, материализованных классовыми интересами, но и прогрессивными решениями, выводившими ее на столбовую дорогу развития человечества. Идеологами этих метаморфоз в прошлом веке были марксисты. Их суждения в череде представлений об обществе до сих пор не завершили путь от споров, ставящих под сомнение их истинность, до утверждений об их тривиальности.[1] Споры по поводу истинности марксизма не утихают. Они – неотъемлемая часть современной науки, что дает основание утверждать, что марксизм еще не стал тривиальностью, что его жизнь в науке продолжается.

В предлагаемой читателю книге мы много писали о Ленине, Марксе и Энгельсе, уделяя меньше внимания ближайшему ленинскому сподвижнику Троцкому, работы которого до сих пор остаются предметом неутихающих споров. Поэтому здесь мы считаем нужным сказать несколько слов. Это тем более необходимо, что, помимо сталинских побасенок, о нем очень мало публикуется в нашей стране.

Известно, что Троцкий, как и Ленин, был творцом тоталитарного социализма. Что не помешало ему в духе предсмертных ленинских записок решительно встать на путь борьбы с тоталитаризмом. Троцкий призывал возродить

[1] В данном случае мы по своему изложили очень верное замечание А. Пуанкаре: “Всякой истине суждено одно мгновение торжества между бесконечностью, когда ее считают неверной, и бесконечностью, когда ее считают тривиальной”.

социалистическую демократию с подлинной свободой выборов «советских» партий, воскресить профсоюзы, добиваться критики свободы, науки, искусства и т. д.[2]

Важно и то, что в борьбе с тоталитаризмом он призывал использовать рыночные инструменты. «План не может опираться, – писал он, – на одни умозрительные данные. Игра спроса и предложения остается для него еще на долгий период необходимой материальной основой и спасительным коррективом».[3] Разумеется, было бы неверно считать Троцкого рыночником. Рынок для него оставался пережитком капитализма, который вместе с его порождением – буржуазией – предстояло уничтожить. Если бы он ограничился рамками этой парадигмы, то вряд стоило сегодня упоминать его имя.

Но наряду с ней Троцкий был первым, кто выделил эксплуатирующую народ бюрократию. Ее он считал верхним привилегированным слоем в советском обществе. «Весь прогресс общественного благоустройства, – писал он, – городской техники, комфорта, культуры, искусства служит пока главным образом, если не исключительно, верхнему, привилегированному слою».[4] Троцкий верно указывал, что «по размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал капиталистические страны».[5]

Замечательно и то, что Троцкий четко охарактеризовал аграрную природу бюрократии тоталитарного социализма. Вышедшие из крестьян «победоносные командиры, – писал он, – заняли ведущие посты в местных советах, в хозяйстве, в школьном деле и настойчиво вводили всюду тот режим, который обеспечил успехи в гражданской войне. Так со всех сторон массы отстранялись постепенно от фактического участия в руководстве страной».[6] В этом он видел суть «советского Термидора, принесшего малокультурной бюрократии полную

[2] См. Гранвилл Дж. Кушнир Л. Д. Троцкий и Четвертый интернационал. М., 1993. С. 38.

[3] Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 23.

[4] Там же. С. 120.

[5] Там же. С. 106.

[6] Там же. С. 78.

независимость и бесконтрольность, а массам – хорошо знакомую заповедь повиновения и молчания».[7]

Троцкий, безусловно, знал работу Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г»., где указывалась возможность прихода социалистов к власти мирным путем. «Можно себе представить, – писал Энгельс, – что старое общество могло бы мирно врастать в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия».[8]

Конституционный путь устранения бюрократии считал возможным и Троцкий, добиваясь утверждения демократии в стране. Однако, его попытки решить проблему конституционным путем закончились крахом и в то время, пока он оставался в пределах СССР, и когда его выслали за границу.

В 1936 г. он пришел к выводу, что только новая политическая революция может устранить бюрократию от власти. В 1938 г. по его инициативе был создан IV интернационал, призванный бороться с фашизмом и распространять очищенные от бюрократизма идеи Октябрьской революции в международном масштабе. После смерти Троцкого в августе 1940 г. IV интернационал продолжал существовать, сыграв значительную роль в борьбе с фашизмом. Его жизнь продолжалась и после окончания второй мировой войны.

К сожалению, о ней мы практически ничего не знаем. Единственно, что нам случайно удалось установить так то, что в 1976 г. почетным президентом IV интернационала была основательница государства Израиль Голда Мейер. До этого с 1972 г. она была его вице-президентом.

Интернет – визитная карточка любой организации. Надеясь узнать, какие партии либо государства входят в IV интернационал, каковы его принципы и программы, мы

[7] Там же. С. 89.

[8] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 236-237.

обратились через интернет в Российский государственный архив новейшей истории. Ответа не получили. А жаль! Как бы то ни было, идеи Троцкого остаются предметом ожесточенных споров и, следовательно, им предстоит еще долгая жизнь.

Научное издание

Ю. М. Иванов

**Социальная история России
в свете трансформации
экономических отношений
в конце XIX века – начале XXI века**

Подписано в печать 04.04.2007 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 29,25. Тираж 150 экз. Заказ № 25.

Издатель Карпов Е.В.
109004, Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел./факс: 911-66-92

Отпечатано в типографии «Карпов».
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29.
Тел. 509-73-40

ДЛЯ ЗАМЕТОК